

ISSN 2307-2539

№2 (26) • 2019

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
Л.С. Марсадоллов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.,
с 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2019.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (26) • 2019

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2019

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academi-
cian, Russian Academy of Science (Russia);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publish-
ing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"
© Altai State University, 2005–2019.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Commu-
nication, Information Technologies and
Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-
65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Адамов А.А.</i> Врезной замок с городища Искер (новые находки)	7
<i>Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф.</i> Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай)	15
<i>Ташак В.И.</i> Археологическое местонахождение Слоистая Скала в Западном Забайкалье: новые данные о культуре хэнгэрэктэ	35
<i>Шалагина А.В., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А.</i> Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии	47

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Виноградов Д.А.</i> История изучения курганных могильников Красноярской лесостепи ..	61
<i>Ковалевский С.А., Автушкова А.Л.</i> История изучения комплекса археологических памятников Красный Яр-1	73

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Мерц И.В., Федорук О.А.</i> К проблеме этнокультурного развития населения Западной Кулунды в раннем бронзовом веке (технологический анализ керамики поселения Баргана)	83
<i>Поляков А.В.</i> Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин	91

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.</i> Материалы могильника Кызылтау как отражение срубного компонента в формировании раннеалакульских древностей Центрального Казахстана	109
<i>Ломан В.Г.</i> Каратугай – могильник финала эпохи бронзы	131
<i>Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужиназаров М., Козай С.А.</i> Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность	153
<i>Табарев А.В., Серовец Г.В.</i> Комплекс ранних захоронений в пещере Ниа (Борнео) и проблема многообразия погребальных традиций в островной части Юго-Восточной Азии	167

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А.</i> Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлюоресцентный анализ	179
--	-----

ХРОНИКА

<i>Liangren Zhang, Alexey A. Tishkin.</i> The third International Conference “Archaeology and Conservation along the Silk Road”	188
<i>Список сокращений</i>	195
<i>Сведения об авторах</i>	196

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Adamov A.A.</i> Mortise Lock from the Isker Hillfort (New Findings)	7
<i>Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F.</i> Burial With Two Horses Dated By the Epochs of the Turkic Kaganats from the Gornyi-10 Necropolis (Northern Altai)	15
<i>Tashak V.I.</i> Archaeological Site Sloistaya Skala in the Western Transbaikalia: New Data on the Khengerekte Culture	35
<i>Shalagina A.V., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Kulik N.A.</i> Leaf-Shaped Bifaces in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia	47

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

<i>Vinogradov D.A.</i> The History of Research of the Krasnoyarsk Forest-Steppe Burial Mounds	61
<i>Kovalevsky S.A., Avtushkova A.L.</i> The History of the Study of the Krasny Yar-1 Archaeological Complex	73

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Merts I.V., Fedoruk O.A.</i> To the Problem of the Ethnocultural Development of the Population of Western Kulunda in the Early Bronze Age (Technological Analysis of the Ceramics of the Bargana Settlement)	83
<i>Polyakov A.V.</i> Overview of the Results of the Initial Stage of Paleogenetic Research Into the Population of the Minusinsk Hollow in the Bronze Epoch	91

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Kukushkin A.I.</i> The Materials of the Kyzyltau Burial Ground as the Reflection of the Srubnaya Culture Component in the Formation of Early Alakul Antiquities of Central Kazakhstan	109
<i>Loman V.G.</i> Karatugai – the Burial Ground of the Final Bronze Age	131
<i>Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok I.G.D., Szymczak K., Khuzhinazarov M., Kogai S.A.</i> Searching of the Paleolithic Sites in the Akhangaran River Valley: History and Our Time	153
<i>Tabarev A.V., Serovets G.V.</i> Complex of Early Burials in Niah Cave (Borneo) and the Problem of Funeral Traditions Diversity in Island Southeast Asia	167

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Gorbunov V.V., Tishkin A.A.</i> Metal Plates in the Form of Warriors-Riders from the Srostyki-I Site: History of Research, New Information and X-Ray Fluorescence Analysis	179
---	-----

CHRONICLE

<i>Чжан Л., Тушкин А.А.</i> Третья Международная конференция «Археология и консервация на Шелковом пути»	188
<i>Abbreviations</i>	195
<i>Authors</i>	196

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.2(571.1/.5)

А.А. Адамов

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия

ВРЕЗНОЙ ЗАМОК С ГОРОДИЩА ИСКЕР (новые находки)*

Целью статьи является введение в научный оборот уникальной находки, обнаруженной на археологическом памятнике городище Искер, – железного врезного замка. Актуальность исследования обусловлена тем, что врезные замки, как правило, сохраняются плохо и в целом были распространены не так широко, как навесные, а в редких публикациях отсутствует подробное описание сохранившихся деталей. Замок с Искера отличается хорошей сохранностью, что позволило подробно рассмотреть механизм запора и сделать его детальную реконструкцию. На основе рассмотренных аналогий сделан вывод, что обнаруженный замок по своим конструктивным особенностям схож с замками, распространенными в Восточной Европе и в Сибири в XV–XVII вв., отличаясь от последних особым устройством ригеля. Эта особенность в устройстве ригеля позволила сделать вывод о том, что замки изготавливались местными кузнецами. Неоднородные находки частей внутренних замков на Искере свидетельствуют о том, что в быту горожане использовали сундуки, в которые врезались замки двух разных конструктивных схем. Это позволило дополнить имеющуюся классификацию выделением двух вариантов замков, которые ранее рассматривались в рамках единого типа внутренних цельнометаллических замков.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Искер, материальная культура, сибирские татары, врезной (нутряной) замок.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-01

Введение

Замок – устройство для запираения чего-либо на ключ (по С.И. Ожегову) стал широко распространяться в Восточной Европе с рубежа IX–X вв. [Кудрявцев, 2016, с. 114]. Стройная классификация замков на основе археологических материалов из Новгорода была создана Б.А. Колчиным [1959, с. 78], который разделил замки на съемные (висячие) и неподвижные. Замки неподвижные (нутряные) по конструкции и материалу подразделялись на три вида: деревянные, комбинированные (из металла и дерева), цельнометаллические [Колчин, 1959, с. 86]. Несмотря на то что со времени создания первой классификации прошло много лет и рассмотрение всех металлических нутряных замков в рамках только одного типа (без подразделения на варианты) выглядит на сегодняшний день анахронизмом, ее придерживаются авторы и в современных публикациях [Кудрявцев, 2012, с. 119; Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 254, 255], и объясняется такое положение тем, что врезные замки сохраняются плохо и были распространены не так широко, как висячие, так как последние являлись более надежными [Кудрявцев, 2012, с. 119, 120]. Действительно, находок нутряных замков, по которым можно детально представить конструкцию запорного механизма, совсем немного. А в редких публикациях врезных замков зачастую отсутствует подробное описание сохранившихся деталей механизма, но и по имеющимся сведениям понятно, что металлические замки имели разные конструктивные особенности и ставились не только на сундуки, ларцы и двери.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы №0408-2019-0008 Рег. №НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».

О замках с городища Искер

Городище Искер, столица Сибирского ханства, расположено на высоком (до 60 м) мысу, образованном р. Сибиркой и Иртышом, в 17 км выше устья р. Тобол. Площадка городища уже практически полностью осыпалась в результате размывания террасы Иртышом. Металлические замки с городища Искер, как характерная черта быта горожан, уже привлекали внимание исследователей. Находки обломков замков и ключей содержатся в публикациях В.Н. Пигнатти [1915, табл. 4.-9, 10], А.М. Тальгрена [Tallgren, 1922, pl. III.-14, 16, 17], А.А. Адамова [2000, рис. 25.-18], С.Ф. и Ф.С. Татауровых [2016, рис. 4.-5–7, 9]. В 2017 г. была опубликована монументальная монография, посвященная городищу Искер [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017]. Большая ее часть посвящена разбору предметов материальной культуры, хранящихся в Тобольском музее-заповеднике и собранных в основном в дореволюционное время усилиями многих тобольских краеведов. Кроме того, в книге произведен анализ более 500 находок из сборов конца XIX в. тобольского художника-краеведа М.С. Знаменского, которые представлены в рисунках его альбома, хранящегося в Тобольском музее-заповеднике. Уральский исследователь, опираясь на классификацию Б.А. Колчина, в материалах городища Искер выделил три типа нутряных замков. Первый – цельнодеревянные замки с предохранителями-«желудями», удерживавшими деревянный засов, и металлическими ключами [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 254]. Вывод о существовании таких замков у сибирских татар А.П. Зыков сделал на основе двух «ключей», выделенных из коллекции артефактов Тобольского музея-заповедника [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 116.-1, 2]. Принять атрибуцию железных предметов, представленных на рисунке, как «ключей» от замков с «желудями», не позволяет их принципиальное различие с ключами от таких замков, широко представленных в литературе [Колчин, 1959, рис. 71; Овсянников, Пескова, 1982, рис. 3.-26, 27; Хорошев, 1997, табл. 7.-4–7; Кудрявцев, 2012, рис. 2].

Второй тип, выделенный А.П. Зыковым, – комбинированные замки с деревянным засовом, железным пружинным механизмом в деревянном корпусе и ключом [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 254]. Однако, как и для первого типа замков, находки, относящиеся ко второму типу, среди материалов городища Искер отсутствуют. Ключи, которые использовались для открывания таких замков [Колчин, 1959, рис. 73; Овсянников, Пескова, 1982, рис. 3.-18, 19; Хорошев, 1997, табл. 7.-12–16, 19–23; Кудрявцев, 2012, рис. 2], не похожи на опубликованные ключи с Искера [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 116.-3–12, 14], что признает и автор выделяемого типа [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 254, 255].

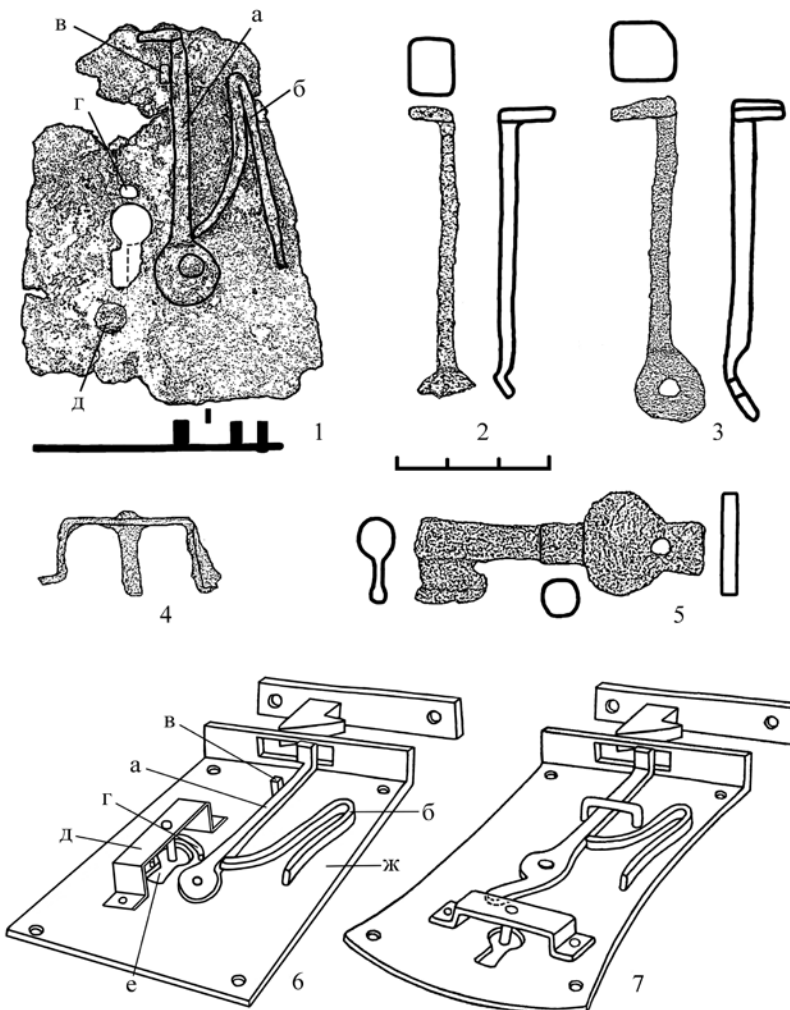
К третьему типу, как и Б.А. Колчин 60 лет назад, А.П. Зыков отнес все цельно-металлические замки с Искера, запирающиеся ключами с трубчатым стержнем и прямоугольной бородкой [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 255]. Их конструкцию и принципы работы А.П. Зыков не рассматривал, отметив только, что, судя по размерам ключей, такие замки использовались для запираения как сундуков и ларцов, так и дверей [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, с. 255, 256].

Таким образом, в монографии «Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование)» ко времени существования Сибирского ханства было отнесено два типа замков, о существовании которых не свидетельствует ни один артефакт. К третьему отнесены все металлические замки и детали от них, имевшие разные системы запора и использовавшиеся для принципиально разных изделий. Это врезавшиеся

ся в сундуки или ларцы замки, запиравшиеся накладкой с петлей, которая крепилась к верхней крышке сундука [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 27.-22, 40], и накладные замочки от сумок-кошельков [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 27.-35–38].

Врезной замок с Искера (находка 2017 г.)

Несмотря на огромное количество артефактов, собранных на городище Искер в дореволюционные годы, не все типы замков, бытовавших на Искере, можно было полноценно охарактеризовать на их основе. Городище Искер – памятник, разрушающийся в результате естественных процессов (водами Иртыша). Уже много лет каждую

Врезной замок с городища Искер: 1 – замок, а – ригель, б – пружина, в – стержень, г – отверстие, д – заклепка; 2 – ригель (раскоп 4, №80); 3 – ригель (ТМ КП 6172); 4 – упорная скоба для ключа (ТМ КП 6160); 5 – ключ (раскоп 4, №75); 6 – реконструкция врезного замка с Искера, а – ригель, б – пружина, в – упор для ригеля, г – «гребенка», д – упорная скоба, е – замочная скважина, ж – пластина; 7 – реконструкция замка из Московского Кремля (по: [Розенфельд И.Г., Розенфельд Р.Л., 1959])

осень после спада воды автор проводит сборы археологических артефактов непосредственно под Искером. Среди находок 2017 г. выделяются остатки достаточно хорошо сохранившегося врезного (нутряного) замка.

Находка представляет собой железную подпрямоугольную пластину со скважиной для поворотного ключа (рис.-1). Максимальные размеры пластины 7,64×5,85 см, толщина до 1,15 мм. Пластина сохранилась не полностью, верхняя перпендикулярная планка отломана. На внутренней стороне замка сохранился механизм запора. Он представлен ригелем Г-образной формы из железного стержня (большое плечо) прямоугольного сечения. С одной стороны он заканчивался круглой плоской шайбой для крепления к пластине замка на заклепке, с другой стороны – перпендикулярной прямоугольной пластиной размером 9,14×7,66 мм. Длина крюка 5,52 см (рис.-1а). Нам известны еще два аналогичных ригеля, которые были ранее обнаружены на Искере. Один – из дореволуционных сборов, хранящийся в Тобольском музее-заповеднике под инвентарным номером ТМ кп 6172 (рис.-3). Ригель опубликован А.П. Зыковым как ключ [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 116.-13]. Другой (рис.-2) обнаружен на городище Искер в результате наших работ в 2008 г. (находка №80, раскоп 4). Ход ригеля влево (к замочной скважине) был ограничен небольшим подпрямоугольным стержнем, приклепанным перпендикулярно к пластине (рис.-1в). Сохранилась и стальная пружина, служившая для фиксации ригеля в крайнем левом положении. Пружина прямоугольного сечения, в виде «галки», была приклепана к пластине (рис.-1б).

Замки подобного типа закрывались с помощью запорного крюка, который крепился к крышке сундучка, он представляет собой массивный стержень с треугольным окончанием и массивным «зубом» (рис.-7). При закрывании окончание крюка надавливало на площадку ригеля, который отходил в сторону, сдавливая пружину. Дойдя до уступа «зуба», площадка ригеля защелкивалась под действием пружины, чем и осуществлялось запираение. Открывание было возможным поворотным ключом, который вставлялся в замочную скважину, расположенную у рассматриваемого замка с Искера сбоку от ригеля. Ключ своей бородкой надавливал на большое плечо ригеля, сжимая пружину и освобождая «зуб» крюка.

Небольшое отверстие, расположенное сверху от замочной скважины (рис.-1г), – это отверстие от заклепки, которой с внутренней стороны замка крепилась небольшая железная прямоугольная проволока («гребенка»), служившая препятствием для поворота бородки ключа. Только ключ, в бородке которого сделан пропилен, совпадающий по месту и форме с расположением «гребенки» (рис.-5), мог сделать поворот против часовой стрелки и тем самым открыть запор. Остатки еще одной заклепки (рис.-1д) сохранились чуть ниже замочной скважины; возможно, с ее помощью крепился железный упор для поворотного ключа. Упорная скоба со штырьком для ключа в виде буквы «П» (рис.-4) известна среди находок, собранных на Искере (коллекция Тобольского музея-заповедника, инвентарный номер ТМ кп 6160). Фрагмент железного замка с сохранившейся упорной скобой был ранее обнаружен на Искере М.С. Знаменским [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 27.-22]. Нами сделана реконструкция механизма врезного замка с Искера (рис.-б), где восстановлена форма железной пластины (рис.-бж), представлены Г-образный ригель без короткого плеча (рис.-ба), пружина (рис.-бб), упор для ригеля (рис.-бв), «гребенка» (рис.-бг), упорная скоба для ключа (1.-бд), замочная скважина (рис.-бе).

Аналогии

В литературе близкие по принципу работы механизмы врезных замков описаны И.Г. и Р.Л. Розенфельдами [1959, с. 119, 120, рис. 52.-1, 2, 4, 5] (рис.-7) которые считали, что такие замки появились в XV в. и просуществовали до конца XVII в. Еще один врезной замок с подобным механизмом, происходящий с территории Московского Кремля, из слоя 2-й половины XIV – XV в., был опубликован А.М. Колызиным [2004, рис. 5.-1]. Он достаточно хорошо сохранился. Сундук, на который крепился данный замок, был открыт с помощью грубой силы, а не ключом, при этом зуб крюка, крепившийся к крышке сундука, был отломан и так и остался в механизме замка [Колызин, 2004, рис. 5.-1]. Г-образный ригель замка после крепежной шайбы имел еще и короткое плечо (как и на замках, опубликованных И.Г. и Р.Л. Розенфельдами), ниже которого располагалась замочная скважина, чтобы бородка поворотного ключа, надавливая на короткое плечо, отводила в сторону ригель, чем и осуществлялось открывание.

А.М. Колызин [2004, с. 140], публикуя замок, считал, что он «с секретом» и открывался железным шилом, для которого имелось небольшое круглое отверстие немного в стороне от ложного отверстия для ключа. Однако для такого вывода нет оснований. Замочная скважина расположена как раз под коротким плечом ригеля, что позволяет бородке ключа надавливать на него. «Ложной» она могла быть, только если бы короткого плеча не существовало (как на замке с Искера), тогда, сколько ни поворачивай ключ, надавить на ригель не получится. Отверстие сбоку от замочной скважины образовалось после того, как отпала гребенка, крепившаяся на заклепку (точно так же, как на замке, обнаруженном нами на Искере в 2017 г.).

Врезной замок, датирующейся 1-й третью XVII в., полностью аналогичный московским, был обнаружен в Западной Сибири на городке Монкысь урий. У него имелся Г-образный ригель с коротким плечом [Кардаш, Визгалов, 2015, рис. 2.3.19.-1]. На пластине замка хорошо сохранился механизм, предотвращающий открывание замка практически любым ключом. Он представлен скобкой со штырьком, служившей ограничителем для глубины вхождения ключа, и «гребенки» из прямоугольной проволоки, выгнутой полукругом [Кардаш, Визгалов, 2015, рис. 2, 3, 19.-1] и совпадающей с пропилом на бородке ключа, обнаруженного здесь же [Кардаш, Визгалов, 2015, рис. 2, 3, 19.-3].

Правда, при публикации графической реконструкции сундука из городка Монкысь урий замок показан перевернутым запорным механизмом вниз, а ключевой скважиной вверх [Кардаш, Визгалов, 2015, рис. 2, 3, 19.-51], что не позволяло бы такому сундуку закрываться.

Фотография железной пластины от врезного замка была опубликована в монографии Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича [2008, рис. 156.-5]. У находки из г. Мангазея просматривается Г-образный ригель, но не понятно, имелось ли у него короткое плечо, так как на пластине замка, не расчищенной от ржавчины, осталась замочная скважина.

Конструктивная особенность замка с Искера

Таким образом, на Искере был обнаружен замок, по основным конструктивным особенностям схожий с замками, распространенными в Восточной Европе в XV–XVII вв. и в Сибири в XVII в. Несмотря на аналогичный механизм работы таких замков, на Искере кузнецами была воплощена несколько отличная от приведенной в ли-

тературе конструктивная схема работы врезного замка от сундука. Подобные замки врезались в верхнюю часть стенки сундука так, чтобы их верхняя планка была вровень с краем стенки. В замке с Искера верхняя железная перпендикулярная планка оказалась обломана. Запорный крюк, крепившийся к крышке сундука, запирался на ригель. Эта схема была одинаковой для всех замков подобного типа. Но на Искере отличался ригель. Он не имел короткого плеча после шайбы, как московские [Розенфельд И.Г., Розенфельд Р.Л., 1959, с. 119] и с городка Монкысь урий, на которое и давит бородка ключа при открывании замка, поэтому у них замочная скважина располагается ниже ригеля. На замке с Искера отверстие для ключа располагалось сбоку от ригеля и бородка ключа давила непосредственно на большое плечо (рис.-6). Причем такая схема открывания замков, судя по найденным ригелям, на Искере преобладала.

Замки с подобной схемой, когда бородка ключа давит на длинное плечо ригеля, были известны и восточноевропейским кузнецам, но, судя по всему, применялась редко. Аналогичная схема была применена в одном замке, обнаруженном в Москве, но он отличался от обычных замков тем, что его устройство состояло из двух, совмещенных в одном изделии, различных по конструкции запорных механизмов [Розенфельд И.Г., Розенфельд Р.Л., 1959, рис. 52.-2]. Позже, в XVII–XVIII вв., русские мастера изготавливали врезные замки для сундуков совсем с другой конструктивной схемой, в которой применялись Т-образные ригели [Зиняков, 2012, с. 109, рис. 2.-2, 3].

Заключение

Находки, обнаруженные на Искере в XXI в., и материалы, собранные в дореволюционный период, свидетельствуют о том, что в быту горожане использовали сундуки с врезными замками двух вариантов. Первый вариант – замки с ригелем в виде засова с пружиной и выступами, на который давит бородка поворотного ключа, закрывающиеся с помощью подвижной накладки с петлей, крепившейся на крышке сундука [Зыков, Косинцев, Трепавлов, 2017, рис. 27.-22]. Второй вариант – замки с Г-образным ригелем без короткого плеча, открывавшиеся ключами, бородка которых давит на большое плечо ригеля. Неодинаковые находки таких замков свидетельствуют, что подобная схема воплощалась в металле в конце XV – XVI в. местными кузнецами, которые удовлетворяли широкие слои сибирских татар в изделиях из черного металла.

Библиографический список

- Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск : ОмГПУ, 2000. 95 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
- Зиняков Н.М. Тобольские замки XVII–XVIII вв.: разновидности механизмов и технология производства // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 4. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 106–117.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука, 2017. 559 с.
- Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. Екатеринбург : Караван, 2015. Т. I : Археологические исследования. 448 с.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технологии) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120. (МИА. №65).
- Кользин А.М. Средневековые ключи и замки из Московского Кремля (по данным археологических исследований) // Российская археология. 2004. №4. С. 135–141.

Кудрявцев А.А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // *Российская археология*. 2012. №4. С. 119–124.

Кудрявцев А.А. О появлении замков и ключей в Древней Руси // *Российская археология*. 2016. №1. С. 114–122.

Овсянников О.В., Пескова А.А. Замки и ключи из раскопок Изяславля // *Краткие сообщения института археологии*. 1982. Вып. 171. С. 93–99.

Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Вып. XXV. Тобольск : Типография Епархиального Братства, 1915. С. 1–43.

Розенфельд И.Г., Розенфельд Р.Л. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV–XVII веков // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1959. Вып. 77. С. 119–121.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. №2 (33). С. 77–85.

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // *Древняя Русь. Быт и культура*. М. : Наука, 1997. С. 14–17.

Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. XXIX: 4. Helsinki – Helsingfors, 1922. P. 2-29. Pl. I–VI.

References

Adamov A.A. Arheologicheskie pamyatniki goroda Tobol'ska i ego okrestnostej [Archaeological Sites of the City of Tobolsk and its Surroundings]. Tobol'sk ; Omsk : OmGPU, 2000. 95 p.

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeya: novye arheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg ; Nefteyugansk : Magellan, 2008. 296 p.

Zinyakov N.M. Tobol'skie zamki XVII–XVIII vv.: raznovidnosti mekhanizmov i tekhnologiya proizvodstva [Tobolsk Locks of the 17th – 18th Centuries: Varieties of Mechanisms and Production Technology]. AB ORIGINE: arheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 4 [AB ORIGINE: an Archaeological and Ethnographic Collection of Tyumen State University. Issue 4]. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. Pp. 106–117.

Zykov A.P., Kosincev P.A., Trepavlov V.V. Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arheologicheskoe issledovanie) [The City of Siberia – Isker Settlement (historical and archaeological research)]. Moskva : Nauka, 2017. 559 p.

Kardash O.V., Vizgalov G.P. Gorodok Monkys' urij: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekah (po rezul'tatam kompleksnogo arheologicheskogo issledovaniya): v 2 t. [The Town of Monkys Uriy: to the History of the Population of the Great Yugan in the 16th – 17th Centuries (according to the results of a comprehensive archaeological research) : in 2 volumes]. Ekaterinburg : Karavan, 2015. Vol. I : Arheologicheskie issledovaniya. 448 p.

Kolchin B.A. Zhelezoobrabatyvayushchee remeslo Novgoroda Velikogo (produkcija, tekhnologii) [The Ironworking Craft of Novgorod the Great (products, technologies)]. Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ekspedicii. T. II [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. Pp. 7–120. (MIA. №65).

Kolyzin A.M. Srednevekoveye klyuchi i zamki iz Moskovskogo Kremlya (po dannym arheologicheskikh issledovanij) [Medieval Keys and Locks from the Moscow Kremlin (according to archaeological research)]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2004. №4. Pp. 135–141.

Kudryavcev A.A. Hronologiya zamkov i klyuchej srednevekovogo Novgoroda (po materialam Nerevskogo raskopa) [Chronology of Locks and Keys of Medieval Novgorod (based on materials from the Nerevsky excavation site)]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2012. №4. Pp. 119–124.

Kudryavcev A.A. O pojavlenii zamkov i klyuchej v Drevnej Rusi [On the Appearance of Locks and Keys in Ancient Russia]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2016. №1. Pp. 114–122.

Ovsyannikov O.V., Peskova A.A. Zamki i klyuchi iz raskopok Izjaslavlya [Locks and Keys from the Excavation in Izyaslavl]. Kratkie soobshcheniya instituta arheologii [Brief News from the Institute of Archaeology]. 1982. Issue. 171. Pp. 93–99.

Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo Settlement)]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya. Vyp. XXV* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum. Issue XXV]. Tobol'sk: Tipografiya Eparhial'nogo Bratstva, 1915. Pp. 1–43.

Rozenfel'd I.G., Rozenfel'd R.L. O nekotorykh konstrukciyakh moskovskih navesnyh i vreznyh zamkov XIV–XVII vekov [On Some Designs of Moscow Padlocks and Mortise Locks of the 14th – 17th Centuries]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury* [Short Reports from the Institute of the History of Material Culture]. 1959. Vol. 77. 1959. Pp. 119–121.

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Arheologicheskie kollekicii s Iskera: novyj vzglyad na pamyatnik [Archaeological Collections from Isker: a New Look at the Site]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. №2 (33). Pp. 77–85.

Horoshev A.S. Zamki, klyuchi i zamochnye prinadlezhnosti [Locks, Keys and Lock Accessories]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Ancient Russia. Life and Culture]. Moskva : Nauka, 1997. Pp. 14–17.

Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. XXIX: 4. Helsinki – Helsingfors, 1922. Pp. 2–29. Pl. I–VI.

A.A. Adamov

*Tobolsk Complex Scientific Station of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia*

MORTISE LOCK FROM THE ISKER HILLFORT (new findings)

The purpose of the article is introduction to the scientific turnover of a unique find discovered on the archaeological site of the Isker hillfort – an iron mortise lock. The relevance of the study is conditioned by the fact that mortise locks, as a rule, are poorly preserved and, in general, were not as widespread as padlocks, and in rare publications there is no detailed description of the remaining parts. The lock from Isker is distinguished by good preservation, which made it possible to examine in detail the mechanism of locking device and to make its detailed reconstruction. On the basis of considered analogies, it was concluded that the lock, in its design features, is similar to the locks popular in Eastern Europe and Siberia in the 15th – 18th centuries, differing from the latter by a special latch device. The difference in the latch device led to conclusion that the locks were made by local blacksmiths. Multiple findings of parts of interior locks in Isker show that in everyday life citizens used trunks fitted with locks of two different design schemes. This made it possible to supplement the existing classification by emphasizing two variants of locks, which were previously considered within the framework of a single type of interior all-metal locks.

Key words: Siberian Khanate, Isker, material culture, Siberian Tatars, mortise (interior) lock.

УДК 902(571.150)

Н.Н. Серегин¹, М.Т. Абдулганеев, Н.Ф. Степанова^{1, 2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПОГРЕБЕНИЕ С ДВУМЯ ЛОШАДЬМИ ЭПОХИ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ГОРНЫЙ-10 (Северный Алтай)*

Статья посвящена введению в научный оборот материалов раскопок могилы-10 некрополя Горный-10, расположенного в Красногорском районе Алтайского края. Представлена подробная характеристика результатов исследований, включающая описание зафиксированного погребального обряда и обнаруженного сопроводительного инвентаря. Установлено, что анализируемый комплекс демонстрирует как общие характеристики, традиционные для населения Лесостепного Алтая в эпоху Тюркских каганатов, так и ряд редких показателей. К числу последних относится такой элемент обряда, как захоронение двух лошадей – единственный на сегодняшний день случай, отмеченный в памятниках региона начала раннего Средневековья. Более «стандартными» признаками ритуала являются ориентировка умершего человека в северо-западный сектор горизонта и помещение рядом собаки. Можно предположить довольно высокое прижизненное положение умершего человека в социуме, о чем свидетельствуют не только обозначенные показатели обряда, но и представительный предметный комплекс. Анализ инвентаря позволяет определить датировку могилы-10 в рамках конца VI – VII в. н.э. Уточнение хронологии данного объекта связано с дальнейшей обработкой и интерпретацией материалов раскопок некрополя Горный-10.

Ключевые слова: раннее Средневековье, некрополь, Лесостепной Алтай, погребальный обряд, хронология, Тюркские каганаты.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-02

Введение

История исследования археологических комплексов Лесостепного Алтая начала раннего Средневековья насчитывает уже более 100 лет [Казаков, 2014, с. 65–77]. Тем не менее до сих пор многие вопросы, связанные с изучением сложных этнокультурных и социально-экономических процессов на периферии кочевых империй Центральной Азии, остаются дискуссионными. Одной из причин этого остается ограниченный объем сведений о раскопанных погребальных комплексах рассматриваемого региона эпохи Тюркских каганатов. Вместе с тем именно данная группа объектов, с учетом полного отсутствия письменных источников и известной специфики поселенческих памятников, представляет собой основу для исторических реконструкций. Традиционно особое значение для изучения процессов взаимодействия населения Лесостепного Алтая с более южными территориями, непосредственно включенными в состав империй тюрков, имеют единичные погребения с конем.

К настоящему времени известно лишь несколько некрополей, на которых изучена серия грунтовых захоронений 2-й половины VI – 1-й половины VIII в. [Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 245–246; Савинов, 2000; Горбунов, Рудометов, 2003, с. 52–55, рис. 1.-1–50; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 30–32; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017; Фрибус и др., 2018, с. 44–47, рис. 1]. Особое место среди этих комплексов занимает

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-00083 «Социальные системы номадов Алтая раннего железного века и средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

могильник Горный-10, который, с учетом объема полученных материалов и их показательного характера, представляется возможным рассматривать как опорный памятник эпохи Тюркских каганатов на юге Западной Сибири [Абдулганеев, 2007, с. 295–296].

В 2000–2003 гг. на площади некрополя Горный-10 экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой раскопаны 75 захоронений. Важно отметить, что по различным причинам результаты исследований могильника Горный-10 до сих пор не опубликованы, за исключением описаний общего плана и рисунков небольшой серии вещей [Абдулганеев, 2001, 2007; Абдулганеев, Степанова, 2001, 2002; Степанова, Абдулганеев, 2003; и др.]. В настоящей статье в научный оборот вводятся материалы раскопок одного из наиболее ярких объектов этого памятника, где зафиксировано погребение человека в сопровождении двух лошадей и собаки. Данное захоронение демонстрирует не только частные уникальные характеристики погребального обряда и сопроводительного инвентаря, но также предоставляет основания для решения целого ряда общих вопросов изучения истории населения региона.

Характеристика результатов раскопок

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западу–северо-западу от устья р. Карагуж, в 0,6 км к северо-западу от пос. Горный Красногорского района Алтайского края (рис. 1). Одним из показательных объектов, изученных на памятнике в 2000 г. экспедицией под руководством М.Т. Абдулганеева, является могила-10, подробная характеристика которой представлена далее.

Рис. 1. Карта расположения некрополя Горный-10

Могила-10 находится в западной части раскопа №1, объекты которого демонстрируют северо-западную периферию некрополя Горный-10. Объект прослежен с глубины 0,4 м и был «впущен» в жилище №2, относящееся к раннему железному веку. Могила-10 характеризуется неправильной формой: длина по линии ЮВ–СЗ – 2,95 м, ширина по линии ЮЮЗ–ССВ – 2,72 м. Дно могилы находилось на глубине от 0,47 до 0,53 м в разных ее частях (рис. 2).

В юго-восточной части могилы у северо-восточной стенки располагался скелет взрослого человека, уложенного вытянуто на спине, головой на северо-запад. По определению С.С. Тур, скелет принадлежал мужчине 30–35 лет. Справа от погребенного, у юго-западной стенки могилы, находился скелет собаки, размещенной на животе и ориентированной в одном направлении с человеком. Кроме того, умершего сопровождали две лошади. Первое животное находилось к северо-западу от головы человека. Лошадь была уложена на правый бок с подогнутыми ногами и ориентирована головой в юго-западный сектор горизонта. Вторая лошадь находилась к юго-западу от первой и образовывала с ней одну линию. Животное было уложено на левый бок с подогнутыми ногами, головой ориентировано на юго-запад. Задняя часть скелета второй лошади и ее конечности находились в беспорядке. Животные лежали на одном уровне с захоронением человека.

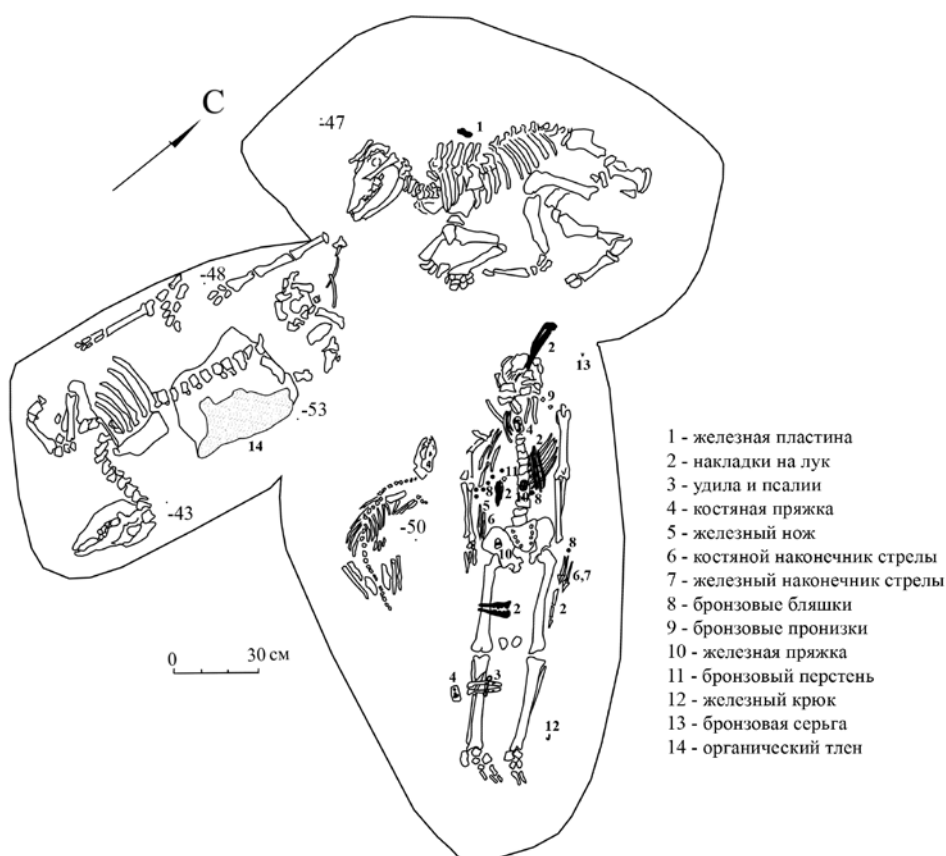

Рис. 2. Горный-10. План могилы-10

На костяке погребенного и в непосредственной близости от него зафиксировано значительное количество предметов сопроводительного инвентаря. Судя по всему, на тело умершего человека был положен лук, о чем свидетельствует расположение костяных накладок. Парные концевые накладки находились на верхней части черепа и на середине правого бедра; срединные боковые и тыльная – на левой половине грудной клетки. Кроме того, обломки накладок лежали и на правой стороне груди. У левого бедра зафиксированы пять костяных и два железных наконечника стрел. Вероятно, они находились в колчане, который не сохранился. Железный крюк (колчаный?) обнаружен ниже, рядом с левой голенью умершего. Еще один костяной наконечник стрелы зафиксирован под железным ножом, найденным между правой половиной таза и локтевыми костями.

На позвоночнике в районе груди человека лежали обломки железной пряжки. Второе такое изделие находилось на правой половине таза. Среди ребер погребенного обнаружены девять бронзовых блях со шпеньком и бронзовый перстень. Еще одна бляха найдена в районе левой кисти руки. Выше левого плеча, у черепа зафиксированы две бронзовые пронизки. Слева от черепа обнаружена бронзовая серьга.

Все предметы конского снаряжения, зафиксированные в могиле-10, находились не на костях лошадей, а были положены рядом с человеком. На правой голени умершего обнаружены железные удила со вставленными в них костяными псалиями. Рядом с ними найдена костяная подпружная пряжка; второе такое изделие зафиксировано на шейных позвонках погребенного. Единственное изделие, обнаруженное у первой лошади, – железная бабочковидная пластина, которая лежала с внешней стороны позвоночника, в районе холки. На костяке второго животного зафиксирован тлен, который мог быть связан с останками деревянной основы седла.

Возможности определения датировки и культурной принадлежности представленного комплекса связаны с детальным анализом зафиксированного погребального обряда и обнаруженного сопроводительного инвентаря.

Погребальный обряд

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок могилы-10 некрополя Горный-10, аналогичен серии захоронений Лесостепного Алтая, традиционно относимых к одинцовской культуре [Тишкин, Горбунов, 2002, с. 84; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 47]. Ориентировка умершего человека в северо-западный сектор горизонта известна на ряде памятников региона [Уманский, 1985, с. 57; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. IV, V.-1, XI.-2, XII.-4; Фрибус и др., 2018; и др.]. Отметим, что в целом северное направление является характерным для населения одинцовской культуры, а фиксируемые отклонения от него, очевидно, связаны с различными сезонами совершения захоронения.

Уникальной характеристикой обрядовой практики, выявленной в ходе раскопок могилы-10 и не отмеченной ранее при исследовании некрополей Лесостепного Алтая начала раннего средневековья, является погребение человека в сопровождении двух лошадей (рис. 2). Редкие захоронения с одним животным в рассматриваемом регионе обнаружены на ряде памятников IV–V вв. н.э. – грунтовых могильниках Ближние Елбаны-XIV, Ераска, Татарские могилки, Усть-Пустынка [Грязнов, 1956, с. 103, 105, табл. XXXVIII; Уманский, 1974, с. 136–140; Алехин, Гельмель, 1991, с. 94; Егоров, 1993, с. 77–80], а также на разновременном комплексе Чумыш-Перекаат, включающем серию объектов эпохи Тюркских каганатов [Фрибус и др., 2018, с. 44–47, рис. 1]. Еще

два таких погребения изучены на некрополе Горный-10 (могилы 6, 8)*. Важно отметить, что они расположены в непосредственной близости от рассматриваемой могилы-10, в одной с ней группе.

Распространение погребений, совершенных по обряду ингумации в сопровождении лошади, на территории Лесостепного Алтая в эпоху Великого переселения народов, обычно связывается с влиянием традиций булан-кобинской культуры Горного Алтая [Горбунов, 2003, с. 38–39; 2004, с. 94–95]. Более поздние захоронения с конем в данном регионе (конец VI – 1-я половина VIII в.), по мнению некоторых исследователей, «...указывают на ранние этапы знакомства самодийского населения с канонами тюркской погребальной обрядности» [Фрибус и др., 2018, с. 45]. Рассматривая погребения с лошадьми некрополя Горный-10, М.Т. Абдулганеев [2001, с. 130] справедливо указал на то, что данные объекты по многим характеристикам находят соответствие с комплексами Горного Алтая кудыргинского этапа, и прежде всего с эпонимным памятником. Согласно точке зрения В.В. Горбунова [2003, с. 40], обозначенные могилы свидетельствуют о переосмыслении обряда захоронения с лошадью, и принадлежность их тюркам маловероятна.

Анализ материалов раскопок могилы-10 позволяет вернуться к рассмотрению обозначенного вопроса. Прежде всего, следует подчеркнуть, что расположение лошадей за головой человека и практически перпендикулярно ему совершенно не характерно для похоронной практики раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Известная вариативность в реализации традиции захоронения лошадей, фиксирующаяся у кочевников данной общности и обусловленная наличием локальных традиций и сложным составом объединения номадов, тем не менее предполагала соблюдение основы обряда – помещения лошади сбоку (чаще слева) от умершего человека [Серегин, 2010; Серегин, Матренин, 2016, с. 115–124]. Учитывая единичность известных погребений с конем эпохи Тюркских каганатов в Лесостепном Алтае, представляется возможным предварительно предложить два варианта объяснения существования данной традиции. Согласно первому варианту, в разной форме представленному в обозначенных выше работах исследователей, сопроводительные захоронения лошадей в похоронной практике населения региона конца VI – 1-й половины VIII в. связаны с влиянием тюрок. Основным слабым местом данной позиции являются серьезные отличия в реализации данной традиции по сравнению с канонами обряда кочевников Центральной Азии.

Второй вариант интерпретации, который для обозначенного хронологического периода ранее не рассматривался, заключается в том, что раннесредневековые погребения с конем в Лесостепном Алтае демонстрируют сохранение обычая помещения животного рядом с человеком, появившегося еще в IV–V вв. и обусловленного, вероятно, контактами с носителями булан-кобинской культуры или миграцией группы населения из горной части региона. Доводом в пользу этого предположения можно считать фиксацию случаев частичного расположения лошади под человеком, которые известны в Лесостепном Алтае, как в эпоху Великого переселения народов, так и в период Тюркских каганатов [Грязнов, 1956, с. 103; Абдулганеев, 2001, с. 128]. Кроме того, в рамках данного подхода может быть объяснена и вариативность в реализации обряда захоронения с конем населением одинцовской культуры в конце VI – 1-й половине VIII в., которая в целом характерна для традиций кочевников булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016,

* Материалы раскопок этих погребений пока не опубликованы.

с. 52–70]. Так или иначе, решение данного вопроса связано с продолжением полевых исследований комплексов начала раннего средневековья в Лесостепном Алтае и расширением пока еще весьма ограниченной источниковой базы.

Еще одним показательным элементом обрядовой практики, отмеченным в ходе раскопок могилы-10, является захоронение собаки. Животное помещено рядом с умершим человеком и ориентировано в одну сторону с ним. Редкие захоронения собак известны в материалах некрополей Лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов [Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 14–15, табл. X.-3; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107, рис. 1.-2]. Такие объекты зафиксированы и в двух других объектах комплекса Горный-10 (могилы 6, 8). Различные аспекты интерпретации распространения данной традиции в культурах раннесредневекового населения Северной и Центральной Азии представлены в ряде работ [Кызласов, 1975, с. 207; Кузнецов, 1997; Кондрашов, 2004; и др.]. Имеющиеся материалы позволяют присоединиться к точке зрения исследователей о том, что собака могла выступать своего рода социальным маркером, демонстрируя определенное положение умершего человека при жизни. Данная закономерность подтверждается результатами раскопок могильника Горный-10, где останки собак были найдены только в погребениях с лошадьми, отличавшихся довольно представительным инвентарем.

Анализ сопроводительного инвентаря

Предметный комплекс, зафиксированный в ходе раскопок могилы-10, включает несколько категорий изделий: конское снаряжение, вооружение, орудия труда, украшения. Рассмотрим эти находки более подробно.

В могиле-10 были захоронены две лошади, однако количество предметов конского снаряжения в погребении довольно незначительно и все они зафиксированы рядом с человеком. Наиболее показательны с точки зрения определения хронологии объекта роговые двухдырчатые псалии, которые были вставлены в удила и находились на правой ноге умершего. Отметим плохую сохранность роговых изделий, особенно в местах соприкосновения с железом. Несмотря на некоторые индивидуальные детали оформления, данные предметы являются вполне характерными.

Железные удила имеют гладкие стержни звеньев, крюковое соединение и однокольчатые окончания (рис. 3.-1; 4.-1). По мнению С.В. Неверова [1992, с. 150–151], осуществившего детальный анализ значительного объема материалов, крюковые удила бытовали на территории Южной Сибири на протяжении всего I тыс. н.э., и подобные находки из раннесредневековых комплексов региона продолжают развитие местных форм изделий хуннуско-сяньбийского времени. В целом такие изделия получили широкое распространение и не являются датирующими.

Роговые псалии (длина первого изделия – 17,4 см, второго – 16,9 см; средняя толщина – 1,45 см) имеют вертикальную систему крепления (рис. 3.-2–3; 4.-2–3). Для соединения с ремнями суголовья в предметах проделаны два отверстия овально-вытянутой формы длиной до 1,75 см и шириной до 0,55 см.

Роговые (костяные) двухдырчатые псалии появляются и бытуют на Алтае и сопредельных территориях в скифо-сакское и хуннуско-сяньбийско-жужанское время [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2.-7; 3.-11]. Несколько таких находок происходит из памятников региона 2-й четверти I тыс. н.э. [Соенов, 1998, рис. 1.-9; Матренин, 2018, рис. 1.-18–24; и др.]. Подобные изделия традиционно рассматриваются как наиболее архаичные формы предметов данной группы из раннесредневековых комплексов Се-

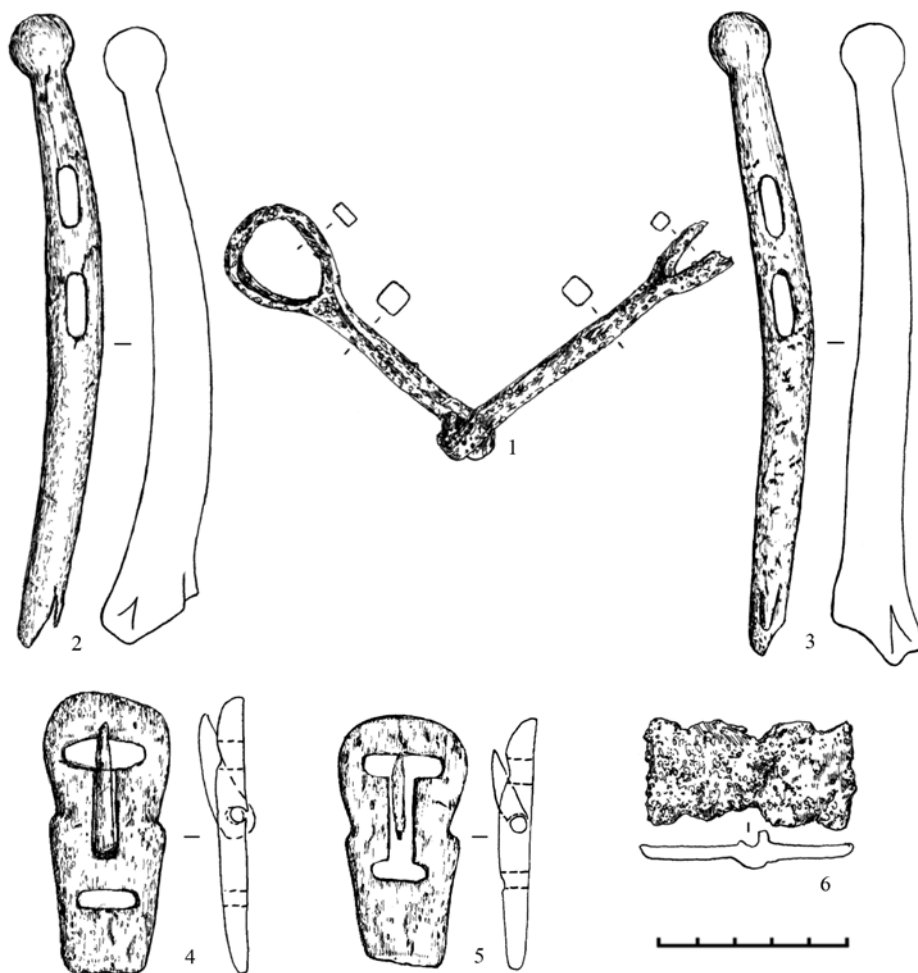

Рис. 3. Горный-10, могила-10. Предметы конского снаряжения (1, 6 – железо; 2–5 – кость).
Рисунки выполнены О.И. Чекрыжовой

верной и Центральной Азии [Гаврилова, 1965, рис. 16.-2; Овчинникова, 1990, с. 97]. Небольшая серия роговых двудырчатых псалиев происходит из объектов кызыл-ташского этапа культуры тюрок горной части Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Могильников, 1994, рис. 19, 25; Савинов, 1982, рис. 3.-2]. В эпоху Первого каганата такие изделия продолжают использоваться в рассматриваемом регионе, а также получают распространение на сопредельных территориях [Киселев, 1929, табл. V.-13; Гаврилова, 1965, табл. VII.-1; Суразаков, 1982, рис. 2.-7; Кирюшин и др., 1998, рис. 4.-23; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17.-9; Худяков, 1999, рис. 2.-2; Трифонов, 2013, табл. XVI.-10–11; и др.]. Роговые двудырчатые псалии с шарообразным окончанием, подобные находкам из могилы-10 некрополя Горный-10, встречены в памятниках тюркской, одинцовской и ломоватовской культур, относящихся, главным образом, ко 2-й половине VI – VII в. [Гаврилова, 1965, табл. XX.-36; Голдина, 1985, табл. XXXI.-30; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. V.-2; и др.]. Верхнюю хроно-

Рис. 4. Горный-10, могила-10. Удила и псалии (1 – железо; 2–3 – кость).
Фотоснимок Н.Н. Серегина

логическую границу распространения рассматриваемой группы изделий из памятников Лесостепного Алтая представляется возможным ограничить 1-й половиной VIII в.

К предметам конского снаряжения из могилы-10 относятся также две костяные *подпружные пряжки* (рис. 3.-4-5). Первое из изделий находилось рядом с удилами и псалиями, а второе зафиксировано на шейных позвонках умершего человека. Обе пряжки имеют схожие морфологические характеристики – выделенную рамку, округлую дужку (окончание), костяной язычок, а также небольшое сужение нижней части щитка. Отличие наблюдается в оформлении выреза для крепления язычка и продевания ремня: первое изделие имеет Т-образный верхний и горизонтальный нижний вырез, а второе – сплошной вырез. Костяные (роговые) подпружные пряжки в целом не являются узко датирующими находками. Вместе с тем можно отметить отсутствие у рассматриваемых экземпляров поздних типологических признаков [Неверов, 1985, с. 200–203], а также круг наиболее близких аналогий предметам из могильника Горный-10 в памятниках 2-й половины VI – VII в. [Гаврилова, 1965, табл. XX.-37; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. V.-14; Кубарев, 2005, табл. 111.-2; и др.].

Предметы вооружения и воинского снаряжения из анализируемого комплекса представлены луком и стрелами, а также колчаным крюком.

Погребенному в могилу был положен *сложносоставной лук*, от которого сохранился комплект из семи накладок – две пары концевых и три срединные: две боковые и одна тыльная (рис. 5–6). Все накладки изготовлены из кости или жесткого рога.

Концевые накладки сделаны из плавно изогнутых пластин. Один конец каждой из пластин заужен, а другой оформлен в виде головки с вырезом для тетивы. Значительная часть поверхности накладок покрыта легкими насечками для улучшения скрепления с кибитью и обмоткой. Первая пара рассматриваемых изделий, обнаруженная у головы умершего человека, характеризуется головкой округлой формы, в центре которой проделано сквозное отверстие диаметром 4 мм для крепления к кибите лука (рис. 5.-1-2; 6.-1-2). Длина накладок – 24 см, средняя ширина – 1,85 см. Вторая пара предметов, зафиксированная на ноге погребенного, отличается по оформлению головки – она срезана и имеет форму прямоугольника (рис. 5.-6-7; 6.-6-7). Своеобразной характеристикой изделий является наличие трех вырезов для тетивы, нижний из которых расположен в 6 см от края головки. Длина накладок составляет 26 см, средняя ширина – 1,65 см.

Срединные боковые накладки представляют собой пластины трапецевидной формы с заостренными окончаниями (рис. 5.-3, 5; 6.-3, 5). Часть их внутренней поверхности (в основном по краям) покрыта насечками. Длина изделий составляет до 18,5 см, ширина – 2,45 см. Срединная тыльная накладка изготовлена из слегка профилированной пластины прямоугольной формы (рис. 5.-4; 6.-4). Длина изделия составляет 12,1 см, ширина – 1,2 см.

Концевые накладки на лук из могилы-10 некрополя Горный-10 характеризуются средними размерами – уменьшенной длиной и увеличенной шириной по сравнению с изделиями из памятников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. н.э. Согласно заключению В.В. Горбунова [2006, с. 15], сложение такой формы накладок связано с появлением луков тюркской традиции, а период наибольшего рас-

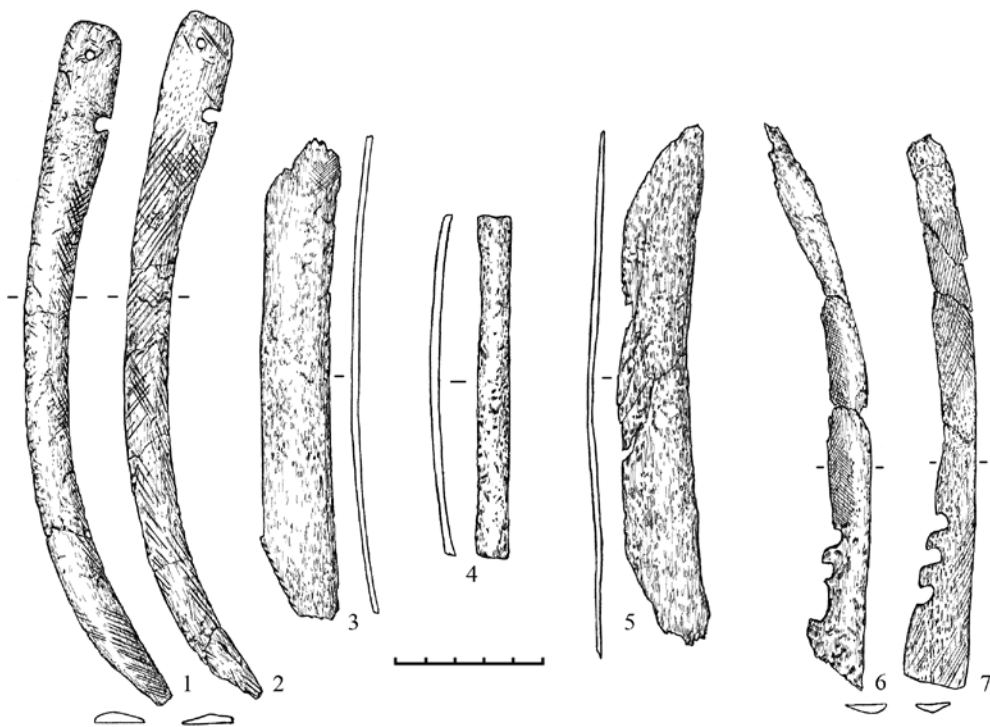

Рис. 5. Горный-10, могила-10. Костяные накладки на лук. Рисунки выполнены О.И. Чекрыжовой

пространения относится ко 2-й половине V – 1-й половине VIII в. н.э. Среди редких признаков изделий из могильника Горный-10 отметим наличие трех вырезов для тетивы – характеристика, аналогии которой нам не известны в материалах синхронных комплексов Северной и Центральной Азии. Отметим также отличия в оформлении двух пар концевых накладок, которые при этом в целом соответствуют друг другу по размерам.

Срединные боковые накладки из рассматриваемого комплекса относятся к типу трапециевидных, средних, широких, с заостренным окончанием. Согласно наблюдениям В.В. Горбунова [2006, с. 17], такие изделия фиксируются в памятниках горной части Алтая начиная с середины V в. н.э., и продолжали использоваться в данном регионе, а также на обширных сопредельных территориях вплоть до конца тысячелетия. Особенностью тыльной срединной накладки из могилы-10 является практически полное отсутствие расширения окончаний. Подобные формы встречены на ряде памятников, относящихся к ранним этапам развития культуры тюрок Алтая [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IX-15; Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 1.-3; Кубарев, 2005, табл. 112.-16; и др.], в более позднее время они получают распространение на значительных территориях.

Железные наконечники стрел, обнаруженные в ходе раскопок могилы-10, сохранились не полностью (рис. 7.-1-2). При этом фиксируемые детали оформления, а также изучение других находок из некрополя Горный-10 позволяют представить

Рис. 6. Горный-10, могила-10. Костяные накладки на лук.
Фотоснимок Н.Ф. Степановой

их общую характеристику. Оба наконечника относятся к черешковому трехлопастным изделиям. Отсутствие нижней части пера у рассматриваемых экземпляров может быть связано с наличием специальных отверстий, известных на других изделиях из объектов могильника [Абдулганеев, 2001, рис. 1.-1]. На одном из наконечников фиксируется упор, под которым сохранились остатки костяной свистунки (рис. 7.-1). Форма пера не восстанавливается точно, но можно предположить, что изделия подобны экземплярам, зафиксированным в ходе раскопок ряда раннесредневековых комплексов, изученных в разных частях Алтая [Гаврилова, 1965, табл. 17.-9; Кирюшин и др., 1998, рис. 8.-2, 7; Тишкин,

Горбунов, 2003, рис. 2.-2; и др.] и относящихся преимущественно к VI–VII вв. н.э. Отметим, что такие наконечники стрел использовались населением рассматриваемого региона и сопредельных территорий и в более позднее время [Горбунов, 2006, с. 38–39].

Можно предположить, что **железный крюк** (рис. 7.-3), обнаруженный в могиле-10, был связан с креплением колчана, о чем косвенно свидетельствует его расположение по одной линии с наконечниками стрел. Схожие по оформлению изделия, отличающиеся некоторыми деталями конструкции, зафиксированы в памятниках Алтая V – 1-й половины VIII в. [Грязнов, 1956, табл. XLI.-22; Уманский, 1974, рис. 3.-4; Мама-

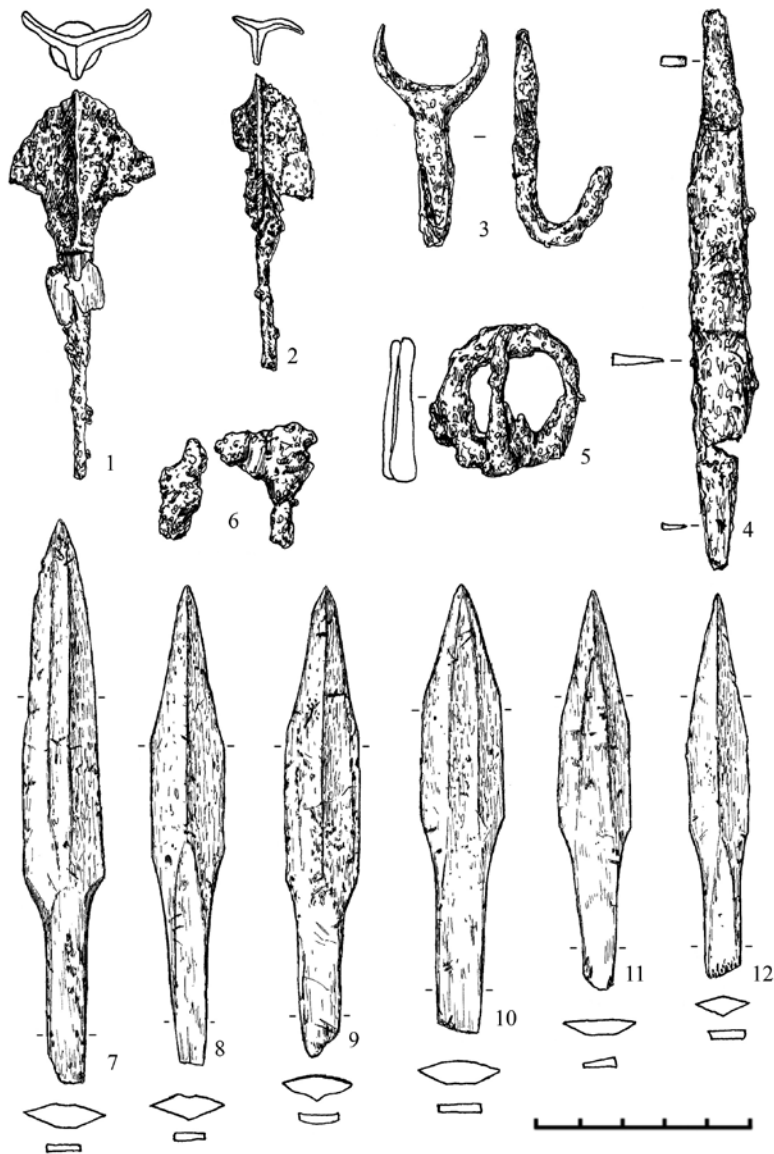

Рис. 7. Горный-10, могила-10. Предметы вооружения и бытовые изделия (1 – железо, кость; 2–6 – железо; 7–12 – кость). Рисунки выполнены О.И. Чекрыжовой

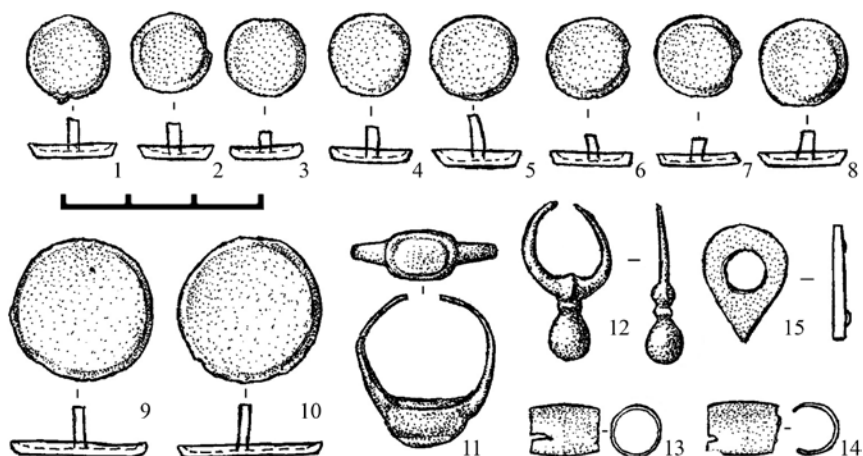

Рис. 8. Горный-10, могила 10. Элементы костюма и украшения (1–15 – бронза).

Рисунки выполнены О.И. Чекрыжовой

даков, Горбунов, 1997, рис. III.-15; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. III.-12]. В целом подобные предметы не имеют хронологического значения в силу, с одной стороны, простоты оформления, а с другой – наличия индивидуальных характеристик.

Железный нож, обнаруженный рядом с одним из костяных наконечников стрел, имеет вполне стандартные характеристики для такого рода предметов (рис. 7.-4). Длина изделия составляет 13,2 см, ширина – 1,5 см. Нож черешковый, однолезвийный, с прямой спинкой и небольшим выступом со стороны спинки при переходе к черешку. Схожие изделия получили распространение в раннем средневековье и фиксируются значительных территориях [Овчинникова, 1990, рис. 28.-1; Кубарев, 2005, рис. 19.-7], в том числе в комплексах одинцовской культуры Лесостепного Алтая [Грязнов, 1956, табл. XXXII.-1; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. VII.-4].

В одном колчанном наборе с обозначенными выше железными наконечниками стрел находились пять **костяных наконечников** (рис. 7.-8–12)*. Еще один такой экземпляр, самый крупный по размеру, был зафиксирован с другой стороны пояса (рис. 7.-7). Все костяные наконечники стрел из могилы-10 черешковые, отличаются сечением (линзовидное, ромбовидное, трапецевидное). Подобные изделия получили широкое распространение в комплексах одинцовской культуры Лесостепного Алтая [Грязнов, 1956, табл. XXI.-3–4; Уманский, 1974, рис. 5.-13–20; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 2; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, рис. 2.-1; и др.], а также в синхронных памятниках на сопредельных территориях [Голдина, Водолага, 1990, табл. XLVI; Чиндина, 1991, рис. 26; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 22; и др.].

Судя по расположению на левой части таза умершего человека, железная **пряжка** с округлой рамкой использовалась для закрепления пояса (рис. 7.-5). Фрагменты второго такого изделия зафиксированы в районе ребер погребенного (рис. 7.-6). Подобные предметы часто встречаются в памятниках одинцовской культуры Лесостепного

* Костяные наконечники стрел следует рассматривать прежде всего как предметы, связанные с охотничьим инвентарем, что, однако, не исключает возможности их боевого применения против слабо защищенного противника [Тур, Матренин, Соенов, 2018, с. 135–136].

Алтая [Грязнов, 1956, табл. XXXII.-10, 16, XLI.-26; Уманский, 1974, рис. 3.-5; Егоров, 1993, рис. 1.-7, 10; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, рис. 2.-9; и др.], а также на сопредельных территориях.

Отдельную группу находок из могилы-10 составляют бронзовые предметы, относящиеся к элементам костюма и украшениям. Показательными с точки зрения хронологии являются круглые *бляхи-накладки* со шпеньком, представленные восемью мелкими изделиями (диаметр до 1,35 см) и двумя более крупными (диаметр до 2,2 см) (рис. 8.-1-10). Судя по расположению изделий в рассматриваемой могиле, они были связаны с оформлением поясного ремня, хотя в целом могли использоваться и для украшения ремней узды. Серия аналогичных предметов происходят из комплексов Лесостепного Алтая [Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1.-20; Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, рис. 2.-13, 18, 22], а также других территорий [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXI.-18-22; Чиндина, 1991, рис. 29.-5; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26.-17, 30; Илюшин, 1999, рис. 61.-6-7; 63.-37-39; Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, табл. 70.-5-7; и др.], большая часть которых датируется в рамках 2-й половины VI – VII в.

Более редкой находкой является бронзовый *перстень* с массивным гладким щитком овальной формы (рис. 8.-11). Такие изделия весьма редко находят в памятниках одинцовской культуры (нам известны только предметы из неопубликованных материалов некрополей Горный-10 и Чумыш-Пережат), однако получили достаточно широкое распространение в раннесредневековых объектах Прикамья [Голдина, 1985, табл. II.-25; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXIII; Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, табл. 1.-5].

Достаточно узкую хронологию в рамках 2-й половины VI – VII в. имеет бронзовая *серьга* с несомкнутым кольцом и цельной округлой подвеской (рис. 8.-12), аналогии которой выявлены в памятниках Алтая и Томского Приобья [Гаврилова, 1965, табл. IX.-2, XVIII.-1; Чиндина, 1977, рис. 10.-2; 1991, рис. 32.-6], а также зафиксированы на более отдаленных территориях [Распопова, 1980, рис. 75.-13; Левина, 1996, рис. 144.-52-53, 57]. Менее показательны в этом отношении бронзовые *пронизки* в виде коротких полых трубочек (рис. 8.-13-14), известные как в комплексах одинцовской культуры [Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, рис. 4-7], так и на сопредельных территориях [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 68.-12-14, 74.-12].

Вероятно, к украшениям пояса относится бронзовая каплевидная *накладка* с отверстием в центре (рис. 8.-15), близкие аналогии которой имеются в памятниках ломатовской культуры [Голдина, 1985, табл. XII.-19].

Заключение

Анализ материалов раскопок могилы-10 некрополя Горный-10 позволил выявить общие характеристики, традиционные для населения Лесостепного Алтая в эпоху Тюркских каганатов, так и ряд редких показателей. К числу последних относится такой элемент обряда, как захоронение двух лошадей – единственный на сегодняшний день случай, отмеченный в памятниках начала раннего средневековья на рассматриваемой территории. Более «стандартными» признаками ритуала являются ориентировка умершего человека в северо-западный сектор горизонта и помещение рядом собаки. Можно предположить довольно высокое прижизненное положение умершего человека в социуме, о чем свидетельствуют не только обозначенные показатели обряда, но и представительный предметный комплекс.

Сопроводительный инвентарь могилы-10, включающий конское снаряжение, вооружение, украшения, элементы костюма и бытовые изделия, имеет аналогии в материалах раскопок некрополей одинцовской культуры Лесостепного Алтая, отдельных памятников тюрок в горной части данного региона, а также комплексов, расположенных на более отдаленных территориях – главным образом, в Томском и Новосибирском Приобье и Прикамье. Датировка обозначенных объектов определяется широкими рамками 2-й половины V – 1-й половины VIII в. С учетом всех зафиксированных показателей время сооружения могилы-10 представляется возможным определить в границах конца VI – VII в.

Менее однозначной представляется культурная принадлежность как могилы-10, так и всего некрополя Горный-10. В научной литературе представлены различные точки зрения. Согласно первой позиции данный могильник следует рассматривать в кругу памятников одинцовской культуры [Тишкин, Горбунов, 2002; Горбунов, 2003, с. 40; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 45, 47; и др.]. По мнению А.А. Казакова, могильник Горный-10 относится либо к заключительному этапу одинцовской культуры, либо к начальному периоду становления басандайской культуры [Казаков, Казакова, 2016, с. 241]. Особая точка зрения озвучена Г.В. Кубаревым, который рассматривает данный некрополь в числе памятников «кудыргинской» культуры [Зубова, Кубарев, 2015, с. 86].

На наш взгляд, объем имеющихся сведений о комплексах начала раннего Средневековья, полученных в ходе раскопок на территории Лесостепного Алтая, пока еще недостаточен для однозначных заключений. Важными шагами к решению обозначенных дискуссионных вопросов культурной принадлежности могильника Горный-10, а также детализации хронологии отдельных объектов некрополя являются дальнейшая обработка и детальный анализ материалов данного яркого памятника. Изучение и введение в научный оборот имеющихся сведений будет иметь большое значение для понимания сложных историко-культурных и этносоциальных процессов, происходивших на периферии кочевых империй в эпоху Тюркских каганатов.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск : ТГУ, 2001. С. 128–131.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии*. Кемерово : КемГУ, 1995. С. 243–252.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 216–219.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 220–223.

Алехин Ю.П., Гельмель Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // *Охрана и исследования археологических памятников Алтая*. Барнаул : БГПИ, 1991. С. 94–96.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : ТГУ, 1983. 244 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск ; Пермь : УдГУ, 2011. 340 с.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : БГПУ, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск : Д'Принт, 2017. С. 106–110.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. (МИА №48).

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №4 (31). С. 80–87.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : БЮИ МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культуригенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №4. С. 238–242.

Кирушин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескен-VI // Древности Алтая. 1998. №3. С. 165–175.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кондрашов А.В. Традиция захоронения собак в сrostкинской культуре // Традиционные культуры и общества Центральной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово : КемГУ, 2004. С. 264–265.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кузнецов Н.А. Собака как социальный маркер в средневековых курганах Южной Сибири // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. С. 85–88.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 193–211.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М. : Восточная литература, 1996. 396 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 115–129.

- Матренин С.С. Псалии кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2. С. 167–173.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.
- Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 141–155.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Поселянин А.И., Киргинцев Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
- Расопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л. : Наука, 1980. 139 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 170–177.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.
- Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 93–98.
- Стеланова Н.Ф. Абдулганеев М.Т., Раскопки на Северном Алтае // АО 2002 года. М. : Наука, 2003. С. 407–408.
- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. №10. С. 107–117.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : АРТИКА, 2011. 136 с.
- Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 13–114.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №4. С. 132–139.
- Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск : Наука, 1974. С. 136–149.
- Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск : Наука, 1985. С. 55–63.
- Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекаат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 42–47.
- Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : ТГУ, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : ТГУ, 1991. 184 с.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyj 10 – pamjatnik drevnetjurkskoj jepohi v severnyh predgor'jah Altaja [The Gorny 10 Burial Ground – a Site of the Ancient Turkic Period in the Northern Foothills of Altai]. Prostranstvo kul'tury v arheologo-jetnograficheskom izmerenii. Zapadnaja Sibir' i sopredel'nye territorii [Space of Culture in the Archaeological and Ethnographic Dimension. Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk : Izd-vo TGU, 2001. Pp. 128–131.

Abdulganeev M.T. Krasnogorskij rajon v drevnosti [The Krasnogorsky District in Antiquity]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Issue XVI. Pp. 237–304.

Abdulganeev M.T., Gorbunov V.V., Kazakov A.A. Novye mogil'niki vtoroj poloviny I tysjacheletija n.je. v urochishhe Blizhnie Elbany [New Burial Grounds of the Second Half of the 1st Millennium AD in the Middle Elbany Tract]. Voennoe delo i srednevekovaja arheologija Central'noj Azii [Military Affairs and Medieval Archaeology of Central Asia]. Kemerovo : KemGU, 1995. Pp. 243–252.

Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Issledovanija na mogil'nike Gornyj 10 (Severnyj Altaj) [Studies at the Gorny 10 Burial (Northern Altai)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk : In-t arheologii i etnografii SO RAN, 2001. Vol. VII. Pp. 216–219.

Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Raskopki u pos. Gornyj na Severnom Altae [Excavations at the Gorny Village in Northern Altai]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : In-t arheologii i etnografii SO RAN, 2002. Vol. VIII. Pp. 220–223.

Alehin Ju.P., Gel'mel' Ju.I. Kurgan gunno-sarmatskogo vremeni u s. Ust'-Pustynka Krasnoshhekovskogo rajona [The Xiongnu Sarmation Barrow near the Ust-Pustynka Village of the Krasnoshchekovsky District]. Ohrana i issledovanija arheologicheskikh pamjatnikov Altaja [Protection and Research of Archaeological Sites of Altai]. Barnaul : BGPI, 1991. Pp. 94–96.

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamjatniki Tomskogo Priob'ja v V–VIII vv. n.je [The Sites of Tomsk Priobye in the 5th – 8th Centuries AD]. Tomsk : TGU, 1983. 244 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altajskikh plemen [The Kudyrge Burial as a Source on the History of the Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Goldina R.D. Lomovatovskaja kul'tura v Verhнем Prikam'е [Lomovatov Culture in the Upper Kama Region]. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1985. 280 p.

Goldina R.D., Vodolago N.V. Mogil'niki nevolinskij kul'tury v Priural'e [The Burial Grounds of the Nevolinsk Culture in the Urals]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1990. 176 p.

Goldina R.D., Pastushenko I.Ju., Chernyh E.M. Bartym'skij kompleks pamjatnikov jepohi srednevekov'ja v Sylvenskom porech'е [The Bartym Complex of the Sites of the Middle Ages in the Sylvinsky Region]. Izhevsk ; Perm' : UdSU, 2011. 340 p.

Gorbunov V.V. Processy tjurkizacii na juge Zapadnoj Sibiri v rannem srednevekov'е [The Processes of Turkization in the South of Western Siberia in the Early Middle Ages]. Istoricheskij opyt hozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri [Historical Experience of the Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Bool I. Pp. 37–42.

Gorbunov V.V. Jetnokul'turnaja situacija na territorii Lesostepnogo Altaja v jepohu «velikogo peregelenija narodov» [Ethnocultural Situation on the Territory of the Forest-Steppe Altai in the Era of the “Great Migration of Peoples”]. Kompleksnye issledovanija drevnih i tradicionnyh obshhestv Evrazii [Complex Studies of Ancient and Traditional Societies of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 92–95.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naselenija Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military Affairs of the Altai Population in the 3rd – 14th Centuries. Part II: Offensive Armament (weapon)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.

Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Srednevekovye pamjatniki v okrestnostjah s. Kiprino [Medieval Sites in the Vicinity of Kiprino]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : BGPU, 2003. Issue XIII. Pp. 52–57.

Gorbulov V.V., Tishkin A.A., Frolov Ja.V. Redkoe pogrebenie odincovskoj kul'tury na pamjatnike Strashnyj Jar-1 v Barnaul'skom Priob'e [Rare Burial of the Odintsovo Culture on the Strashny Jar Site in the Barnaul Priobye]. Kul'tury i narody Severnoj Evrazii: vzgljad skvoz' vremena [Cultures and Peoples of Northern Eurasia: a Look through Time]. Tomsk : D'Print, 2017. Pp. 106–110.

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob on the Excavations near the Big River Village]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1956. 162 p. (MIA №48).

Egorov Ja.V. Novoe issledovanie pogrebenija voina jepohi velikogo pereselenija narodov na Altae [A New Study of the Burial of a Warrior of the Period of the Great Migration of Peoples in the Altai]. Kul'tura drevnih narodov Juzhnoj Sibiri [Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. S. 77–80.

Zubova A.V., Kubarev G.V. Kraniologicheskaja harakteristika rannesrednevekovogo naselenija Gornogo Altaja po materialam mogil'nika Kudyrgje [Craniological Characteristics of the Early Medieval Population of the Altai Mountains according to the Materials of the Kudyrgje Burial Ground]. Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2015. №4 (31) Pp. 80–87.

Iljushin A.M. Mogil'nik Saratovka: publikacija materialov i opyt jetnoarheologicheskogo issledovanija [The Saratovka Burial Ground: the Publication of Materials and Experience of Ethno-Archaeological research]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999. 160 p.

Kazakov A.A. Odincovskaja kul'tura Barnaul'sko-Bijskogo Priob'ja [The Odintsovo Culture of the Barnaul-Biysk Priobye]. Barnaul : BJuI MVD Rossii, 2014. 152 p.

Kazakov A.A., Kazakova O.M. O centrakh kul'turogeneza na juge Zapadnoj Sibiri v pervom tysjacheletii nashej jery [About the Centers of Cultural Genesis in the South of Western Siberia in the 1st AD]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2016. №4 (92). Pp. 238–242.

Kirjushin Ju.F., Gorbulov V.V., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Drevnetjurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken'-VI [Ancient Turkic Mounds of the Tytkesken'-VI Burial Ground]. Drevnosti Altaja [Altai Antiquities]. 1998. №3. Pp. 165–175.

Kiselev S.V. Materialy arheologicheskoi jekspedicii v Minusinskij kraj v 1928 g. [Materials of the Archaeological Expedition to the Minusinsk Region in 1928]. Ezhegodnik gos. muzeja im. N.M. Mart'janova v g. Minusinske. 1929. T. IV. Vyp. 2 [Yearbook of the Martyanov State Museum in the City of Minusinsk. 1929. Vol. IV. Issue 2]. Pp. 1–162.

Kljashtomnyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p.

Kondrashov A.V. Tradicija zahoroneniya sobak v srostkinskoj kul'ture [Tradition of Burial of Dogs in the Srostkino Culture]. Tradicionnye kul'tury i obshhestva Central'noj Azii (s drevnejshih vremen do sovremennosti) [Traditional Cultures and Societies of Central Asia (from ancient times to modern times)]. Kemerovo : KemGU, 2004. Pp. 264–265.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [The Culture of the Ancient Turks of Altai (according to the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk : In-t arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Kuznecov N.A. Sobaka kak social'nyj marker v srednevekovykh kurganah Juzhnoj Sibiri [The Dog as a Social Marker in Medieval Barrows of Southern Siberia]. Social'naja organizacija i sociogenez pervobytnykh obshhestv: teorija, metodologija, interpretacija [Social Organization and Sociogenesis of Primitive Societies: Theory, Methodology, Interpretation]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1997. Pp. 85–88.

Kyzlasov L.R. Kurgany srednevekovykh hakasov (askizskaja kul'tura) [Mounds of Medieval Khakas (Askiz culture)]. Pervobytnaja arheologija Sibiri [Primitive Archaeology of Siberia]. L. : Nauka, 1975. Pp. 193–211.

Levina L.M. Jetnokul'turnaja istorija Vostochnogo Priaral'ja. I tys. do n.je. – I tys. n.je. [Ethnocultural History of Eastern Priaralye. The 1st Millennium BC – the 1st I thousand AD]. M. : Vostochnaja literatura, 1996. 396 p.

Mamadakov Ju.T., Gorbulov V.V. Drevnetjurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Turkic Barrows of the Katanda-III Burial Ground]. Izvestija laboratorii arheologii [News of the Laboratory of Archaeology]. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 115–129.

Matrenin S.S. Psalii kochevnikov Altaja hunnusko-sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni: klassifikacija i tipologija [Nomadic Psalms of the Altai of the Xiongnu-Syanbi-Juzhan Time: Classification and Typology]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №2 [News of Altai State University. 2018. №2]. Pp. 167–173.

Mogil'nikov V.A. Kul'tovyje kol'cevye ogradki i kurgany Kara-Koby-I [Religious Ring Fences and Mounds of Kara-Koba-I]. Arheologičeskie i fol'klornye istočniki po istorii Altaja [Archaeological and Folklore Sources on the History of Altai]. Gorno-Altajsk : GANIIIJaL, 1994. Pp. 94–116.

Neverov S.V. Kostjanye prjazhki srostkinskoj kul'tury (VIII–X vv.) [Bone Buckles of the Srosrinskaya Culture (8th – 10th centuries)]. Altaj v jepohu kamnja i rannego metalla [Altai in the Era of Stone and Early Metal]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 192–206.

Neverov S.V. Udila vtoroj poloviny I tys. n.je. Verhnego Priob'ja (klassifikacija i tipologija) [The Bit of the 2nd Half of the 1st Millennium AD Upper Ob River (classification and typology)]. Voprosy arheologii Altaja i Zapadnoj Sibiri epohi metalla [Questions of Archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal Epoch]. Barnaul : BGPI, 1992. Pp. 141–155.

Ovchinnikova B.B. Tjurkskie drevnosti Sajano-Altaja v VI–X vv. [Turkic Antiquities of Sayano-Altai in the 6th – 10th Centuries]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 223 p.

Poseljanin A.I., Kirginekov Je.N., Tarakanov V.V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Bely Jar-II [Study of the Medieval Burial Ground Bely Jar-II]. Evrazija: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij [Eurasia: the Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Novosibirsk : NGU, 1999. Issue 2. Pp. 88–116.

Raspopova V.I. Metallicheskie izdelija rannesrednevekovogo Sogda [Metal Products of the Early Medieval Sogd]. L. : Nauka, 1980. 139 p.

Savinov D.G. Drevnetjurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kurajskoj kul'tury) [Ancient Turkic Burial Mounds of Uzuntalya (on the issue of the allocation of Qurai culture)]. Arheologija Severnoj Azii [Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Savinov D.G. Kudyrginskij predmetnyj kompleks na Severnom Altae (po materialam Osinkinskogo mogil'nika) [Kudyrginsky Subject Complex in Northern Altai (based on materials from the Osinka cemetery)]. Pamjatniki drevnetjurkskoj kul'tury v Sajano-Altaje i Central'noj Azii [The Sites of the Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 170–177.

Savinov D.G., Novikov A.V., Rosljakov S.G. Verhnee Priob'e na rubezhe jepoh (basandajskaja kul'tura) [Priobye at the Turn of the Era (Basanda culture)]. Novosibirsk : In-t arheologii i etnografii SO RAN, 2008. 424 p.

Seregin N.N. Pogrebal'nyj ritual kochevnikov tjurkskoj kul'tury Sajano-Altaja [The Funeral Ritual of the Nomads of the Turkic Culture of the Sayan-Altai]. Vestnik NGU. Ser.: Istorija, filologija. 2010. T. 9. Vyp. 5: Arheologija i jetnografija [Bulletin of NSU. Ser.: History, Philology. 2010. T. 9. Vol. 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 171–180.

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal'nyj obrjad kochevnikov Altaja vo II v. do n.je. – XI v. n.je. [The Funeral Rite of the Nomads of Altai in the 2nd BC – 11th Century AD]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 p.

Soenov V.I. Udila i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaja [Bits and Psalms of the Xiongnu-Sarmatian Time of the Altai Mountains]. Snarjazhenie verhovogo konja na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment for the Riding Horse in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 93–98.

Stepanova N.F., Abdulganeev M.T. Raskopki na Severnom Altaje [Excavations in Northern Altai]. AO 2002. M. : Nauka, 2003. Pp. 407–408.

Surazakov A.S. Ob arheologičeskijh issledovanijah v Gornom Altae [On Archaeological Research in the Altai Mountains]. Arheologija i jetnografija Altaja [Archaeology and Ethnography of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1982. Pp. 121–136.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Kul'turno-hronologičeskie shemy izučeniija istorii srednevekovyh kochevnikov Altaja [Cultural and Chronological Schemes for Studying the History of the Medieval Nomads of Altai]. Drevnosti Altaja [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2002. №9. Pp. 82–91.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Rannetjurkskoe pogrebenie na mogil'nike Jakonur (po materialam raskopok M.P. Grjaznova) [Early Turkic Burial at the Yakonur Burial Gground (based on the excavations of M. Gryaznov)]. Drevnosti Altaja [Antiquities of Altai]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2003. №10. Pp. 107–117.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. Altaj v epohu srednevekov'ya: illyustrirovannyj istoricheskij atlas [Altai in the Medieval Period: Illustrated Historical Atlas]. Barnaul: ARTIKA. 2011. 136 p.

Trifonov Ju.I. Pamjatniki drevnetjurksskogo vremeni v Central'noj Tuve [The Sites of Ancient Turkic Time in Central Tuva]. Drevnie tjurki v Central'noj Tuve (po materialam rabot Sajano-Tuvinskoj jekspedicii) [Ancient Turks in Central Tuva (based on materials from the Sayano-Tuva Expedition)]. SPb. : JelekSis, 2013. Pp. 13–114.

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verhneobskaja kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Upper Ob Culture in Novosibirsk Priobye]. Novosibirsk : In-t arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p.

Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I. Vooruzhennoe nasilie u skotovodov Gornogo Altaja gunno-sarmatskogo vremeni [Armed Violence among the Cattle Breeders of the Altai Mountains of the Xiongnu-Sarmatian Period]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. №4. Pp. 132–139.

Umanskij A.P. Mogil'niki verhneobskoj kul'tury na Verhnem Chumyshe [The Burial Grounds of the Upper Ob Culture in the Upper Chumysh]. Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1974. Pp. 136–149.

Umanskij A.P. Pamjatniki jepohi «Velikogo pereselenija narodov» na Altae [The Sites of the Era of the “Great Migration of Peoples” in Altai]. Uralo-Altaiistika. Arheologija, jetnografija, jazyk [Ural-Altaiistika. Archaeology, Ethnography, Language]. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 55–63.

Fribus A.V., Grushin S.P., Sajbert V.O., Trusova E.V. Problemy hronologii drevnih i srednevekovyh kompleksov mogil'nika Chumysh-Perekat v Zapadnom Prislair'e [Problems of Chronology of Ancient and Medieval Complexes of the Chumysh-Perekate Burial in the Western Prislair]. Sovremennye resheniya aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii [Modern Solutions of Actual Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Issue 2. Pp. 42–47.

Hudjakov Ju.S. Drevnetjurksskoe pogrebenie na mogil'nike Teren-Kel' [Ancient Turkic Burial at the Teren-Kel Cemetery]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 1999. №3. Pp. 21–26.

Chindina L.A. Mogil'nik Rjolka na Srednej Obi [The Cemetery of Rjolka on the Middle Ob]. Tomsk : TGU, 1977. 192 p.

Chindina L.A. Istorija Srednego Priob'ja v jepohu rannego srednevekov'ja (rjolkinskaja kul'tura) [The History of Middle Ob in the Era of the Early Middle Ages (Relkin culture)]. Tomsk : TGU, 1991. 184 p.

N.N. Seregin¹, M.T. Abdulganeev, N.F. Stepanova^{1,2}

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul, Novosibirsk, Russia*

BURIAL WITH TWO HORSES DATED BY THE EPOCHS OF THE TURKIC KAGANATS FROM THE GORNYI-10 NECROPOLIS (Northern Altai)

The article presents the publication of materials from the excavations of the grave 10 of the Gorny-10 necropolis located in the Krasnogorsk region of the Altai Krai. The authors concern a detailed description of the research results, including a description of the burial rite and the accompanying inventory. It was established that the analyzed complex shows both general characteristics, traditional for the population of the Forest-Steppe Altai in the era of the Turkic kaganates, and a number of rare indicators. The latter include such an element of the ceremony as the burial of two horses – the only case to date, noted in the sites of Forrest-Steppe Altai of the beginning of early Middle Ages. More “standard” features of the ritual are the orientation of the deceased person in the northwestern sector of the horizon and the location of the nearby dog. The authors assume a fairly high lifetime position of the deceased person in society, as evidenced by not only the designated ritual indicators, but also a representative subject complex. Analysis of the inventory allows determining the dating of grave no.10 within the framework of the end of the 6th – 7th centuries AD. Clarification of the chronology of this object is associated with further processing and interpretation of materials from the excavation of the Gorny-10 necropolis.

Key words: early Middle Ages, necropolis, forest-steppe Altai, burial rite, chronology, Turkic kaganates.

В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ СЛОИСТАЯ СКАЛА В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ ХЭНГЭРЭКТЭ

Археологическая культура хэнгэрэктэ каменного века Западного Забайкалья выделена по материалам нижнего уровня 6-го слоя многослойного местонахождения Барун-Алан-1 в бассейне реки Уды (восточный приток Селенги). В течение десяти лет этот археологический объект оставался единственным, где был зафиксирован наиболее представительный комплекс археологических материалов, характеризующих культуру хэнгэрэктэ. В 2015 г. начато изучение нового археологического местонахождения, получившего наименование Слоистая Скала, находящегося в 500 м от Барун-Алана-1, но отделенного от него скалистым отрогом. Наиболее многочисленные находки Слоистой Скалы представлены каменными артефактами. Их изучение показало, что более 95% из всех каменных артефактов может рассматриваться в рамках одной индустриальной традиции, которая находит полные аналогии в индустриальной традиции нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1. Таким образом, Слоистая Скала – еще одно местонахождение, в котором зафиксирована палеолитическая культура хэнгэрэктэ. Это местонахождение на раскопанном участке отличается от Барун-Алана-1 отсутствием археологических материалов в стратиграфических уровнях ниже культурного горизонта, что исключает «примеси» более древних материалов среди артефактов, характеризующихся как типичные для культуры хэнгэрэктэ.

Ключевые слова: верхний палеолит, каменная индустрия, археологическая культура, археологическое местонахождение, Западное Забайкалье.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-03

Введение

Своеобразие каменной индустрии нижнего уровня слоя 6 и уровня контактной зоны слоев 6 и 7 местонахождения Барун-Алан-1 дало основание для выделения новой археологической культуры, получившей наименование «хэнгэрэктэ», по названию горы, на склонах которой расположено археологическое местонахождение [Ташак, 2010]. Результаты морфологического и технико-типологического анализов каменной индустрии легли в основу выделения новой археологической культуры, индустрия которой характеризуется преимущественным производством отщепов при первичном расщеплении и их использовании для изготовления каменных орудий. Одним из наиболее ярких элементов археологической культуры хэнгэрэктэ является массовое производство бифасов как орудий труда [Ташак, 2010, 2011]. Вместе с тем выделение культуры произошло по материалам одного археологического местонахождения, на основании их выраженного своеобразия, что оставляет без ответа ряд важных вопросов. Например, нет возможности исследовать территориальное распространение данной культуры, имея в наличии только одно местонахождение. Поскольку археологические материалы, легшие в основу выделения культуры хэнгэрэктэ, сосредоточены в одном культурном горизонте, затруднительно установление хронологических рамок ее существования. В связи с этим первостепенное значение приобретают корреляции каменной индустрии из подошвы 6-го слоя Барун-Алана-1 и материалов ряда известных палеолитических объектов Забайкалья с целью выявления аналогий и поиск новых местонахождений с подобной индустрией.

Как показал анализ каменных артефактов одного из таких местонахождений, обнаруженного в долине Алана, они демонстрируют сходство с материалами культуры хэнгэрэктэ Барун-Алана-1. В статье предлагаются к рассмотрению предварительные данные, полученные на первом этапе изучения нового местонахождения, названного Слоистая Скала (по своеобразному виду скалы), у подножия которой оно находится, расслоившейся на диагонально наклоненные плиты.

Общая характеристика местонахождения Слоистая Скала

Археологическое местонахождение Слоистая Скала зафиксировано в 6,3 км на северо-запад от с. Алан у подножия скалистых склонов западной экспозиции горы Хэнгэрэктэ. Участок расположения археологических объектов (там также находится плиточная могила бронзового века) представляет собой зону перехода крутых горных склонов в протяженный подгорный шлейф, который террасовидным уступом обрывается над поймой р. Алан. От известного археологического местонахождения Барун-Алан-1 до Слоистой Скалы около 500 м в северном направлении (рис. 1). Местонахождения разделены скалистым от-

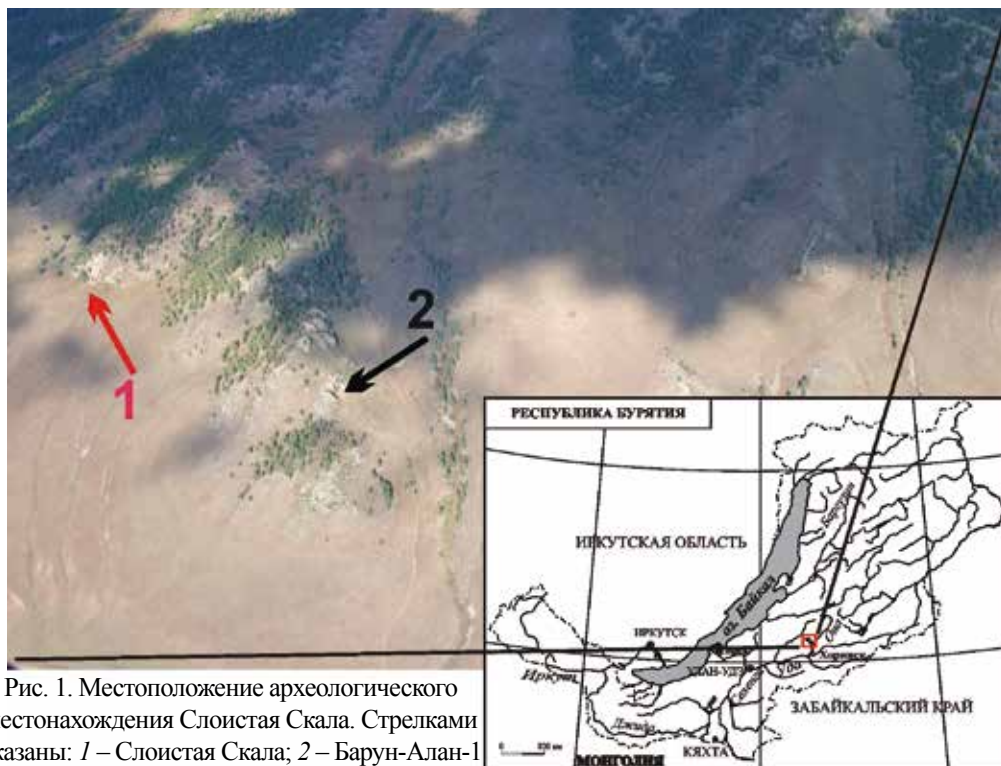

Рис. 1. Местоположение археологического местонахождения Слоистая Скала. Стрелками указаны: 1 – Слоистая Скала; 2 – Барун-Алан-1

рогом, у южного подножия которого и расположен Барун-Алан-1. Оба объекта занимают почти одинаковые высотные позиции по отношению к пойме р. Алан: центральная часть Барун-Алана-1 несколько ниже – около 80 м; Слоистая Скала – около 90 м, но визуально ситуация видится иначе, поскольку подъем к Барун-Алану-1 короче и круче.

Ситуационно Слоистая Скала занимает субгоризонтальную площадку у подножия скалы, ограниченную с юго-востока и северо-запада конусами выноса, ширина площадки между ними около 50 м. В 20 м от подножия скалы расположена плиточная могила бронзового века. С северо-западной стороны площадку ограничивает скалистая гряда, протянувшаяся от скалы в юго-западном направлении. В настоящее время эта гряда погребена под рыхлыми отложениями, видны вершины отдельных скальных обломков и отдельные каменные плиты (рис. 2).

Первые единичные артефакты в местности, где расположена Слоистая Скала, обнаружены в 2000 г., но целенаправленное изучение местности начинается в 2015 г. Разведочный шурф на исследуемом участке поставлен в зоне «корытообразного» понижения

Рис. 2. Общий вид местонахождения Слоистая Скала (на переднем плане под скалой)

исходя из предположения, что рыхлые отложения на участке, ограниченном конусами выноса, в меньшей степени подвергались разрушительному воздействию склоновых процессов. В результате выявлена стратиграфическая ситуация (рис. 3), имеющая некоторые аналогии на других исследованных участках на склонах горы Хэнгэрэктэ.

1. Супесь темно-коричневого (до черного) цвета с разнотельным песком, дресвой и единичными скальными обломками размерами до 10×30 см. Мощность слоя 15–35 см. Верхняя часть слоя мощностью 4–7 см представлена дерном.

2. Каменисто-щебнистый слой, состоящий из дресвы, щебня и мелких скальных обломков. Заполнение слоя – супесь светло-коричневого цвета с примесью серого цвета. Мощность слоя 10–30 см.

3. Суглинки рыжеватого-желтого цвета с большим количеством крупнозернистого песка, дресвы и щебня. Слой плотный – «сцементированный». Указанный обломочный материал разных размеров представляет собой продукты разрушения сиенитовых скал, что и придает слою рыжеватый оттенок. Видимая мощность слоя до 50 см.

По глубине залегания в грунте артефакты располагаются от подошвы дерна в первом слое до поверхности третьего. В самом дерне на глубине от 4 до 7 см встречаются единичные мелкие обломки битой кости. В толще третьего слоя артефакты не зафиксированы, кроме как на его поверхности, и три артефакта найдено в его кровле. В целом основу культуросодержащего горизонта составляют слои 1 и 2. Каменисто-щебнистое заполнение слоя 2 не имеет сплошного и выраженного распространения по всей раскопанной площади (имеются в виду крупные, более 15×15 см, скальные обломки). Плотность слоя каменных обломков различных размеров возрастает в северном направлении, т.е. ближе к скале.

Анализ распределения артефактов по глубине залегания показал, что все находки присутствуют в литологических слоях 2 и 1 (рис. 3), при этом основная масса фрагментов керамики залегает на глубине от 15 до 25 см ниже современной дневной поверхности – в первом слое. Выше и ниже этого уровня находки фрагментов керамических сосудов единичны, что обусловлено неровностями древней поверхности и небольшим количеством нор землеройных животных. Большинство каменных артефактов залегает на глубине от 20 до 50 см ниже современной поверхности.

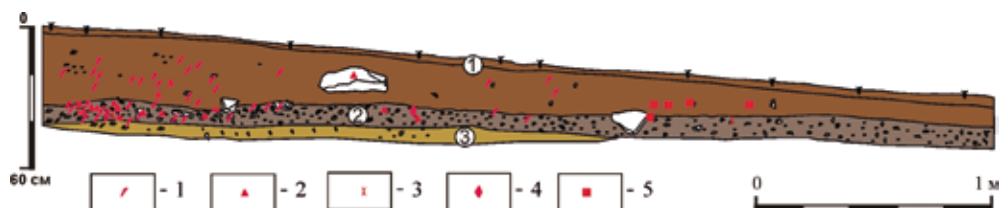

Рис. 3. Стратиграфия местонахождения Слоистая Скала (южная стенка) и распределение в слоях артефактов из южной линии квадратов. Описание слоев дано в тексте:

- 1 – отщепы; 2 – обломки и сколы различных типов; 3 – пластины и фрагменты пластин;
4 – фрагмент бифаса; 5 – фрагменты керамических сосудов

Более трех четвертей от числа каменных артефактов сосредоточено ниже глубины 25 см. Треть каменных артефактов патинизирована в разной степени, у трети из них патина не позволяет определить первоначальный цвет каменного сырья. Поверхность таких предметов становится серовато-белой. Все это указывает на то, что они долгое время оставались не погребенными в грунте. Как правило, патина покрывает только одну поверхность каменных изделий и отходов их производства или же патина имеет различную степень интенсивности на различных поверхностях. В настоящее время подъемный материал на исследуемом участке единичен, т.е. процессы патинизации происходили в прошлом. В большей степени патинизации подвергались крупные артефакты, что указывает на более затянутый процесс их перехода в погребенное состояние в сравнении с мелкими отщепами и обломками. Исходя из того, что концентрация артефактов под скалой компактна, и из того, что в шурфах с юго-восточной и с северо-западной сторон артефакты не выявлены, следует считать, что перемещение артефактов по склону было незначительным. С другой стороны, долгое нахождение на поверхности приводило к изменению их первоначальных позиций, обусловленное в том числе деятельностью человека. Например, захоронение бронзового века и организация культовых кострищ по его периметру.

На раскопанной площади фрагменты керамических сосудов занимают ее центральную часть, каменные артефакты демонстрируют увеличение численности в юго-восточном направлении, в сторону юго-восточного конуса выноса. В шурфе, поставленном в 20 м юго-восточнее раскопа, по осевой линии небольшого конуса выноса, археологический материал не обнаружен. Исходя из этого, можно считать установленным, что попавшая в зону раскопа концентрация каменных артефактов сосредоточена в западной части конуса выноса, не выходя к его центральной части. Другими словами, рабочее предположение о перспективном участке поиска археологических материалов было подтверждено – древняя стоянка была организована с южной стороны от скалы в понижении между двумя конусами выноса. Кроме этого, планиграфический анализ распределения каменных артефактов показывает, что территория стоянки продолжается в северную сторону, к скале, что не исключает наличия еще одной концентрации археологических материалов в этом направлении.

Сравнение ситуационных позиций Слоистой Скалы и Барун-Алана-1 показывает их аналогичность: скалистый утес с северной стороны, открытое пространство с южной стороны, высокое положение относительно поймы реки.

Палеолитические материалы

Абсолютное большинство находок на раскопанном участке составляют каменные артефакты – 502 экземпляра. Из них микроотщепов и мелких обломков – 185. Первичное группирование палеолитических материалов Слоистой Скалы возможно на визуальном

уровне, оно обусловлено сырьем небольшого количества артефактов – яшмовидным кремнем (?) темно-красного (сургучного) цвета. На данный момент в коллекции имеется девять артефактов из этого сырья. В их числе: пять фрагментированных микропластинок (рис. 4.-2), две из которых – с дорсальной микроретушью по одному краю; пластинка шириной до 12 мм, также с краевой дорсальной микроретушью (рис. 4.-1); два мелких отщепов и один фрагмент орудия на отщепе с мелкой краевой дорсальной ретушью. Перечисленный набор резко выделяется из остальной массы артефактов не только сырьем, но и типологией: без учета двух мелких отщепов это микропластинки, пластинка и небольшой пластинчатый отщеп. В остальной части коллекции такие изделия не фиксируются, за исключением одного мелкого фрагмента, по размерным характеристикам относящегося к микропластинкам, но получен он случайно в процессе декортикации сырья. Основная часть коллекции каменных артефактов демонстрирует единство как в плане морфологии, так и в плане техники расщепления, в связи с чем вся коллекция рассматривается в целом.

Сырьем основной массы артефактов является риолит-порфир, месторождение которого находится в привершинной части горы Хэнгэрэктэ. Некоторое количество данного сырья процессами денудации склонов транспортируется непосредственно к местонахождению Барун-Алан-1 или его ближайшим окрестностям. Прямой путь от вершины горы к Слоистой Скале перекрыт отрогом, разделяющим эти два местонахождения. Помимо риолит-порфира и яшмоидов зафиксировано еще несколько видов сырья, но артефакты из них единичны и, в общей сложности, представляют не более десятка предметов. За исключением микроотщепов, мелких обломков и артефактов из яшмоидов, в составе коллекции 308 каменных артефактов (в дальнейшем рассматривается это количество артефактов). В их числе два нуклеуса и восемь нуклевидных изделий и фрагментированных нуклеусов, а также один отбойник. Один из нуклеусов характеризуется как ортогональный по направлению сколов, но морфологически это плоскостной нуклеус с оформленной ударной площадкой. Сколы направлены перпендикулярно: один – вдоль длинной оси ядрища со стороны ударной площадки, второй – со стороны латерали. Второй нуклеус многогранный, кубовидный по форме. У него на одной грани четко выражен плоский фронт

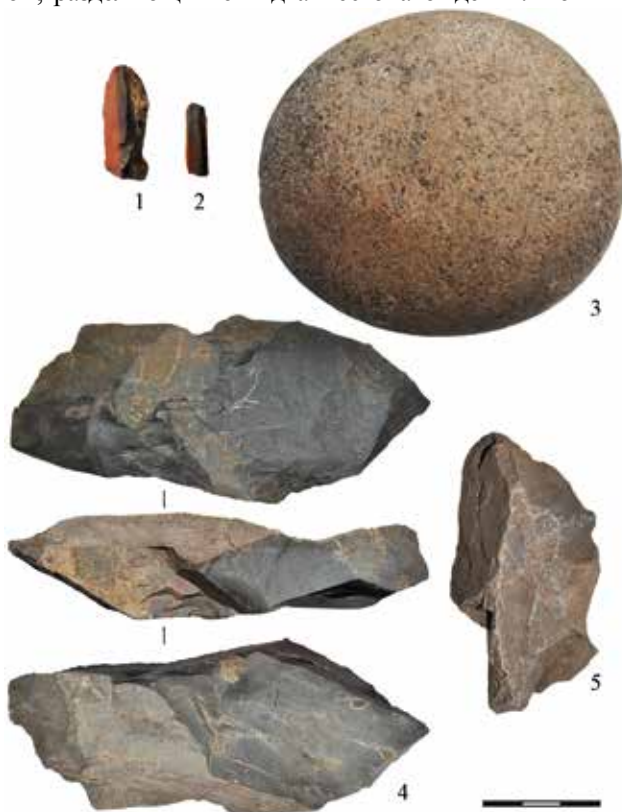

Рис. 4. Слоистая Скала, артефакты: 1 – фрагмент пластинки с ретушью; 2 – фрагмент микропластинки; 3 – отбойник; 4 – заготовка бифаса; 5 – концевой скребок

скалывания с негативами от снятий коротких, небольших пластинчатых отщепов. На одном из нуклеидов (массивный скол с нуклеуса) сохранились остатки аналогичного фронта скалывания. Еще один нуклеид формально можно охарактеризовать как плоскостной, двухплощадочный, двухфронтальный нуклеус. Это продолговатый кусок сырья с двумя узкими и двумя широкими гранями. Узкие грани служили ударными площадками, а широкие – расщепляемыми поверхностями. Этому предмету уделено отдельное внимание потому, что он, по всей видимости, является не нуклеусом для получения сколов-заготовок, а заготовкой бифаса на начальной стадии его производства (рис. 4.-4).

Одно из нуклеидных изделий представляет собой крупное, массивное орудие, оформленное на естественном обломке сырья пирамидальной формы, лезвие которого подготовлено на краю между основанием пирамиды и продолговатой гранью. По характеру оформления лезвие скребловидное, по внешнему виду предмет напоминает рубящее орудие (рис. 5.-2).

Из 308 каменных артефактов наиболее многочисленную группу составляют отщепы – 232 экземпляра, из них более половины (138 экз.) – обломки и фрагменты, сохранившие менее половины скола. В группе отщепов 34 экземпляра первичные, с сохранившейся естественной желвачной коркой на дорсальной поверхности не менее 80%. Всего желвачная корка в той или иной степени сохранилась на 88 отщепах, что составляет около

трети всех отщепов. С учетом всех типов сколов и обломков, а также готовых изделий естественная корка фиксируется на 123 предметах, это больше трети из всех каменных находок (без учета микроотщепов). Данный показатель указывает на то, что значительная доля первичной обработки каменного сырья осуществлялась в рамках исследуемой территории.

Следующими по численности предстают бесформенные обломки – 34 предмета. Далее, в порядке снижения численности, краевые сколы – 14, фрагменты пластин – 12, один фронтальный скол, которым была снята вся фронтальная поверхность плоскостного нуклеуса.

В большинстве краевые сколы, продолговатые и треугольные в сечении, предстают как результат придания формы кускам сырья и не несут на себе следов намеренного придания краю определенной формы.

Фрагменты пластин, как правило, мелких, в рассматриваемой коллекции являются отходами с неровными краями или массивные в сечении. Исходя из размеров и ровных краев, можно утверждать, что только три фрагментиро-

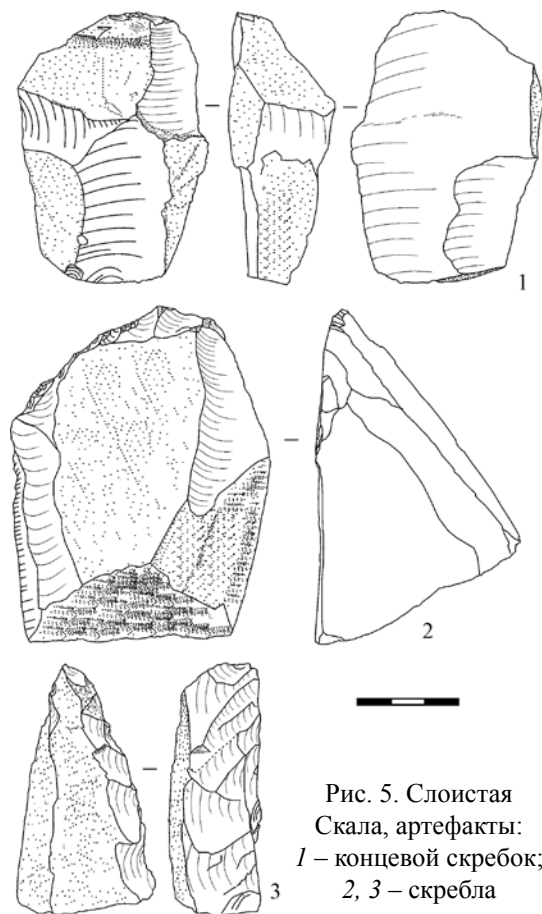

Рис. 5. Слоистая Скала, артефакты:
1 – концевой скребок;
2, 3 – скребла

ванные пластины могли быть потенциальными заготовками для изготовления орудий, но ни на одном из них нет как намеренной ретуши, так и следов работы.

Орудийный набор Слоистой Скалы представлен единичными изделиями различных типов и категорий. Обнаружен один отбойник – слегка приплюснутая окатанная сиенитовая галька со следами ударов по краям (рис. 4.-3). Сиенит – основная горная порода скал окружающих долину Алана. Небольшие группы составляют скребла и скребки. К категории скребел отнесены четыре изделия: одно, указанное ранее, нуклевидное (см. рис. 5.-2). Еще одно изделие, также отнесенное к нуклевидным, изготовлено на треугольном в плане, плитчатом фрагменте сырья, у которого крупной подтеской подработан один продольный край (рис. 5.-3). Два скребла оформлены на отщепе: в одном случае это поперечное скребло на широком дистальном конце массивного поперечного отщепе (рис. 6.-2), во втором случае лезвие оформлено на участке края. К скребкам отнесено два изделия, оба концевые. У обоих скребков лезвийные части узкие. У одного из них лезвие подготовлено на массивном отщепе (рис. 5.-1), у второго – на узком конце краевого скола (рис. 4.-5). В обоих случаях орудия следует рассматривать как ситуационные, без тщательного выбора заготовки и придания формы изделию.

Ножевидное изделие изготовлено на широкой естественной плитке, на одном краю которой длинными продольными сколами, направленными вдоль края на разных поверхностях, оформлено бифасиальное острое ребро-лезвие, частично подработанное ретушью. Данное изделие формально близко бифасам – уплощенная форма и бифасиально оформленное лезвие (рис. 6.-1).

Единично представлены следующие орудия: скобель с продольным, краевым, вогнутым лезвием на пластинчатом отщепе; отщеп с краевой вентральной, крутой ретушью; отщеп с небольшим участком краевой вентральной ретуши; один отщеп с мелкой дорсальной ретушью. Два отщепе несут следы работы в виде ретуши утилизации.

Отдельную, тоже немногочисленную, но наиболее яркую категорию орудий Слоистой Скалы представляют бифасы. Всего обнаружено три целых бифасиальных изделия различной формы и орудие с бифасиальным лезвием. Точнее в раскопе зафиксировано четыре бифасиальных предмета, один из них является обломком листовидного бифаса. Основная часть орудия и его обломок в виде краевого скола находились на расстоянии 60 см

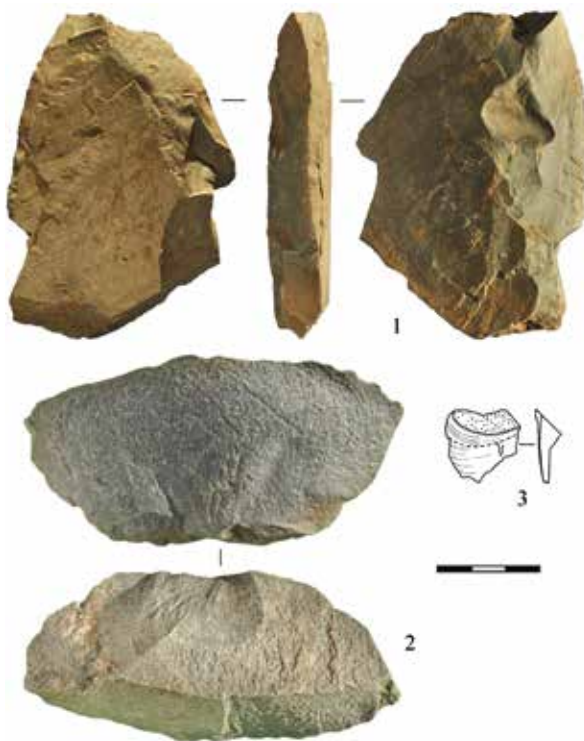

Рис. 6. Слоистая Скала, артефакты:
1 – естественная плитка с бифасиальным лезвием;
2 – скребло на поперечном отщепе;
3 – отщеп оформления лезвийной зоны бифаса

друг от друга. Оба долгое время не были погребены, поскольку на одной из поверхностей у них сильная патина. При ремонтаже изделия патинизированные поверхности фрагментов не совпадают. В целом виде бифас миндалевидной формы, плоско-выпуклый в сечении. Острый край образован подтеской и ретушью по всему периметру (рис. 7.-2). Вероятнее всего, основой для изготовления орудия послужил уплощенный обломок сырья – на одной его поверхности сохранился участок естественной валунной корки. Возможно, изделие оказалось сломанным в процессе изготовления. Об этом можно судить по негативам сколов, которыми оформлялась поверхность: продолжение одного из негативов подтески на обломке не прослеживается на основной части орудия, а заканчивается резким уступом. Уступ образовался в зоне дефекта сырья, по которому и произошло разрушение бифаса.

Второе изделие по форме напоминает прямоугольный треугольник, у которого лезвийный край оформлен на гипотенузе (рис. 7.-1). Оба края-катета представлены обушками,

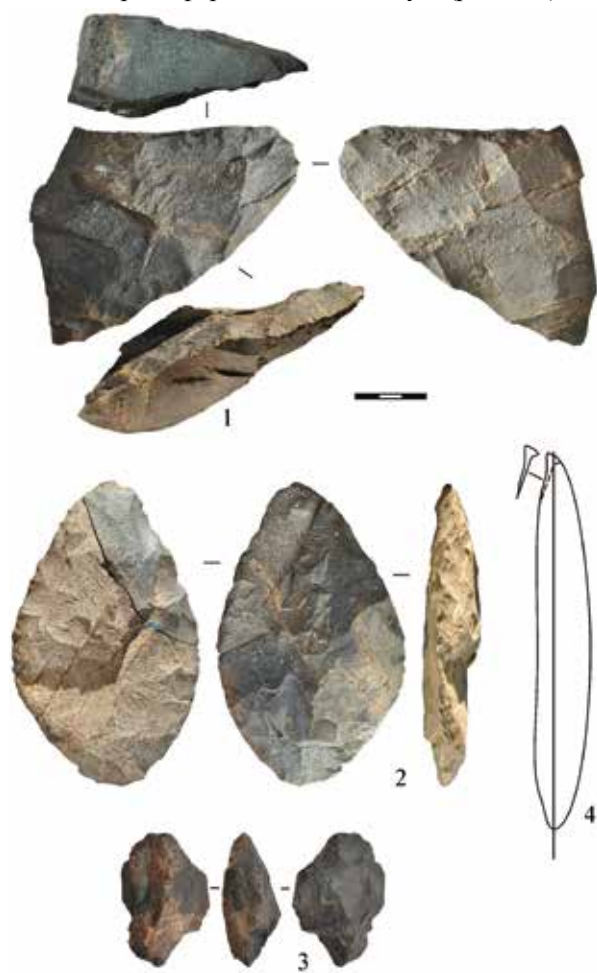

Рис. 7. Слоистая Скала: 1 – бифас с обушкой; 2 – листовидный бифас; 3 – бифас с «насадом»; 4 – схема процесса образования отщепов с массивными проксимальными концами

один из которых является типичной ударной площадкой, характерной для плоскофронтальных нуклеусов. Длинные края между треугольной в плане ударной площадкой и плоскостями бифаса подработаны по всей длине по схеме, типичной при редукации карниза между ударной площадкой и фронтом скалывания нуклеуса [Гиря, 1997, с. 68, 70; Нехорошев, 1999, с. 14].

Как было прослежено на материалах Барун-Алана-1, своеобразные ударные площадки оформлялись на всех участках края заготовки. В зависимости от поставленных целей некоторые площадки полностью редуцировались в лезвия, другие сохранялись в виде обушков при изготовлении орудий с обушками. Во всех случаях площадки предназначались для обеспечения процесса придания формы бифасам, но не для получения целевых сколов-заготовок. На последней стадии оформления острого лезвия, но до его ретуширования скалывание велось в диагональном направлении по отношению к продольной плоскости сечения бифаса (рис. 7.-4), что приводило к образованию специфических отщепов с массивным проксимальным и плоским тонким дистальным концами. Такие отще-

пы зафиксированы в раскопе Слоистой Скалы (рис. 6.-3). На лезвии второго бифаса сохранился небольшой остаток почти полностью редуцированной ударной площадки.

Третий бифас – это небольшое и короткое изделие с насадом (рис. 7.-3). Поперечное сечение бифаса ромбовидное, на одной из поверхностей в значительной степени сохранилась валунная корка. Насад выделен сколами, противолежащими и направленными к продольной оси орудия. По характеру оформления лезвия изделие напоминает долотовидные орудия. Возможно, орудие осталось незаконченным.

Возвращаясь к упомянутому ранее нуклевидному изделию (см. рис. 4.-4), можно отметить, что с его узких граней – ударных площадок уже произведено несколько крупных сколов, направленных на уплощение формы, т.е. наблюдается первый этап изготовления бифаса. Кроме этого, начат процесс формирования лезвия, о чем свидетельствует серия мелких сколов, утончающих ударные площадки.

Обсуждение

Ситуационное положение Слоистой Скалы идентично таким местонахождениям на склонах горы Хэнгэрэктэ, как Барун-Алан-1, Хэнгэр-Тын-3 Святилище. Стратиграфия верхней части отложений этих местонахождений также имеет много общего. Общность четко прослеживается в наличии толщи коричнево-черного гумусированного слоя, в Барун-Алане-1 и Хэнгэр-Тын-3 Святилище это слой 6, в Слоистой Скале – слои 1 и 2. В северной части раскопа Барун-Алана-1, где мощность слоя 6 более одного метра, прослеживается разделение уровней залегания фрагментов керамики раннего железного и бронзового веков и каменных артефактов культуры хэнгэрэктэ. Первые сосредоточены в кровле слоя, вторые – в подошве и на контакте слоев 6 и 7. В Слоистой Скале также наблюдается уровень, где преимущественно сосредоточены фрагменты керамики – 15–25 см от современной поверхности.

Наличие большого количества каменных артефактов с патинизированной поверхностью как из Слоистой Скалы, так и из нижнего уровня слоя 6 (далее – НУС 6) Барун-Алана-1 указывает на общность процессов перехода артефактов в погребенное состояние в этих местонахождениях.

Важнейшую роль при определении общности НУС 6 Барун-Алана-1 и Слоистой Скалы играет каменная индустрия. По количеству и типологическому разнообразию первое из рассматриваемых подразделений значительно превосходит второе. При этом каменная индустрия Слоистой Скалы полностью вписывается в рамки индустрии НУС 6 Барун-Алана-1. Первичное расщепление индустрии НУС 6 Барун-Алана-1 было направлено на получение отщепов, которые становились основным типом заготовок при изготовлении орудий [Ташак, 2010]. Большинство пластинчатых сколов в этой индустрии является отходами первичного расщепления или изготовления орудий. В этом плане индустрия Слоистой Скалы полностью идентична индустрии НУС 6 Барун-Алана-1. Что касается микропластин, то их принадлежность к индустрии культуры хэнгэрэктэ не исключается, но четких доказательств этому в настоящее время нет. Дело в том, что в Барун-Алане-1, там, где слой 6 имеет большую мощность, а его нижний уровень не сливается с верхним, как в зоне компрессии южнее скалистого утеса, не зафиксировано в НУС 6 ни одной микропластины или нуклеуса для их получения. Здесь не выявлено и побочных продуктов оформления и утилизации нуклеусов для микропластин, например краевых сколов или сколов подживления ударных площадок. Большинство микропластин обнаружено в слое 7 и ниже, а в верхнем уровне слоя 6 отмечены единичные находки такого типа.

Немногочисленные орудия Слоистой Скалы находят полные аналогии в НУС 6 Барун-Алана-1. В частности здесь нередки концевые скребки на массивных отщепах с небольшой лезвийной зоной, аналогичные отмеченным в Слоистой Скале.

Полная аналогия индустрий прослеживается при анализе бифасов и способов их производства. Одно орудие – на естественной плитке с бифасиально оформленным лезвием, также типичное явление для индустрии НУС 6 Барун-Алана-1. Подобные орудия следует рассматривать в рамках бифасиальных изделий: поскольку естественная плоская форма плиток сырья не требовала их специального уплощения, усилия затрачивались на оформление бифасиального лезвия. Аналогичная ситуация наблюдается при изготовлении орудий из отщепов, по форме напоминающих бифасы. Такие орудия найдены не только в НУС 6 Барун-Алана-1, но и в 6-м слое Хэнгэр-Тын-3 Святилища. В этом местонахождении аналогии культуре хэнгэрэктэ наблюдаются по небольшому набору типов артефактов, в том числе и по этим орудиям, поэтому для утверждения полноценного присутствия данной культуры здесь пока недостаточно фактического материала.

В Западном Забайкалье, за пределами долины Алана, известно одно местонахождение с представительным набором бифасов – это Аршан-Хундуй, расположенный в горных отрогах левобережья реки Чикой, в 295 км на юго-запад от Слоистой Скалы и Барун-Алана-1. Вместе с бифасами на этом местонахождении найдены многочисленные торцовые клиновидные нуклеусы, микропластины, а также сколы предварительной подготовки и переоформления клиновидных нуклеусов – реберчатые и лыжевидные [Ташак, 2000; Антонова, 2011]. Основой для оформления нуклеусов в Аршан-Хундуй служили продолговатые бифасы. Типологически бифасы индустрии Барун-Алана-1 и Слоистой Скалы более разнообразны в сравнении с Аршан-Хундуйем, а микропластины и все, что связано с их производством, нехарактерно для НУС 6 Барун-Алана-1 и Слоистой Скалы. Также в индустрии культуры хэнгэрэктэ пока нет ни одного свидетельства переоформления бифасов в нуклеусы для микропластин. На территории Западного Забайкалья палеолитические местонахождения с бифасиально обработанными орудиями единичны. Многие из них известны еще с 1-й половины или середины XX в. [Окладников, 1959], большинство из этих стоянок – с поверхностным залеганием археологических материалов и единичными бифасами, сборы которых производились выборочно. Вместе с бифасами в этих местонахождениях найдены пластинки, микропластинки и нуклеусы для их производства. При этом следует отметить, анализ одного бифаса из местонахождения Няньги (левобережье р. Селенга на юге Бурятии), хранящегося в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, выявил некоторые черты, морфологически сближающие его с изделиями Барун-Алана-1. В частности, это оставленный узкий обушок на участке одного края. На основе трасологического анализа подобные бифасы из Барун-Алана-1 определены П.В. Волковым как ножи по мясу.

Судя по опубликованным материалам, значительное сходство с индустрией культуры хэнгэрэктэ обнаруживается в индустрии местонахождения Сухотино-4 (г. Чита, Восточное Забайкалье) [Окладников, Кириллов, 1981; Филатов, 2016]. В первую очередь это сходство обнаруживается в наличии большого и разнообразного набора бифасов, но, как и в Аршан-Хундуйе, бифасы Сухотино-4 сопровождаются представительным набором микронуклеусов и микропластин, наличие которых в культуре хэнгэрэктэ не обеспечено доказательной базой.

Вопрос хронологии культуры хэнгэрэктэ остается нерешенным, в связи с чем нерешенным остается и вопрос о возрасте каменных артефактов местонахождения Слоистой Скалы. Первоначально НУС 6 Барун-Алана-1 датировался в диапазоне от 35 до 22 тыс. л.н. на основании термолюминесцентного датирования грунта, которое согласовывалось с двумя имевшимися на тот момент радиоуглеродными датами [Ташак, 2009].

На сегодняшний день датирование НУС 6, который рассматривается как эталонный для культуры хэнгэрэктэ, наиболее проблематично. Новая серия радиоуглеродных (некалиброванных) дат для НУС 6 и контактной зоны слоев 6 и 7 дает хронологический разброс от 13 до 18 тыс. л.н. С учетом возрастных характеристик залегающего ниже уровня 7а слоя 7, для которого устанавливается примерно такой же хронологический диапазон, можно предположительно датировать НУС 6 в рамках верхних позиций этого диапазона – 13–15 тыс. л.н. Тем не менее вопрос о хронологии культуры хэнгэрэктэ нельзя считать закрытым, в настоящее время продолжают исследования в этой области.

Заключение

Каменная индустрия нового археологического местонахождения Слоистая Скала аналогична каменной индустрии НУС 6 Барун-Алана-1, что позволяет расширить территорию фиксации археологической культуры хэнгэрэктэ.

От Барун-Алана-1 Слоистую Скалу выгодно отличает отсутствие археологических материалов в стратиграфических уровнях ниже культурного горизонта, что исключает «примеси» более древних материалов в артефактном наборе, характеризуемом как типичный для культуры хэнгэрэктэ. Отрицать наличие культурных горизонтов с археологическими материалами, типичными для слоя 7 или слоя 7г Барун-Алана-1, нельзя, поскольку в 50 м северо-западнее участка с новой стоянкой выявлены единичные артефакты, характерные для этих слоев, но на раскопанном участке они отсутствуют. Поздние эпохи на данном участке характеризуются остатками керамических сосудов, характерных для первого тысячелетия до нашей эры, что согласуется с наличием плиточной могилы позднего бронзового века и костров, вероятно, культовых, в ее окружении. Кроме этого, здесь отмечается небольшой набор микропластин, изготовленных из однотипного сырья, вероятно, из одного желвака. На современном этапе исследований эти материалы сложно связать напрямую с основной массой археологического материала. Можно предполагать их возраст как неолитический. Для более точного определения их места в хронологической схеме не хватает фактических данных.

Согласно анализу каменных артефактов, среди которых наиболее выразительны бифасиальные орудия, сопровождающиеся обилием отходов в виде различных отщепов, в том числе демонстрирующие этапы оформления бифасов, предварительно можно рассматривать Слоистую Скалу как стоянку-мастерскую со специализацией на производство бифасов, индустрия которой полностью вписывается в рамки индустрии НУС 6 Барун-Алана-1.

Библиографический список

Антонова Ю.Е. Аршан-Хундуй: финальнопалеолитическое местонахождение Западного Забайкалья в контексте материалов Северной и Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2011. Вып. 2. С. 13–19.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб. : ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский Дом, 1999. 173 с.

Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ : БурГИЗ, 1959. Вып. 1. С. 2–26.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Ташак В.И. Местонахождение Аршан-Хундуй: (опыт исследования и интерпретации). // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2. Ч. 1. Иркутск : Иркутский гос. пед. ун-т, 2000. С. 161–180.

Ташак В.И. Стратиграфия и хронология палеолитических памятников горы Хэнгэрэктэ (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3 : Археология и этнография. С. 53–62.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8 : Востоковедение. 2010. С. 234–241.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 130–140.

Филатов Е.А. Сухотинский геoarхеологический комплекс : научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса. Чита : ЗабГУ, 2016. 44 с.

References

Antonova Yu.E. Arshan-Khundui: finalnopaеoliticheskoe mestonakhozhdenie Zapadnogo Zabaikaliya v kontekste materialov Severnoi i Vostochnoi Azii [Arshan-Khundui: the Final Paleolithic Site of the Western Transbaikalia in the Context of Materials from North and East Asia]. Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Irkutsk, 2011. Is. 2. Pp. 13–19

Girya E.Yu. Tekhnologicheskii analiz kamennykh industrii. [Technological Analysis of Stone Industries]. St. Petersburg, 1997, Vol. 2. 198 p.

Nekhoroshev P.E. Tekhnologicheskii metod izucheniia rasshchepleniia kamnia srednego paleolita [Technological Approach to Studying Stone Knapping in the Middle Palaeolithic]. Saint Petersburg : Evropeiskii dom, 1999. 173 p.

Okladnikov A.P. Paleolit Zabaikaliya. Obshchii ocherk [Paleolithic of Transbaikalia. General Essay]. Arkheologicheskii sbornik [Archeological Digest]. Ulan-Ude : BurGIZ, 1959. Pp. 2–26.

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Yugo-Vostochnoe Zabaikalie v epokhu kamnya i rannei bronzy [South-Eastern Transbaikalia in Stone Age and Early Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 278 p.

Tashak V.I. Mestonahozhdenie Arshan-Hunduj: (opyt issledovaniya i interpretatsii) [Location of Arshan-Khunduy: (experience of research and interpretation)]. Bajkal'skaya Sibir' v drevnosti. Vyp. 2. CH. 1 [Baikal Siberia in Antiquity. Issue 2. Part 1]. Irkutsk : Irkutskij gos. ped. un-t, 2000. Pp. 161–180.

Tashak V.I. Stratigrafiya i khronologiya paleoliticheskikh pamyatnikov gory Khengerekte (Zapadnoe Zabaikalie) [Stratigraphy and Chronology of Khengerekte Mountain's Paleolithic Sites (Western Transbaikalia)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [The Bulletin of Novosibirsk State University. Series History and Philology]. 2009. Vol. 8, Is. 3. Pp. 53–62.

Tashak V.I. K obosnovaniyu novoi arkheologicheskoi kultury v verkhnem paleolite Zabaikaliya [To the Grounds of a New Archaeological Culture in Upper Paleolithic of Zabaikalie]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie [Buryat State University Bulletin. Oriental Studies]. 2010. Vol. 8. Pp. 234–241.

Tashak V.I. Bifasialnye izdeliya v paleolite Zabaikaliya [Bifacial Tools in Paleolithic of Transbaikal]. Aktualnye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Urgent Problems of Siberian and Far East Archaeology]. Ussuriysk : Izd-vo UGPI, 2011. Pp. 130–140.

Filatov E.A. Sukhotinskii geoarхеологический комплекс: nauchnyi putevoditel po paleoliticheskim pamyatnikom Sukhotinskogo geoarхеологического комплекса [Geoarchaeological Complex Sukhotino: the Science Guide to Paleolithic Sites of Geoarchaeological Complex of Sukhotino]. Chita : ZabSU, 2016. 44 p.

V.I. Tashak

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia*

ARCHAEOLOGICAL SITE SLOISTAYA SKALA IN THE WESTERN TRANSBAIKALIA: NEW DATA ON THE KHENGEREKTE CULTURE

Archeological culture named Khengerekte is distinguished on the materials from the lower part of the 6th layer of multilayered site Barun-Alan-1, situated in the Uda River basin (the eastern tribute of the Selenga River). During the last decade this site had been the only site the materials of which contained representative archaeological assemblage characterizing Khengerekte culture. In 2015, the investigation of a new archaeological site named Sloistaya Skala started. The site is located in 500 m from Barun-Alan-1, but separated from it by a rocky spur. The most of finds at the Sloistaya Skala site are stone artifacts. According to their analysis, more than 95% of all stone artifacts can be considered in the frame of one technological tradition, which has full analogies in the stone industry of the lower part of layer no.6 at Barun-Alan-1. Hence, the Sloistaya Skala site is one more locality with recorded Khengerekte Paleolithic culture. This site differs from Barun-Alan-1 by the absence of archaeological materials in stratigraphical layers below the cultural layer at the excavated area. This fact excludes the admixture of more ancient archaeological materials among the artifacts characterized as typical for Khengerekte culture.

Key words: Upper Palaeolithic, stone industry, archaeological culture, archaeological site, Western Transbaikal.

УДК 903.2«6325»

А.В. Шалагина, Л.В. Зоткина, А.А. Анойкин, Н.А. Кулик

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ЛИСТОВИДНЫЕ БИФАСЫ В КОМПЛЕКСАХ НАЧАЛЬНОГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Важной составляющей изучения комплексов начального верхнего палеолита (НВП) является выделение орудий-маркеров – изделий, обладающих определенными морфологическими свойствами и конкретной хронологической и территориальной привязкой. Одним из орудий-маркеров индустрий НВП Южной Сибири и севера Центральной Азии являются листовидные и овальные бифасы. Данные орудия уплощенные, имеют либо двояковыпуклое, либо плосковыпуклое сечение, продольные края оформлены бифасиальной чешуйчатой, иногда параллельной ретушью. Подобные изделия фиксируются в ранних верхнепалеолитических индустриях на территории всего региона. В основном они представлены единичными экземплярами, наибольшая коллекция листовидных бифасов была зафиксирована в Дербинском заливе Красноярского водохранилища (среднее течение р. Енисей). Чаще всего наличие листовидных бифасов сочетается с присутствием в археокомплексах острокопечников с подтеской основой, тронкированных изделий и пластинок с притупленным краем.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Центральная Азия, начальный верхний палеолит, бифасы, стоянка Ушбулак, анализ последовательности сколов, трасологический анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-04

Введение

Вопросы, связанные со становлением верхнего палеолита, являются одними из самых обсуждаемых в мировом палеолитоведении. Для переходных комплексов, которые сочетают в себе черты среднего и верхнего палеолита, в последнее время чаще всего используют термин «начальный верхний палеолит», предложенный при изучении ранних верхнепалеолитических комплексов Леванта [Marks, Ferring, 1988]. Сегодня индустрии начального верхнего палеолита (НВП) в широком смысле [Kuhn et al., 1999] выделяются на обширной территории от Северной Африки до Северного Китая [Kuhn, Zwyns, 2014] и хронологически укладываются в пределы MIS3 [Marks, 1990; Hoffecker, Wolf, 1988; Вишняцкий, 2008].

В связи с тем, что термин НВП приобрел достаточно широкое значение, основное внимание в современной науке уделяется изучению его регионального контекста [Дервянко, 2011; Zwyns, 2012; Rybin et al., 2016]. В этой связи особое значение приобретает выделение так называемых *руководящих ископаемых*, или *орудий-маркеров*, обладающих конкретной временной и территориальной привязкой и морфологическими характеристиками, уникальными для определенной культурно-хронологической группы памятников [Rybin, 2014].

Для территории Южной Сибири и севера Центральной Азии исследования последних лет позволили объединить комплексы ранних этапов верхнего палеолита в отдельный вариант НВП. Для него, как правило, характерно производство крупных пластин в рамках подпризматического параллельного скалывания в сочетании с незначительным леваллуазским компонентом. В орудийном наборе широко представлены ретушированные пластины, скребки, проколки, резцы, скребла [Rybin et al., 2016; Rybin, 2014].

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ №18-09-00031 «Северо-восток Средней Азии в позднем плейстоцене (MIS 5 – MIS 2): развитие археологических культур и изменения природной среды» и №18-39-20003 «Палеотехнологии в среднем – верхнем палеолите Северной и Центральной Азии как динамическая система: изменения и взаимодействие составных частей».

Важным аспектом изучения индустрий НВП Южной Сибири и севера Центральной Азии является выделение орудий-маркеров, которые в той или иной мере фиксируются во всех технокомплексах. К таким специфическим типам изделий относятся острия с подтеской основания, изделия с вентральной подтеской дистального окончания (тронкированные изделия), скошенные острия, острия/пластинки с притупленным краем, пластины с основанием-черешком, нуклеусы-резцы, предметы неутилитарного назначения / украшения. Яркой категорией маркирующих изделий являются также листовидные или овальные бифасы [Rybin, 2014].

Данная статья содержит краткий обзор находок листовидных/овальных бифасов в комплексах НВП Южной Сибири и севера Центральной Азии с целью выявления географии и хронологии их распространения, а также значения данной категории как маркера НВП. В обзор были включены комплексы начальных этапов верхнего палеолита региона, в которых был отмечен хотя бы один маркер НВП [Rybin, 2014; Рыбин, Глушенко, 2014]. Дана также детальная характеристика бифасиального изделия со стоянки Ушбулак в Восточном Казахстане, в технокомплексах которой фиксируется полный набор орудий-маркеров [Шуныхов и др., 2016; Анойкин и др., 2018].

Находки листовидных и овальных бифасов в индустриях ранних этапов верхнего палеолита Южной и Средней Сибири и Центральной Азии

Индустрии НВП общности на территории Южной Сибири и Центральной Азии фиксируются в Горном Алтае, Северо-Западном Китае, Северной и Центральной Монголии, Прибайкалье, Юго-Западном Забайкалье, Средней Сибири, в Восточном Казахстане (рис. 1). Наиболее полный набор руководящих ископаемых, который присутствует в нескольких стратифицированных комплексах, фиксируется на стоянках ранних стадий верхнего палеолита в Российском Алтае, где также отмечается и наличие бифасов [Rybin, 2014; Деревянко, Шуныхов, 2002]. Под листовидными бифасами в литературе понимаются «приемлемо симметричные двусторонне обработанные предметы с двумя бифасиально ретушированными продольными краями» [Debénath, Dibble, 1994, p. 121].

Одна из представительных коллекций бифасов в верхнем палеолите Алтая происходит из комплексов ранней стадии верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1986 г.). Для данных индустрий характерно первичное расщепление, направленное на получение удлиненных заготовок с параллельных плоскостных и призматических нуклеусов. В орудийном наборе преобладают скребки, резцы, проколки и ретушированные пластины. Среди наиболее выразительных форм фиксируются четыре орудия-маркера: пластинки с притупленным краем, острия с подтеской основания, тронкированные изделия и нуклеус-резец [Rybin, 2014]. Бифасиальные изделия данного комплекса (рис. 2.-5), представленные 5 экз., характеризуются чаще всего как овальные и подлистовидные, плоско-выпуклые, с прямым выпуклым лезвием, оформленным чешуйчатой ретушью [Деревянко и др., 1990, с. 72–47].

Серия бифасиальных изделий была найдена в комплексах раннего этапа верхнего палеолита Денисовой пещеры (50–35 тыс. л.н. [Douka et al., 2019]). Шесть фрагментов тщательно обработанных листовидных бифасов присутствует в слое 11 центрального зала Денисовой пещеры [Деревянко и др., 1998; Деревянко и др., 2016] и два фрагмента в слое 11 южной галереи [Деревянко и др., 2017; Деревянко и др., 2018]. В данных комплексах также присутствуют другие категории орудий-маркеров (тронкированные изделия, пластинки с притупленным краем, пластины с черешком и костяные украшения) [Rybin, 2014; Деревянко и др., 2018].

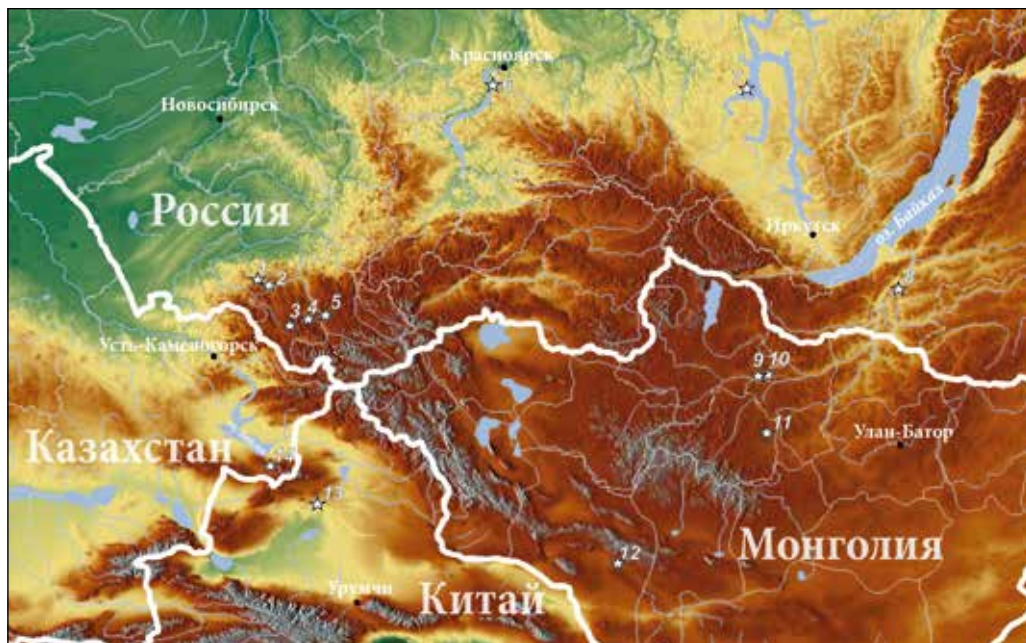

Рис. 1. Памятники НВП Южной Сибири и Центральной Азии, на которых были обнаружены бифасиальные изделия: 1 – Денисова пещера; 2 – Усть-Каракол-1; 3 – Кара-Бом; 4 – Тюмечин-4; 5 – Кара-Тенеш; 6 – памятники Дербинского залива; 7 – Леоново-1; 8 – Каменка; 9 – Толбор-4; 10 – Толбор-15; 11 – Орхон-7; 12 – Чихен-2; 13 – Лотоши; 14 – Ушбулак

вянко, Шуньков, 2002]. Кроме того, бифасы продолжают встречаться и на более поздних этапах верхнего палеолита Денисовой пещеры, в слое 9 центрального зала (1 экз.) [Деревянко и др., 1998] и южной галереи (3 экз.) [Деревянко и др., 2017; Деревянко и др., 2018].

В индустрии стоянки Кара-Тенеш, которая также относится исследователями к раннему этапу верхнего палеолита (42–34 тыс. л.н.) бифасиальные изделия представлены четырьмя относительно целыми изделиями и двумя фрагментами. Почти все изделия небольших размеров, обладают асимметричной формой и линзовидным сечением. Авторы признают, что часть из них, вероятно, является сильно истощенными нуклеусами [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 226–227]. Помимо бифасов в комплексе также отмечается пять категорий руководящих ископаемых: острия с подтеской основания, скошенные острия, пластинки с притупленным краем, тронкированные изделия, пластины с черешком [Rubin, 2014; Проблемы палеоэкологии..., 1998].

Еще одна коллекция листовидных бифасов в верхнем палеолите Алтая была найдена на местонахождении Тюмечин-4. Листовидные бифасы в данном комплексе представлены шестью законченными изделиями (рис. 2.-6–7) и одной заготовкой. Все бифасы достаточно уплощенные (показатель уплощенности 3–6), в различной степени фрагментированы. Лезвие в профиле либо прямое, либо извилистое [Проблемы палеоэкологии..., 1998, с. 259–282].

К индустриям верхнего палеолита может быть отнесен овальный плоско-выпуклый листовидный бифас из нестратифицированной части стоянки Кара-Бом. Данное изделие относится исследователями к комплексам среднего палеолита в рамках изучения среднепалеолитических индустрий Алтая с листовидными бифасами [Деревянко, Шуньков,

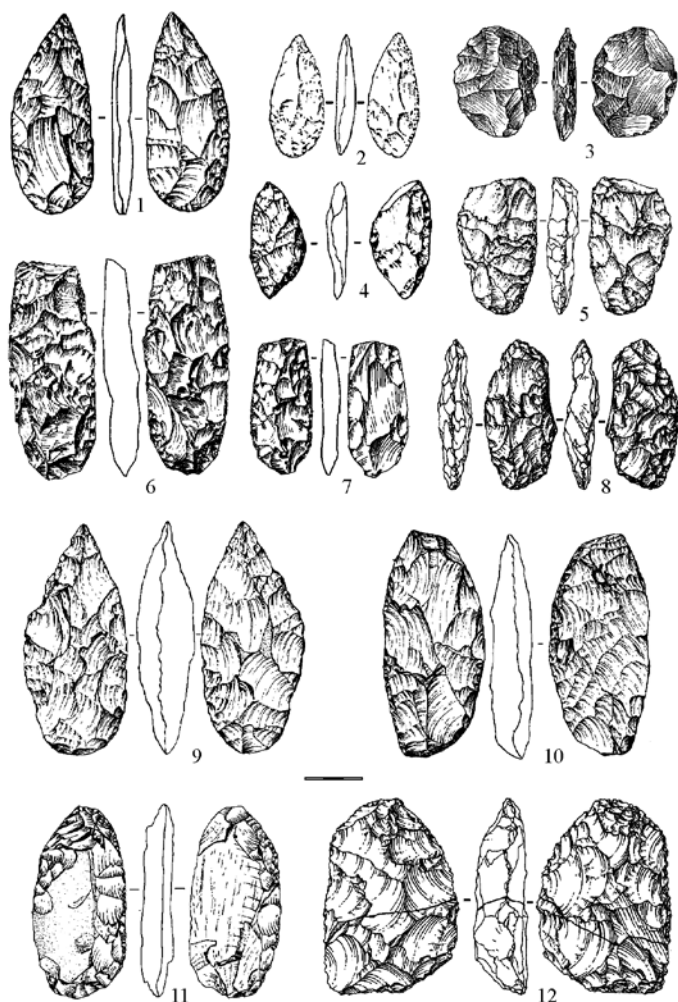

Рис. 2. Листовидные и овальные бифасы со стоянок ранних этапов верхнего палеолита Южной и Средней Сибири и Центральной Азии: 1, 10 – Дербина-V (по: [Акимова и др., 2018]); 2 – Мальта (по: [Sitlivy et al., 1997]); 3 – Чихен-2 (по: [Деревянко и др., 2015]); 4 – Леоново-1 (по: [Волокитин, 1990]); 5 – Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко и др., 1990]); 6, 7 – Тюмечин-4 (по: [Проблемы палеоэкологии..., 1998]); 8 – Толбор-15 (по: [Деревянко и др., 2013]); 9 – Усть-Малтат-II (по: [Акимова и др., 2018]); 11 – Усть-Кяхта-16 (по: [Ташак, 2011]); 12 – Лотоши (по: [Деревянко и др., 2012])

среднего к верхнему палеолиту (40 тыс. л.н.) и в горизонте ранней поры верхнего палеолита (39–33 тыс. л.н.) также фиксируется наличие бифасиальных изделий (16 экз.). Однако все они отличаются асимметричной формой и имеют плоско-выпуклое сечение, достаточно грубо оформлены [Деревянко и др., 2010].

2002]. Однако оно не имеет четкой стратиграфической позиции, поэтому может быть рассмотрено и в рамках изучения традиции изготовления листовидных бифасов в комплексах НВП.

Следующим регионом, где представлены индустрии НВП с наиболее полным набором орудий-маркеров, является Северная Монголия. Там на стоянках Толбор-4 и Толбор-15 (34–28 тыс. л.н.) представлены почти все категории орудий-маркеров, в том числе и бифасы [Деревянко и др., 2013]. На данных стоянках среди орудий с двусторонней обработкой выделяются бифасиальные скребла (4 экз.), бифасиальные скребла, обработанные на $\frac{3}{4}$ периметра, (3 экз.) и бифасиальные ножи (6 экз.). Бифасиальные ножи (рис. 2.-8) имеют вытянутую овальную (листовидную) и подпрямоугольную форму. Поперечное сечение орудий со стоянки Толбор-4 плоско-выпуклое, с памятника Толбор-15 – двояко-выпуклое. На изделиях с обоих памятников фиксируется наличие обушков (включая бифасиальные скребла с обушком) [Деревянко и др., 2013].

На стоянке Орхон-7 в материалах перехода от

На стоянке Чихен-2 (Гобийский Алтай), также демонстрирующей характеристики НВП, в сл. 2.7 фиксируется овальный бифас (рис. 2.-3) со следами сплошной обработки плоскостей. В этом же слое присутствуют тронкированные пластины, пластинки с притупленным краем и острия с подтеской основания [Деревянко и др., 2015].

На территории между Российским Алтаем и Северной Монголией найдены только экспонированные комплексы НВП. В Монгольском Алтае на стоянке Баян-нур-13 найдены 11 листовидных плоских удлинённых бифасов. Помимо этого, там имеются четыре других маркирующих типа орудий [Rybin, 2014]. На юге Монгольского Алтая на местонахождении Барлагин-Гол-2 фиксируются единичные бифасиально обработанные орудия [Деревянко и др., 2012]. На местонахождении Лотоши, в Северо-Западном Китае, были обнаружены пять бифасиально обработанных орудий (рис. 3.-12). Три изделия овальной или подпрямоугольной формы, двояко-выпуклые в сечении с извилистым лезвием, а также один листовидный бифас с двояко-выпуклым сечением и одна заготовка [Деревянко и др., 2012].

Районом, где фиксируется наибольшее число листовидных бифасов в комплексах ранних этапов верхнего палеолита, является Средняя Сибирь, долина р. Енисей. Там только в Дербинском заливе с шести комплексов происходит порядка 150 листовидных и овальных бифасов, включая обломки и заготовки. Абсолютное большинство бифасов найдено на Дербине-V (104 экз.), группы до 20 экз. – на Усть-Малтате-II, Усть-Малтате-I, Покровке-I и Дербине-IV [Акимова и др., 2018, с. 120–121]. Геохронологические данные указывают на то, что наиболее ранние комплексы данного района (Усть-Малтат-II, нижний горизонт Дербини-V, Покровка-I) датируются периодом 32–27 тыс. л.н. По технологии первичного расщепления, орудийному набору, а также таким характерным типам, как остроконечники с подтеской основания, крупные листовидные бифасы, исследователи относят данные комплексы к кругу индустрий НВП Южной Сибири и севера Центральной Азии [Акимова и др., 2018, с. 123; Rybin, 2014].

Морфологически бифасы Дербини (рис. 2.-1, 9–10) подразделяются на две основные группы: остроконечные, тяготеющие к листовидным или миндалевидным (с небольшим расширением в медиальной части), и овальные (округлый и удлинённый варианты). Бифасы демонстрируют высокую степень стандартизации производства. У многих изделий острое окончание несколько скошенное, рабочее лезвие извилистое, иногда выпрямленное к овальному основанию. В связи с выровненностью рабочего лезвия авторы предполагают, что основная рабочая область орудий была расположена у овального основания либо на наиболее выпуклом крае [Акимова и др., 2009].

Серия лавролистных и овальных бифасов фиксируется на местонахождении Каштанка-IA, расположенном на левом берегу Енисея, которое датируется MIS 3 [Хроностратиграфия..., 1990, с. 117–130]. В целом традиция изготовления листовидных и овальных бифасов сохраняется в долине Енисея вплоть до финала плейстоцена [Хроностратиграфия..., 1990].

Стоит отметить также, что листовидные и овальные бифасы наряду с другими маркерами НВП фиксируются и на памятниках Прибайкалья (Мальга – рис. 2.-2, Курчатовский залив, Леоново-3, Мыс Дунайский-3, Левобережный Калтук), которые датируются первой половиной MIS 3 [Sitlivy et al., 1997; Глушенко, 2013]. Наиболее представительная серия (шесть листовидных и овальный бифас) происходит из экспонированных материалов местонахождения Леоново-1 (рис. 2.-4) [Rybin, 2014; Волокитин, 1990].

В Западном Забайкалье листовидные бифасы в комплексах НВП отсутствуют. Единичные асимметричные бифасиальные изделия фиксируются в культурном слое 5 Варваринной горы и на стоянке Каменка, комплекс Б, в которых фиксируется несколько орудий-маркеров НВП [Rybin, 2014; Лбова, 2000]. Одно овальное бифасиальное изделие, оформленное на крупном пластинчатом сколе (рис. 2.-11), было обнаружено на местонахождении Усть-Кяхта-16 [Ташак, 2011], которое датируется финалом каргинского – началом сарганского периода [Ташак, 2015]. При этом традиция изготовления листовидных бифасов проявляется в более поздних сарганских комплексах региона. Серии листовидных бифасов происходят из слоя 6 стоянки Барун-Алан-1 (обоснование сарганского возраста данного слоя приведено в статье: [Ташак, 2013]), Сухотино-4, Аршан-Хундуй [Ташак, 2011].

***Находки листовидных бифасов в Северо-Восточном Казахстане.
Стоянка Ушбулак***

Стоянка Ушбулак расположена в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана. Памятник был обнаружен в ходе разведочных работ российско-казахстанской экспедицией в 2016 г. [Шуньков и др., 2016]. В 2017–2018 гг. на памятнике проводились раскопки на нескольких участках общей площадью 20 кв. м. На стоянке были зафиксированы три основных археологических комплекса; массовый археологический материал (~15 тыс. экз.) связан со слоями 6–7, которые относятся к начальным этапам верхнего палеолита [Шуньков и др., 2016; Анойкин и др., 2018]. Мощность отложений слоев 6–7 составляет около 1,5 м. В их составе было выделено десять дополнительных подразделений, связанных с горизонтами залегания археологического материала. Для нижней части отложений слоя 6 (слои 6.6–6.8) была получена AMS-дата по мелким фрагментам кости возрастом 41110 ± 302 BP (NSKA-01811) [Анойкин и др., 2018].

В целом материал слоев 6–7 демонстрирует единые технико-типологические черты. Первичное расщепление в комплексе направлено в первую очередь на производство крупных пластин в рамках утилизации подпризматических монофронтальных нуклеусов параллельного способа скалывания. Орудийный набор представлен скребками, ретушированными пластинами, шиповидными изделиями, резцами, единичными скреблами. Состав коллекции – в частности преобладание категорий первичного расщепления, а также незначительная доля орудий – позволяет предполагать, что стоянка Ушбулак представляет собой мастерскую с почти полным циклом обработки камня, которая являлась также кратковременным охотничьим лагерем [Анойкин и др., 2018].

Важную группу орудий комплекса составляют *руководящие ископаемые* НВП. Среди них представлены: острия с подтеской основания, тронкированно-фасетированные изделия, пластины с черешком, нуклеусы-резцы, скошенные острия. В слое 6.3 была обнаружена также плитка талька со следами искусственной обработки, что может свидетельствовать о неутилитарных видах деятельности жителей стоянки. Комплекс орудий-маркеров дополняют пластинки с притупленным краем и листовидный бифас [Анойкин и др., 2018].

Бифас из слоя 6.3 стоянки Ушбулак представлен фрагментированной листовидной формой без базального окончания (рис. 3). Сечение бифаса двояковыпуклое, линзовидное. Оба лезвия выпуклые, извилистые, но ближе к основанию выровненные. В дистальной части изделия фиксируется фрагмент естественного обушка, покрытого галечной коркой, который, вероятно служил технологическим элементом при утончении заготовки. Обушок образует небольшую скошенность острия в дистальной части.

Ретушь по двум краям бифасиальная, полукрутая чешуйчатая разнофасеточная. Изделие средней степени уплощенности (индекс 3), его ширина составляет 59 мм, длина и толщина 115 и 19 мм. Угол дистального окончания в плане 115°, в профиль – 40°. Угол рабочих лезвий варьирует от 60° до 65°. Каменное сырье, из которого сделан бифас, – темно-серый алевролит или тонкозернистый песчаник, в то время как основную массу первичного сырья на стоянке составляют силициты.

Анализ негативов сколов (рис. 3) показал, что процесс оформления бифаса разделяется на несколько этапов: первичное оформление, утончение заготовки сначала с одного, затем с другого края, последовательное оформление крупными фасетками двух продольных краев, нанесение мелкой двусторонней ретуши по наиболее протяженному рабочему краю и односторонняя ретушь по второму лезвию. Слом изделия в базальной части произошел после оформления ретуши, дополнительной подправки после слома зафиксировано не было.

По своим технико-типологическим характеристикам бифас со стоянки Ушбулак соответствует большинству листовидных и овальных бифасов комплексов НВП Южной Сибири и севера Центральной Азии, особенно бифасам со стоянок Российского Алтая, Северной Монголии и Дербинского залива.

Проведенный трасологический анализ орудия позволил зафиксировать четыре вида следов на поверхности бифаса (рис. 4). Анализ осуществлялся в соответствии с классической методикой функционального исследования, сочетающей подходы high-power (микроскоп Olympus ВНМЖ-207701 с увеличением от ×50 до ×300) и low-power magnification (Nikon SMZ-1 с увеличением до ×50).

К первому виду следов относятся параллельные линейные, довольно глубокие следы, расположенные перпендикулярно к краю на участке сохранившейся галечной корки (рис. 4.-а), свидетельствующие об интенсивном, но непродолжительном контакте с твердым материалом. Эти следы могли быть связаны как с подготовкой ударной площадки в ходе изготовления бифаса, так и с последующим его использованием для обработки твердого, скорее всего, органического материала.

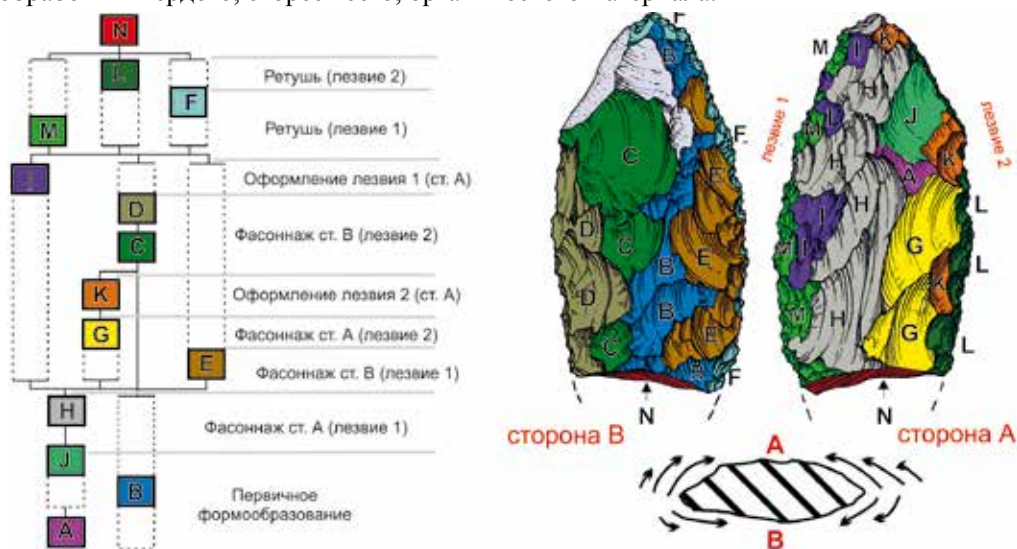

Рис. 3. Листовидный бифас со стоянки Ушбулак: анализ последовательности сколов

Вторая разновидность следов (сглаженность рабочего края) является наиболее распространенной, большая часть поверхности рабочего края с обеих сторон выглядит сглаженной и уплощенной (рис. 4.-б). Характер данных следов указывает на достаточно продолжительное использование орудия, предположительно для обработки мягких органических материалов.

Участки рабочего края перед сломом отличаются наибольшей интенсивностью сглаженности, которая хорошо заметна даже при небольших увеличениях. Более тщательный осмотр показал наличие заполировки (рис. 4.-в), включающей в том числе параллельные линейные следы, направленные перпендикулярно рабочему краю, что указывает на использование техники скобления.

Последний вид следов связан с очень тонкими линейными рисками, расположенными относительно хаотично, хотя большая их часть ориентирована в направлении оси орудия (рис. 4.-г). Эти следы не глубокие, поверхностные, гораздо менее ровные, чем первый вид следов (рис. 4.-а). Кроме того, этот участок поверхности довольно интенсивно сглажен. Примечательно, что данные признаки присутствуют только с одной стороны артефакта. Подобное сочетание сглаженности и линейных рисок может указывать на контакт с кожей рук или рукоятью в процессе использования бифаса.

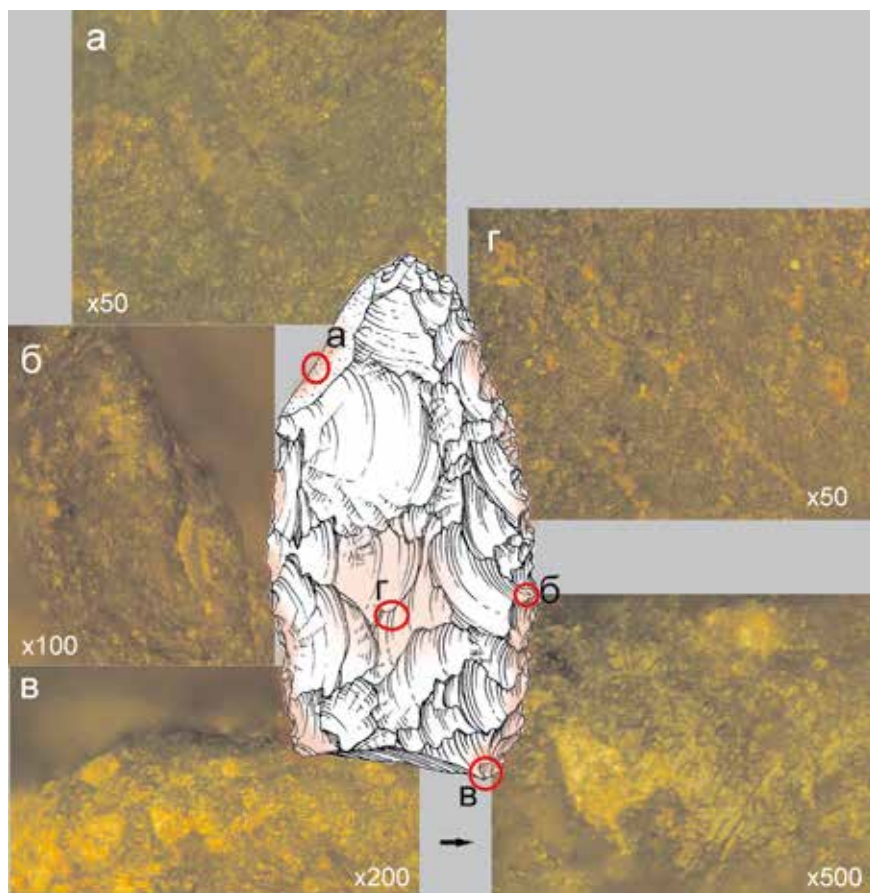

Рис. 4. Листовидный бифас со стоянки Ушбулак: обозначение зон со следами износа

В целом детальное изучение листовидного бифаса со стоянки Ушбулак показало его интенсивное использование для нескольких операций. Отдельных этапов переоформления изделия выявлено не было; была зафиксирована лишь незначительная подправка рабочих лезвий фасетками ретуши в процессе утилизации. Бифас использовался в первую очередь для обработки мягких органических материалов. Судя по характеру следов и месту их расположения, основная рабочая зона орудия находилась вдоль продольных краев, в базальной части. На это указывает и выровненность рабочего края в этой области. Область острия, а именно обушок, использовалась незначительно, для какой-то одной непродолжительной операции. После слома в базальной части орудие не использовалось.

Помимо законченного листовидного бифаса проявлением существования на стоянке Ушбулак бифасиальной технологии служит преформа бифасиального изделия, оставленная на этапе фасоннажа, а также два небольших отщепа, по своим характеристикам соответствующие сколам оформления бифасов [Демиденко, 2003]. Орудий на сколах оформления бифасов пока обнаружено не было.

Заключение

В целом бифасиально обработанные орудия достаточно широко распространены в комплексах начальных этапов верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии (рис. 1–2). Почти в каждом районе этого обширного региона, где выделяются комплексы НВП, так или иначе присутствуют листовидные и овальные бифасы. Как правило, эти изделия уплощенные, имеют либо двояко-выпуклое, либо плоско-выпуклое сечение, продольные края оформлены чешуйчатой, иногда параллельной ретушью. Хронологически наиболее ранние комплексы, в которых присутствуют листовидные бифасы, фиксируются в Российском Алтае. Во всех остальных случаях для индустрий НВП, где удалось получить результаты датирования, хронологический интервал существования этих орудийных форм – 35–28 тыс. л.н. Наиболее восточной точкой их распространения в комплексах НВП являются стоянки Северной Монголии, северной – среднее течение р. Енисей, откуда происходит и наиболее многочисленная серия бифасов (до 100 законченных форм). Чаще всего наличие листовидных бифасов как маркеров НВП сочетается с присутствием в комплексе остроконечников с подтепской основой, тронкированных изделий и пластинок с притупленным краем. Сочетание листовидных бифасов с другими орудиями-маркерами фиксируется реже.

Отдельных исследований, посвященных изучению функциональности листовидных бифасов НВП региона, не проводилось. По форме орудий и по углу рабочего лезвия листовидные бифасы чаще всего рассматриваются как ножи либо проникающие орудия. Детальное изучение серии бифасов из Дербинского залива позволило авторам предположить, что основная рабочая зона орудий была расположена у овального основания, где фиксируется более регулярное лезвие, а скошенное острие использовалось для крепления [Акимова и др., 2009]. При этом распределение бифасов по памятникам в данном районе показало их приуроченность к стоянкам, расположенным на мысах и, вероятно, имеющим функции охотничьих лагерей [Акимова и др., 2018]. Трасологический анализ бифаса со стоянки Ушбулак в целом подтверждает эту гипотезу, а также свидетельствует о том, что бифасы использовались для обработки мягких органических материалов.

Таким образом, несмотря на то что бифасиальные изделия так или иначе фиксируются на всех этапах верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии, именно крупные листовидные и овальные формы с плоско-выпуклым или двоя-

ко-выпуклым сечением составляют один из элементов набора орудий-маркеров крупнопластинчатых индустрий НВП. Данные орудия не только маркируют конкретный культурно-хронологический период, но могут также свидетельствовать об определенной функциональной специфике стоянок, в частности быть связанными с проявлением охотничьей деятельности.

Библиографический список

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Мотузко А.Н., Санько А.Ф. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. 180 с.

Акимова Е.В., Хоменко Д.Ю., Стасюк И.В. Технично-типологический анализ бифасов Дербинского залива // Енисейская провинция. 2009. №4. С. 213–222.

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Исакаев Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 18–24.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. 248 с.

Волокитин А.В. Хронологические группы палеолита Ангаро-Окинского района // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск : Ин-т истории; Ин-т теплофизики, 1990. С. 94–98.

Глушенко М.А. Два этапа раннего верхнего палеолита в братском георхеологическом районе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №12-1 (38). С. 45–47.

Демиденко Ю.Э. Сколы обработки орудий как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариативности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. 2003. №13. С. 128–157.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В., Дергачева М.И., Зенин А.Н., Лаухин С.А., Левковская Г.М., Малолетко А.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Оводов Н.Д., Петрин В.Т., Шуньков М.В. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1990. 646 с.

Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П. Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4 (52). С. 2–18.

Деревянко А.П., Кандыба А.Г., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 384 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Дж. Ранний этап верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам стоянки Чихэн-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №3 (43). С. 17–41.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсүрэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 21–37.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 153–161.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Чеха А.Н. Новые данные по каменным индустриям из плейстоценовых отложений централь-

ного зала Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2016. Т. XXII. С. 68–71.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 103–107.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 82–86.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, М.В. Шуньков и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 312 с.

Рыбин Е.П., Глушенко М.А. Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири // Верхний палеолит Евразии и Северной Америки: памятники, культуры, традиции. СПб. : Петербургское востоковедение, 2014. С. 238–255.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 130–140.

Ташак В.И. К вопросу о хронологии палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. №2. С. 193–200.

Ташак В.И. Палеолит Селенги на территории России и Монголии (перспективы исследований) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №8. С. 188–195.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. Новосибирск : Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. 184 с.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 208–213.

Debénath A., Dibble H.L. Handbook of Paleolithic Typology: Lower and Middle Paleolithic of Europe. Philadelphia : University Museum Press, 1994. 202 p.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devìese Th., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. P. 640–644.

Hoffecker J.F., Wolf C.A. (Ed.) The Early Upper Paleolithic: evidence from Europe and the Near East. BAR International Series 1988. 437 p.

Kuhn S., Stiner M., Güleç E. Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report // Antiquity. 1999. Vol. 73. P. 505–517.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the Initial Upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 29–38.

Marks A.E. The Middle and Upper Palaeolithic of the Near East and the Nile Valley: The Problem of Cultural Transformations. In: Mellars, P.A. (Ed.). The Emergence of Modern Humans: An Archaeological Perspective. Edinburgh, 1990. P. 56–80.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant. In: Hoffecker J.E., Wolf C.A. (Eds.). The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East, British Archaeological Reports International Series 437. Oxford, 1988. P. 43–72.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia. Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 69–87.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. Bruxelles, 1997.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution). Doctoral Thesis, Leiden University Press, 2012.

References

Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Lauhin S.A., Motuzko A.N., San'ko A.F. Paleolit Derbinskogo zaliva [Paleolithic of the Derbina Bay]. Novosibirsk : Izd-vo In-tva arheologii i etnografii SO RAN, 2018. 180 p.

Akimova E.V., Homenko D.Yu., Stasyuk I.V. Tekhniko-tipologicheskij analiz bifasov Derbinskogo zaliva [Technical and Typological Analysis of Bifaces from the Derbina Bay]. Enisejskaya provinciia [Emiseisk Province]. 2009. Vol. 4. Pp. 213–222.

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok G.D., Shalagina A.V., Bocharova E.N., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Ul'yanov V.A., Chekha A.M., Kozlikin M.B., Iskakov G.T., Vasil'ev S.K., Shunkov M.V. Issledovanie industrii nachal'nogo verhnego paleolita na stoyanke Ushbulak (Vostochnyj Kazahstan) v 2018 godu [The Research into the Industries of the Initial Upper Paleolithic at the Ushbulak Site in 2018]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorijov Derbinskogo zaliva [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk : Izd-vo In-tva arheologii i etnografii SO RAN, 2018., Vol. XXIV. Pp. 18–24.

Vishnyackij L.B. Kul'turnaya dinamika v seredine pozdnego plejstocena i prichiny verhnepaleoliticheskoi revolyucii [Cultural Dynamics in the Middle of the Late Pleistocene and the Causes of the Upper Paleolithic Revolution]. SPb. : Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2008. 248 p.

Volokitin A.V. Hronologicheskie gruppy paleolita Angaro-Okinskogo rajona [Chronological Groups of the Paleolithic of the Angaro-Oka Region]. Hronostratigrafiya paleolita Severnoj, Central'noj i Vostochnoj Azii i Ameriki [Chronostratigraphy of the Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia and America]. Novosibirsk : In-t istorii; In-t teplofiziki, 1990. Pp. 94–98.

Glushenko M.A. Dva etapa rannego verhnego paleolita v bratskom geoarheologicheskom rajone [Two Stages of the Early Upper Paleolithic in the Fraternal Geoarcheological Area]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. 2013. Vol. 12-1 (38). Pp. 45–47.

Demidenko Yu.E. Skoly obrabotki orudii, kak indikator osobennosti i intensivnosti processov kremneobrabotki i zhiznedeyatel'nosti kollektivov neandertal'cev na stoyankah srednego paleolita v kontekste variabel'nosti industrii krymskoi mikokskoi tradicii [Chips from the Tools Processing as an Indicator of the Characteristics and Intensity of the Silica Processing and Livelihoods of Neanderthal Groups at the Sites of the Middle Paleolithic in the Context of the Variability of the Industries of the Crimean Mykokskaya Tradition]. Arheologicheskii almanah [Archaeological Almanac]. 2003. Vol. 13. Pp. 128–157.

Derevianko A.P. Verhnij paleolit v Afrike i Evrazii i formirovanie cheloveka sovremennogo anatomicheskogo tipa [Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the Formation of Modern Humans]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. 560 s.

Derevyanko A.P., Grichan Yu.V., Dergacheva M.I., Zenin A.N., Lauhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Arheologiya i paleoekologiya paleolita Gornogo Altaya [Archaeology and Paleoecology of the Paleolithic Mountains of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 p.

Derevyanko A.P., Gao Sin, Olsen D., Rybin E.P. Paleolit Dzhungarii (Severo-Zapadnyj Kitaj): po materialam mestonahozhdeniya Lotoshi [Paleolithic of Dzungaria (North-West China): Based on Materials of the Lotoshi Site]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2012. Vol. 52(4). P. 2–18

Derevyanko A.P., Kandyba A.G., Petrin V.T. Paleolit Orhona. [Paleolithic of Orkhon]. Novosibirsk : Izd-vo In-tva arheologii i etnografii SO RAN, 2010. 384 p.

Derevianko A.P., Markin S.V., Gladyshev S.A., Olsen J. Rannij etap verhnego paleolita Gobijskogo Altaya (po materialam stoyanki Chihen-2) [The Early Upper Paleolithic of the Gobi Altai Region in Mongolia (based on materials from the Chikhen-2 site)]. Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. 2015. Vol. 43(3). Pp. 17–41.

Derevianko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Tsybankov A.A., Olsen J. Razvitie tekhnologicheskikh tradicij izgotovleniya orudij v kamennyh industriyah rannego etapa verhnego paleolita Severnoj Mongolii (po materialam stoyanok Tolbor-4 i Tolbor-15) [The Development of Technological Traditions of Making Tools in the Stone Industries of the Early Stage of the Upper Paleolithic of Northern Mongolia (based on the Tolbor-4 and Tolbor-15 sites)]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evraziipologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. №4 (56). Pp. 21–37.

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaya [Middle Paleolithic Industries with Leaf-like Bifaces in the Altai Mountains]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. 2002. Vol. 1. Pp. 16–42.

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Anoin A.A. Arheologicheskaya karakteristika verhnepaleoliticheskogo kompleksa Denisovoj peshchery [Archaeological Characteristics of the Upper Paleolithic Assemblage of the Denisova Cave]. *Paleoekologiya plejstocena i kul'tury kamennogo veka Severnoj Azii i sopredel'nyh territorij* [Paleoecology of the Pleistocene and Stone Age Cultures of Northern Asia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. Vol. 1. Pp. 153–161.

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Chekha A.N. Novye dannye po kamennym industriyam iz plejstocenovyh otlozhenij central'nogo zala Denisovoj peshchery [New Data on the Lithic Industry from the Pleistocene Deposits of the Central Chamber of Denisova Cave]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii, 2016. Vol. XXII. Pp. 68–71.

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. Novye rezul'taty issledovanij verhnepaleoliticheskogo kompleksa v yuzhnoj galeree Denisovoj peshchery [New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 103–107.

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mihienko V.A. Novye dannye po kamennym industriyam srednego i verhnego paleolita iz yuzhnoj galerei Denisovoj peshchery [Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2018. Vol. XXIV. Pp. 82–86.

Lbova L.V. Paleolit severnoj zony Zapadnogo Zabajkal'ya [Paleolithic of the Northern Zone of Western Transbaikalia]. Ulan-Udeh : Izd-vo BNC SO RAN, 2000. 240 p.

Problemy paleoehkologii, geologii i arheologii paleolita Altaya [Problems of Paleoecology, Geology and Archaeology of the Paleolithic Altai]. A.P. Derevyanko S.V. Glinskii M.I. Dergacheva M.V. Shunkov i dr. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 312 p.

Rybin E.P., Glushenko M.A. Specificheskij tip orudij nachal'noj stadii verhnego paleolita v Yuzhnoj Sibiri [The Specific Type of Tools of the Initial Stage of the Upper Paleolithic in Southern Siberia]. *Verhnij paleolit Evrazii i Severnoj Ameriki: pamyatniki, kul'tury, tradicii* [Upper Paleolithic of Eurasia and North America: Monuments, Cultures, Traditions]. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2014. Pp. 238–255.

Tashak V.I. Bifasialnye izdeliya v paleolite Zabajkalya [Bifacial Products in the Paleolithic of Transbaikalia]. *Aktual'nye problemy arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Actual Problems of the Archaeology of Siberia and the Far East]. Ussurijsk : Izd-vo UGPI, 2011. Pp. 130–140.

Tashak V.I. K voprosu o hronologii paleoliticheskogo mestonahozhdeniya Barun-Alan-1 v Zapadnom Zabajkal'e [On the Question of the Chronology of the Paleolithic Location of Barun-Alan-1 in Western Transbaikalia]. *Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoehkologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. 2013. Vol. 2. Pp. 193–200.

Tashak V.I. Paleolit Selengi na territorii Rossii i Mongolii (perspektivy issledovanij) [Paleolithic Selenga in Russia and Mongolia (research prospects)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. 2015. Vol. 8. Pp. 188–195.

Hronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednej Sibiri (bassejn Eniseya). Putevoditel' ehkskursii Mezhdunarodnogo simpoziuma [Chronostratigraphy of Paleolithic Sites of Central Siberia (the Yenisei basin). Travel Guide of the International Symposium]. Novosibirsk : Izd-vo IIFF SO AN SSSR, 1990. 184 p.

Shunkov M.V., Taimagambetov J.K., Anoinin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Novaya mnogoslojnyaya verhnepaleoliticheskaya stoyanka Ushbulak-1 v Vostochnom Kazahstane [New Multistratified Upper Paleolithic Site Ushbulak-1 in Eastern Kazakhstan]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2016. Vol. XXII. Pp. 208–213.

Debénath A., Dibble H.L. *Handbook of Paleolithic Typology: Lower and Middle Paleolithic of Europe*. Philadelphia : University Museum Press, 1994. 202 p.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese Th., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age Estimates for Hominin Fossils and the Onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave]. *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.

Hoffecker J.F., Wolf C.A. (Ed.) *The Early Upper Paleolithic: Evidence from Europe and the Near East*. BAR International Series 1988. 437 p.

Kuhn S., Stiner M., Güleç E. Initial Upper Paleolithic in South-Central Turkey and its Regional Context: a Preliminary Report // *Antiquity*. 1999. Vol. 73. Pp. 505–517.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the Initial Upper Paleolithic // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. Pp. 29–38.

Marks A.E. The Middle and Upper Palaeolithic of the Near East and the Nile Valley: The Problem of Cultural Transformations. In: Mellars, P.A. (Ed.). *The Emergence of Modern Humans: An Archaeological Perspective*. Edinburgh, 1990. Pp. 56–80.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant. In: Hoffecker J.E., Wolf C.A. (Eds.). *The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East*, British Archaeological Reports International Series 437. Oxford, 1988. Pp. 43–72.

Rybin E.P. Tools, Beads, and Migrations: Specific Cultural Traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. Pp. 39–52.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The Impact of the LGM on the Development of the Upper Paleolithic in Mongolia. *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. Pp. 69–87.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. *Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. 1. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal*. Bruxelles, 1997.

Zwyns N. *Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution)*. Doctoral Thesis, Leiden University Press, 2012.

A.V. Shalagina, L.V. Zotkina, A.A. Anoinin, N.A. Kulik

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

LEAF-SHAPED BIFACES IN THE INITIAL UPPER PALEOLITHIC OF SOUTHERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA

An important component of the study of the complexes of the initial Upper Paleolithic (IUP) is the selection of marker tools – products with certain morphological properties and a specific chronological and territorial binding. One of the markers for the industries of the military-industrial conflict of Southern Siberia and the north of Central Asia are leaf-shaped and oval bifaces. These tools are flattened, have either a biconvex or a convex cross section, the elongated edges are characterized by bifacial, sometimes parallel retouch. Such products are have been documented in the early Upper Paleolithic industries throughout the region. Mostly they are represented by single single objects in the aeemblages. The largest collection of leaf-shaped bifaces was documented in the Derbinsky Bay of the Krasnoyarsk Reservoir (middle course of the Yenisei River). Most often, the leaf-shaped bifaces are combined with sharp pointed tools with the base of the trimming, tronki products and plates with a dulled edge.

Key words: initial Upper Paleolithic, Southern Siberia, Central Asia, leaf-shaped and ovoid bifaces, Ushbulak site, chip evidence analysis, trace evidence analysis.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.53(571.51)

Д.А. Виноградов

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Активное изучение курганов, расположенных на территории Красноярской лесостепной зоны, приходится на конец XIX – середину XX в. За это время в окрестностях Красноярска было зафиксировано более 150 курганов, не менее 25 из которых было раскопано с научной целью. Результаты исследований позволили ученым отнести эти курганы к тагарской культуре – ее северной границе распространения. Позднее для Красноярской лесостепи было предложено выделить локальный вариант тагарской культуры, обладающий своеобразными чертами, присущими только этому региону. В начале XX в. В.Г. Карцовым была составлена карта памятников Красноярского района, куда вошли и известные курганы, а также была попытка подсчитать их количество. На сегодняшний день большинство этих курганов уничтожено хозяйственным освоением, а сохранившиеся продолжают подвергаться антропогенному воздействию. В связи с этим, несмотря на угасший интерес исследователей, необходимы активные действия по фиксации курганов, мониторингу их состояния и охране. В настоящей статье дается краткая характеристика курганов, представляется карта их распространения, дополняются некоторые сведения, а также вводятся новые данные.

Ключевые слова: Енисей, Красноярская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура, курганы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-05

Введение

Островная Красноярская лесостепь частично занимает окрестности г. Красноярска и основной своей частью простирается по склонам и террасам левого берега р. Енисей на север до п. Большая Мурта. Окруженная естественными барьерами в виде гор и лесов, эта территория в древности создавала условия для формирования оригинальных обществ. Своеобразие древних культур Красноярской лесостепи, испытывавших влияние как степного, так и таежного населения отмечали многие исследователи [Мергарт, 1923; Карцов, 1929; и др.]. Одним из выразительных свидетельств такого влияния являются курганные могильники, история изучения которых берет свое начало с XIX в.

Целью настоящей статьи является оценка источниковой базы и обобщение данных по истории исследования курганных могильников Красноярской лесостепи за 150-летний период.

Материалы и методы

Первые раскопки курганов в окрестностях Красноярска, как и в Сибири в целом, связаны с освоением новых территорий пришлым русским населением, которое активно осваивало сложившийся в XVII в. промысел бугрования. Главным привлекающим фактором для «бугровщиков» было обогащение за счет содержимого курганных насыпей. Артелями или в одиночку они вскрывали курганы, извлекали могильный инвентарь и продавали его комиссионерам [Вдовин, 2011, с. 20]. Одно из задокументированных сообщений о добытых крестьянами древностях из кургана близ Красноярска поступило в Археологическую Комиссию в 1889 г. [Длужневская и др., 2009, с. 633].

В 1-й половине XIX в. Красноярск становится губернским городом и переживает расцвет, связанный с золотой лихорадкой. С того времени в городе начинают сосредотачиваться представители администрации и золотопромышленники, которые часто являлись еще и коллекционерами археологических предметов. В связи с этим первые раскопки курганов близ Красноярска в литературе принято связывать с именем первого енисейского губернатора А.П. Степанова, исполнявшего свои обязанности с 1823 по 1831 г. [Ядринцев, 1887, с. 15–16; Дэвлет, 1976, с. 19]. Об этом также пишет И.В. Александров в своем отчете для Императорской Археологической Комиссии [Вдовин, 2013, с. 11]. Однако вышеозначенные сведения ничем не подтверждены и основываются на непроверяемых слухах. Известно, что по распоряжению А.П. Степанова проводились раскопки и сбор древностей в Минусинском округе, но о курганах близ Красноярска сам он ничего не сообщает [Степанов, 1835]. Тем не менее, учитывая влечение бывшего губернатора к предметам далекого прошлого и коллекционированию, исключать этого, конечно, нельзя.

Стартом «официальных» раскопок должны считаться работы статского советника и по совместительству большого любителя собирания старины И.В. Александрова. Именно его раскопки на курганных могильниках Енисейской губернии в 1867–1870 гг. были одобрены Императорской Археологической Комиссией [Белова, 2009, с. 15]. Известно, что первый курган в окрестностях Красноярска был раскопан в 1867 г., однако остается неясным его точное расположение. В 1868–1869 гг. в местности у д. Коркино исследователем было раскопано три из 15 разбросанных по округе курганов [Вдовин, 2013, с. 11–13].

В 1894 г. в Археологическую Комиссию поступила информация о случайной находке четырех серебряных чаш близ д. Карымской в долине р. Минжуль. Для того чтобы проследить возможную связь случайных находок с содержимым встречающихся в этой местности курганов, было решено произвести здесь раскопки [ОАК, 1897, с. 152]. Эта обязанность была возложена на члена-секретаря Енисейского статкомитета А.Я. Зейделя, который по неизвестным причинам совершить исследования не смог [Белова, 2009, с. 46; Вдовин, 2011, с. 341–342]. Тогда Археологическая Комиссия поручает произвести раскопки преподавателю Красноярской учительской семинарии П.С. Проскуракову. В 1895 г. в результате обследования окрестностей д. Карымской им фиксируется четыре курганные насыпи, одна из которых подвергается разрытию. К западу от д. Карымской, в окрестностях д. Татарской, П.С. Проскураков отмечает еще девять курганов, два из них были выбраны под раскопки. Очевидно, что поручение Археологической Комиссии вызвало у исследователя неподдельный интерес, поэтому он решает продолжить изучение курганов и в других местах. В том же году им фиксируется более десяти курганных насыпей в долине правого берега р. Енисей между селами Ладейским и Торгашинским, одна из них подвергается раскопкам [ОАК, 1897, с. 152–157].

Через год Археологическая Комиссия вновь доверяет П.С. Проскуракову работы по изучению курганных могильников красноярского района. При поездке в окрестности с. Ладейского ему удалось обнаружить до 43 курганов, разбросанных в радиусе 70 км. В своих наблюдениях он указывает, что курганы на возвышенностях отличаются большими размерами в сравнении с теми, которые находятся в долине на бывших островах Енисея, притом на первых часто встречаются гранитные плиты, поставленные в виде столбов по углам четырехугольника. По рассказам местных жителей в прежнее время в этой местности такие плиты находились при каждом кургане, но

большую часть из них в разное время крестьяне увезли для своих потребностей [ОАК, 1898, с. 103–104]. Павел Степанович упоминает также о курганах со следами расхищения около города Красноярска в местности «Таракановка» [Вдовин, 2011, с. 343].

Одной лишь разведкой П.С. Проскуряков в этот год не ограничился и, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, сумел произвести раскопки одного кургана близ д. Солонечной в долине р. Качи. Он предпринял также попытку раскопки двух курганов у д. Дрокиной, но не смог довести их до конца [ОАК, 1898, с. 104].

Известно, что не обо всех своих работах П.С. Проскуряков докладывал в Археологическую Комиссию. В 1896 г. Красноярск посещает известный французский археолог барон Ж. де Бай, проводниками его археологических экскурсий становятся П.С. Проскуряков и консерватор Красноярского музея М.Е. Киборт [Макаров и др., 2018, с. 15]. В ходе посещения известных археологических памятников Красноярска барон предложил П.С. Проскурякову произвести раскопку одного из курганов, находящихся между селами Торгашино и Ладейки. К сожалению, работы не были доведены до конца из-за недостатка времени и скорого отъезда де Бая из Красноярска [Киборт, 1900, с. 12].

В 1897 г. барон Ж. де Бай вновь посещает Красноярск и в рамках продолжения своих экскурсий по окрестностям города вместе с П.С. Проскуряковым раскапывает курган к югу от с. Ладейского [Урусов, 1902, с. 4]. Однако остается неясным, были эти раскопки завершением прошлогодних работ или это был новый курган.

В сентябре 1899 г. П.С. Проскуряков с группой лиц, интересующихся археологией: сотрудником музея М.Е. Кибортом, горным исправником Красноярско-Канского округа А.И. Крахалевым, вице-губернатором В.П. Урусовым, а также членом-секретарем Енисейского статкомитета А.Я. Зейделем – снарядили экспедицию для раскопки одного из курганов в окрестностях с. Ладейского [Урусов, 1902, с. 3–7]. Интерес исследователей не ограничился одним курганом, и через несколько недель «интеллигентный кружок» в составе П.С. Проскурякова, В.П. Урусова, М.Е. Киборта, А.Я. Зейделя и присоединившихся к ним постоянных членов по крестьянским делам Енисейского губернского управления Б.А. Моллера и В.Д. Родзевича разрыл курган, находившийся к северо-востоку от с. Мининского [Урусов, 1902, с. 7–10].

В начале XX в. в Красноярск приехал член Русского географического общества А.В. Адрианов, имевший огромный опыт изучения курганных могильников Минусинской котловины. Мимо его внимания не могли пройти курганы, расположенные в окрестностях Красноярска – почти на самой северной границе их распространения. И в 1902 г. он производит раскопки двух курганов с коллективными погребениями близ с. Частоостровского. Отметив однообразие курганов северной полосы, исследователь не стал продолжать их раскопки и переключился на исследование местных писаниц [ОАК, 1904, с. 117–118].

В 1903 г. на члена-сотрудника Петербургского Археологического института В.И. Анучина Археологической Комиссией было возложено специальное поручение ознакомиться с условиями, при которых залегают в почве многочисленные медные вещи, находимые вдоль берега р. Большой Бузим Сухобузимской волости Красноярского уезда. В ходе этой поездки В.И. Анучин предпринял раскопку крупного кургана с коллективным погребением при с. Сухобузимском. Курган вмещал в себе более 200 погребенных, особенностью которых являлись пробитые округлые отверстия в черепах [ОАК, 1906, с. 131–132].

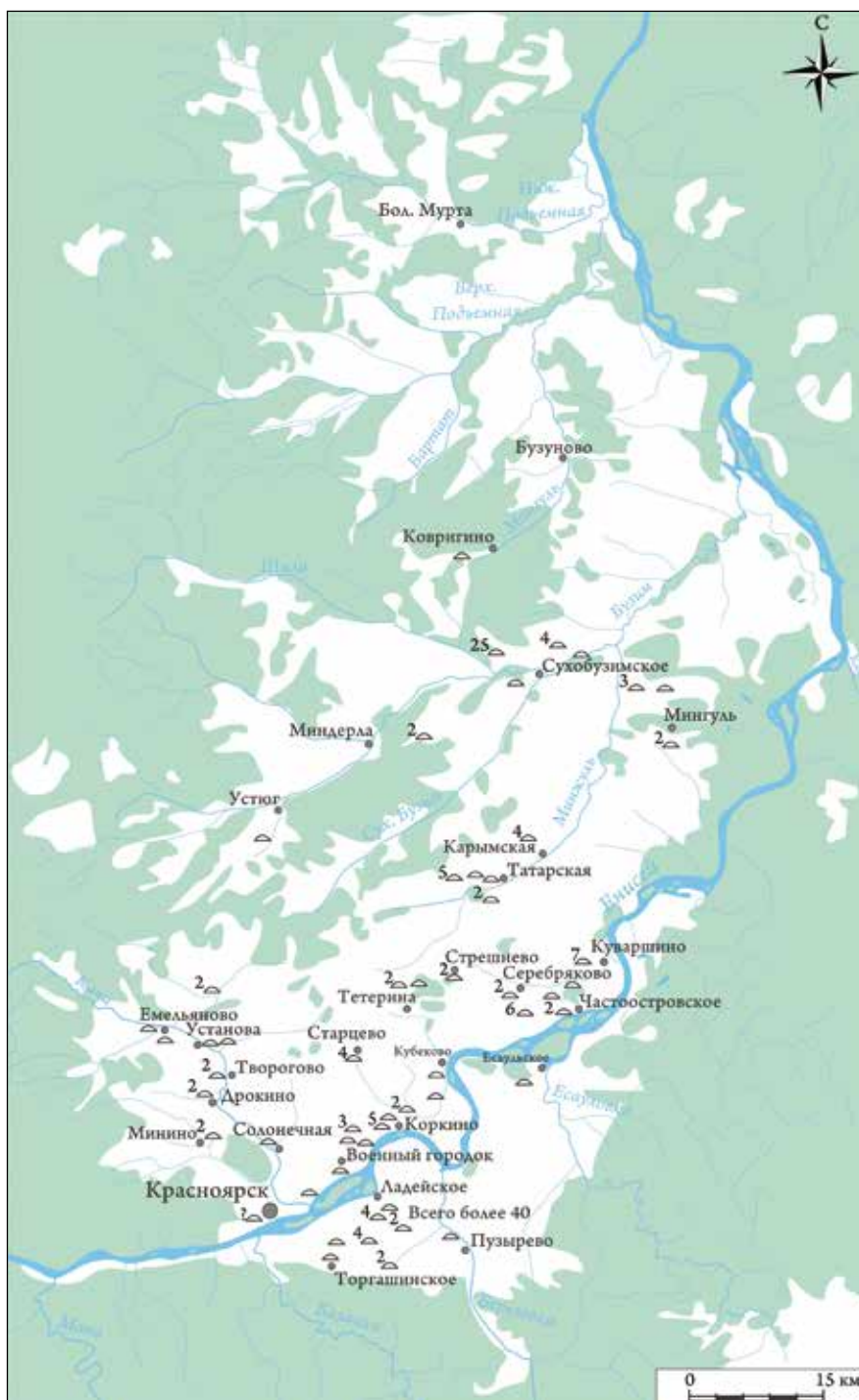
Следующим исследователем, занимавшимся раскопками и осмыслением курганных могильников, был заведующий археологическим отделом Музея Приенисейского края В.Г. Карцов. В 1929 г. издается работа Владимира Геннадьевича «Материалы по археологии Красноярского района», в которой нашлось место и для курганов. Важно отметить, что к этой работе прилагается археологическая карта, остающаяся актуальной и на сегодняшний день. Из опубликованных «Материалов...» известно о нахождении на правом берегу Красноярска между селами Ладейским, Торгашино и возвышенностью Черная сопка 15 курганов, большинство из которых имеют следы ограбления, а некоторые раскопаны П.С. Проскуряковым и В.П. Урусовым. На левобережье Красноярска в местности между городом, Военным городком и с. Коркино им фиксируется 15 курганов, которые также носили следы раскопок и ограбления. В окрестностях д. Тетериной Владимир Геннадьевич отмечает три кургана, в той же местности у д. Старцево им фиксируется еще четыре кургана. Два кургана отмечены исследователем у д. Серебряковой, еще семь у д. Куваршиной. Он осматривает также два кургана, раскопанные А.В. Адриановым у с. Частоостровского. Обследует долину реки Кача, где близ д. Солонечной фиксирует курган, раскопанный П.С. Проскуряковым. Отмечает два грабленных кургана у д. Дрокино (не те ли это курганы, что в 1896 г. не докопал П.С. Проскуряков?), два кургана у д. Минино, один из которых раскопан В.П. Урусовым, а второй – целый. У деревни Твороговой им также обнаружено два кургана. В окрестностях сел Емельяново и Установо им насчитано еще пять курганов [Карцов, 1929, с. 12–13].

Сам исследователь в 1928 г. предпринимает раскопку кургана между Красноярском и Военным городком. На следующий год им раскапывается курган близ с. Есаульского. Где-то в это же время на правом берегу Енисея в долине р. Березовка у д. Пузырево Г.П. Сосновским был раскопан курган, содержащий коллективное погребение с обрядом сожжения [Карцов, 1929, с. 12–13].

Резюмируя обзор курганных насыпей, В.Г. Карцов отмечает, что на всей территории района учтен, несмотря на весьма тщательные поиски, всего только 61 курган [Карцов, 1929, с. 21]. На этом оживленный интерес к курганным могильникам угасает, В.Г. Карцов переезжает в Москву, а музей в силу разных причин не имеет специалистов-археологов для изучения памятников далекого прошлого [Китова, 2007, с. 68]. Следующий всплеск активности в изучении курганов приходится на послевоенное время и приурочен к новостроечным работам.

В 1956 г. сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Г.А. Максименков получает Открытые листы на разведку и раскопку курганов в окрестностях Красноярска. Однако провести работы в запланированном масштабе не удастся, и Глеб Алексеевич сосредоточивается лишь на пешей разведке. Главной своей целью он видел, во-первых, осмотр района с. Сухобузимского, о котором в археологическом отношении не имелось почти никаких сведений, и, во-вторых, проверить состояние памятников, о которых сообщал В.Г. Карцов [Максименков, 1956].

В первую очередь Г.А. Максименков решает выяснить современное состояние курганов у с. Ладейки. По результатам осмотра местности он отмечает, что бывшие здесь когда-то дюны полностью снесены, на этой территории расположены новые промышленные кварталы, а на небольших незастроенных пустырях археологических памятников не фиксируется. Такая же ситуация наблюдается и у с. Торгашино [Максименков, 1956].

Карта Красноярской лесостепи с обозначением местонахождения курганов и их количества

Много времени исследователь уделил поиску памятников в окрестностях с. Сухобузимского. Близ села, в долине р. Бол. Бузим, им отмечена группа из четырех распаханных курганов. Восточнее, напротив п. Бузим, зафиксирован большой курган овальной формы, который ограблен или раскопан колодцем. В полах кургана сделано еще три ямы, в одной из них лежали куски песчаных плит. К северо-западу от с. Сухобузимского Глеб Алексеевич отмечает несколько сильно расплывшихся возвышений высотой 20–25 см, которые могли быть распаханными курганами. Недалеко от этого места им фиксируются низкие, сильно оплывшие холмики диаметром от 10 до 16 м, расположенные тесной группой в количестве 20–25 штук, 10 из которых сохранились относительно хорошо. Между д. Воробино и с. Сухобузимским им зафиксирован крупный курган с ямой четырехугольной формы в центре [Максименков, 1956]. У данного кургана в одном из углов сохранился вертикально стоящий обломок плиты песчаника, что делает его схожим с курганом, раскопанным В.И. Анучиным у того же села в 1903 г.

У с. Миндерла по дороге в с. Сухобузимское исследователем задокументировано два крупных кургана, рядом с ними на пашне в разных местах отмечаются желтые пятна, вероятно, от распаханных ранее курганов. По дороге от с. Сухобузимского в с. Атаманово он выявляет три небольших кургана, а восточнее них один крупный. У с. Частоостровского им осмотрены два кургана раскопанные А.В. Адриановым. В окрестностях села обнаружены два одиночных кургана и группа из шести сильно распаханных расплывшихся курганов. Отмечается два кургана в окрестностях с. Стрешнево. Он осматривает также группу из семи курганов у с. Куваршино, упоминаемых В.Г. Карцовым у [Максименков, 1956].

Кроме Г.А. Максименкова в 1956 г. в окрестностях Красноярска проводит работы сотрудник Красноярского краевого музея Р.В. Николаев. Его задачи состояли главным образом в фиксации, изучении и раскопках археологических памятников в зоне развернувшегося строительства алюминиевого комбината к северу от Красноярска. Им были предприняты раскопки трех курганов у с. Коркино. Помимо этого, были осмотрены другие курганы, описанные В.Г. Карцовым, собран подъемный материал. Вслед за П.С. Проскуряковым Р.В. Николаев отмечает использование каменных сооружений курганов местным населением для хозяйственных нужд. Со слов крестьян, «их обвязывали веревками и волокли всем селом» [Николаев, 1956].

Летом того же года Р.В. Николаев обследует долину р. Качи. В окрестностях с. Емельяново им осмотрены два кургана, упоминаемые В.Г. Карцовым, и один, о котором он не сообщал. О последнем кургане стало известно благодаря сообщению преподавателя Емельяновской средней школы С.К. Голицына. В связи с разрушающимся состоянием кургана (местные жители брали землю из насыпи для своих огородов) было решено его раскопать [Николаев, 1956].

В 1957 г. Р.В. Николаев [1966, с. 196–207] продолжил свои работы и раскопал еще один курган у с. Коркино. На этом завершилась активная фаза в изучении курганов окрестностей Красноярска, раскопок больше никто не проводил.

Интересный случай обнаружения кургана произошел в 1959 г. на полях колхоза «Путь к коммунизму» (окрестности сел Шила и Ковригино). Подготавливая траншею для закладки кукурузного силоса, бульдозерист Федор Рихардт решил сравнить небольшой холм, который остался незасеянным посреди поля. В результате этой

инициативы на поверхности показали обломки обуглившихся бревен, кости, черепа, обломки глиняной посуды и различные бронзовые предметы. В дальнейшем раскопки планировалось продолжить под руководством научных сотрудников краеведческого музея [Тайна..., 1959, с. 4].

В 1964 г. разведочные работы в окрестностях деревень Кубеково и Песчанка проводит сотрудник Красноярского краевого музея Н.В. Нащокин. В ходе обследования им выявлены два одиночных кургана. Оба кургана имеют следы разрушения, в центре фиксируются грабительские ямы, местами сохранились камни оградки [Нащокин, 1964, с. 9].

В последние десятилетия интерес исследователей к курганам Красноярской лесостепи можно охарактеризовать как пассивный. Локальные работы по мониторингу и паспортизации известных курганов в разное время проводились В.П. Леонтьевым, Л.В. Новых, И.В. Стасюком и В.Е. Матвеевым, Д.Н. Лысенко, В.А. Данилейко и П.В. Иштутиной и др. В итоге были вновь выявлены и поставлены на государственную охрану курганы у д. Татарская, с. Куваршино, с. Емельяново, с. Дрокино, курган на юго-восточной окраине Красноярска близ Шинного кладбища.

С 2016 г. Лабораторией археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета ведутся работы по мониторингу состояния известных и поиску новых курганов. В результате исследований последних лет нам удалось выявить и поставить на государственную охрану три неизвестных ранее кургана. Один расположен близ с. Устюг, два других находятся в окрестностях с. Мингуль. Все курганы имеют оплывшую насыпь округлой приплюснутой формы, диаметром около 25 м и высотой 1,5–2 м. В основании насыпей были собраны черепки лепной лощеной посуды.

Полученные результаты и их обсуждение

Говоря об осмыслении курганных могильников, следует сказать, что первые классификации относили красноярские курганы к северной границе распространения древних могил Минусинского округа [Кузнецов, 1889, с. 7]. По своему устройству и обряду они имели сходство с курганными насыпями, раскопанными в верховьях Енисея и Чулыма, и причислялись к типу коллективных могил [Спицын, 1889, с. 134]. Однако оставался неясным вопрос о временной и культурной принадлежности этих погребений [Спицын, 1889, с. 138]. По мнению Г. Мергарта [1923, с. 35], нахождение подобных курганов в районе Красноярска указывает на движение части населения Минусинского культурного очага в новый северный район, произошедшее в заключительной стадии местной бронзовой эпохи.

В 20-е гг. XX в. сотрудник Томского университета по кафедре географии и антропологии С.А. Теплоухов проводил исследования древних памятников Минусинской котловины, в результате чего им была представлена классификация древних металлических культур Минусинского края. Одна из этих культур, существовавшая в I тыс. до н.э., была названа «минусинской курганной» [Теплоухов, 1929, с. 45]. Земляные курганы Красноярского округа отнесены С.А. Теплоуховым [1929, с. 48] к третьему этапу (IV–III вв. до н.э.) выделенной им курганной культуры.

В 1929 г. С.В. Киселев [1951, с. 184] в своей классификации предложил назвать данную культуру «тагарской». По мнению ученого, курганы красноярского района следует относить ко второй половине второй стадии (V–I вв. до н.э.) тагарской культуры [Киселев, 1951, с. 274].

Позднее А.И. Мартыновым в лесостепных районах Южной Сибири была выделена «лесостепная тагарская культура». Курганы окрестностей Красноярска он относит к ее назаровскому этапу (III в. до н.э.) [Мартынов, 1979, с. 82]. Важно отметить, что все известные курганы красноярского района причисляются исключительно к тагарской культуре, курганов других эпох здесь зафиксировано не было [Карцов, 1929, с. 20].

Впоследствии был выделен локальный вариант тагарской культуры, обладающий выраженными оригинальными чертами, названный Красноярским [Николаев, 1980]. Помимо типичных элементов для курганов II–III стадий тагарской культуры Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи у этого варианта есть свои особенности. Так, курганные ограды в более раннее время сооружались из плоских плит известняка или песчаника, положенных плашмя одна на другую, а позднее сооружаются лишь наподобие оград, когда вокруг камеры располагали каменные столбы, отдельные скопления камней, а иногда просто округлые валуны. Задokumentирован случай, когда ограда частично состояла из разрозненных групп камней, а между ними находился участок кольев. Такие ограды присущи лишь данной зоне [Николаев, 1980, с. 240–242]. Г.А. Максименков [1961, с. 311] обращает внимание, что в тех курганах, где была зафиксирована каменная ограда, она имела круглую форму и только в двух случаях – четырехугольную, но сложенную не из плит, а из небольших камней. Также отмечено, что общий ассортимент помещенных с умершими вещей меньше Минусинского [Максименков, 1961, с. 312].

Керамический материал из раскопанных курганов невелик (85 сосудов) и в сравнении с синхронными курганными комплексами Хакасско-Минусинской котловины довольно однообразен [Дэвлет, 1964, с. 207]. Однако кроме привычных типов посуды для других районов тагарской культуры здесь есть и своеобразные, не встречающиеся либо встречающиеся в других районах очень редко. Это сосуды с ручками в виде горизонтально расположенных треугольников и крупные банкообразные сосуды, украшенные вокруг венчика лепными изображениями рогов. Встречается также керамика с совершенно необычным для других тагарских областей орнаментом – из пересекающихся косых линий, из ряда зигзагообразных полос, из незаконченных эллипсов [Николаев, 1980, с. 242–245].

К большому сожалению, первые исследователи курганов не испытывали должного интереса к человеческим костям, поэтому антропологический тип погребенных изучен только по черепному материалу из раскопок Р.В. Николаева, а также из сборов разрушенного кургана у с. Ковригино. Всего был изучен 31 череп, большая часть которых принадлежит к европеоидному типу и обладает свойствами, присущими тагарцам Минусинской котловины. У четырех черепов отмечены сочетания признаков монголоидной расы [Дремов, Рейс, 1996, с. 101–103].

Заключение

Подводя итог исследования курганных могильников в Красноярской лесостепи за полтора века, можно заключить о нахождении здесь более 150 земляных насыпей (рис. 1). Из них официальным раскопкам подверглись не менее 25 курганов, большинство из которых, по данным исследователей, уже были потревожены. В годы первых советских пятилеток активно осваивается правый берег Красноярска, где вырастают такие гиганты промышленности, как деревообрабатывающий комбинат, Красноярский машиностроительный завод и др. В результате этого села Ладейское и Торгашинское, а также вся примыкающая к ним территория подверглись интенсивной

застройке, а курганные могильники были навсегда утрачены для науки. Рост города и введения в сельскохозяйственный оборот обширных земельных ресурсов на левом берегу лесостепи также сказались на сохранности курганов, многие из них были уничтожены. Чуть больше повезло нескольким курганам в зоне будущего строительства алюминиевого завода: предприятие не только позволило Р.В. Николаеву [1956, с. 11] произвести раскопки, но и взяло все расходы на себя.

На сегодняшний день сохранившимся курганам продолжает угрожать серьезная опасность: земляные насыпи распаиваются, попадают в зону застройки частного сектора, страдают от бича современной археологии – разграбления предприимчивыми гражданами. В связи с этим остается открытым вопрос об охране курганных могильников – крайне ценных источников для изучения Красноярского варианта тагарской культуры. Для его решения требуются активные действия по мониторингу и паспортизации известных курганов. Так, в Красноярской лесостепи по предварительным подсчетам сохранилось не меньше трех десятков курганов, и только 17 из них стоят на государственной охране (причем один из них, у с. Бузуново, курганной насыпью не является вовсе [Мандрыка, 2001, с. 115]).

Кроме того, следует заключить, что, несмотря на отсутствие былого ажиотажа вокруг курганов окрестностей Красноярска, их тема себя не исчерпала, и за более чем полвека, прошедших с момента последних раскопок, археологическая наука сделала значительный шаг в методике исследований, в междисциплинарных взаимодействиях и подошла к рубежу переосмысления накопленного материала. В связи с чем раскопка и последующая музеефикация курганов тагарской культуры в Красноярской лесостепи в ближайшие годы видится крайне перспективной.

Библиографический список

Белова Н.А. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН // Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 12–140.

Вдовин А.С. «Археологические исследования» И.В. Александрова в окрестностях Красноярска в 1866–1871 годах // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. Вып. VI. С. 7–14.

Вдовин А.С. «Крестьянская» археология // Мир Евразии. 2011. №3 (14). С. 19–22.

Вдовин А.С. «...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов // Археологические вести. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. №17 (2010–2011). С. 340–346.

Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 594–636.

Дремов В.А., Рейс Т.М. Тагарская периферия в свете антропологических данных (коллекции Томска и Красноярска) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. С. 101–103.

Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // Советская археология. 1964. №2. С. 205–210.

Дэвлет М.А. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. Вып. VI. С. 16–33.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов Музея Приенисейского края. Красноярск, 1929. 55 с.

- Киборт М.Е. Посещение с ученой целью бароном де Бай города Красноярска // Енисейские губернские ведомости. 1900. 29 июля. 15 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 272 с.
- Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск : Типо-Литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1889. 47 с.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 207 с.
- Максименков Г.А. Отчет об археологической разведке в районе г. Красноярска летом 1956 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1350. 52 л., 25 ил.
- Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 301–315.
- Мандрыка П.В. Северная тагарская периферия: границы и взаимоотношения // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Красноярск : КГПУ, 2001. С. 113–117.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
- Мергарт Г.К. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. КОРГО. Красноярск, 1923. Т. 3. Вып. I. С. 29–36.
- Нашокин Н.В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 г. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 96.
- Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе, проведенной летом 1956 г. Красноярским краевым музеем. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 68. № п/п 672. 84 л.
- Николаев Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1963. С. 93–106.
- Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1980. С. 239–247.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 г. СПб., 1897. С. 152–157.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 103–104.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 г. СПб., 1904. С. 117–119.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906. С. 131–132.
- Спицын А.А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Зап. ИРАО. 1889. Т. XI. Вып. 1–2. С. 134–141.
- Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1. 276 с.; Ч. 2. 139 с.
- Тайна седого кургана // Красное знамя. 1959. 30 авг. С. 4.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41–62.
- Урусов В.П. Раскопки курганов Енисейской губернии Красноярского уезда. М., 1902. 10 с.
- Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. СПб. : Тип. ИАН, 1887. 26 с.

References

- Belova N.A. Perechen' materialov ehkspeditsij i issledovanij v fonde Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii Rukopisnogo otdela Nauchnogo arkhiva IIMK RAN [List of Materials of Expeditions and Research in the Fund of the Imperial Archaeological Commission of the Manuscript Department of the Scientific Archive of IIMK RAN]. Prilozhenie. Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917 gg.): K 150-letiyu ee osnovaniya. U istokov otechestvennoj arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya [Adjunct. The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage]. SPb. : Dmitrij Bulanin, 2009. Pp. 12–140.
- Vdovin A.S. «Arkheologicheskie issledovaniya» I.V. Aleksandrova v okrestnostyakh Krasnoyarska v 1866–1871 godakh [“Archaeological Research” I.V. Alexandrov in the Vicinity of Krasnoyarsk in 1866–1871]. Drevnosti Prienisejskoj Sibiri [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2013. Issue VI. Pp. 7–14.

Vdovin A.S. «Krest'yanskaya» arkhеologiya» [“Peasant” Archaeology]. Mir Evrazii [The World of Eurasia]. 2011. №3 (14). Pp. 19–22.

Vdovin A.S. «...Dlya predstavleniya na vysochajshee vozzrenie...»: istoriya nakhodki chetyrekh serebryanykh sosudov [“...For Submission to Higher View...”: the Story of the Find the Four Silver Vessels]. Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2011. №17 (2010–2011). Pp. 340–346.

Dluzhnevskaya G.V., Lazarevskaya N.A. Arkheologicheskie pamyatniki Sibiri v issledovaniyakh Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii [Archaeological Sites of Siberia in the Studies by the Imperial Archaeological Commission]. Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoj arkhеologii i okhrany kul'turnogo naslediya [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage]. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2009. Pp. 594–636.

Dremov V.A., Reis T.M. Tagarskaya periferiya v svete antropologicheskikh dannyh (kollektzii Tomskia i Krasnoyarska) [The Tagar Periphery in the Light of Anthropological Data]. 100 let gunnskoj arkhеologii. Nomadizm proshloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoi perspektive. Gunnskii fenomen [100 years of Xiongnu Archaeology. Nomadizm, Past, Present in a Global Context and Historical Perspective. The Xiongnu Phenomenon]. Ulan-Ude, 1996. Pp. 101–103.

Dehvlet M.A. Keramika pozdnetagarskikh kurganov Krasnoyarskogo rajona [Pottery of the Late-tagar Culture Burial Mounds in the Krasnoyarsk District]. Sovetskaya arkhеologiya [Soviet Archaeology]. 1964. №2. Pp. 205–210.

Dehvlet M.A. K istorii issledovaniya pamyatnikov tagarskoj kul'tury [On the History of the Study of the Sites of Tagar Culture]. Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu ehpokhu [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian Epoch]. Kemerovo, 1976. Issue. VI. Pp. 16–33.

Kartsov V.G. Materialy k arkhеologii Krasnoyarskogo rayona. Opisanie kollektсий i materialov Muzeya Prieniseyskogo kraja [Materials of the Krasnoyarsk Region Archaeology. Description of the Collections and Materials of the Yenisei Territory Museum]. Krasnoyarsk. 1929. 55 p.

Kibort M.E. Poseshhenie s uchyonoj tsel'yu baronom de Baj goroda Krasnoyarska [Visit for Scientific Purposes by the Baron de Baye of the City of Krasnoyarsk]. Enisejskie gubernskie vedomosti [Yenisei Provincial Sheets]. 1900. July 29. 15 p.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of South Siberia]. M. : Izd-vo AN USSR, 1951. 638 p.

Kitova L.Y. Istoriya sibirskoj arkhеologii (1920–1930-e gody): Izuchenie pamyatnikov epohi metalla [The History of Siberian Archaeology (1920–1930): Investigation of Metal Period Site]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2007. 272 p.

Kuznetsov I.P. Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient Graves of the Minusinsk District]. Tomsk : Tipo-Litografiya V.V. Mikhajlova i P.I. Makushina, 1889. 47 p.

Makarov N.P., Vdovin A.S. Arkheologiya v Krasnoyarskom kraevedcheskom muzee. 125 let istorii [Archaeology in the Krasnoyarsk Local Lore Museum. 125 Years of History]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2018. 207 p.

Maksimenkov G. A. Otchet ob arkhеologicheskoy razvedke v rajone g. Krasnoyarska letom 1956 g. [Report on Archaeological Exploration in the Area of Krasnoyarsk in the Summer of 1956]. NA IA RAN F-1. R-1. №1350. 52 p., 25 ill.

Maksimenkov G.A. Novye dannye po arkhеologii rayona Krasnoyarska [New Data on the Archaeology of the Area of Krasnoyarsk]. Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Questions of History of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Izd-vo SO AN SSSR, 1961. Pp. 301–315.

Mandryka P.V. Severnaya tagarskaya periferiya: granitsy i vzaimootnosheniya [Northern Tagar Periphery: Borders and Relationships]. Narody Prienisejskoj Sibiri. Istoriya i sovremennost' [Peoples of the Yenisei Siberia. History and Modernity]. Krasnoyarsk : KGPU, 2001. Pp. 113–117.

Martynov A.I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura [Forest-steppe Tagar Culture]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 208 p.

Mergart G.K. Rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy v Prienisejskom krae [Results of Archaeological Research in the Yenisei Region]. Izv. KORG. Krasnoyarsk, 1923. Vol. 3. Issue. I. Pp. 29–36.

Nashhekin N.V. Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh letom 1964 g. [Report on Field Archaeological Research in the Summer of 1964]. NA KKKM. In. 5. 96 p.

Nikolaev R.V. Otchet o polevoj arkheologicheskoy rabote, provedennoj letom 1956 g. Krasnoyarskim kraevym muzeem [Report on the Field Archaeological Work Carried out in the Summer 1956 by the Krasnoyarsk Regional Museum]. Arkhiv KKKM. In. 5. C. 68. № 672. 84 p.

Nikolaev R.V. Kurgany tagarskoj ehpokhi u Krasnoyarska [The Barrows of the Tagar Epoch Krasnoyarsk]. Materialy i issledovaniya po arkheologii, ehtnografii i istorii Krasnoyarskogo kraja [Materials and Research on Archaeology, Ethnography and History of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk gos. un-t, 1963. Pp. 93–106.

Nikolaev R.V. Krasnoyarskij variant tagarskoj kul'tury [Krasnoyarsk Version of Tagar Culture]. Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy Vsesoyuznoj arkheologicheskoy konferentsii [Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity: Materials of the All-union Archaeological Conference]. Kemerovo, 1980. Pp. 239–247.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1895 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1895]. SPb., 1897. Pp. 152–157.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1896 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. SPb, 1898. Pp. 103–104.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1902 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902]. SPb, 1904. Pp. 117–119.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1903 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903]. SPb, 1906. Pp. 131–132.

Spitsyn A.A. Kollektivnye mogily v verkhov'yakh Eniseya i Chulyma [Collective Graves in the Upper Reaches of the Yenisei and Chulym]. Zap. IRAO. 1889. Vol. XI. Issue 1–2. Pp. 134–141.

Stepanov A.P. Enisejskaya guberniya [Yenisei Province]. SPb, 1835. Part 1. 276 p.; Part 2. 139 p.

Tajna sedogo kurgana [The Mystery of the Gray Mound]. Krasnoe znamya [Red Banner]. 1959. august 30. P. 4.

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraja [The Classification Experience of the Ancient Metal Cultures of the Minusinsk District]. Materialy po ehtnografii [Materials on the Ethnology]. L., 1929. Vol. 4. Issue 2. Pp. 41–62.

Urusov V.P. Raskopki kurganov Enisejskoj gubernii Krasnoyarskogo uезда [Excavations of Burial Mounds of the Yenisei Province of the Krasnoyarsky District]. M., 1902. 10 p.

Yadrintsev N.M. Otchet o poezdke v Vostochnuyu Sibir' v 1886 g. dlya obozreniya mestnykh muzeev i arkheologicheskikh rabot [Report on the Trip to Eastern Siberia in 1886 for the Review of Local Museums and Archaeological Work]. SPb. : Tip. IAN, 1887. 26 p.

D.A. Vinogradov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE HISTORY OF RESEARCH OF THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE BURIAL MOUNDS

The period of active research of burial mounds located in the territory of Krasnoyarsk forest-steppe zone falls on the end of the 19th – mid 20th centuries. During that time in the vicinity of Krasnoyarsk were recorded more than 150 barrows, at least 25 of which were excavated for scientific purposes. The results of the research allowed scientists to attribute these barrows to the Tagar culture – its northern border of the distribution. Later, for Krasnoyarsk forest-steppe, it was proposed to identify a local version of the Tagar culture with peculiar features inherent only in this region. At the beginning of the 20th century, Vladimir Kartsov made a map of the Krasnoyarsk region sites, which included famous burial mounds, and there was an attempt to calculate their number. Currently most of these barrows have been destroyed in the process of modern activity, and the extant ones continue to be subjected to anthropogenic impact. In this connection, despite the extinguished interest of researchers there is the need for barrows documenting, monitoring their status and conservation. This paper gives a brief description of the Krasnoyarsk forest-steppe barrows, provides a map of their distribution, some clarifications and new data about them.

Key words: Yenisei, Krasnoyarsk forest-steppe, early Iron Age, Tagar culture, burial mounds, barrows, kurgans.

УДК 902.2(571.1)

С.А. Ковалевский¹, А.Л. Автушкова²

¹Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия;

²Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск, Россия

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРАСНЫЙ ЯР-1

Рассмотрение процесса полевого изучения археологических памятников и последующей интерпретации полученных материалов представляет собой достаточно перспективное направление в археологической историографии, истории российской и сибирской археологии. Особый интерес представляют памятники (комплексы памятников), исследуемые археологами достаточно продолжительное время. Они, являясь иллюстрацией эволюции научной мысли, демонстрируют, как менялись представления специалистов о древних и средневековых культурах, их хронологии, эволюции, этапах развития.

Данная работа посвящена истории изучения комплекса археологических памятников Красный Яр-1 начиная с 1959 г. и на протяжении последующих десятилетий. Опираясь на полевые отчеты и публикации таких ученых, как Т.Н. Троицкая, А.В. Матвеев, А.А. Адамов, авторы показали процесс изучения данного комплекса памятников, побудительные мотивы, которыми руководствовались специалисты. Интерес представляют и полевые наблюдения ученых, не всегда попадавшие впоследствии в научные публикации. Это позволило реконструировать процесс изучения комплекса археологических памятников Красный Яр-1, показать трансформацию взглядов исследователей по самым различным вопросам.

Ключевые слова: Новосибирская археологическая экспедиция, карасукская культура, ирменская культура, верхнеобская культура, фоминский этап.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-06

Введение

В 2019 г. исполняется 60 лет с момента начала археологического изучения комплекса памятников у села Красный Яр (рис. 1–2), находящихся на территории Кольванского района Новосибирской области, на берегу р. Уень (левый приток Оби). Исследование разновременных памятников, расположенных там, главным образом связано с деятельностью Новосибирской археологической экспедиции (НАЭ) и ее руководителя Татьяны Николаевны Троицкой. Памятники Красного Яра были одними из первых объектов, раскопанных Т.Н. Троицкой на территории Новосибирской области [Новосибирская археологическая..., 2010, с. 15–19]. Их изучение осуществлялось усилиями НАЭ в 1959–1962 гг. и в 1974 г. В 1978 г. раскопки были продолжены А.В. Матвеевым, а в 1989 г. – А.А. Адамовым.

Комплекс включает в себя памятники и отдельные находки, датирующиеся от неолита и раннего металла до развитого и, возможно, позднего средневековья. Целью данной работы является попытка проследить историю изучения этого комплекса археологических памятников. Важно также показать, как трансформировались взгляды исследователей на культурную и хронологическую составляющую полученных материалов.

Методы, материалы и результаты исследований

Памятник, получивший наименование Красный Яр-1, был обнаружен учителем истории и одновременно студентом-заочником НГПИ Матасовой. Во время туристического похода школьники раскопали один из курганов. Найденную керамику Матасова показала Т.Н. Троицкой, которая идентифицировала ее как карасукскую. К тому времени у Татьяны Николаевны уже был небольшой опыт исследования памятников периода поздней бронзы (Каменское поселение, могильник Камень-1), которые она

Рис. 1. Карта расположения комплекса археологических памятников Красный Яр-1

вслед за М.П. Грязновым и в соответствии с его концепцией считала карасукскими. После осмотра разрушавшегося памятника Т.Н. Троицкой были выявлены 118 курганов и поселение с мощным зольником. Было принято решение начать там полевые исследования. Причинами раскопок именно этого памятника Т.Н. Троицкая называла то, что на одной территории находились археологические объекты двух эпох (карасукской и средневековья), а культурный слой карасукского времени значителен и богат находками. Кроме того, курганы подвергались постоянному хищению и требовали охранных мероприятий.

В 1959 г. сотрудниками НАЭ был составлен первый план памятника, проведена зачистка обрыва на месте зольных скоплений, определены границы поселения (с этой целью заложены восемь шурфов). В центре карасукского поселения был разбит раскоп площадью 70,5 кв. м, который не выявил остатков сооружений (кроме трех грунтовых могил). В ходе изучения культурного слоя поселения обнаружено значительное количество фрагментов керамики (1641 экз.), большая часть которых была отнесена к карасукскому времени, костяные изделия, кости животных. В северной части западного склона поселения проведены зачистки двух участков. При зачистке южного участка обнаружены фрагменты 134 сосудов, а также костяные изделия преимущественно карасукского времени. Зачистка же северного участка выявила всего 15 фрагментов посуды.

Предварительный анализ карасукской керамики поселения Красный Яр-1, проведенный Т.Н. Троицкой, позволил предположить, что она отличается от керамики Каменского поселения, исследованного годом ранее. Керамика Каменского поселения, по мнению Т.Н. Троицкой, стоит ближе к Томским поселениям карасукского времени, а керамика

Красного Яра-1 была отнесена к новосибирскому варианту карасукской культуры, известному по раскопкам М.П. Грязнова в Ордынском районе Новосибирской области. Также в течение этого сезона исследовались четыре кургана эпохи средневековья (№1–4), расположенные в северной части мыса. В ходе раскопок курганы датированы фоминским временем в пределах VIII в. Данная точка зрения основывалась, как и в случае с карасукской культурой, на концепции М.П. Грязнова, считавшего раннесредневековые памятники Верхнего Приобья принадлежащими к верхнеобской культуре. Полученные в ходе раскопок курганов материалы Т.Н. Троицкая отнесла к фоминскому этапу данной культуры, датированному VII–VIII вв. [Грязнов, 1956, с. 126–144]. Результатом работ этого сезона стал вывод Т.Н. Троицкой [1959, с. 2–25] о сооружении курганов позднего железного века на месте поселения эпохи бронзы (небольшого андроновского, а позднее – более крупного карасукского).

В 1960 г. основные усилия НАЭ были направлены на изучение курганов и, в меньшей степени, поселения. Одной из причин продолжения работ Т.Н. Троицкая называла то, что после окончания экспедиции в 1959 г., несмотря на принятые меры по охране на площади памятника, неизвестными проводились хищнические раскопки. Всего в исследуемом году раскапывалось 15 курганов (№5–19), находящихся на узкой гряде, идущей вдоль южного края мыса. Большая часть из них, как и ранее, датировалась фоминским временем. Но встречались и погребения, сконцентрированные на одном участке и квалифицированные автором раскопок как карасукские (в курганах №6, 7, 16). Именно там Т.Н. Троицкой намечалось в 1961 г. заложить большой раскоп и составить общий план погребений эпохи бронзы.

При раскопках одного из курганов, находившегося в северо-западной части раскопа, была обнаружена часть карасукской землянки (так тогда именовались жилища, углубленные в материковый слой. – *Прим. авт.*). В южном углу землянки зафиксировано углубление, где находились очажные камни, а рядом – два сосуда в обломках

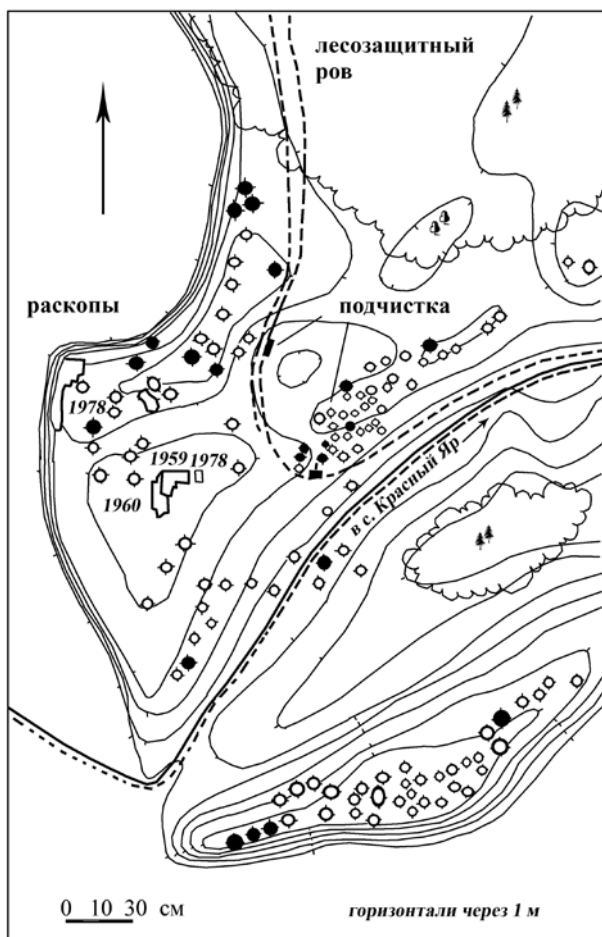

Рис. 2. План комплекса археологических памятников Красный Яр-1 (по А.В. Матвееву)

и бабка животного с черточками в виде рта в ее верхней части. При раскопках землянки Т.Н. Троицкая обратила внимание, что на самом ее дне фрагментов сосудов не было. Все они находились выше уровня материка. Преимущественно встречались фрагменты карасукской керамики (60%), в меньшей степени – андроновской (25%) и фоминской (15%). По результатам раскопок кургана №11 Т.Н. Троицкая пришла к заключению, что на его территорию заходило андроновское поселение. Затем, уже в карасукское время, там была вырыта землянка (большая часть которой обрушилась), а в фоминское время на этом месте возвели курган.

Археологические работы проводились и на территории карасукского поселения. В частности в юго-западном направлении был расширен раскоп №1, заложенный в предыдущем году, а также сделано несколько шурфов. В ходе проведенных работ раскопана западная часть землянки площадью 36 кв. м. Наибольшее количество находок (более 1000 фрагментов керамики, кости животных, костяные наконечники стрел, обработанные изделия из кости и камня) зафиксировано в суглинистом слое, возможно, представлявшем собой накат пола землянки и рухнувшую на него земляную кровлю. Среди находок зафиксированы и фрагменты бронзовых украшений: гвоздевидной подвески, проволочного украшения с насаженной на него бронзовой бусиной.

Часть находок образовывала скопления. На дне жилища прослежены остатки двух очагов. Т.Н. Троицкая высказала предположение о том, что обнаруженные очаги выполняли различные функции (хозяйственную и культовую). Если в первом случае рядом с очагом обнаружено значительное количество фрагментов керамики и костей животных, то во втором находок почти не было, а земля под кострищем оказалась сильно прокалена, что свидетельствовало о его долговременном характере. Фиксировались также ямы, часть которых заполнена костями животных и керамикой. Обилие находок в жилище дало возможность автору раскопок предположить, что оно было покинуто достаточно быстро, а жители успели взять только самое ценное.

Итоги двух полевых сезонов работы на Красном Яре-1 позволили Т.Н. Троицкой локализовать расположение карасукского поселения в центральной части мыса, доходившего до его северного обрыва. В том же сезоне в ходе археологической разведки обнаружено и второе карасукское поселение, располагавшееся на территории современного с. Красный Яр, на самом берегу р. Уень [Троицкая, 1960, с. 2–28].

В следующем 1961 г. на территории Красного Яра-1 исследовались уже пять средневековых курганов (№20–24), а также осуществлялись небольшие по масштабам работы на открытом годом ранее поселении Красный Яр-2 в урочище Пляж. Изучение поселения проводилось на небольшом участке, свободном от огородов. Там, на территории с. Красный Яр, на узком треугольном мысу первой надпойменной террасы р. Уень была заложена небольшая траншея площадью 18 кв. м. Находки представлены фрагментированными обломками 65 сосудов, преимущественно карасукской культуры, реже – андроновской и фоминской керамикой, глиняными крышечками, выточенными из стенок сосудов, костями животных, обожженными камнями. Вместе с тем проведенные на этом объекте небольшие раскопки показали, что продолжать работы здесь не имело смысла, так как земля была перекопана, обломки сосудов мелкие, часть культурного слоя выветрилась [Троицкая, 1961, с. 2–9].

Важно отметить, что параллельно шло осмысление полученного материала. Сама Т.Н. Троицкая отмечала, что в том же году ей удалось побывать в Ленинграде, где она

познакомилась и пообщалась с М.П. Грязновым, а также поработала с материалами его экспедиции 1952–1954 гг. [Новосибирская археологическая..., 2010, с. 18].

Полевой сезон 1962 г. завершал исследования НАЭ комплекса памятников Красный Яр-1. Целью работ этого сезона, по словам Т.Н. Троицкой, было желание дополнительно обследовать некоторые участки и разобраться в оставшихся неясными фактах. Как и ранее, исследования проводились на поселении и могильнике (курган №25). К востоку от раскопа №1 был заложен шурф №2. Также к южному борту основного раскопа были прирезаны еще два квадрата. Полученные находки (керамика, кости животных, изделия из кости, включая проколки и заостренную трубчатую кость, часть лука) отнесены специалистом к карасукскому времени. Среди особенностей изучения этой части поселения Т.Н. Троицкая [1962, с. 1–7, 11] отмечала отсутствие (в отличие от других частей поселения) андроновской керамики.

Результаты исследования поселений эпохи поздней бронзы Красный Яр-1 и Красный Яр-2 вошли в обобщающую статью Т.Н. Троицкой [1974а], посвященную изучению карасукской эпохи в Новосибирском Приобье. В рамках данной работы она отмечала, что на территории Красного Яра-1 в андроновскую эпоху находился небольшой поселок. В период поздней бронзы в северной части мыса возникло крупное поселение карасукской культуры (площадью около 2 га). Южная же часть мыса была использована для погребения умерших. Вторичное освоение этой территории произошло только в I тыс. н.э., когда начали возводиться курганы. Указывалось, что общая площадь раскопок составляет 494 кв. м. В статье приведено подробное описание двух раскопанных карасукских землянок и четырех сохранившихся погребений.

На основании анализа орнаментации карасукской посуды Т.Н. Троицкая выделила керамику поселения Красный Яр-1 в первую группу, для которой характерны следующие признаки: более четкая профилировка сосудов, орнаментация зоны венчика геометрическими заштрихованными фигурами, а зоны тулова – незаштрихованными лентами, подчеркивание углов геометрических фигур, а также наличие в зонах венчика и шейки такого декоративного элемента, как валик.

Проведя сравнение с завьяловской керамикой, Т.Н. Троицкая датировала данную группу керамики (Красный Яр-1 и Умна-1) наиболее ранним периодом существования культуры, началом которой она называла XII–X вв. до н.э.

Важно отметить и то, что с момента написания статьи в 1967 г. и до ее публикации в 1974 г., в свете прошедших в науке дискуссий и появления новых материалов, Т.Н. Троицкая пересмотрела свои взгляды на вопрос о культурной принадлежности и хронологии описываемых в статье памятников. Она отказалась от определения материалов поздней бронзы как карасукских и отнесла их к ирменской культуре, являющейся более поздней по сравнению с еловской. Ирменская культура, вслед за Н.Л. Членовой и М.Ф. Косаревым, была датирована Т.Н. Троицкой [1974а, с. 32–46] началом I тыс. до н.э.

Вместе с тем работы на Красном Яре-1 проводились еще дважды в течение 1970-х гг., а затем и в 1989 г. К тому времени памятник уже был внесен в список объектов республиканского значения. В 1974 г. Кольванским отрядом НАЭ (руководитель – Т.Н. Троицкая, производитель работ – И.В. Сальникова) раскапывались остатки самого крупного на территории могильника кургана №28. Отмечалось, что данный объект был еще и самым высоким местом в урочище. К моменту раскопок курган осыпался, сохранившись лишь на треть. Одно из погребений автору раскопок удалось

квалифицировать как ирменское, а другое – как андроновское. Остальные два погребения достоверно определить не удалось. Кроме того, осуществлялось обследование остатков средневекового кургана №29, осыпавшегося к тому времени в обрыв. Оно ограничилось сборами (поясные бляшки, железные наконечники стрел, пережженный прах) и зачисткой обрыва. Стоит отметить, что в насыпях почти всех раскопанных курганов (включая и этот) встречались фрагменты разновременной керамической посуды (преимущественно ирменской), что объяснялось использованием культурного слоя поселения для сооружения насыпей [Троицкая, 1974б, с. 1, 18–19].

Материалы позднего железного века, полученные в процессе изучения Красного Яра-1, были опубликованы Т.Н. Троицкой в 1978 г. Именно тогда она пришла к заключению о том, что разновременные памятники, расположенные там, следует рассматривать как единый комплекс памятников Красный Яр-1. Подводя итоги работ, Т.Н. Троицкая писала о том, что на значительной площади памятника (4 га) зафиксировано около 130 насыпей (ранее насчитывалось 118). Все они имеют следы ограбления. Всего на территории археологического комплекса сотрудниками НАЭ было вскрыто к этому времени уже 1000 кв. м, раскопано 29 курганов, заложены шурфы и раскопы на поселении периода поздней бронзы, зачищен обрыв.

По свидетельству автора раскопок, наиболее ранние находки представлены фрагментами керамики ирбинского этапа, кремневыми отщепами и частью кротовского сосуда. Вместе с тем культурный слой неолита и раннего металла зафиксировать так и не удалось. Андроновское поселение занимало площадь на северной оконечности мыса. Материал его частично издан [Троицкая, 1969, с. 3–20]. Позднее оно было перекрыто ирменским поселением. Специалистом отмечалось, что наряду с андроновской керамикой встречалась и еловская, очень малочисленная (17% всего андроновско-еловского комплекса). Т.Н. Троицкая считала, что андроновская и еловская керамика бытовала параллельно. Предполагалось и наличие разрушенного андроновского могильника, о чем свидетельствовало частично сохранившееся погребение периода развитой бронзы в кургане №28.

Ирменское поселение, по словам специалиста, занимало всю северную половину мыса, а могильник – южный склон мыса (от него сохранилось только пять могил). Характеризуя поселенческую керамику, Т.Н. Троицкая отмечала сочетание в орнаментации посуды чисто ирменских мотивов с валиками на шейке и сетчатым или елочным пояском на тулове, что, по ее мнению, говорит о традициях еловской культуры и датирует поселение ранним ирменским временем.

На западном склоне мыса были обнаружены обломки сосудов раннего железного века, которые Т.Н. Троицкая в соответствии с культурно-хронологической схемой, разработанной ранее М.П. Грязновым, соотнесла с бийским этапом большебереченской культуры. В насыпях курганов зафиксирована и немногочисленная кулайская керамика, отнесенная Т.Н. Троицкой к осыпавшемуся, недолговечному кулайскому поселению, датированному рубежом I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Остальной материал, а это 29 исследованных курганов, был датирован поздним железным веком. Если ранее Т.Н. Троицкая считала раскопанные погребения фоминскими, то теперь, при более глубоком рассмотрении, она дифференцировала их на погребения завершения одицовского этапа (4 погребения), конца I тыс. н.э. (22 погребения), и начала II тыс. н.э. (7 погребений) [Троицкая, 1978, с. 99–117].

В том же 1978 г. возобновились исследования комплекса памятников Красный Яр-1. Работы проводились Красноярским отрядом НАЭ под руководством А.В. Матвеева и по его Открытому листу. Были изучены остатки трех жилищ периода поздней бронзы и восемь курганов, относящихся к эпохе средневековья. По информации А.В. Матвеева, под поселением Красный Яр-1 правильнее подразумевать сохранившиеся части, по крайней мере, трех разновременных поселений – андроновского, еловского и ирменского, существовавших примерно на одном и том же месте – на мысу при впадении р. Чучки в р. Уень. Определить границу каждого из них, по мнению специалиста, очень трудно. Можно отметить лишь следующее: ирменский поселок был, по-видимому, значительно крупнее по площади, чем два более ранних, занимал большую часть мыса (около 2 га). Находки же андроновского и еловского времени встречались лишь вдоль края террасы, причем наиболее часто – в северной части мыса.

Возобновив полевые исследования поселения на комплексе памятников Красный Яр-1, А.В. Матвеев ставил перед собой задачу попытаться найти остатки андроновских и еловских жилищ, не разрушенных в более позднее время. С этой целью в северо-западной части мыса вдоль края террасы был заложен раскоп №1 общей площадью 160 кв. м. На его территории оказались остатки сразу трех жилищ, исследованных лишь частично. Жилище №5 оказалось двухкамерной полуземлянкой. Немногочисленная посуда из этого жилища обнаруживает, по наблюдению специалиста, большую близость керамике еловских памятников Томского Приобья и, очевидно, ей синхронна. Им прослежено, что после того, как жилище было заброшено, а котлован его почти полностью заплыл, оставшаяся на его месте западина стала использоваться как место свалки мусора и золы из более поздних жилищ.

В золистых слоях, перекрывавших жилище №5, еловская и ирменская керамика встречались примерно в одинаковых количествах. Позднее на этом месте были сооружены уже ирменские жилища №3 и 4. Небольшой по площади (12 кв. м) раскоп №2 заложен также в центральной части мыса и прирезан с востока к раскопу 1959–1960 гг. Как считал специалист, там находилась часть зольника, сооруженного в естественной ложбинке. Отсюда был получен материал ирменской культуры.

По мнению А.В. Матвеева, наибольшее значение имеет зафиксированное в раскопе №1 стратиграфическое соотношение ирменских и еловских жилищ, первое на памятниках лесостепного Приобья. Автор планировал в ближайшем будущем расширить площадь раскопа №1 с тем, чтобы полностью исследовать остатки жилищ №4 и 5 и попытаться найти еще несколько еловских жилищ [Матвеев, 1981, с. 1–11]. К сожалению, этого не случилось.

А.В. Матвеев уже в те годы обратил внимание на специфику андроновидной керамики Красного Яра. По его замечанию, в нарядной геометрической орнаментации горшковидных и баночных сосудов еловского типа наиболее отчетливо прослеживается развитие старых андроновских традиций и, в гораздо меньшей мере, – влияние орнаментального искусства лесных племен. Последнее обстоятельство, по его мнению, несколько отличает еловские памятники Новосибирского Приобья от поселения и погребений, исследованных у с. Еловка [Матвеев и др., 1979, с. 250–251].

Впоследствии А.В. Матвеев [1993, с. 67–75] опубликовал материалы периода поздней бронзы, исследованные на поселении Красный Яр-1, начиная с 1959 г. Специалист поставил вопрос о правомерности отнесения керамических комплексов жи-

лица №5 Красного Яра-1 и Ордынского-12 к еловской культуре. По его мнению, эти материалы должны быть выделены в особую группу памятников ордынского типа. Эту группу специалист предложил отнести к заключительному этапу андроновской (федоровской) культуры лесостепного Приобья либо выделить в самостоятельный послели или позднеандоновский этап или культуру. Помимо керамики ордынского типа на поселении Красный Яр-1 А.В. Матвеевым прослежена и керамика раннего быстровского этапа ирменской культуры. Основную же часть ирменской керамики поселения специалист отнес к развитому этапу культуры [Матвеев, 1993, с. 101–103, 125].

В 1989 г. шесть курганов могильника Красный Яр-1 были раскопаны А.А. Адамовым. Курганы были отнесены специалистом к позднему этапу сроткинской культуры и датированы XIII–XIV вв. Материалы развитого средневековья, раскопанные в разные годы Т.Н. Троицкой, А.В. Матвеевым и А.А. Адамовым, впоследствии опубликованы [Адамов, 2000, с. 114–115].

В 1993 г. обследование комплекса памятников Красный Яр-1 производилось А.П. Бородовским в ходе инвентаризации археологических объектов, расположенных на приобских территориях. В совместной публикации В.И. Молодин, А.П. Бородовский и Т.Н. Троицкая выделили памятники Красного Яра в особый археологический микрорайон, локализующийся в окрестностях одноименного села на выступе обской террасы в левобережье р. Уень [Молодин и др., 1996, с. 6, 10, 24, 100–106]. Туда они включили 17 памятников, шесть из которых принадлежат к рассматриваемому комплексу. Сюда относятся стоянка неолитического времени и периода развитой бронзы, поселения андроновской и ирменской культур (к последнему относится и зольник), разрушенные андроновские и ирменские погребения, единичные находки сосудов большереченской и кулайской культур, раннесредневековый курганный могильник VII–X вв., а также курганы 1-й половины II тыс. н.э. В пределах II тыс. н.э. специалисты датировали и немногочисленные погребения в берестяных чехлах.

В обобщающей монографии, которая подводила итоги изучения памятников эпохи раннего средневековья на территории Новосибирского Приобья, Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков датировали курганы №5, 7, 20 и могилу 1 в кургане №17–18 VII – началом VIII в., в рамках тимиразевского этапа верхнеобской культуры. Остальные же погребения с сожжениями и три грунтовые могилы отнесены специалистами к юрт-акбалыкскому этапу этой же культуры и датированы VIII–IX вв. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 56, 60, 83, 84].

Заключение

Этим фактически завершилось полевое изучение комплекса памятников федерального значения Красный Яр-1. Важно отметить, что данные археологические материалы послужили основой при написании древней и средневековой истории Новосибирского Приобья, создания культурно-хронологических схем. Так, постандроновские материалы Красного Яра стали важной составляющей при выделении памятников ордынского типа, а также быстровского и ирменского этапов ирменской культуры [Матвеев, 1986, с. 56–69]. Средневековые погребения 2-й половины I тыс. н.э. использовались специалистами для характеристики материальной культуры и эволюции на территории Новосибирского Приобья верхнеобской культуры, а погребения начала II тыс. н.э. – сроткинской культуры [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 6, 140–153; Троицкая, Новиков, 1998; Адамов, 2000, с. 76–85].

Библиографический список

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 256 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. М. ; Л., 1956. 163 с. (МИА №48).
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области // Свод памятников истории и культуры народов России. Вып. 2. Новосибирск, 1996. 192 с.
- Матвеев А.В. Отчет о полевых археологических исследованиях в Новосибирской и Тюменской областях в 1978 году // Архив ИА РАН. Р. I. №8001. Тюмень, 1981. 76 л.
- Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. 1986. №2. С. 56–69.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.
- Матвеев А.В., Ключкова Т.Н., Колесина Л.М. Исследования Красноярского и Искитимского отрядов Новосибирской экспедиции // Археологические открытия 1979. М., 1979. С. 250–251.
- Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995). Новосибирск, 2010. 152 с.
- Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1974а. С. 32–46.
- Троицкая Т.Н. Красный Яр-1 – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 99–117.
- Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1920. Новосибирск, 1959. 49 л.
- Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №2214. Новосибирск, 1960. 46 л.
- Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1961 году // Архив ИА РАН. Р-1. №2340. Новосибирск, 1961. 48 л.
- Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №2559. Новосибирск, 1962. 86 л.
- Троицкая Т.Н. Памятники андроновской культуры // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1969. Вып. 31. С. 3–20 (Научные труды НГПИ. Вып. 31).
- Троицкая Т.Н. Отчет о работе Новосибирской археологической экспедиции в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. №5514. Новосибирск, 1974б. 31 л.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье // Новосибирск, 1998. 152 с.

References

- Adamov A.A. Novosibirskoe Priob'ye v X–XIV vv. [Novosibirsk Priobye in the 10th – 14th Centuries Tobol'sk ; Omsk : OmGPU, 2000. 256 p.
- Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaya Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob on the Materials of the Excavations near the Village of Bol'shaya Rechka]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR. 1956. 163 p. (MIA №48).
- Molodin V.I., Borodovskij A.P., Troickaya T.N. Arheologicheskie pamyatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti [Archaeological Sites of the Kolyvansky District of the Novosibirsk Region]. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii [Code of Sites of History and Culture of the Peoples of Russia]. Issue 2. Novosibirsk : Nauka, 1996. 192 p.
- Matveev A.V. Otchet o polevyh arheologicheskikh issledovaniyah v Novosibirskoj i Tyumenskoj oblasti v 1978 godu [Report on Field Archaeological Research in the Novosibirsk and Tyumen Regions in 1978]. Arhiv IA RAN. R. I, №8001 [Archives of IA RAS. R. I, No. 8001]. Tyumen', 1981. 76 sheets.
- Matveev A.V. Nekotorye itogi i problemy izucheniya irmenskoj kul'tury [Some Results and Problems of Studying the Irmen Culture]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1986. №2. Pp. 56–69.
- Matveev A.V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'ye [Irmen Culture in the Forest-Steppe Priobye]. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1993. 181 p.

Matveev A.V., Klyunkova T.N., Kolesina L.M. Issledovaniya Krasnoyarskogo i Iskitimskogo otryadov Novosibirskoj ekspedicii [The Research of the Krasnoyarsk and Iskitim Teams of the Novosibirsk Expeditions]. *Arheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. 1979. M. : Nauka, 1979. Pp. 250–251.

Novosibirskaya arheologicheskaya ekspediciya (1957–1995) [Novosibirsk Archaeological Expedition]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2010. 152 p.

Troitskaya T.N. Karasukskaya epoha v Novosibirskom Priob'e [Karasuk Period in the Novosibirsk Priobye]. *Drevnyaya Sibir'. Bronzovyy i zheleznyj vek Sibiri*. Vyp. 4 [Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia. Issue 4]. Novosibirsk : Nauka. 1974a, Pp. 32–46.

Troickaya T.N. Krasnyj Yar-1 – pamyatnik pozdnego zheleznoogo veka [Krasny Yar-1 – a Site of the Late Iron Age]. *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoj Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk : Nauka, 1978. Pp. 99–117.

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj ekspedicii v 1959 g. [Report on the Work of the Novosibirsk Expedition in 1959]. *Arhiv IA RAN, R-1, №1920* [Archives of IA RAS. R-1, No. 1920]. Novosibirsk, 1959. 49 sheets.

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj ekspedicii v 1960 g. [Report on the Work of the Novosibirsk Expedition in 1960]. *Arhiv IA RAN, R-1, №2214* [Archive of IA RAS. R-1. No. 2214]. Novosibirsk, 1960. 46 sheets.

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj arheologicheskoy ekspedicii v 1961 godu [Report on the Work of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1961]. *Arhiv IA RAN, R-1, №2340* [Archive of IA RAS. R-1. No. 2340]. Novosibirsk, 1961. 48 sheets.

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj arheologicheskoy ekspedicii v 1962 godu [Report on the Work of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1962]. *Arhiv IA RAN, R-1, №2559* [Archive of IA RAS. R-1. No. 2559]. Novosibirsk, 1962. 86 sheets.

Troitskaya T.N. Otchet o rabote Novosibirskoj arheologicheskoy ekspedicii v 1974 godu [Report on the Work of the Novosibirsk Archaeological Expedition in 1974]. *Arhiv IA RAN, R-1, №5514* [Archive of IA RAS. R-1. No. 5514]. Novosibirsk, 1974b. 311 sheets.

Troitskaya T.N. Pamyatniki andronovskoj kul'tury [The Sites of the Andronovo Culture]. *Iz istorii Zapadnoj Sibiri* [From the History of Western Siberia]. Novosibirsk : NGPI, 1969. (Nauchnye trudy NGPI. Vyp. 31) [Scientific Works of NGPI]. Issue 31. Pp. 3–20.

Troickaya T.N., Novikov A.V. Verhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [High Ob Culture in Novosibirsk Priobye]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. 152 p.

S.A. Kovalevsky¹, A.L. Avtushkova²

¹*Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia;*

²*Novosibirsk State Regional Museum, Novosibirsk, Russia*

THE HISTORY OF THE STUDY OF THE KRASNY YAR-1 ARHAEOLOGICAL COMPLEX

Consideration of the field study of archaeological sites and the subsequent interpretation of the materials obtained is a fairly promising direction in archaeological historiography and the history of Russian and Siberian Archaeology. Of particular interest are the sites (complexes of monuments) that have been studied by archaeologists for quite a long time. They, being an illustration of the evolution of scientific thought, demonstrate how the ideas of specialists about ancient and medieval cultures, their chronology, evolution, and stages of development have changed. This work is devoted to the history of the study of the archaeological complex Krasny Yar-1 since 1959 and over the next decades. Based on field reports and publications of such scientists as T.N. Troitskaya, A.V. Matveev, A.A. Adamov, the authors showed the process of studying of this complex, the motives that guided the experts. Of particular interest are the field observations of scientists, which did not always fall into scientific publications. This allowed reconstructing the process of studying the archaeological Krasny Yar-1, to show the transformation of the views of researchers on a variety of issues.

Key words: Novosibirsk archaeological expedition, Karasuk culture, Irmen culture, Upper Ob culture, Fomin stage.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.02«637»(571/150)

И.В. Мерц¹, О.А. Федорук²

¹Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ КУЛУНДЫ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ (технологический анализ керамики поселения Баргана)*

В работе рассматриваются результаты технологического анализа керамики раннего бронзового века поселения Баргана, расположенного в Западной Кулунде. Исследования показали, что для изготовления посуды местное население использовало глины различной степени ожелезненности и пластичности, добывавшиеся из нескольких источников, формовочные массы представлены двумя рецептами (глина+шамот+органика и глина+шамот+дресва+органика). При этом отмечается преобладание рецепта со смешением традиций в использовании минеральных примесей, что указывает на контакты различных групп населения. Соотношение данных технологического и морфологического анализов также свидетельствует в пользу данного вывода.

В целом для елунинской посуды, отличающейся многокомпонентностью, характерны рецепты с добавлением шамота, а для керамики чемарского и, возможно, одиново-крохалевского типа – смешанный рецепт с использованием и дресвы, и шамота. При этом на поселении Баргана воздействию, вероятно, подвергались носители всех культурных типов. Полученные данные позволяют предположить, что внутри основного ареала распространения елунинской культуры проходили активные этнокультурные процессы. На основании имеющихся стратиграфических и радиоуглеродных данных памятник можно датировать рубежом III–II тыс. до н.э. Дальнейшие исследования позволят более детально определить проходившие в раннем бронзовом веке на западе Кулундинской равнины культурно-исторические процессы.

Ключевые слова: Кулундинская равнина, ранний бронзовый век, керамика, технологический анализ, елунинская культура, чемарский тип, культурогенез, миграции.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-07

Введение

В настоящее время достигнуты определенные успехи в изучении раннего бронзового века Восточного Казахстана, проведена систематизация и обобщение известных археологических источников. В результате в регионе выделены комплексы елунинской культуры, алкабекский тип памятников, чемарский, одиново-крохалевский тип керамики, и серия случайных сейминско-турбинских находок и отдельных артефактов восточноевропейского происхождения, соотношение которых между собой полностью еще не определено [Мерц, 2017, с. 15]. Такое культурное разнообразие проявляется в основном в керамических комплексах, что говорит о достаточно сложной этнокультурной ситуации в регионе. Это положение подтверждается и первыми техно-

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.» №АР05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья» и госзадания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/4.6 «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии».

логическими анализами керамики региона, охватившими в основном памятники, расположенные в среднем течении Иртыша [Рахимжанова, 2018, с. 15]. Однако во многом особенности проходивших в регионе исторических процессов еще остаются плохо изученными, что связано с малочисленностью исследованных стратифицированных археологических памятников, поэтому введение в научный оборот новых источников по данной проблематике особенно актуально. Данная работа посвящена технологическому анализу керамического комплекса раннего бронзового века поселения Баргана, расположенного на западе Кулундинской равнины [Мерц и др., 2013, с. 207].

Целью исследования является реконструкция гончарных традиций населения, оставившего данный памятник, а также определение особенностей его этнокультурного развития. Среди основных задач исследования: 1) выявление навыков отбора и обработки исходного пластичного сырья; 2) определение состава формовочных масс, из которых изготавливались сосуды; 3) соотношение результатов морфологического и технологического анализов; 4) установление культурных традиций в данных областях гончарной технологии и степени культурной однородности их носителей.

Материалы и методы проводимого исследования

Для проведения технико-технологического анализа керамики поселения Баргана были отобраны 18 образцов от разных сосудов. Исследование проводилось с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и МСП-1. Изучению были подвергнуты свежие изломы и поверхности фрагментов. Для определения степени ожелезненности исходного сырья образцы дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Были изучены культурные традиции на первых двух ступенях гончарного производства: отбор исходного сырья и составление формовочных масс. Они относятся к приспособительным навыкам изготовления керамики [Бобринский, 1978, с. 15]. Пластичность глин определялась по методике О.А. Лопатиной [2005, с. 95].

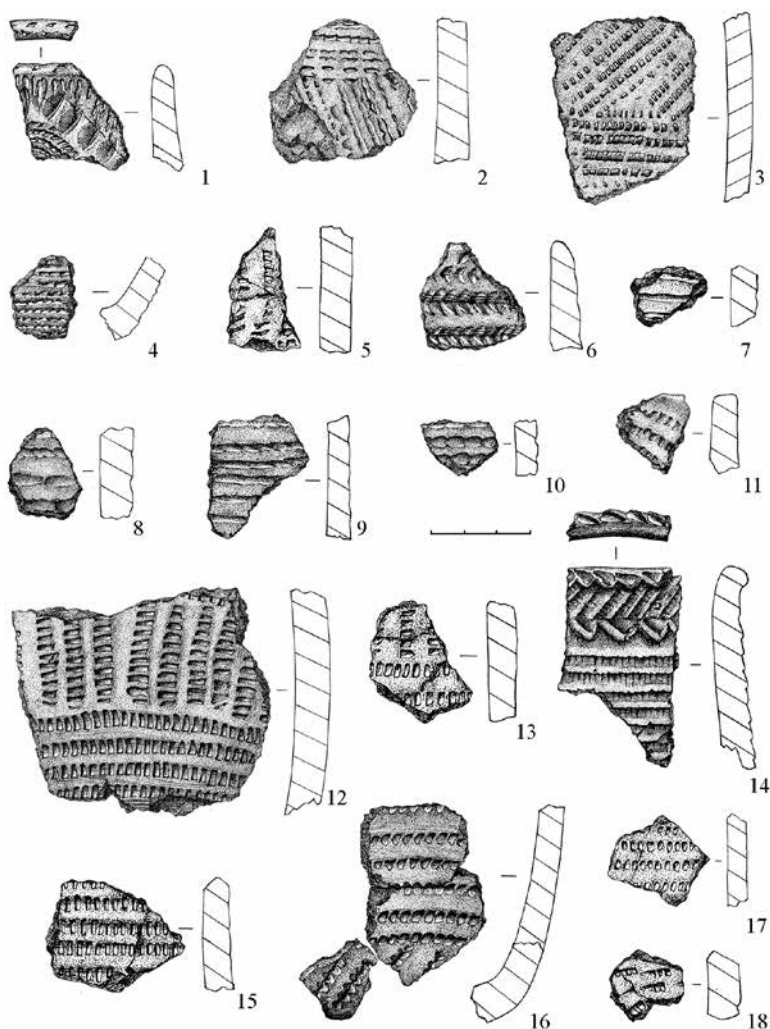
Технологический анализ керамики

В результате проведенных исследований удалось установить, что в качестве исходного сырья на поселении Баргана использовались глины различной степени ожелезненности и пластичности. Основная масса сосудов была изготовлена из среднеожелезненной глины – 13 образцов (72,2%), три – из сильноожелезненного сырья (16,7%) (рис.-4, 5, 8), два – из слабоожелезненного (11,1%) (рис.-12, 17). По степени пластичности выделяются пластичные – 13 образцов (72,2%) и среднепластичные – пять образцов (27,8%) (рис.-2, 3, 6, 14, 16) глины.

Таким образом, местное население использовало различные источники сырья. Их было как минимум, четыре: среднеожелезненные пластичные глины (44,4%), среднеожелезненные среднепластичные глины (27,8%), слабоожелезненные пластичные глины (11,1%) и сильноожелезненные пластичные глины (16,7%). В основном гончары отдавали предпочтение среднеожелезненной пластичной глине.

При исследовании навыков составления формовочных масс было зафиксировано наличие двух основных рецептов. В большинстве случаев посуда изготавливалась по рецепту глина+шамот+дресва+органика – 13 образцов (72,2%). Пять сосудов были созданы по рецепту глина+шамот+органика (27,8%) (рис.-1, 4, 6, 9, 10).

Шамот, используемый для изготовления керамики, был некалиброванный (1–3, 1–4 мм). В одном случае зафиксировано использование более крупных (до 6–7 мм)

Керамика поселения Баргана, украшенная способами:

1-5 – «шагания»; 6-10 – сочетанием «протаскивания» и «накальвания»;
11-17 – «штампования»; 18 – «накальвания»

(рис.-15), а в другом – мелких (до 1 мм) частиц (рис.-16). Концентрация шамота в образцах в основном одинаковая и колеблется в пределах 1:4, 1:5. Высокой концентрацией (1:2) отличался один фрагмент (рис.-17), при этом сам сосуд был изготовлен из слабожелезненного сырья, а шамот – из среднежелезненного. Еще в двух случаях шамот был добавлен в небольшой концентрации – менее 1:5 (№11, 12) (рис.-12, 18).

В трех случаях зафиксировано содержание дресвы в шамоте. Два из этих образцов изготовлены по рецепту глина+шамот+дресва+органика (рис.-7, 11), а один, скорее всего, глина+шамот+органика (рис.-1). В последнем случае в самой формовочной массе дресвы было очень мало, что может указывать на то, что она могла выпасть из шамота при замесе.

Дресва в исследованных образцах сосудов также не калибровалась, имела размеры 1–5 мм. В одном случае (рис.-12) была использована мелкая дресва (0,5–1 мм). Концентрация дресвы в большинстве образцов немного выше, чем шамота – 1:3, 1:4.

В качестве органических добавок при составлении формовочных масс в большинстве случаев использовались органические растворы, которые фиксируются по наличию «жирного» блеска в изломах сосудов, аморфных пустот, налета различного окраса. В двух случаях (рис.-13, 17), вероятно, были использованы выжимки из навоза животных. Эти сосуды отличались большим количеством отпечатков измельченных стеблей растений, а также наличием налета и маслянистых потеков, видимых в изломе.

Таким образом, на поселении Баргана преобладали рецепты со смешением традиций в использовании минеральных примесей, что указывает на контакты различных групп населения.

Соотношение результатов морфологического и технологического анализа

Исследования технологии керамического производства подтверждают и дополняют результаты проведенного ранее морфологического анализа. Классификация и статистическая обработка следов-отпечатков, составляющих орнамент на посуде, выявила в керамическом комплексе памятника четыре орнаментальные традиции: «шагающая» (рис.-1–5); сочетание «протаскивания» и «накальвания» (отступающе-накольчатая техника по И.Г. Глушкову [1996, с. 66]) (рис.-6–10); «штампования» (рис.-11–17); «накальвания» (рис.-18) [Мерц и др., 2013, с. 209–211].

Рецепт глина+шамот+дресва+органика использовался для изготовления сосудов всех четырех типов. При этом посуда, декорированная способами «штампования» и «накальвания», (составляющая 45,7% всей коллекции), изготавливалась только по данному рецепту. В культурном плане большинство этой керамики относится к чемарскому типу. Проведенный ранее технико-технологический анализ керамики стоянки Чемар-1* выявил два рецепта формовочных масс** (всего на памятнике обнаружено 125 фрагментов от 3 емкостей): 1) глина средней пластичности+дресва+органический раствор; 2) глина средней пластичности+кость кальцинированная+дресва+органический раствор, т.е. присутствие шамота не типично для стоянки Чемар-1. В то же время на поселении Баргана сосуды чемарского типа были изготовлены с добавлением и дресвы и шамота, что можно рассматривать как результат смешения гончарных традиций. Морфологически это проявилось в использовании при выделении орнаментальных зон мотивов, выполненных способом «накальвания» (рис.-14).

Необходимо отметить, что на памятниках юго-запада Кулундинской степи использование в качестве минеральной примеси дресвы зафиксировано на поселении Мичурино-I и на стоянках Чемар-5, 7, материалы которых отличаются культурным синкретизмом [Рахимжанова, 2018, с. 19–20, 22].

Второй рецепт – глина+шамот+органика применялся для создания керамики, орнаментированной сочетанием способов «протаскивания» и «накальвания» (8,3% от всей коллекции) и, частично, «шагания» (46% от всей коллекции). То есть для первой из них этот рецепт является основным, а для второй – одним из двух. Этот факт говорит о смешении разных культурных традиций при создании посуды, украшенной

* Базовый памятник, на материалах которого был выделен чемарский тип керамики [Мерц, 2004, с. 169; Ткачева и др., 2008, с. 246].

** Определения выполнены С.Ж. Рахимжановой.

способом «шагания». Морфологически этот синкретизм проявился в использовании при выделении орнаментальных зон мотивов, выполненных пальце-ногтевыми защипами и наколами. Присутствие дресвы в керамике декорированной способом «шагания» в Прииртышье достаточно редкое явление. В единичных случаях подобная примесь встречается на посуде поселений Шауке-1, Мичурино-1, Шидертинское-2 и полностью отсутствует на Шауке-8б [Рахимжанова, 2017, с. 106; 2018, с. 19]. Эти параллели указывают на то, что используемый для производства керамики поселения Баргана, украшенной способом «шагания», рецепт формовочных масс с примесью дресвы имеет инокультурное происхождение, а первоначальным являлся рецепт глина+шамот+органика.

Полученные результаты и их обсуждение

Керамика поселения Баргана отличается синкретизмом, что отразилось в выборе исходного сырья, в рецептах формовочных масс, в способах декорирования и построении орнаментальной композиции посуды. Основной компонент керамического комплекса памятника представлен двумя орнаментальными традициями – «шагающей» и «отступающе-прочерченной», характерными для елунинской культуры [Грушин, 2003, с. 54; 2013, с. 29–30]. Данная посуда изготавливалась по рецептам глина+шамот+дресва+органика и глина+шамот+органика. При этом для елунинской керамики поселения исходным, по-видимому, являлся именно рецепт глина+шамот+органика. Это подтверждается данными с других елунинских памятников Прииртышья, для которых было свойственно отсутствие дресвы [Рахимжанова, 2017, с. 106; 2018, с. 22]. Рецепт глина+шамот+дресва+органика характерен в целом для посуды поселения Баргана, украшенной способом «штампования», относящейся к «чемарскому» типу [Мерц, 2017, с. 22]. Это положение подтверждается технологическим анализом керамики стоянки Чемар-1. При этом для нее, по-видимому, является нетипичным наличие шамота.

Отдельно выделяется посуда, украшенная рядами косых линий, нанесенных способом «накальвания» гребенчатым штампом, которая относится к одиново-крохольскому типу керамики (рис.-18). К сожалению, немногочисленность и схожий состав формовочных масс с чемарской и елунинской посудой, не позволяет рассматривать ее как значительный компонент, повлиявший на специфику керамического комплекса памятника. Однако, возможно, наличие здесь на сосудах елунинского и чемарского типа мотивов, выполненных способом «накальвания» – следствие влияния носителей одиново-крохольского типа.

Актуальным вопросом является соотношение между собой рассматриваемой керамики. Использование рецептов с добавлением в качестве минеральных примесей дресвы и шамота для создания посуды разных морфологических типов говорит о смешении культурных традиций, а следовательно, и их синхронности. Это положение подтверждается общими формами емкостей и композиционным построением орнамента на аналогичной посуде региона, а также фактом обнаружения на поселении Баргана, в одном очажном сооружении, елунинской и чемарской керамики (рис.-3, 12). Совместное залегание посуды этих типов отмечено также на однослойном поселении Шауке-8б*. Данные наблюдения позволяют предположить, что на западе Кулундинской равнины в раннем бронзовом веке проходили активные процессы культурогенеза. При этом носители

* Раскопки И.В. Мерца.

«чемарского» типа, оказывая влияние на елуническое, и, по-видимому, одиново-крохалевское население, сами подвергались инокультурному воздействию.

В настоящее время период бытования посуды чемарского типа можно отнести к рубежу III–II тыс. до н.э. Поскольку именно этим временем, на основании серии ^{14}C дат, датируется однослойное елуническое поселение Шауке-8б [Мерц, 2017, с. 17], где зафиксировано совместное залегание керамики елунического, чемарского и одиново-крохалевского типов. Следовательно, этим же периодом можно датировать и поселение Баргана.

Заключение

Проведенный технологический анализ керамики выявил, что население, оставившее памятник, использовало глины различной степени ожелезненности и пластичности, при этом преобладала среднежелезненная глина. Гончары добывали сырье не менее чем из четырех различных источников. Среди формовочных масс преобладал рецепт глина+шамот+дресва+органика, значительно реже использовалась глина+шамот+органика. В качестве органических добавок, в большинстве случаев, применялись органические растворы. Таким образом, на памятнике наблюдается процесс смешения традиций в использовании минеральных примесей, что указывает на контакты различных групп населения.

Сопоставление результатов технологического и морфологического анализов керамики поселения Баргана показало, что первый из рецептов использовался для создания посуды всех типов, но для керамики чемарского (украшенная способом «штампования») и одиново-крохалевского (декорированная способом «накальвания») типов он был единственным. Учитывая тот факт, что на базовом чемарском памятнике (стоянка Чемар-1), в качестве минеральной примеси использовалась только дресва, можно предположить, что применение смешанного рецепта (с добавлением и дресвы и шамота) в сосудах чемарского типа Барганы является результатом инокультурного (елунического) влияния.

Для изготовления елунической посуды (украшена способами «шагания» и сочетанием «отступания» и «накальвания») использовались оба рецепта, при этом, вероятно, исходным для елунической керамики был второй рецепт (глина+шамот+органика).

Данные наблюдения показывают, что елуническое население, подвергаясь культурному воздействию со стороны носителей «чемарского» типа, оказывало и на него не менее сильное влияние. Вероятно, схожему влиянию подвергалось и население, оставившее керамику одиново-крохалевского типа*. Однако, судить об этом сложно, поскольку количество подобной керамики на Баргане не велико, а ее детальный технологический анализ, как и посуды чемарского типа**, для Западной Кулунды еще предстоит сделать. Отдельной задачей является выявление влияния особенностей окружающего памятника ландшафта на отбор исходного сырья для изготовления керамики. В целом, опираясь на имеющиеся стратиграфические наблюдения и результаты радиоуглеродных исследований, можно констатировать синхронность на рубеже III–II тыс. до н.э. елунической, чемарской и одиново-крохалевской керамики.

Дальнейшие исследования технологии изготовления и морфологии керамики рассмотренных типов позволят на более широком археологическом материале дополнить полученные выводы. Важным направлением станет поиск истоков происхождения посуды чемарского и иных культурных типов, встречающихся на памятниках Кулундинской равнины.

* Встречается на 39 памятниках региона.

** Встречается на 47 памятниках региона.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.
- Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. I. С. 49–56.
- Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения Степного и Лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.
- Лопатина О.А. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // Российская археология. 2005. №3. С. 91–99.
- Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана : труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. С. 165–169.
- Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
- Мерц И.В., Мерц В.К. Новые материалы раннего бронзового века из западной части Кулундинской равнины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. Барнаул, 2013. С. 207–215.
- Рахимжанова С.Ж. Технологический анализ керамики эпохи ранней бронзы поселения Шайке-1 // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, №2 (19). С. 104–107.
- Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита – ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 25 с.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. 304 с.

References

- Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. M., 1978. 272 p.
- Glushkov I.G. Keramika kak arheologicheskij istochnik [Pottery as an Archaeological Source]. Novosibirsk, 1996. 328 p.
- Grushin S.P. Etnokulturnaya situaciya v Verhnem Priobe v epohu rannej bronzy (po materialam keramicheskikh kompleksov) [Ethnocultural Situation in the Upper Priobye in the Early Bronze Age (based on materials of ceramic complexes)]. Istoricheskij opyt hozyajstvennogo i kulturnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri [Historical Experience of the Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul, 2003. Kn. 1. Pp. 49–56.
- Grushin S.P. Kultura zhizneobespecheniya i proizvodstva naseleniya Stepnogo i Lesostapnogo Ob-Irtyshya vo vtoroj polovine III – pervoj chetverti II tys. do n.e.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Culture of Livelihood and Production of the Population of Steppe and Forest-Steppe Ob-Irtysh in the Second Half of the 3rd – the First Quarter of the 2nd Millennim BC : Synopsis of the Dis. ... Dr. Historical Sciences]. Barnaul, 2013. 54 p.
- Lopatina O.A. Tehnologicheskie osobennosti drevnejshej keramiki Kashirskih gorodish rannego zhelezного века [Technological Features of the Most Ancient Ceramics of the Kashirsky Settlements of the Early Iron Age]. Rossiyskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2005. №3. Pp. 91–99.
- Merc V.K. Novye materialy po eneolitu i rannej bronzy Severo-Vostochnogo Kazakhstana [New Materials on the Aeneolithic and Early Bronze of Northeastern Kazakhstan]. Novye issledovaniya po arheologii Kazakhstana: Trudy nauchno-prakticheskoy konferencii «Margulanovskie chteniya – 15» [New Research into the Archeology of Kazakhstan: Proceedings of the Scientific and Practical Conference “Margulan Readings – 15”]. Almaty, 2004. Pp. 165–169.
- Merc I.V. Kultura naseleniya Vostochnogo Kazakhstana v epohu rannej bronzy : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Culture of the Population of Eastern Kazakhstan in the Early Bronze Age: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Historical Sciences]. Barnaul, 2017. 26 p.

Merc I.V., Merc V.K. Novye materialy rannego bronzovogo veka iz zapadnoj chasti Kulundinskoj ravniny [New Materials of the Early Bronze Age from the Western Part of the Kulunda Plain]. Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altajskogo kraja: materialy XVIII i XIX regionalnyh nauchno-prakticheskikh konferencij [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory: Materials of the 18th and 19th Regional Scientific and Practical Conferences]. Barnaul: Azbuka, 2013. Pp. 207–215.

Rahimzhanova S.Zh. Tehnologicheskij analiz keramiki epohi rannej bronzy poseleniya Shauke-1 [Technological Analysis of the Early Bronze Age Ceramics of the Settlement of Shauke-1]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Herald]. 2017. V. 6, No. 2 (19). Pp. 104–107.

Rahimzhanova S.Zh. Keramicheskie tradicii v epohu eneolita – rannej bronzy na territorii stepnogo Ob-Irtyshskogo mezhdurechya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Ceramic Traditions in the Eneolithic – Early Bronze Age on the Territory of the Steppe Ob-Irtysh Interfluvium: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Historical Sciences]. Barnaul, 2018. 25 p.

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Epoha bronzy Verhnego Priirtyshya [Bronze Age of the Upper Priirtyshye]. Novosibirsk, 2008. 304 p.

I.V. Merts¹, O.A. Fedoruk²

¹S. Toraihyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakstan;

²Altai State University, Barnaul, Russia

**TO THE PROBLEM OF THE ETHNOCULTURAL
DEVELOPMENT OF THE POPULATION
OF WESTERN KULUNDA IN THE EARLY BRONZE AGE
(technological analysis of the ceramics of the Bargana settlement)**

The paper considers the results of the technological analysis of the early Bronze Age pottery of the Bargana settlement in Western Kulunda. Studies have shown that for the manufacture of ceramics, the local population used clays of varying degrees of contents iron and plasticity, obtained from several sources, the molding compounds are represented by two recipes (clay + fireclay + organics and clay + fireclay + gruss + organics). In general, these data suggest that on the site a mixed tradition of forming molding masses dominated, which indicates that the population was in contact with carriers of other cultural traditions. The relationship between technological and morphological analyzes confirmed the conclusion.

In general, recipes with the addition of chamotte are typical for the Eluninskaya dishes, which differ in their multicomponency, and for ceramics of the Chemar and probably Odinovo -Krokhalevsky type – a mixed recipe with the use of cutwood and chamotte. At the same time, in the settlement of Bargana, carriers of all cultural types were probably affected. The data obtained suggest that active ethnocultural processes took place within the main area of distribution of the Eluninskaya culture. Based on the available stratigraphic and radiocarbon data, the site can be dated to the 3rd – 2nd millennium BC line. Further studies will allow determining in more detail the cultural and historical processes that took place in the early Bronze Age in the west of the Kulunda Plain.

Key words: Kulundinskaya plain, early Bronze Age, ceramics, technological analysis, Elunino culture, Chemora type, cultural genesis, migration.

УДК 902.3«637»

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН*

Представлен обзор результатов палеогенетических исследований, проведенных различными исследовательскими группами по материалам погребальных памятников эпохи бронзы Минусинских котловин (юг Красноярского края и Республика Хакасия). Анализировались как результаты, полученные при сравнении полного генома древнего человека, так и данные филогенетически информативных маркеров (мтДНК и ДНК Y-хромосомы). В результате установлено, что в эпоху бронзы на территории Среднего Енисея наблюдалась регулярная смена населения, что указывает на высокую миграционную активность. Сложение археологических культур этого периода (афанасьевской, окуневской, андроновской) начиналось с появления большой группы нового населения, практически полностью вытесняющего своих предшественников. Свидетельства ассимиляции местных жителей в состав новых культурных образований единичны и не носят системного характера. Наиболее сложная ситуация складывается с памятниками периода поздней бронзы ввиду малого числа проведенных пока анализов.

Ключевые слова: Минусинские котловины, Средний Енисей, палеогенетика, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская (федоровская) культура, период поздней бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-08

Введение

В последнее десятилетие произошла настоящая революция в изучении генома человека. Значительно упростившаяся и ставшая доступной методика проведения анализов позволила перейти к массовому исследованию образцов не только современного человека, но и древних популяций. Эти научные работы имеют колоссальное значение, так как позволяют с совершенно объективных позиций естественно-научных методов взглянуть на проблему преемственности формально выделенных археологических культур. Этот подход позволяет с новыми источниками обратиться к вопросам происхождения и взаимосвязи различных древних популяций. По мере накопления материалов станет возможным построение общей картины перемещения населения в различные эпохи, что значительно продвинет наши представления о принципах сложения древних народов. Наконец появятся объективные данные, которые позволят обрести баланс в постоянной борьбе автохтонистских и миграционных теорий. Палеогенетика позволяет решать широкий круг и более частных вопросов, таких как генетическое определение пола человека, родственных связей, антропометрических характеристик (например, цвет глаз и волос) и многое другое [Пилипенко, 2013].

На данный момент палеогенетика находится пока еще в стадии своего сложения и за те несколько десятилетий, которые она развивается, используемые методы и подходы прошли значительный путь развития. В результате складывается ситуация, когда работы, выполненные различными исследовательскими группами, имеют разную на-

* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)».

правленность и с большим трудом могут быть обобщены. Крупные научные центры проводят более углубленные исследования, вплоть до секвенирования полного генома древнего человека. Исследователи, не обладающие мощной лабораторной и аналитической базой, опираются преимущественно на филогенетически информативные маркеры (мтДНК и ДНК Y-хромосомы). Особое внимание необходимо обратить на существование таких острых проблем палеогенетики, как деградация древней ДНК и загрязнение (контаминация) древних образцов современной ДНК. Новые методы борьбы с этими явлениями появляются практически ежегодно, однако до полной победы над ними пока еще далеко.

В данной статье будет предпринята попытка суммировать данные о первых опубликованных палеогенетических исследованиях древнего населения Минусинских котловин (эпоха бронзы). Большинство исследований было проведено под руководством зарубежных палеогенетиков, которые преследовали цели евразийского масштаба, и получение данных по археологическим культурам Среднего Енисея не являлось основной задачей их работ. В результате сложилась ситуация, когда фактический материал получен в достаточном количестве, а научное осмысление результатов проведено только частично. В представленной статье ставится задача суммировать уже имеющиеся материалы и открыть дискуссию по их обсуждению и интеграции в современные научные археологические концепции.

Материалы и методы

На данный момент генетические материалы интересующего нас региона представлены в исследовательских работах четырех научных групп. Первая из них, возглавляемая Дэвидом Райхом, проводила исследования на базе Гарвардского университета (Кембридж, США). Их работа посвящена формированию генетики населения Южной и Центральной Азии (в первую очередь Индии) [Narasimhan et al., 2018]. В ходе своих исследований для создания определенного «фона» евразийского степного пояса они изучили образцы большого числа различных археологических культур, в том числе афанасьевской и андроновской (федоровской) с территории Минусинских котловин. Всего этой группой обработан 31 образец.

Еще одна большая исследовательская группа под руководством Эске Вилеслева проводит работы на базе Центра ГеоГенетики Университета Копенгагена (Дания). Ими выпущена целая серия научных работ, посвященных различным аспектам генетики населения Евразии эпохи бронзы. Среди них необходимо особо отметить три работы, которые затрагивают проблематику афанасьевской и окуневской культур, а также материалы периода поздней бронзы Минусинских котловин [Allentoft et al., 2015; Rasmussen et al., 2015; Damgaard et al., 2018]. В общей сложности исследованиям были подвергнуты материалы по 29 древним жителям изучаемого региона.

Третья совместная группа французских и российских исследователей – под руководством Кристины Кейзер (Страсбургский университет, Франция) проводила серию работ, непосредственно направленных на изучение генома древнего человека Минусинских котловин [Keyser et al., 2009; Hollard et al., 2018]. Их исследования охватывают всю стратиграфическую колонку археологических культур эпохи бронзы и насчитывают 33 изученных образца.

Наконец, четвертая группа представлена исключительно российскими учеными, работающими в Сибирском отделении РАН (Институт археологии и этнографии и Ин-

ститут цитологии и генетики). Результаты исследований этой группы пока представлены только в виде анонсов. Научной общественности доступны предварительные сообщения, которые были сделаны в 2017 г. в ходе работы V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе, и в 2019 г. на конференции «Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э.» в Оренбурге [Журавлев и др., 2017]. Работа этой группы направлена на изучение палеогенетики населения Сибири и сопредельных регионов, и эпоха бронзы Минусинских котловин является только одной из точек приложения усилий.

Все исходные материалы по филогенетически значимым маркерам были сведены в единую базу данных и рассматривались суммарно с применением традиционных сравнительных, аналитических и статистических методов (табл. 1–4).

Таблица 1

Результаты определения филогенетических маркеров (mtДНК и Y-ДНК)
по образцам из памятников эпохи бронзы Минусинских котловин

№	Источник образца	Публикация	Код	Пол	mtДНК	Y-ДНК
Афанасьевская культура						
1	Афанасьева гора, мог. 14	Narasimhan 2018	I10564	Ж	V1a	–
2	Афанасьева гора, мог. 15	Narasimhan 2018	SI3387	М	J2a2a	R1b1a1a2a2
3	Афанасьева гора, мог. 15	Narasimhan 2018	I6711	М	J2a2a	R1b1a1a2a
4	Афанасьева гора, мог. 15	Allentoft 2015	RISE509	Ж	T2c1a2	–
5	Афанасьева гора, мог. 15	Allentoft 2015	RISE511	Ж	J2a2a	–
6	Афанасьева гора, мог. 15	Narasimhan 2018	I6712	М	T2c1a2	R1b1a1a2a2
7	Афанасьева гора, мог. 17	Allentoft 2015	RISE510	Ж	J2a2a	–
8	Афанасьева гора, мог. 17	Narasimhan 2018	I6713	Ж	U5a1g2	–
9	Итколь-II, к. 24, м. 1	Hollard 2018	Kaf Kh19	Ж	C	–
10	Итколь-II, к. 23, м. 2	Hollard 2018	Kaf Kh20	М	C	R1b1a1a2a-L23
11	Итколь-II, к. 27, м. 1, ск. 1	Hollard 2018	Kaf Kh21	М	H1bv1	R1b1a1a2a-L23
12	Итколь-II, к. 27, м. 1, ск. 2	Hollard 2018	Kaf Kh22	М	H/U	R1b1a1a2a-L23
13	Карасук-III, к. 1, м. 1, ск. 1	Narasimhan 2018	I3949	М	U5a1d2b	Q1a2
14	Карасук-III, к. 1, м. 1, ск. 2	Narasimhan 2018	I3950	М	U5b2a1a	Q1a2
15	Карасук-III, к. 1, м. 1, ск. 3	Narasimhan 2018	I6714	М	U5a1d2b	Q1a2
16	Карасук-III, к. 1, м. 2, ск. 1	Narasimhan 2018	I3951	Ж	U5b2a1a	–
17	Карасук-III, к. 1, м. 2, ск. 2	Narasimhan 2018	I3952	М	U5a1a1	R1b1a1a2a2
18	Карасук-III, к. 1, м. 3	Narasimhan 2018	I3388	Ж	U5a1d2b	–
19	Карасук-III, к. 2, м. 1, ск. 2	Narasimhan 2018	I3954	Ж	U4b3	–
20	Карасук-III, к. 2, м. 1, ск. 1	Narasimhan 2018	I6715	Ж	U4b3	–
21	Подсуханиха-II, к. 19А, м. 1	Narasimhan 2018	I11112	М	H15b1	R1b1a1a2a2
Окуневская культура						
22	Красный Камень, к. 1, м. 1	Hollard 2018	Ok Kh1	Ж	C5	–
23	Красный Камень, к. 1, м. 3	Hollard 2018	Ok Kh2	Ж	C5	–
24	Красный Камень, к. 1, м. 6	Hollard 2018	Ok Kh3	Ж	H1bv1	–
25	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 1	Hollard 2018	Ok Kh4	М	–	–
26	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 2	Hollard 2018	Ok Kh5	Ж	–	–
27	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 3, ск. А	Hollard 2018	Ok Kh6	М	–	–
28	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 3, ск. Б	Hollard 2018	Ok Kh7	М	J	R1b1a1a2a-L23
29	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 6	Hollard 2018	Ok Kh8	М	H1bv1	Q1b-M346
30	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 9, ск. А	Hollard 2018	Ok Kh9	Ж	A10	–
31	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 11, ск. А	Hollard 2018	Ok Kh10	Ж	–	–

Продолжение таблицы 1

№	Источник образца	Публикация	Код	Пол	mtДНК	Y-ДНК
32	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 11, ск. В	Hollard 2018	Ok Kh11	М	–	–
33	Уйбат-Чарков, к. 1, м. 12	Hollard 2018	Ok Kh12	М	U5	NO1
34	Итколь-II, к. 14, м. 2	Hollard 2018	Ok Kh13	М	H	NO1
35	Итколь-II, к. 14, м. 3	Hollard 2018	Ok Kh14	Ж	T2a1b	
36	Итколь-II, к. 14, м. 5	Hollard 2018	Ok Kh15	М	D4b2a2a	NO1
37	Итколь-II, к. 14, м. 7	Hollard 2018	Ok Kh16	Ж	C5	–
38	Итколь-II, к. 14, м. 8	Hollard 2018	Ok Kh17	М	A12	Q1b1a–L54
39	Итколь-II, к. 14, м. 9	Hollard 2018	Ok Kh18	М	A8	–
40	Верхний Аскиз, к. 1, м. 3, ск. 1	Allentoft 2015	RISE515	Ж	A8a	–
41	Верхний Аскиз, к. 1, м. 3, ск. 2	Allentoft 2015	RISE516	Ж	H6a1b	–
42	Окунев Улус	Damgaard 2018	RISE662	М	H6a	Q1a2a1–L54
43	Окунев Улус	Damgaard 2018	RISE664	М	A8a1	Q1a2a1c–L330
44	Верхний Аскиз, к. 1, м. 22	Damgaard 2018	RISE667	Ж	A8a	
45	Верхний Аскиз, к. 2, м. 4, чер. 7	Damgaard 2018	RISE670	М	A8a	Q1a2b–L940
46	Верхний Аскиз, к. 2, м. 4, чер. 3	Damgaard 2018	RISE671	Ж	H6a1b	–
47	Верхний Аскиз, к. 2, м. 8, ск. 3	Damgaard 2018	RISE672	М	H6a1b	Q1a2–M346
48	Верхний Аскиз, к. 2, м. 9	Damgaard 2018	RISE673	М	A8a	Q1a–L472
49	Верхний Аскиз, к. 2, м. 21, ск. 1	Damgaard 2018	RISE674	М	A+152+16362	Q1a2–M346
50	Уйбат-V, к. 1, м. 1, ск. 1	Damgaard 2018	RISE675	М	D4+195	R1b1a2a2–Z2015
51	Уйбат-III, к. 1, м. 4	Damgaard 2018	RISE677	Ж	A8a1	–
52	Уйбат-V, к. 1, м. 1а	Damgaard 2018	RISE680	Ж	A+152+16362	–
53	Уйбат-V, к. 1, м. 3а–5а, ск. С	Damgaard 2018	RISE681	Ж	A8a1	–
54	Уйбат-V, к. 4, м. 4, чер. А	Damgaard 2018	RISE683	М	H15b1	Q1a1b1–L712
55	Уйбат-V, к. 4, м. 12	Damgaard 2018	RISE684	Ж	C5c	–
56	Уйбат-V, к. 1, м. 3а–5а, ск. В	Damgaard 2018	RISE685	Ж	C5c	–
57	Сыда-V, к. 3	Damgaard 2018	RISE718	М	C5c	Q1a2a1c–L330
58	Сыда-V, к. 4	Damgaard 2018	RISE719	М	C5c	Q1a2a1c–L330
Андроновская (федоровская) культура						
59	Соленоозерная-IV, к. 1, м. 3	Keyser 2009	S09	М	T1	–
60	Соленоозерная-IV, к. 1, м. 4	Keyser 2009	S10	М	U2e	R1a1
61	Соленоозерная-I, м. 4	Keyser 2009	S11	Ж	T4 (T2a1b1)	–
62	Соленоозерная-I, м. 15	Keyser 2009	S12	–	–	–
63	Соленоозерная-IV, к. 1, м. 4	Keyser 2009	S13	–	H6	–
64	Соленоозерная-I, м. 4	Keyser 2009	S14	Ж	U4	–
65	Соленоозерная-I, м. 29	Keyser 2009	S15	–	K2b	–
66	Усть-Абаканский район (царский курган)	Keyser 2009	S16	М	U5a1	R1a1
67	Потрошилово-II, ограда 7	Narasimhan 2018	I1853	М	H2b	R
68	Потрошилово-II, ограда 5, мог. 1	Narasimhan 2018	I1821	М	T1a1	R1a1a1b
69	Потрошилово-II, ограда, 5 мог. 3	Narasimhan 2018	I1856	М	K1a+195	R1a1a1b2a2a
70	Устье Бири-IV, мог. 28	Narasimhan 2018	I1851	М	H2b34	R1a1a1b
71	Устье Бири-IV, мог. 26	Narasimhan 2018	I1828	Ж	K1a4b	–
72	Устье Бири-IV, мог. 10	Narasimhan 2018	I1852	Ж	T2b	–
73	Орак, у Кр. Горы, к. 39	Narasimhan 2018	I6718	М	U4a	R1a1a1b
74	Орак, погр. 10	Narasimhan 2018	I3390	Ж	U5a2+16294	–
75	Орак, у Кр. Горы, к. 38, м. 1	Narasimhan 2018	I3395	Ж	T1a1	–
76	Орак, погр. 15-1	Narasimhan 2018	I3389	М	H27+16093	R1a1a1b

Окончание таблицы 1

№	Источник образца	Публикация	Код	Пол	mtДНК	Y-ДНК
77	Орак, погр. 20	Narasimhan 2018	I3392	М	U2e2a1d	R1a1a1b
78	Орак, у Кр. Горы, к. 38, погр. 2	Narasimhan 2018	I3394	М	U4a1	R1a1a1b2a
79	Орак, на Болоте, к. 10,	Narasimhan 2018	I3396	М	T2b34	R1a1a1b1a2b1
80	Орак, погр. 16	Narasimhan 2018	I3391	М	U5b2c	R1a1a1b2
81	Орак, у Кр. Горы, к. 37	Narasimhan 2018	I3393	М	U5b2b	R1a1a1b
82	Орак, погр. 15-2	Narasimhan 2018	I6717	М	T1a1	Q1a2
83	Выдува Ярки, 1926 год	Narasimhan 2018	I6716	Ж	W1c	–
Период поздней бронзы (карасукская культура)						
84	Усть-Абаканский район, к. 4, м. 1	Keyser 2009	S18	Ж	U5a1	–
85	Богградский район, м. 1	Keyser 2009	S19	Ж	U4	–
86	Минусинск (Подгорный), м. 1(6)	Keyser 2009	S20	М	–	–
87	Сабинка-2, мог. 30	Allentoft 2015	RISE 493	М	C4a1c	Q1a1b1
88	Сабинка-2, мог. 20	Allentoft 2015	RISE 494	М	I4a1	R1a1a1
89	Арбан-1, мог. 27	Allentoft 2015	RISE 495	М	D4j1	R1a1a1b2a
90	Арбан-1, мог. 6	Allentoft 2015	RISE 496	Ж	U5a1a2a	–
91	Арбан-1, мог. 55	Allentoft 2015	RISE 497	Ж	A+152+16362	–
92	Быстрая, мог. 4	Allentoft 2015	RISE 499	Ж	H5a1	–
93	Подкунинский, мог. 2–3	Allentoft 2015	RISE 502	Ж	U5a1d	–

Таблица 2

Сопоставление археологических культур эпохи бронзы Минусинских котловин по количеству случаев присутствия основных гаплогрупп (Y-ДНК)

	R1b	Q	NO	R1a
Афанасьевская культура	8	3		
Окуневская культура	2	11	3	
Андроновская (федоровская) культура		1		12
Период поздней бронзы (карасукская культура)		1		2

Таблица 3

Сопоставление археологических культур эпохи бронзы Минусинских котловин по количеству случаев присутствия основных гаплогрупп (mtДНК)

	Западноевразийские								Восточноевразийские		
	I	W	V	K	J	T	U	H	C	A	D
Афанасьевская культура					4	2	9	3	2		
Окуневская культура					1	1	1	8	7	12	2
Андроновская (федоровская) культура		1	1	3		7	9	4			
Период поздней бронзы (карасукская культура)	1						4	1	1	1	1

Таблица 4

Распределение гаплогрупп (mtДНК) по различным могильникам афанасьевской культуры Среднего Енисея

Памятник	C	H	U	J	T	V
Афанасьева Гора			1	4	2	1
Карасук-III			8			
Итколь-II	2	2				

Обсуждение результатов

Афанасьевская культура – наиболее ранняя археологическая культура эпохи бронзы, известная в Минусинских котловинах. Ее ареал распространен значительно шире и охватывает территории Горного Алтая, Западной и Центральной Монголии и северо-западной части Китая. Проведены палеогенетические исследования 21 образца из четырех различных памятников Минусинских котловин (Афанасьева Гора, Карасук-III, Итколь-II, Подсуханиха-II). Первые исследования были проведены в лаборатории Университета Копенгагена, где были изучены три образца из могильника Афанасьева Гора [Allentoft et al., 2015]. Еще два образца были взяты из материалов афанасьевской культуры Алтая из могильника Куюм. Поскольку цели были крайне обширными – охарактеризовать популяционную генетику бронзового века Евразии, непосредственно сибирским материалам было уделено мало внимания. Используя целую серию сложных математических методов анализа, исследователи приходят лишь к выводу, что генотип изученных представителей афанасьевской культуры и ямной культурно-исторической общности (КИО) совершенно не отличим друг от друга.

На основании этих материалов было проведено важное исследование, посвященное изучению в древних останках генетических следов бактерии *Yersinia pestis*, вызывавшей пандемию чумы [Rasmussen et al., 2015]. С этой целью были взяты три образца из одной могилы-15 могильника Афанасьева Гора (он же Батени). Авторы посчитали ее коллективным захоронением, так как в ней обнаружены останки четверых взрослых (мужчины и трех женщин), а также трех детей. Предполагалось, что такие коллективные захоронения могут быть свидетельством массовых смертельных заболеваний, в том числе чумы. Однако необходимо отметить, что «овальная яма, 150 см, глубиной 120 см» [Грязнов, 1999, с. 16] имеет явно недостаточный размер на фоне традиционных коллективных захоронений афанасьевской культуры [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 300–309]. Есть основания сомневаться в подобной ее интерпретации. Тем не менее в ходе исследования у двух женщин из трех были обнаружены генетические следы бактерии *Yersinia pestis*. На данный момент это древнейшее свидетельство существования этого заболевания в эпоху бронзы.

Примерно тогда же было проведено еще одно исследование генетических материалов из погребений афанасьевской культуры в Страсбургском университете. Опубликовано оно было только недавно, содержат данные о четырех образцах из трех курганов могильника Итколь-II (раскопки А.В. Полякова 2008–2010 гг.) [Hollard et al., 2018]. Кроме того, в этой работе были привлечены материалы из пяти погребений четырех разных могильников Горного Алтая (Берсюкта-1, курган №1; Тыткескень-VI, курган №95; Сальдьяр-1, курганы №25 и 36; Чобурак-II, курган №1). Было установлено, что все три исследованные образца ДНК Y-хромосомы позволяют относить мужскую линию афанасьевской культуры к субкладу L23 гаплогруппы R1b. Анализ мтДНК показал наличие четырех разных гаплогрупп, из которых три (U, H, R) относятся к западно-евразийским и лишь одна (C) преобладает в азиатском регионе. Это позволило авторам подтвердить и расширить доказательную базу, полученную в ходе предыдущих исследований, где на основании секвенирования полного генома была установлена практически полная генетическая идентичность населения афанасьевской культуры и ямной КИО.

Третье исследование, опубликованное в виде препринта в 2018 г., проводилось в Гарвардском университете и включало новые данные по 26 образцам из различ-

ных памятников афанасьевской культуры (14 – Среднего Енисея; 12 – Горного Алтая) [Narasimhan et al., 2018]. Таким образом, база источников практически утроилась, а с учетом качества проведенных лабораторных работ достоверность результатов достигла очень высокого уровня. Основная часть исследования была посвящена вопросам сложения древнего населения на территории современной Индии, и проблематике афанасьевской культуры было уделено мало места. Авторы провели серию математических анализов полного генома, которые позволили им объединить материалы ямной КИО (за исключением трех образцов) и афанасьевской культуры в единый кластер ввиду их практически полной идентичности. Данные по филогенетически значимым маркерам (мтДНК и ДНК Y-хромосомы) хоть и были определены, но никаких значимых выводов на их основании не сделано. Очень важными являются близкородственные связи, которые были прослежены внутри могильников Афанасьева Гора и Карасук-III.

В 2019 г. на конференции «Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н.э.» в Оренбурге А.С. Пилипенко с группой соавторов был сделан доклад, посвященный проблемам соотношения генофонда населения афанасьевской культуры и ямной КИО. Им была отмечена тесная взаимосвязь этих двух культурных образований, которую оттеняли только единичные случаи включения в афанасьевские памятники индивидуумов, заметно отличавшихся по филогенетическим гаплогруппам. Отдельно необходимо упомянуть исследование, посвященное изучению серии определений мтДНК, полученных на материалах различных памятников Горного Алтая, в том числе афанасьевской культуры [Чижишева, Губина, 2008; Губина и др., 2011; Губина и др., 2016]. Непосредственно с Минусинскими котловинами эта работа не связана, но ее необходимо учитывать при анализе данных ранней бронзы. Было установлено, что в этот период население Горного Алтая по материнским линиям на 70% было представлено западно-евразийскими гаплогруппами мтДНК.

Таким образом, на сегодняшний день по опубликованным данным палеогенетическим исследованиям (с получением положительных результатов) подверглись 50 образцов из погребальных памятников афанасьевской культуры: 21 – из Минусинских котловин (четыре могильника) и 29 – с Горного Алтая (14 могильников) (табл. 1). Основным выводом всех исследовательских коллективов сводится к тому, что результаты по этим образцам практически неотличимы от большей части результатов исследований образцов ямной КИО, которых сейчас насчитывается уже свыше 100. Это является еще одним подтверждением теснейшей связи этих двух групп населения, которая уже была отмечена археологами и антропологами [Хохлов и др., 2016]. Причем этот результат получен как при математическом сравнении полного генома, так и при сопоставлении филогенетически значимых маркеров (мтДНК и ДНК Y-хромосомы).

Основываясь на сумме полученных в ходе этих исследований данных, можно сделать еще несколько необходимых наблюдений. Анализ Y-ДНК показывает, что из 18 определений, которые удалось получить, 15 относятся к одному субкладу и его нижележащим вариантам – L23, гаплогруппы R1b (табл. 2). Такая удивительная плотность результатов указывает на гомогенность мужской части коллектива. Именно эта гаплогруппа характеризует и основную часть (свыше 95%) мужского населения ямной КИО. Из 15 определений семь приходятся на Горный Алтай, где они являются единственным вариантом мужской линии преемственности, а еще восемь – на Минусин-

ские котловины. Тем самым демонстрируется не менее тесная связь двух основных ареалов афанасьевской культуры.

Наряду с этим для образцов Y-ДНК из Минусинских котловин обнаружены три индивидуума с иной гаплогруппой – Q1a2. Казалось бы, они составляют почти 30% от общего числа определений для этого региона, но не все так просто. Дело в том, что это отец и два сына, похороненные в одной могиле (Карасук-III, курган №1, мог. 1), т.е. их следует рассматривать как один случай. Гаплогруппа Q характерна для последующей окуневской культуры. Нельзя исключать, что это погребение может иллюстрировать процесс взаимоассимиляции двух популяций, с учетом того, что согласно новейшим исследованиям могильник Карасук-III относится к числу наиболее поздних [Лазаретов, 2017]. Ситуация прояснится в дальнейшем, когда будет получено большее число палеогенетических определений.

Не менее интересная картина наблюдается при изучении данных, полученных при анализе мтДНК. Всего для афанасьевской культуры сделано 47 определений (табл. 3). Из них 26 – с территории Горного Алтая, где заметно преобладают субклады гаплогрупп западно-евразийского происхождения (U, R, J, H, K, T) и отмечено только два единичных случая восточно-евразийских гаплогрупп (Y, F) [Kivisild et al., 2002]. Заметно преобладают субклады гаплогрупп U (U5a, U4), составляющие около 40% выборки, а также T (T2a, T1a) и H, остальные отмечены в минимальном количестве. Схожая картина наблюдается в Минусинских котловинах. Из 21 исследованного образца только два продемонстрировали восточноевразийскую гаплогруппу C, остальные, как и в Горном Алтае, представляют западноевразийские ветви (U, J, H, T, V). Причем несложно заметить, что список практически идентичен алтайским материалам, из него выпали только две редкие гаплогруппы (R и K) и добавилась гаплогруппа V. Возможно, это следствие недостаточной пока статистической выборки. Точно так же в Минусинских котловинах преобладают (почти 50%) различные субклады гаплогруппы U (U5 и U4), а вот второе место занимает группа из четырех образцов субклада J2a2a.

На примере статистики образцов мтДНК афанасьевской культуры из Минусинских котловин можно сделать еще одно важное наблюдение. Прослеживается явное разделение могильников по «материнским линиям» (табл. 4). Сериями было исследовано всего три памятника, у каждого из которых есть свой преобладающий набор гаплогрупп мтДНК. Могильник Карасук-III представлен исключительно различными вариантами гаплогруппы U. Для могильника Афанасьева Гора характерны субклады J2a2a (четыре случая) и T2c1a2 (2 случая), и только в единственном случае представлена гаплогруппа U. Стоит отметить, что могильники Афанасьева гора и Карасук-III расположены на расстоянии 12 км по прямой друг от друга и, вероятно, оставлены соседними общинами. Третий могильник – Итколь-II – демонстрирует только две гаплогруппы: C и H. Таким образом, материнские линии этих трех памятников практически не пересекаются. На этом основании можно сделать вывод, что внутри афанасьевской культуры отдельные родовые или семейные общины были замкнуты и «перекрестные» браки случались редко.

Окуневская культура. На рубеже XXVI–XXV вв. до н.э. происходит значительное изменение всего спектра признаков археологических памятников Минусинских котловин, что позволило выделить окуневскую археологическую культуру, существующую следом за афанасьевской [Максименков, 1965; 1975; Поляков, 2017]. На сегодняшний день проведены палеогенетические исследования 37 образцов из восьми

различных могильников (Красный Камень, Уйбат-Чарков, Итколь-II, Верхний Аскиз, Окунев Улус, Уйбат-III, Уйбат-V, Сыда-V). Исследования велись примерно в одно время двумя исследовательскими группами.

В Страсбургском университете были изучены 18 образцов из могильников Красный Камень, Уйбат-Чарков и Итколь-II [Hollard et al., 2018]. В результате было установлено, что с началом окуневской культуры происходит коренная смена населения Минусинских котловин. Из семи образцов, для которых была установлена гаплогруппа Y-ДНК, только один представляет мужскую линию R1b, которая характерна для афанасьевского населения. Остальные шесть определений продемонстрировали принципиально новые гаплогруппы Q и NO. Схожая картина была выявлена и при исследовании мтДНК. Роль материнских линий, прослеженных в материалах предшествующей культуры, значительно снижается и появляются новые, ранее неизвестные гаплогруппы A и D, традиционно относящиеся к восточно-евразийским линиям развития.

Второе исследование было проведено в Копенгагене и включало 19 образцов из могильников Уйбат-III, Уйбат-V, Верхний Аскиз, Окунев Улус, Сыда-V [Damgaard et al., 2018]. Оно было более углубленным, так как в ходе работ исследовался полный геном. В результате установлено, что в составе образцов окуневской культуры присутствует 10–20% «сигнала», указывающего на связь с ямно-афанасьевскими популяциями. Эти данные были подтверждены при анализе филогенетически значимых маркеров. В частности при анализе Y-ДНК из 10 образцов один (10%) относился к гаплогруппе R1b. Остальные представляли различные субклады гаплогруппы Q. Причем авторы обращают внимание на то, что этот «сигнал» совершенно не виден на X-хромосоме; т.е. связь населения между окуневской культурой и ямно-афанасьевской популяцией прослеживается только по мужской линии и оценивается в 10–20%.

Суммируя данные этих двух исследований, можно обратить внимание на некоторые детали. По ДНК Y-хромосомы всего удалось определить гаплогруппы 16 мужских образцов. Среди них явно преобладают различные субклады гаплогруппы Q, обнаруженные обеими исследовательскими группами (11 определений, ~70%). Она является базовой для окуневской культуры в целом. Второе место по значимости занимает редкая гаплогруппа NO (3 определения, ~18%), которая была зафиксирована только в исследовании группы Страсбургского университета. Пока роль ее не ясна, так как она очень редко встречается в палеогенетических исследованиях.

Наконец, третья серия представлена двумя образцами гаплогруппы R1b, субклады L23 и Z2015. Они полностью идентичны образцам, которые фиксируются у ямно-афанасьевской популяции. Причем, забегая вперед, необходимо отметить, что эти индивидуумы выделяются из общего фона и по мтДНК (гаплогруппы J и D); т.е. они выпадают из окуневского «контекста» и по отцовской, и по материнской линии. Их можно с полной уверенностью назвать «инородцами». Очень важно, что они были выявлены обеими исследовательскими группами, что значительно снижает возможность ошибки или загрязнения образца. Радиоуглеродная дата погр. 1 кургана №1 могильника Уйбат-V (UBA-31597 4023±56) является одной из самых ранних среди определений возраста окуневской культуры [Поляков, 2017]. Второе захоронение совершено в могиле катакомбного типа, который также достоверно связан с самым ранним этапом культуры. Таким образом, оба погребения людей с гаплогруппой R1b относятся к самому начальному этапу существования окуневской культуры.

Можно предложить два варианта интерпретации этого явления. Во-первых, это могут быть инкорпорированные остатки афанасьевского населения, которые в единичном числе (те самые 10–20%) вошли в состав новой окуневской культуры. Такой подход выглядит наиболее простым и иллюстрирует процесс ассимиляции предшествующего населения мигрантами. В этой связи остается непонятным только вопрос о том, почему это были именно мужчины. Согласно современным данным сложение окуневской культуры началось в результате появления на Среднем Енисее новых групп мужского населения европеоидного облика. И наиболее логичным было бы, если бы они в первую очередь включали в свой коллектив женскую часть афанасьевского населения. Однако мы наблюдаем диаметрально обратную картину. Согласно исследованиям группы Эске Вилерслева, как раз следов вливания женщин ямно-афанасьевского типа при исследовании полного генома не наблюдается.

Второй вариант интерпретации выглядит более гипотетично. Сложение окуневской культуры являлось только частью общего миграционного процесса, в результате которого сформировалась целая свита родственных культур (каракольская, чаахольская, чемурчекская, самусьская и другие). В отличие от афанасьевской культуры, которая имеет схожие признаки по всему своему огромному ареалу, эту «вторую волну европейцев» двинувшихся с запада на восток, вероятно, объединяла только общая религиозная доктрина, а материальная культура у них была разная. Более того, прослеживаются и различия антропологического характера. Например, представители чаахольской культуры Тувы по своим антропологическим признакам отличаются от «окуневцев» и ближе к афанасьевским сериям [Гохман, 1980]. С учетом того, что наиболее вероятная территория, откуда началось данное «переселение народов», – это восточноевропейские степи, нельзя исключать, что среди них могли встречаться наследники ямной линии развития, сохранявшие ее антропологический облик и генетический фонд. Таким образом, те самые 10–20% в мужской части генома могут не иметь отношения к афанасьевской культуре, а восходить непосредственно к ямной КИО.

Исследование филогенетически значимых маркеров женской линии (мтДНК) окуневской культуры также подтверждает выводы, сделанные на основании изучения полного генома. В общей сложности удалось получить данные по 32 индивидуумам из 37. На фоне афанасьевской культуры наблюдается заметное изменение общей картины. Теперь на передний план выходят преимущественно восточно-евразийские линии – субклады гаплогруппы А (12 случаев), С5с (7 случаев) и D4 (2 случая). В сумме они составляют свыше 65% от общего числа. Единственная западно-евразийская линия, сохранившая свои позиции, – это различные субклады гаплогруппы Н (восемь случаев), которая была представлена в афанасьевской культуре всего в нескольких образцах. Гаплогруппы J, T и U отмечены в единичных случаях. Их присутствие не является доказательством связей афанасьевского и окуневского населения по женской линии. Как уже отмечалось, отдельные из них прослежены у инородцев, которые не связаны с окуневской культурой и по мужской линии. Следует обратить внимание, что, в отличие от афанасьевских могильников, каждый из которых консервативно сохранял определенные женские линии мтДНК, для окуневской культуры наблюдается их хаотичное смешение, что свидетельствует в пользу частых перекрестных браков с представителями других общин.

Необходимо признать практически полное отсутствие преемственности между афанасьевской и окуневской культурой. Это было отмечено как на основании анализа

полного генома, так и при изучении филогенетических маркеров [Hollard et al., 2018; Damgaard et al., 2018]. 10–20% «сигнала», которые были отмечены исключительно в мужской линии, представляют собой результат включения в число ранних окуневских серий соответствующего числа инородцев, наследников ямно-афанасьевских традиций. Однако эти линии вскоре прервались и в дальнейшем какого-то существенного вклада в окуневский генофонд не внесли. Таким образом, по данным генетики при переходе от одной культуры к другой произошла практически полная смена населения как по мужской, так и по женской линии. Причем по данным мтДНК происходит переориентация с западно-евразийского на восточно-евразийское направление связей.

Андроновская (федоровская) культура. Следующая археологическая культура эпохи бронзы, представленная в Минусинских котловинах, является частью большой КИО, занимавшей огромные просторы степного пояса и отчасти прилегающих лесостепных территорий. В последние десятилетия окончательно было установлено, что ее появление на Среднем Енисее является результатом экспансии на восток. Изучение генетических материалов из Минусинских котловин, проводилось тремя группами ученых, но пока полноценно опубликованы материалы только двух исследований, охватывающих 23 индивидуума из шести могильников. Первые работы, проведенные в Страсбургском университете и опубликованные в 2009 г., базировались на изучении восьми образцов из трех разных могильников – Соленоозерная-I и IV, а также некий царский курган в Усть-Абаканском районе, название которого не указано [Keyser, 2009]. В результате было установлено, что в двух случаях Y-ДНК относилась к субкладу M17 гаплогруппы R1a1, который ранее на этой территории не был зафиксирован. Используя семь определений мтДНК, авторы фиксируют исключительно западно-евразийские гаплогруппы H, T, K и U. На этом основании они приходят к выводу об экспансии европеоидов на восток в Южную Сибирь.

Еще одна большая серия из 17 образцов была изучена в ходе работы группы под руководством Дэвида Райха [Narasimhan et al., 2018]. Проводились исследования трех могильников: Устье Бири-IV, Потрошилово-II и большого комплекса Орак. Необходимо сразу отметить, что раскопки последнего проводились Г.П. Сосновским в 1925–1928 гг. на нескольких поликультурных могильниках, и эти материалы не отличаются надежностью датировок. В результате анализа полученных генетических материалов два образца были отсеяны, как кардинально не сочетающиеся с остальным (в том числе по результатам радиоуглеродного датирования). Это могли быть как более поздние захоронения, которые были неверно атрибутированы автором раскопок, так и впускные захоронения, которые нередки в Минусинских котловинах. В результате были получены результаты, полностью сочетающиеся с предыдущим исследованием. Установлены филогенетические маркеры ДНК по Y-хромосоме у 11 индивидуумов и все они показали удивительную монолитность в рамках гаплогруппы R1a. Анализ мтДНК 14 образцов продемонстрировал гаплогруппы H, T, K и U.

Наконец, третье исследование материалов андроновской (федоровской) культуры Западной и Южной Сибири было проведено исследователями из Новосибирска. Пока полные данные не опубликованы, но первые результаты были анонсированы [Журавлев и др., 2017]. Ими, как и в предшествующих исследованиях, была определена основная гаплогруппа ДНК по Y-хромосоме – R1a, которую они совершенно справедливо рассматривают как генетический маркер андроновского (федоровского) населения.

На основании анализа мтДНК они приходят к выводу, что вовлечение местного аборигенного населения было заметно менее выражено, а в генофонде доминируют западно-евразийские гаплогруппы. Все это является доказательством «...низкой интенсивности генетических контактов мигрантов-андроновцев с предшествующими группами населения Минусинской котловины» [Журавлев и др., 2017, с. 39].

Суммируя все вышеизложенные факты, можно проследить четкую картину. Анализ данных по ДНК Y-хромосомы демонстрирует единство мужской серии в рамках гаплогруппы R1a, к которой принадлежат все 13 опубликованных образцов. Исследование мтДНК тоже фиксирует весьма сплоченную картину. В результате анализа 21 образца зафиксированы только четыре гаплогруппы: H, T, K и U, представленные относительно равномерно. Несколько чаще встречаются субклады гаплогрупп U (38%) и T (29%). По сравнению с окуневской культурой снова кардинально меняется вектор. Если до этого преобладали восточно-евразийские гаплогруппы, то в числе андроновских мигрантов фиксируются исключительно западно-евразийские линии развития мтДНК. Сопоставляя набор субкладов, можно прийти к выводу, что преемственность по женской линии теоретически может составлять не более 10% (U5 и H6), но, вероятнее всего, она полностью отсутствует, так как фиксируется только в случае недостаточно полно исследованных образцов. Резюмируя материалы палеогенетических исследований, можно прийти к выводу о том, что перемещение андроновских (федоровских) мигрантов на территорию Минусинских котловин проходило в виде полных коллективов и не привело к ассимиляции местного населения. Совершенно иная картина была зафиксирована на территории Барабинской лесостепи, где происходили активные процессы взаимной метисации. Следует присоединиться к мнению коллег из Новосибирска о том, что на разных территориях процесс их захвата в результате андроновской (федоровской) экспансии шел совершенно разными путями [Журавлев и др., 2017, с. 40].

Карасукская культура – период поздней бронзы. Это чрезвычайно сложное время на территории Минусинских котловин. Ранее оно традиционно объединялось в понятие карасукской культуры, однако продолжающиеся исследования продемонстрировали его неоднородность. Этот период распадается на четыре хронологических этапа (8 хронологических горизонтов), сложение каждого из них являлось результатом серьезных внешних влияний, имеющих различные географические и культурные векторы, предполагающие в том числе и миграцию на эту территорию нового населения [Поляков, 2002; Лазаретов, 2002; Лазаретов, Поляков, 2008]. На сегодняшний день проведен анализ только 10 образцов в рамках двух различных исследований и некоторые наблюдения указаны в анонсе новосибирских исследователей. Этого пока совершенно недостаточно для серьезного анализа, но первые выводы все-таки можно сделать.

Первые три образца, происхождение которых не совсем ясно, были проанализированы в Страсбургском университете, и установлены только мтДНК гаплогруппы двух из них – U5a1 и U4 [Keyser, 2009]. Еще семь образцов были изучены в Копенгагене, где был получен в том числе полный геном [Allentoft et al., 2015]. В результате было отмечено разнообразие полученного генетического материала и смешение западно- и восточно-евразийских линий развития. Из трех проанализированных образцов ДНК Y-хромосомы у двух была прослежена гаплогруппа R1a, характерная для предшествующего андроновского пласта, а третий относился к гаплогруппе Q. Данные по мтДНК оказались максимально разнообразны, демонстрируя шесть гаплогрупп на семь об-

разцов, среди которых есть совершенно различные ветви развития. Новосибирские исследователи в своей работе отметили только, что «...мужской генетический компонент, привнесенный в Минусинскую котловину андроновцами, сохраняет высокую долю в генофонде населения и в последующие периоды – у карасукского населения эпохи бронзы...» [Журавлев и др., 2017, с. 39]. В данном случае речь идет, безусловно, о ключевой гаплогруппе Y-ДНК – R1a.

Поскольку число исследованных образцов мало, наибольшее значение имеет наблюдение, сделанное на основании изучения полного генома. Разнообразие генетического материала полностью соответствует представлениям археологов о разнонаправленности контактов и, возможно, активному вливанию новых групп населения. Дальнейшие исследования следует базировать на уже сложившейся археологической хронологии, которую можно проверить естественно-научными методами.

Анализ филогенетических маркеров полностью подтверждает эту пеструю картину. Изучение ДНК Y-хромосомы демонстрирует как «андроновскую» гаплогруппу R1a, так и гаплогруппу Q, которая была свойственна предшествующей окуневской культуре. Однако не стоит спешить с выводами. Наличие гаплогруппы R1a вовсе не доказывает прямой преемственности между населением андроновской культуры Минусинских котловин и периода поздней бронзы на этих территориях. Стоит напомнить, что происхождение «карасукской культуры» с самого начала связывалось с районами Центрального Казахстана, где в этот период гаплогруппа R1a также занимала ведущие позиции в генофонде, как и практически во всем «постандроновском мире». Нельзя также безапелляционно приписывать появление гаплогруппы Q контактам с доживающими до этого периода носителями окуневской культуры. Именно в период поздней бронзы к югу, в монгольских степях, она получает очень широкое распространение [Hollard et al., 2014]. С учетом того, что археологические концепции предполагают на определенном этапе появление активных контактов именно в этом направлении, вплоть до Северного Китая, нельзя исключать, что и в данном случае появление образцов гаплогруппы Q имеет миграционное происхождение.

Не менее сложная картина наблюдается и при рассмотрении данных, полученных по мтДНК. Из девяти исследованных образцов серийно представлена только гаплогруппа U (4 случая). Все остальные гаплогруппы зафиксированы в единственном числе. Причем наряду с западно-евразийскими I и H снова встречаются восточно-евразийские A, C и D. Сопоставление с материалами андроновской (федоровской) культуры Минусинских котловин демонстрирует значительную смену материнских линий (не менее 50%). Больше не наблюдаются ранее широко представленные гаплогруппы T и K, зато появляются новые – I, A, C и D. Сохраняет свое значение только гаплогруппа U. Все это демонстрирует нам, что рассматривать период поздней бронзы Среднего Енисея исключительно в свете преемственности на основе местного андроновского населения нет никаких оснований. Наблюдается мощное смешение генофонда, источники которого еще только предстоит установить.

Заключение

Резюмируя все выше сказанное, необходимо остановиться на самом главном. Палеогенетика делает лишь свои первые шаги в изучении древней истории человечества. Методики еще не отточены, каждый исследовательский коллектив ищет свой собственный путь анализа полученных материалов. Заметно отличаются возможности

разных лабораторий. Одни из них математическими методами анализируют полный геном, другие останавливаются и концентрируют свои усилия на ключевых филогенетических маркерах. В любом случае это важная и совершенно новая объективная информация, без учета которой не должно строиться современное научное исследование. Как показывают рассмотренные материалы эпохи бронзы Минусинских котловин, для этой территории колоссальное значение имеют миграционные процессы. Формирование каждой новой археологической культуры оказывается связано с практически полным замещением населения на этой территории. Совмещение этих данных с результатами археологического анализа материала позволяет вывести исследования на новый доказательный уровень.

В заключение перечислим основные результаты этого первого исследовательского этапа.

1. Генофонд афанасьевской культуры практически не отличим от генофонда ямной КИО, что полностью подтверждает наблюдения антропологов и археологов и позволяет считать эти народы близкородственными. Эти данные получены не только на основании изучения филогенетических маркеров, но и в ходе сравнения полного генома. Для мужской части населения характерен субклад L23 (и нижележащие) гаплогруппы R1b. Женские линии представлены гаплогруппами преимущественно западно-евразийского происхождения (U, R, J, H, K, T), причем наблюдается их отличие в разных могильниках. Это указывает на особую замкнутость афанасьевских коллективов, что уже не раз отмечалось исследователями.

2. Сложение генофонда окуневской культуры связано с кардинальной сменой населения. На основе анализа полного генома установлено, что в составе образцов окуневской культуры наблюдается только 10–20% «сигнала», указывающего на связь с ямно-катакомбными популяциями, причем исключительно по мужской линии. Эти данные подтверждаются изучением филогенетических маркеров, которые показывают массовое появление двух принципиально новых гаплогрупп – Q и NO (Y-ДНК) и только в 12,5% случаев (2 определения) ранее встречавшуюся гаплогруппу R1b. Такая же картина наблюдается и при изучении мтДНК, где происходит массовое замещение западно-евразийских гаплогрупп на восточно-евразийские (A, C, D).

3. Появление на Среднем Енисее андроновской (федоровской) культуры также связано с миграцией совершенно нового населения, характеризующегося по мужской линии исключительно гаплогруппой R1a, получившей наиболее широкое распространение именно в андроновскую эпоху. Данные по мтДНК демонстрируют возврат к весьма ограниченному спектру западно-евразийских гаплогрупп (H, T, K и U). Это свидетельствует в пользу отсутствия какой-либо метисации пришлого населения и местных жителей.

4. Период поздней бронзы Среднего Енисея пока наименее изученный в плане генетики период. Количество образцов недостаточно для взвешенных выводов. Можно только отметить, что анализ полного генома показал смешение западно- и восточно-евразийских линий, что подтверждается и немногочисленными определениями ключевых филогенетических маркеров.

Библиографический список

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л. : Наука, 1980. С. 3–34 (сб. МАЭ; т. 36).

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Губина М.А., Воевода М.И., Ромашенко А.Г., Куликов И.В., Чикишева Т.А., Молодин В.И. Кра­ниологические особенности и характер изменения состава гаплотипов мтДНК у древнего населения Горного Алтая // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. С. 371–372.

Губина М.А., Куликов И.В., Бабенко В.Н., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Воевода М.И., Молодин В.И. Динамика состава гаплотипов мтДНК древнего населения Горного Алтая от эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.) до железного века (II–I вв. до н.э.) // Генетика. 2016. Т. 52, №1. С. 106–119.

Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 37–40.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.

Лазаретов И.П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея или хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. №8 (20). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. С. 8–34.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 33–55.

Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. №130. С. 168–174.

Максименков Г.А. Окуневская культура : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.

Пилипенко А.С. Палеогенетика человека // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2013. Т. 17, №4/2. С. 957–971.

Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. СПб., 2017. №16. С. 52–74.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №3(34). С. 86–106.

Чикишева Т.А., Губина М.А. Некоторые результаты палеогенетического и антропологического изучения древнего населения Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. №14. С. 275–281.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., a-Sapfo Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa Ph D., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature: The intern. weekly journ. of sciens. 11 June 2015. Vol. 522. №7555. P. 167–172.

Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediay F.E., Ullah I., Sjögren K.-G., Iversen K.H., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S.Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M.H., Gori-

- unova O.I., Bazaliiskii V.I., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360, Issue 6396. P. 1422 DOI: 10.1126/science.aar7711
- Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crubezy E., Ludes B. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // *Forensic Science International: Genetics*. 2014. №12. P. 199–207.
- Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. №167. P. 97–107.
- Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. №126(3). P. 395–410.
- Kivisild T., Tolk H.-V., Parik J., Wang Y., Papiha S.S., Bandelt H.J., Villems R. The emerging limbs and twigs the East Asian mtDNA tree // *Mol. Biol. Evol.* 2002. Vol. 19(10). P. 1737–1751.
- Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Mark L., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A., Nakatsuka N., Olalde I., Coppa A., Mallory J., Moiseyev V., Monge J., Olivieri L., Adamski N., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Culleton B., Ferry M., Fernandes D., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney E., Harper T., Keating D., Lawson A.-M., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A., Baitanayev B., Bonora G., Chikisheva T., Derevianko A., Enshin D., Douka K., Dubova N., Epimakhov A., Freilich S., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Kitov E., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Muhammed Z., Mustafakulov S., Nayak A., Rykun M., Pettner D., Potts R., Razhev D., Sarno S., Sikhymbaevae K., Slepchenko S., Stepanova N., Svyatko S., Vasilyev S., Vidale M., Voyakin D., Yermolayeva A., Zubova A., Shinde V., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The Genomic Formation of South and Central Asia (preprint) // *bioRxiv*, Posted March 31, 2018. URL : <https://doi.org/10.1101/292581>
- Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A.G., Schubert M., Van Dam A., Moliin C., Kapel O., Nielsen H.B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M.Vi., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R.A., Lahr M.M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // *Cell*. Vol. 163, Is. 3. P. 571–582.

References

- Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoj kul'tury [The List of the Afanasyevo Culture Sites]. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p.
- Gohman I.I. Proiskhozhdenie central'noaziatskoj rasy v svete novyh paleoantropologicheskikh materialov [The Origin of the Central Asian Race in the Light of New Paleoanthropological Materials]. Issledovaniya po paleoantropologii i kranilogii SSSR [Research on Paleoanthropology and Craniology of the USSR]. L. : Nauka, 1980. Pp. 3–34 (sb. MAE; t. 36).
- Gryaznov M.P. Afanas'evskaya kul'tura na Enisee [Afanasyevskaya Culture on the Yenisei]. SPb. : Dmitriy Bulanin, 1999. 136 p.
- Gubina M.A., Voevoda M.I., Romashchenko A.G., Kulikov I.V., Chikisheva T.A., Molodin V.I. Kranilogicheskie osobennosti i karakter izmeneniya sostava gaplotipov mtDNK u drevnego naseleniya Gornogo Altaya [Craniological Features and Nature of Changes in the Composition of mtDNA Haplotypes in the Ancient Population of the Altai Mountains]. Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda. T. II [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress. T. ii]. SPb. ; M. ; Velikij Novgorod, 2011. Pp. 371–372.
- Gubina M.A., Kulikov I.V., Babenko V.N., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Voevoda M.I., Molodin V.I. Dinamika sostava gaplotipov mtDNK drevnego naseleniya Gornogo Altaya ot epohi rannej bronzy (III tys. do n.e.) do zheleznogo veka (II–I vv. do n.e.) [Dynamics of the Composition of mtDNA Haplotypes of the Ancient Population of the Altai Mountains from the Early Bronze Age (3rd millennium BC) to the Iron Age (2nd – 1st Centuries BC)]. *Genetika* [Genetics]. 2016. Vol. 52, №1. Pp. 106–119.
- Zhuravlev A.A., Pilipenko A.S., Molodin V.I., Papin D.V., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. Genofond mtDNK i Y-hromosomy andronovskogo (fedorovskogo) i postandronovskogo naseleniya Yuzhnoj

Sibiri [The Gene Pool of mtDNA and the Y Chromosome of the Andronovo (Fedorovsky) and Post-Andronovo Population of Southern Siberia]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s⁷ezda v Barnaule – Belokuriha [The Proceedings of the 5th (21) the All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. III. Pp. 37–40.

Lazaretov I.P. Zaklyuchitel'nyj etap epohi bronzы na Srednem Enisee : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Final Stage of the Bronze Age in the Middle Yenisei: Synopsis of the Dissertation ... Cand. Historical Sciences]. SPb., 2006. 34 p.

Lazaretov I.P. K otноситel'noj hronologii afanas'evskoj kul'tury Srednego Eniseya ili horosho zabytoe staroe [To the Relative Chronology of the Afanasyevo Culture of the Middle Yenisei or the Well Forgotten O Things]. Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii. №8 (20) [Antiquities of Siberia and Central Asia. No. 8 (20)]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2017. Pp. 8–34.

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Hronologiya i periodizaciya kompleksov epohi pozdnej bronzы Yuzhnoj Sibiri [Chronology and Periodization of the Complexes of the Late Bronze Age of Southern Siberia]. Etnokul'turnye processy v Verhnem Priob'e i sopredel'nyh regionah v konce epohi bronzы [Ethnocultural Processes in the Upper Priobye and Adjacent Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Koncept, 2008. Pp. 33–55.

Maksimenkov G.A. Okunevskaya kul'tura v Yuzhnoj Sibiri [Okunevskaya Culture in Southern Siberia]. MIA. 1965. №130. Pp. 168–174.

Maksimenkov G.A. Okunevskaya kul'tura : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Okunevskaya Culture: Synopsis of the Dissertation ... Dr. Historical Sciences]. Novosibirsk, 1975. 39 p.

Pilipenko A.S. Paleogenetika cheloveka [Human Paleogenetics]. Vavilovskij zhurnal genetiki i selekcii [Vavilov Journal of Genetics and Breeding]. 2013. Vol. 17, №4/2. Pp. 957–971.

Polyakov A.V. Periodizaciya «klassicheskogo» etapa karasukskoj kul'tury (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Periodization of the “Classical” Stage of the Karasuk Culture (based on the materials of the funerary monuments): Synopsis of the Dissertation ... Cand. Historical Sciences]. SPb., 2006. 26 p.

Polyakov A.V. Radiouglerodnye daty okunevskoj kul'tury [Radiocarbon Dates of Okunevo Culture]. Zapiski IIMK RAN [Zapiski IHMK RAS]. SPb., 2017. №16. Pp. 52–74.

Hohlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P. Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populyacij yamnoj i afanas'evskoj kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Cranialogical Data on the Problem of Communication of the Populations of the Pit and Afanasyevo Cultures of Eurasia at the Initial Stage of the Bronze Age]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Herald of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. №3(34). Pp. 86–106.

Chikisheva T.A., Gubina M.A. Nekotorye rezul'taty paleogeneticheskogo i antropologicheskogo izucheniya drevnego naseleniya Gornogo Altaya [Some Results of the Paleogenetic and Anthropological Study of the Ancient Population of the Altai Mountains]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. 2008. №14. Pp. 275–281.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., a-Sapfo Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa Ph D., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature: The intern. weekly journ. of sciens. 11 June 2015. Vol. 522. №7555. P. 167–172.

Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J.V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Biddanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin-Orlando A., Yediay F.E., Ullah I., Sjögren K.-G., Iversen K.H., Choin J., de la Fuente C., Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Se-

nyurt S.Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M.H., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Novembre J., Weber A.W., Orlando L., Allentoft M.E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A.K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // *Science*. 2018. Vol. 360, Issue 6396. P. 1422 DOI: 10.1126/science.aar7711.

Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemmman J., Crubezy E., Ludes B. Strong Genetic Admixture in the Altai at the Middle Bronze Age Revealed by Uniparental and Ancestry Informative Markers // *Forensic Science International: Genetics*. 2014. №12. P. 199–207.

Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New Genetic Evidence of Affinities and Discontinuities between Bronze Age Siberian Populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. №167. P. 97–107.

Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA Provides New Insights into the History of South Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. №126(3). P. 395–410.

Kivisild T., Tolk H.-V., Parik J., Wang Y., Papiha S.S., Bandelt H.J., Villems R. The Emerging Limbs and Twigs the East Asian mtDNA tree // *Mol. Biol. Evol.* 2002. Vol. 19(10). P. 1737–1751.

Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Mark L., Mallick S., Rohland N., Bernadous R., Kim A., Nakatsuka N., Olalde I., Coppa A., Mallory J., Moiseyev V., Monge J., Olivieri L., Adamski N., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Culleton B., Ferry M., Fernandes D., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney E., Harper T., Keating D., Lawson A.-M., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A., Baitanayev B., Bonora G., Chikisheva T., Derevianko A., Enshin D., Douka K., Dubova N., Epimakhov A., Freilich S., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Kitov E., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Muhammed Z., Mustafakulov S., Nayak A., Rykun M., Pettner D., Potts R., Razhev D., Sarno S., Sikhymbaevae K., Slepchenko S., Stepanova N., Svyatko S., Vasilyev S., Vidale M., Voyakin D., Yermolayeva A., Zubova A., Shinde V., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The Genomic Formation of South and Central Asia (preprint) // *bioRxiv*, Posted March 31, 2018. URL : <https://doi.org/10.1101/292581>.

Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A.G., Schubert M., Van Dam A., Moliin C., Kapel O., Nielsen H.B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M.Vi., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R.A., Lahr M.M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia Pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // *Cell*. Vol. 163, Is. 3. P. 571–582.

A.V. Polyakov

*Institute of the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

OVERVIEW OF THE RESULTS OF THE INITIAL STAGE OF PALEOGENETIC RESEARCH INTO THE POPULATION OF THE MINUSINSK HOLLOW IN THE BRONZE EPOCH

The article presents the review of the results of paleogenetic studies conducted by various research groups using materials from the funerary sites of the Bronze Age of the Minusinsk Hollow (south of the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia) and analyzes the results obtained by comparing the complete genome of the ancient man and the data of phylogenetically informative markers (mtDNA and Y-chromosome DNA). As a result, it was established that in the Bronze Age in the territory of the Middle Yenisei there was a regular change of population, which indicates a high migration activity. The formation of archaeological cultures of this period (Afanasyevskaya, Okunevskaya, Andronovskaya) began with the appearance of a large group of new people, almost completely crowding out their predecessors. Evidence of the assimilation of local residents into new cultural formations is rare and not systemic. The most difficult situation is with the sites of the Late Bronze period due to the small number of tests carried out so far.

Key words: Minusinsk Hollow, Middle Yenisei, paleogenetics, Afanasyevskaya culture, Okunevskaya culture, Andronovskaya (Fedorovskaya) culture, late Bronze period.

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

*Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. Е.А. Букетова,
Караганда, Казахстан*

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА КЫЗЫЛТАУ КАК ОТРАЖЕНИЕ СРУБНОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕАЛАКУЛЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА*

В рамках данной статьи рассматриваются результаты работ на могильнике Кызылтау (Центральный Казахстан), где были исследованы четыре кургана с каменными ограждениями и две ограды без насыпей, содержавшие 21 погребение эпохи бронзы и безынвентарное захоронение более позднего времени. Получена представительная серия из 60 керамических сосудов раннеалакульского облика и коллекция металлических предметов, состоящая из серпа, наконечника стрелы, украшений, а также предмета в виде металлических скоб, фиксирующих деревянную деталь, и фрагмента деревянного сосуда с медной обкладкой. В курганах №6 и 13 выявлены костяки лошадей: два животных уложены конечностями друг к другу на перекрытии могилы и четыре – в ряд копытами к спине друг друга у торцовой стенки могилы. Такие захоронения, безусловно, маркируют высокостатусные погребальные комплексы, ярко подчеркивая их принадлежность к горизонту «колесничных культур». С позиции срубного влияния рассматриваются ориентировка большинства умерших и жертвенных лошадей в восточный сектор, а также некоторые довольно размытые черты в гончарной традиции. Для памятника получена радиоуглеродная дата, выполненная с применением ускорительной масс-спектрометрии, позволяющая датировать памятник в рамках 2-й трети XIX – XVIII в. до н.э., подтверждая его принадлежность к ранней фазе алакульской культуры Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, раннеалакульские древности, срубный компонент.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-09

Введение

Результаты археологических исследований во 2-м десятилетии XXI в. позволяют констатировать несостоятельность гипотезы формирования раннеалакульских** (нуртайских по А.А. Ткачеву) древностей Центрального Казахстана на местной основе [Ткачев, 1999], ранее подвергнутой обоснованной критике [Ткачев, 2007а; Виноградов, 2011, с. 142]. Их истоки скорее связаны с вызреванием в недрах синташтинского феномена новых культурных стереотипов, окончательное оформление которых стимулировано в том числе раннесрубным импульсом [Ткачев, 2007в, с. 346]. Дальнейшее распространение раннеалакульских популяций на восток привело к включению в единое культурное пространство Северного и Центрального Казахстана.

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантовых проектов КН МОН РК AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы» и AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

** Согласно концепции разрабатываемой авторами статьи в последние годы, алакульская культура Центрального Казахстана прошла две фазы развития: раннюю и классическую. Необходимо отметить, что ранняя фаза в свою очередь подразделяется на два этапа – петровский (ранний) и нуртайский (поздний), аналогичный одноименной культуре, выделенной А.А. Ткачевым [1999].

Тезис о центрально-казахстанских популяциях как «чистой» степной линии развития, в отличие от северо-казахстанских [Ткачев, 1999], надежно обосновать не представляется возможным, так как мощный доандроновский культурный пласт здесь просто отсутствует. Как отмечает В.Г. Ломан [2016, с. 69], «...Может показаться даже, что территория Центрального Казахстана, в отличие, скажем от Северного, была в эти периоды (*энеолит и ранняя бронза*. – *Прим. авт.*) никем не заселена». Фактически наши сведения об этом времени ограничиваются материалами одиночного погребения могильника Карагаш [Евдокимов, Ломан, 1989], стоянок Гренада [Ломан, 2016, с. 69], Жанбобек-4 [Волошин, Мазниченко, 1978] и Жанбобек-1 [Кукушкин и др., 2016, с. 38–39], а также серией случайных находок. Соответственно более развитый, передовой хозяйственно-культурный тип ранних алакульцев по отношению к автохтонному населению, материальная культура которого практически не известна, предполагает полный перенос культурных стереотипов из очага формирования [Ткачев, 2007в, с. 336] и включает вариант конвергентного развития на местной раннебронзовой основе.

Малочисленность и разнородность фактических данных, полученных за всю историю многолетних археологических исследований, позволяет утверждать об отсутствии серьезного этнокультурного фундамента в эпоху энеолита и ранней бронзы, на базе которого могли бы сформироваться яркие и многочисленные памятники раннеандроновского периода. В регионе они появляются внезапно в виде уже сложившегося культурного комплекса, имеющего свои характерные признаки и традиционные стандарты в обрядовой практике, эволюционное развитие которых тесно связано с дальнейшей социально-экономической динамикой общества, а также с определенным воздействием внешних факторов.

Таким образом, появление раннеалакульских комплексов в Центральном Казахстане на данный момент может быть объяснено только прямой миграцией с полным переносом культурных стереотипов, а данные могильника Кызылтау позволяют определить роль раннесрубных или осрубленных популяций в этом процессе.

Описание исследованных объектов

Могильник Кызылтау находится в Шетском районе Карагандинской области, в 95 км юго-восточнее г. Караганда, в 6,6 км юго-восточнее горы Кызылтау, на правобережье р. Талды и состоит из 17 визуально фиксируемых погребальных сооружений. В 2017 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е.А. Букетова раскопками были охвачены объекты №6, 10–14, представлявшие собой курганы и ограды без насыпей.

Сооружение №6 – курган диаметром 15 м, высотой до 0,5 м, на поверхности которого фиксировались выступающие края каменной ограды. После снятия насыпи обозначилась кольцевая ограда округлой в плане формы, диаметром 6 м, состоящая из плит, установленных на ребро (рис. 1). В процессе вскрышных работ отмечены отдельные фрагменты керамики (рис. 2.-4).

На подкурганной площадке выявлен жертвенник, находившийся под каменной плитой, состоящий из керамического сосуда (рис. 2.-1), поставленного вверх дном, черепа и конечностей лошади, а также зубов барана.

В центральной части внутриоградного пространства расчищена пара костяков лошадей, уложенных на боку копытами друг к другу и ориентированных на восток. Передние конечности животных переплетены, а головы направлены мордами друг

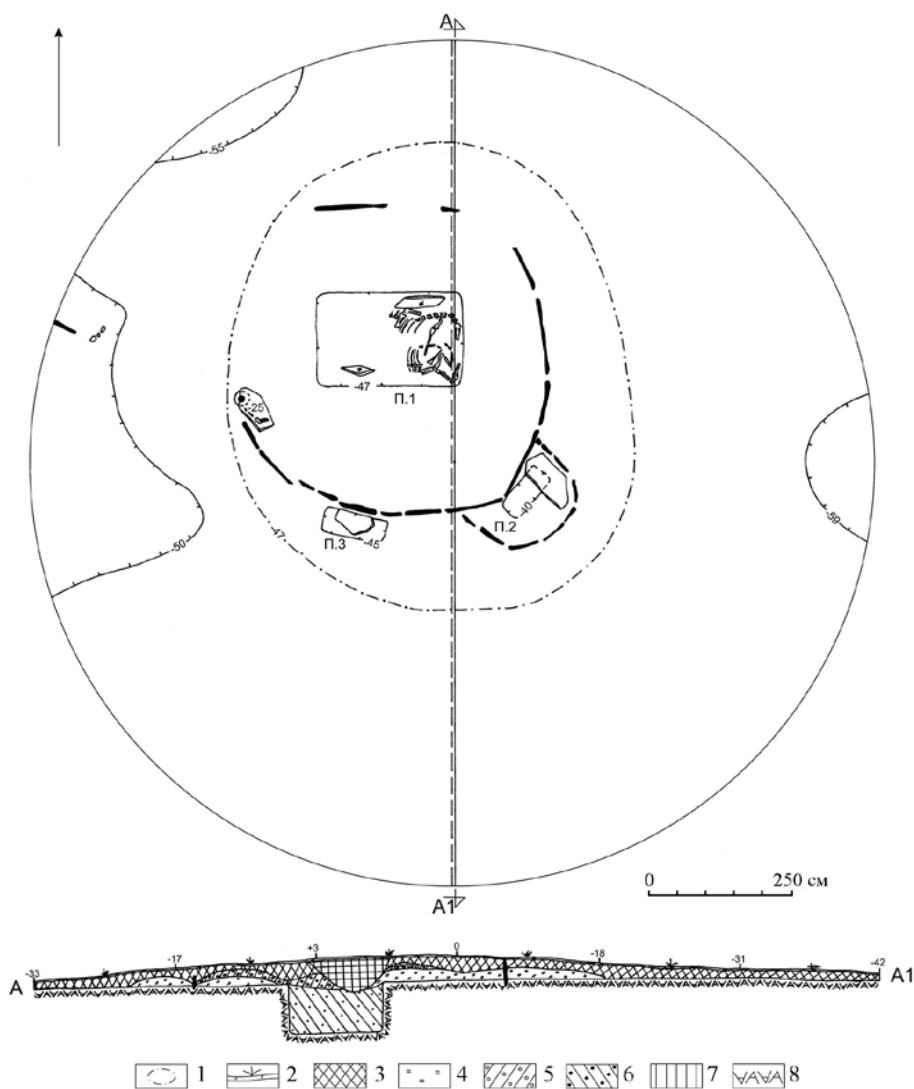

Рис. 1. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №6: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илистая заливка; 5 – балластный песок; 6 – заполнение могилы; 7 – темно-бурый слой; 8 – материк

к другу. Ниже, под костяками, выявлены завалившиеся внутрь плиты перекрытия могилы, устроенной в грунтовой яме размерами 2,6×1,7×0,75 м, ориентированной в широтном направлении, в которой обнаружена одиночная пяточная кость взрослого человека, металлический наконечник стрелы и неорнаментированный фрагмент керамики.

Металлический наконечник стрелы – листовидной формы, двухлопастный, со скрытой втулкой и частично сохранившимся внутри древком. Длина изделия – 5,9 см, максимальное расширение достигает в нижней части 2,6 см. Ширина перьев – до 0,8 см, толщина – до 0,15 см. Диаметр втулки – 1,1 см. Верхняя, ударная часть наконечника слегка скруглена и уплощена (рис. 3.-1).

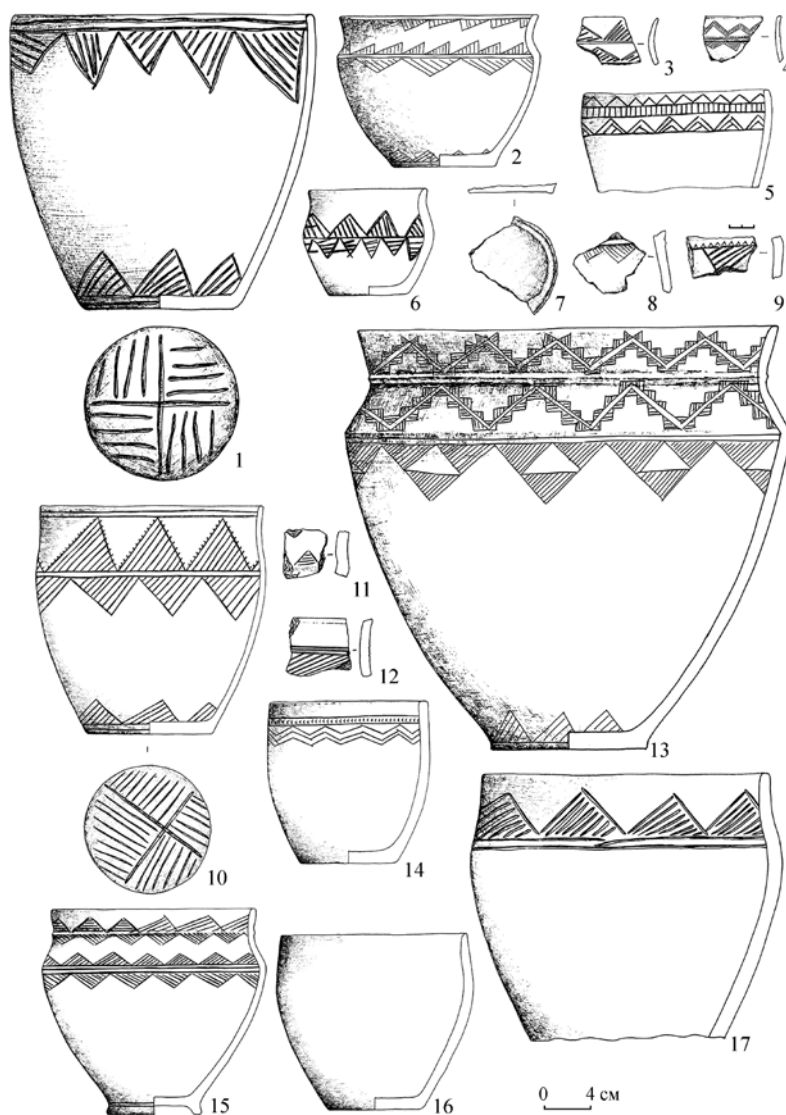

Рис. 2. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

С юго-восточной стороны к основной ограде примыкала небольшая пристройка размерами 1,8×1,25 м, вытянутая по линии ЮЗ–СВ, в которой устроена грунтовая могила размерами 0,8×0,3×0,45 м, с аналогичной ориентировкой. При выборке погребения найдены ребра человека, кости барана, обломок кости крупного животного, а также фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 2.-3).

Погребение №3 находилось, за пределами основной ограды с южной стороны и представляло собой перекрытую плитой грунтовую яму размерами 1,1×0,45×0,45 м, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. На дне расчищены сильно истлевшие кости ребенка, уложенного на левом боку и ориентированного на восток-юго-восток. В изголовье стоял керамический сосуд (рис. 2.-2).

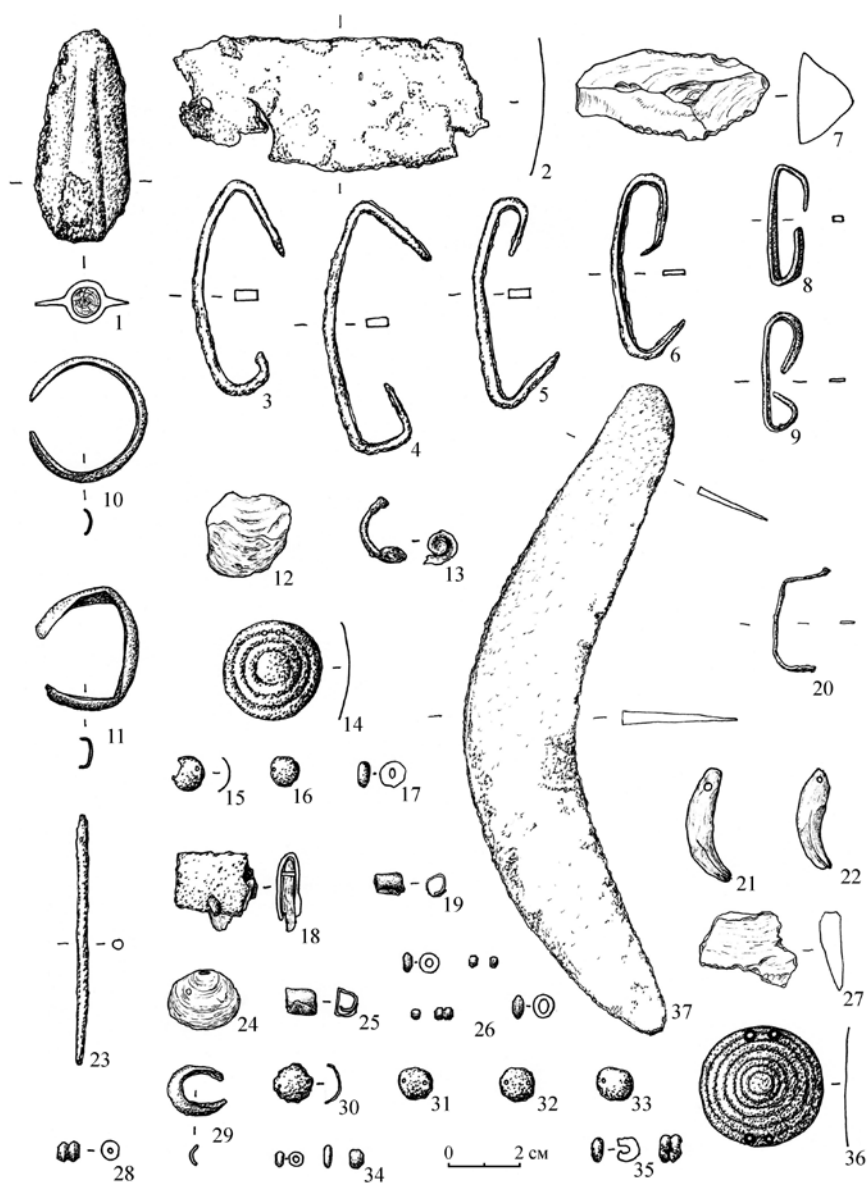

Рис. 3. Могильник Кызылтау. Вещевой инвентарь

Сооружение №10 представляло собой восьмеркообразный комплекс из двух оград (10а и 10б).

Ограда 10а – овальной в плане формы, размерами 4×3,5 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Стенки состоят из мелких плиток, установленных на ребро. У юго-западной части ограждения расчищен жертвенник в виде черепа лошади с метаподиями, а также отдельных костей барана.

В центральной части выявлена грунтовая могила размерами 1,95×1,25×0,75 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ, при выборке которой обнаруже-

ны разрозненные человеческие кости, астрагал барана, звено металлической пронизи (рис. 3.-19) и фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-6, 7, 9).

Ограда 106 – овальной в плане формы, размерами 4×3,25 м, ориентирована в широтном направлении. В центральной части выявлена грунтовая могила размерами 2,4×1,3×0,75 м, на дне ее расчищены *in situ* большие и малые берцовые кости со ступнями, судя по расположению которых погребенный был уложен на правом боку и ориентирован головой в западном направлении. В заполнении найдены фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-5, 8).

Сооружение №11 – курган диаметром 12 м, высотой до 0,4 м (рис. 4). В северной части насыпи выявлено погребение №7, устроенное в грунтовой яме размерами 0,75×0,5×0,25 м, ориентированной длинной осью по линии З–В. В ней расчищены останки ребенка, уложенного в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Кости рук находились у лицевого отдела. Возле них расчищено скопление астрагалов, за которыми у юго-восточного угла могилы обнаружен керамический сосуд (рис. 5.-5).

При снятии насыпи найдены также две металлические скобы (рис. 3.-8, 9), каменный скребок на отщепе (рис. 3.-27), кость животного и многочисленные фрагменты керамики (рис. 2.-11, 12). На подкурганной площадке и во рву выявлено семь захоронений (№1-6, 8), а также жертвеник, состоящий из керамического сосуда (рис. 2.-10), трех черепов лошадей и метаподий барана и лошади.

Погребение №1 – грунтовая яма размерами 2,5×1,6×0,9 м, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В процессе выборки заполнения могилы обнаружены разрозненные человеческие кости и три сосуда (рис. 2.-13–15), два из которых фрагментированы. На глубине 0,7 м у западного угла расчищен обломок изделия, состоящий из металлической пластины (рис. 3.-2), трех скоб (рис. 3.-3–5) и двух кусков дерева. У северо-западной стенки на том же уровне найдена еще одна аналогичная скоба (рис. 3.-6).

Захоронение №2 совершено в каменном ящике размерами 2×1,35×0,8 м, ориентированном по линии ЮВ–СЗ, из которого происходят разрозненные человеческие кости и фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 2.-16, 17).

Захоронение №4 представлено практически полностью истлевшими костями ребенка и керамическим сосудом (рис. 5.-3). Установить размеры и ориентировку погребения, а также позу усопшего не удалось.

Погребение №5 – грунтовая яма размерами 0,75×0,4×0,25 м, ориентированная по линии З–В. На дне расчищен скелет ребенка, уложенный в скорченном положении на левом боку, головой на восток. На костях покойного в районе шейных позвонков найдены пастовые бусы (рис. 3.-26), ниже, на костях туловища, – две металлические пронизи (рис. 3.-25) и подвеска из раковины (рис. 3.-24). В изголовье поставлен керамический сосуд (рис. 5.-4).

Погребение №6 – грунтовая яма с остатками сруба, размерами 2,35×1,45×1 м, ориентированная по линии ЮВ–СЗ. Из заполнения могилы происходит пара металлических бусин (рис. 3.-17). У северного угла, на дне могилы, обнаружен серп, а у северо-восточной стенки расчищены *in situ* кости ступней человека, согласно расположению которых умерший был уложен на правом боку, головой на юго-восток.

Металлический серп – имеет дугообразную форму, утолщенный обух (до 0,35 см), несколько отогнутую от лезвия рукоять со скругленной пяткой. Наибольшей ширины

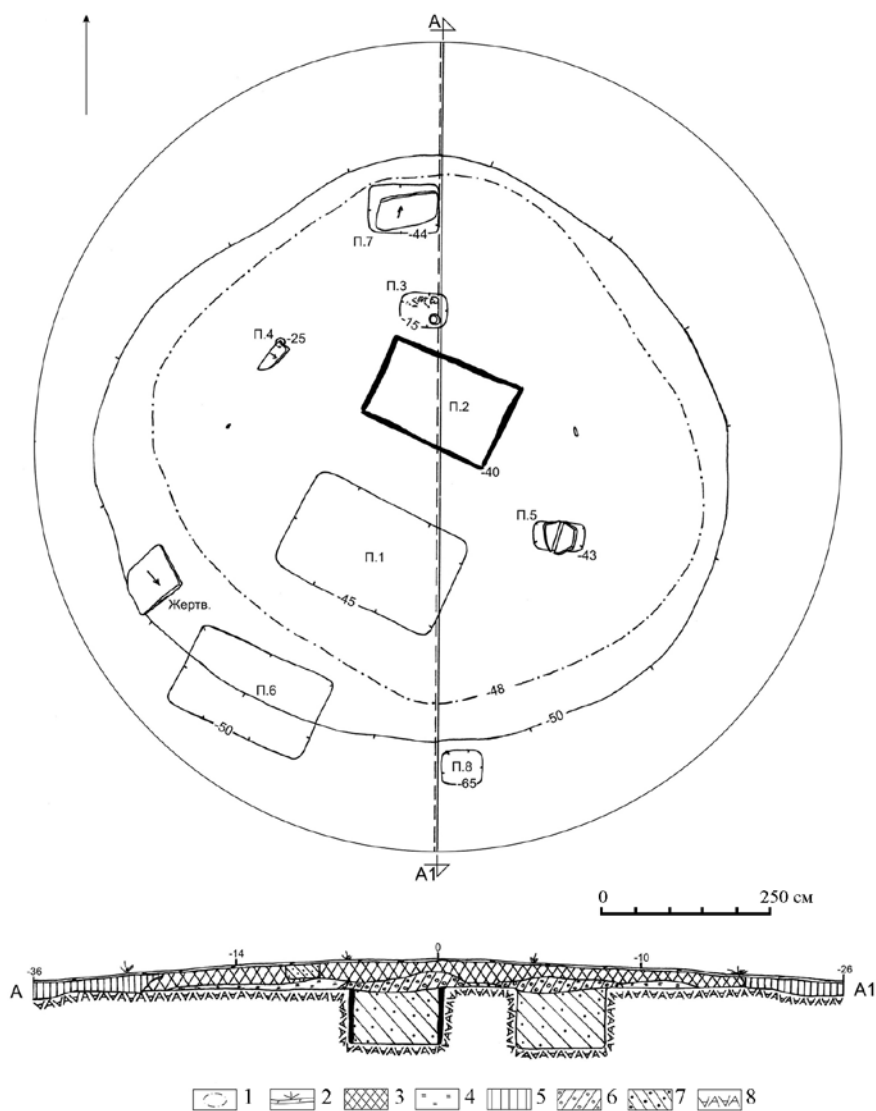

Рис. 4. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №11: 1 – границы илестой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластный слой; 7 – заполнение могилы; 8 – материк

орудие достигает в центральной части на месте изгиба (3,1 см). Общая длина изделия – 18,3 см (рис. 3.-37).

Погребение №7 выявлено под каменной плитой и представляет собой грунтовую яму размерами 1×0,75×0,4 м, ориентированную в широтном направлении. На дне расчищено нетронутое детское захоронение. Костяк был уложен на левом боку, в слабо скорченном положении, кости рук согнуты в локтях, а кисти уложены у лицевого отдела черепа, ориентированного на запад. В изголовье и перед лицом поставлено по керамическому сосуду (рис. 5.-1, 2).

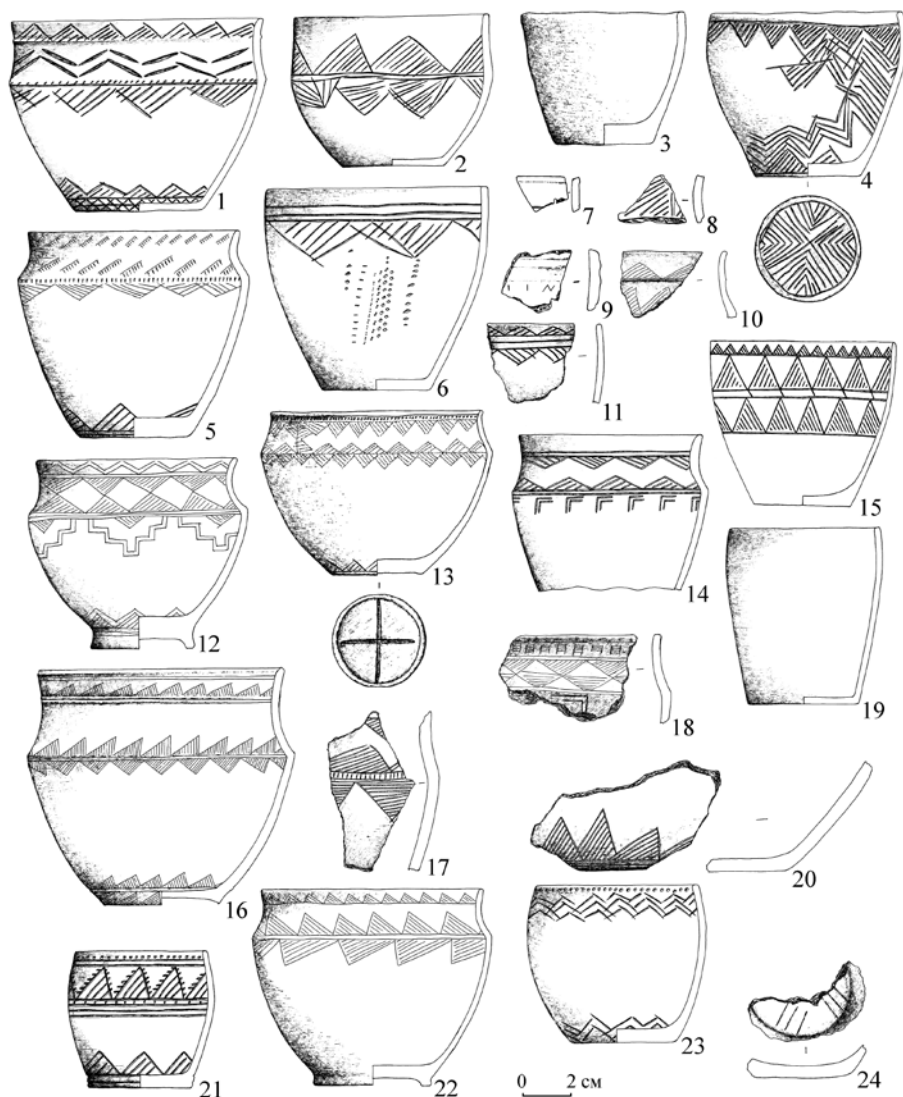

Рис. 5. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

Захоронение №8 устроено грунтовой яме, размерами 0,65×0,55×0,8 м, ориентированной по линии 3–В, в которой расчищен костяк ребенка, уложенный на левом боку, головой в западном направлении. На руках зафиксированы два металлических браслета (рис. 3.-10, 11), а в изголовье находился керамический сосуд и фрагмент керамики (рис. 5.-6, 7).

Сооружение №12 до раскопок представляло собой курган диаметром 12 м, высотой до 0,3 м (рис. 6). В процессе снятия насыпи, в которой обнаружены многочисленные, большей частью неорнаментированные фрагменты керамики (рис. 5.-8, 9), в центральной части сооружения зафиксирован жертвенник №3, состоящий из двух керамических сосудов (рис. 5.-12, 13) и костей животного.

В 1,75 м севернее выявлено впускное захоронение №5, совершенное в грунтовой яме размерами 0,6×0,4×0,3 м, ориентированной длинной осью в меридиональном направлении, в которой обнаружены фрагменты черепа и ребра ребенка. Вероятно, к этому погребению относятся найденные неподалеку (на глубине 0,13 м), фрагмент черепа человека и астрагал животного.

После снятия насыпи кургана на подкурганной площадке расчищена сильно разрушенная кольцевая ограда, состоящая из вертикально вкопанных плит, а также выявлены контуры четырех погребений (№1–4), два из которых сопровождалось небольшими жертвенниками (№1 и №2), состоящими из конечностей лошади и зубов барана.

Погребение №1 – грунтовая яма размерами 2×2×0,85 м, ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. На глубине 0,2 и 0,7 м от уровня материка с двух противоположных

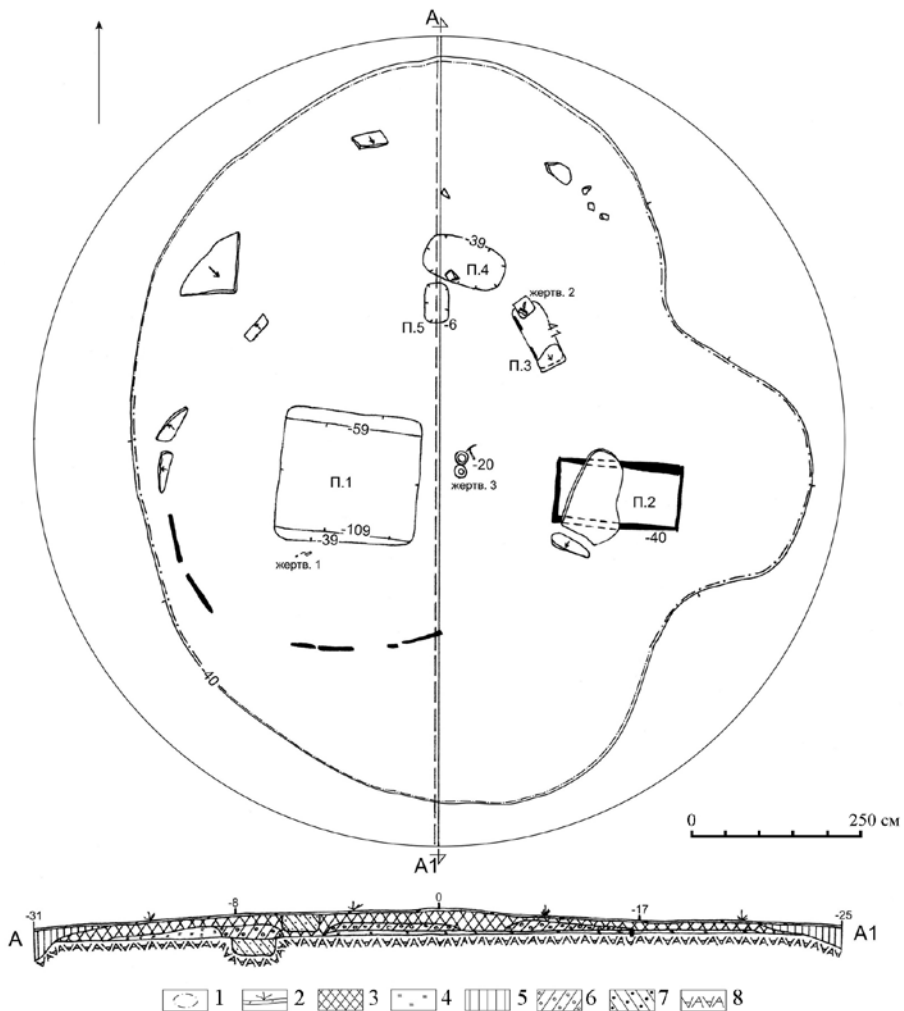

Рис. 6. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №12: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластовый слой; 7 – заполнение могилы; 8 – материк

сторон могилы зафиксированы ступеньки, одна из которых, вероятно, разрушена при проникновении грабителей и первоначально, представляется, находилась на отметке 0,2 м. При выборке заполнения могилы на разных глубинах обнаружены кости посткраниального скелета человека и фрагменты керамики от пяти сосудов (рис. 5.-10, 11, 14, 15, 19). На дне *in situ* расчищена часть грудины в сочленении, по которой можно утверждать, что умерший был уложен на левом боку и ориентирован в восточном направлении. Найдены также пять мелких металлических нашивок полусферической формы (рис. 3.-30–33), «соляная» бляшка (рис. 3.-14), украшенная рельефными концентрическими окружностями, и бусы, в том числе пастовые (рис. 3.-28).

Погребение №2 – каменный ящик размерами 2×1×0,8 м, ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ, в котором обнаружены разрозненные человеческие кости, фрагменты керамики от пяти сосудов (рис. 5.-16-18, 20, 21, 24), две подвески из клыков хищного животного (рис. 3.-21, 22) и металлическая скоба (рис. 3.-20), предназначенная для скрепления треснувших стенок сосуда.

Погребение №3 – грунтовая яма размерами 1,1×0,6×0,4 м, обложенная с трех сторон каменными плитками, ориентированная по линии ЮЮВ–ССЗ. На дне обнаружено нетронутое детское захоронение в скорченном положении на левом боку, головой на юго-юго-восток. Кости рук располагались у лицевого отдела. Стопы были покрыты выгнившей в труху органикой красноватого цвета. В изголовье поставлены два сосуда (рис. 5.-22, 23).

Погребение №4 представляло собой грунтовую яму размерами 1,2×0,7×0,65 м, ориентированную по линии ЮВ–СЗ. В заполнении фиксировались разрозненные человеческие кости.

Сооружение №13 – курган диаметром 15 м, высотой 0,6 м, в насыпи которого выступали края плит ограждения. После снятия слоя дерна в восточном секторе выявлен жертвенник в виде керамического сосуда (рис. 8.-1), а несколько севернее во внутреннем пространстве ограды расчищены костяки четырех лошадей, уложенных попарно на левом боку, черепами в восточном и северо-восточном направлении (рис. 7).

В западной половине насыпи обнаружены разрозненные фрагменты керамики от шести сосудов (рис. 8.-2–7), а также впускное безынвентарное захоронение позднего времени, совершенное в грунтовой яме размерами 0,4×0,3×0,3 м, в которую был поставлен детский череп, направленный лицевым отделом на юг, и сброшены мелкие человеческие кости.

После снятия насыпи на подкурганной площадке расчищена кольцевая ограда диаметром 10 м, состоящая из вертикально установленных плит, содержащая в центральной части две погребальные камеры.

Захоронение №1 устроено в грунтовой яме размерами 2,9×1,9×1,1 м, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, обложенной понизу частично сохранившейся деревянной конструкцией. В процессе выборки заполнения могилы фиксировались разрозненные человеческие кости (в восточной половине – фрагменты черепа, в западной – кости ног, предплюсневые и плюсневые кости, фаланги пальцев), фрагменты керамики от восьми сосудов (рис. 8.-8–16), каменный скребок (рис. 3.-7), подвеска из раковины (рис. 3.-12), металлические и пастовые бусы (рис. 3.-34, 35) и кольца с завитком (рис. 3.-13).

Захоронение №2 совершено в грунтовой яме размерами 2,4×1,8×1 м, обложенной понизу частично сохранившейся деревянной конструкцией на высоту до 0,4 м, ориенти-

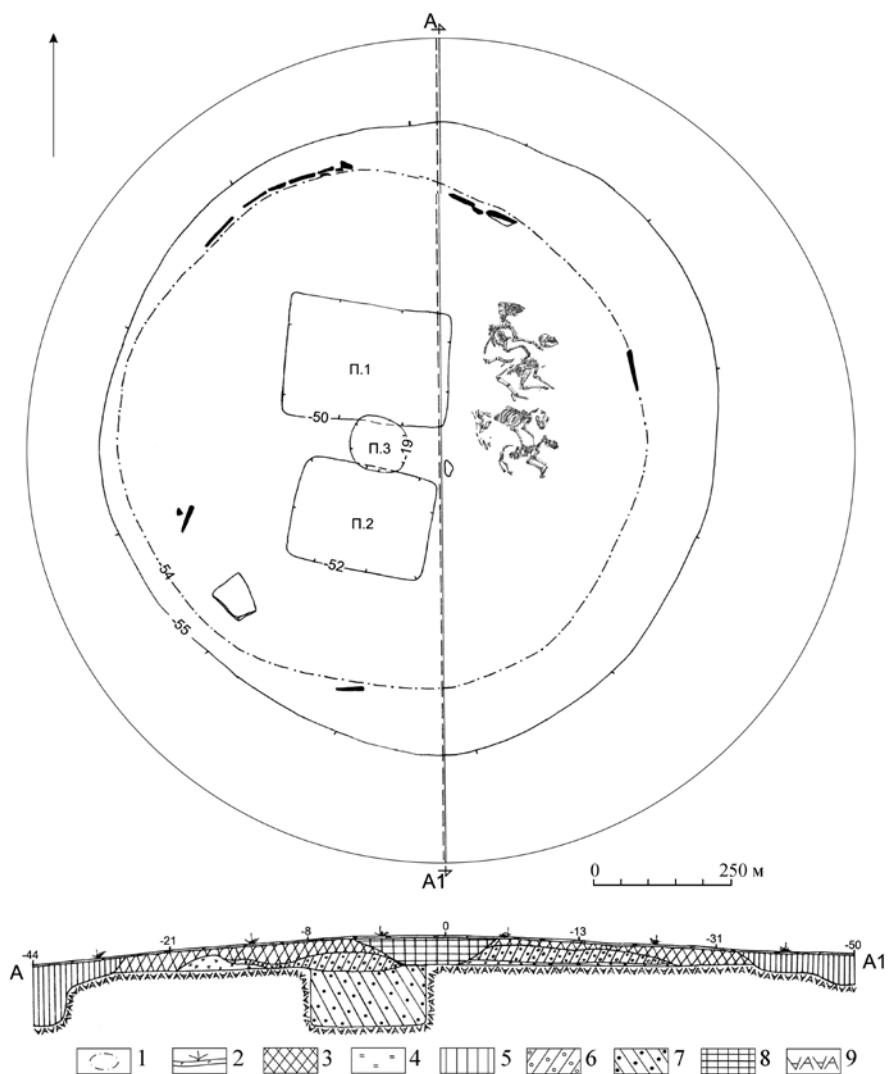

Рис. 7. Могильник Кызылтау. План и профиль кургана №13: 1 – границы илистой заливки; 2 – дерн; 3 – коричневый слой; 4 – илестая заливка; 5 – темно-бурый слой; 6 – балластовый слой; 7 – заполнение могилы; 8 – перемешанный слой; 9 – материк

рованной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. В заполнении могилы обнаружены фрагменты керамики от четырех сосудов (рис. 8.-17–20), происходящие исключительно из восточной и центральной части могилы, подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотым листом (рис. 3.-29), фрагменты трубчатого браслета из скрученного листа металла.

Ограда №14 имела округлую в плане форму, диаметром около 5 м, и состояла из вертикально вкопанных в материк небольших каменных плиток.

В центральной части сооружения зафиксирована грунтовая могила размерами 2×1,5×0,9 м, ориентированная по линии ЗЮЗ–ВСВ. В процессе выборки заполнения обнаружены разрозненные человеческие кости, фрагменты бронзового наконсика, метал-

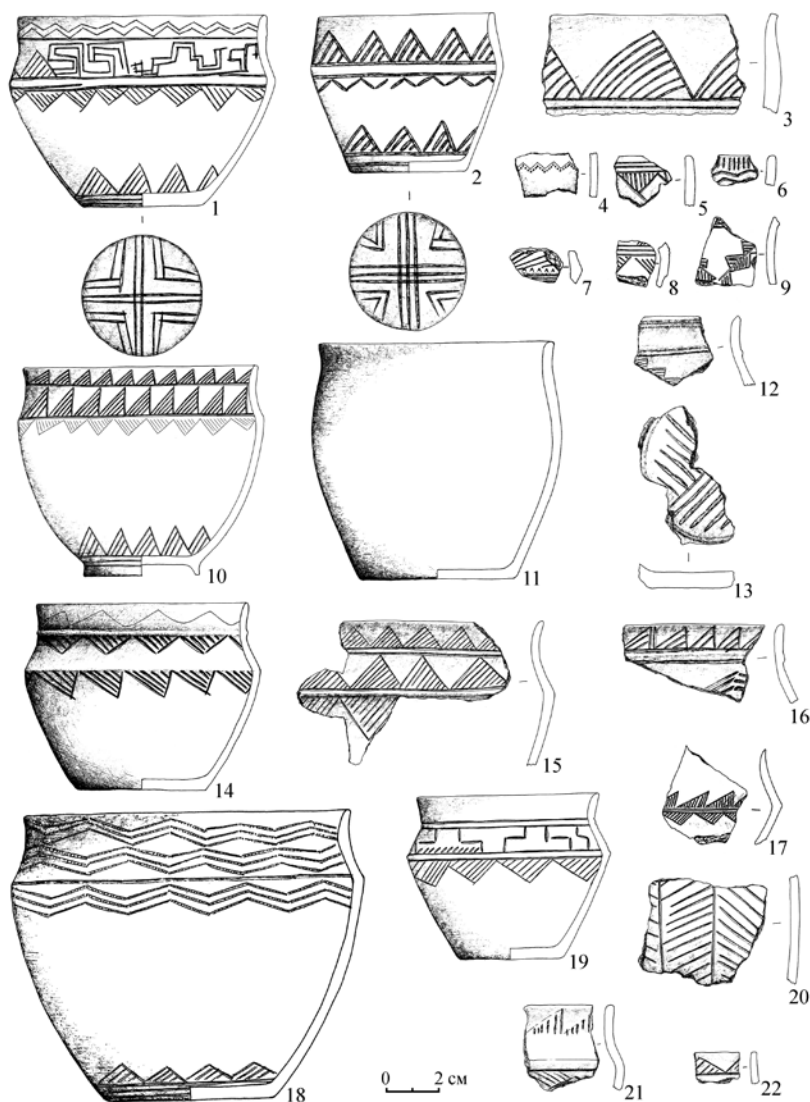

Рис. 8. Могильник Кызылтау. Керамический комплекс

лическая игла (рис. 3.-23), «солярная» нашивная бляшка с рельефным орнаментом в виде концентрических окружностей (рис. 3.-36), фрагмент деревянного сосуда с металлической обкладкой (рис. 3.-18), металлические бусина, две мелких полусферических бляшки (рис. 3.-15–16), а также фрагменты керамики от двух сосудов (рис. 8.-21, 22).

Обсуждение полученных результатов

Планиграфически могильник Кызылтау состоит из двух групп сооружений вытянутых цепочками по линиям ЗСЗ–ВЮВ и ЮЗ–СВ, расположенными несколько обособленно. Исследования 2017 г. охватили сооружения в обеих частях некрополя, но не выявили между ними принципиальных различий в погребальной обрядности и предметном мире.

Все исследованные курганы представляли собой кольцевые ограды, иногда с пристройками, перекрытые земляными насыпями диаметрами 12–15 м, высотой до 0,6 м. Внутриоградное пространство после совершения захоронений заливалось илстой массой, приобретающей по мере высыхания свойства цемента. Дополнительно изучены две отдельные ограды без насыпей.

Исследованные сооружения содержали 22 погребения (11 взрослых и 10 детских) эпохи бронзы и безынвентарное захоронение более позднего времени. Большинство могил представляли собой грунтовые ямы (18), иногда обложенные деревянными конструкциями, гораздо реже отмечены каменные ящики (3). Ориентировка погребальных камер значительно варьируется и представлена в основном по трем направлениям: З–В – шесть случаев, ЮВ–СЗ – шесть, ЗСЗ–ВЮВ – пять. Единично отмечены ЮЗ–СВ и ЗЮЗ–ВСВ ориентировки. В установленных случаях (9), с одним исключением, все умершие были уложены на левый бок в скорченном положении и в основном ориентированы в восточном направлении (6) с возможными отклонениями к северу или югу, три погребения показали западные румбы. Восточная ориентировка также подчеркивается костяками лошадей, направленных черепами на восход солнца и располагавшихся в восточной части элитных курганов.

Преобладание ориентировки погребенных и лошадей в восточный сектор нетипично для «ранней» и «классической» фазы алакульской культуры региона [Ткачев, 2002, с. 186, 193] и сопредельных территорий [Виноградов, 2011, с. 102], но отмечено на территориально близком могильнике Табылды (Центральный Казахстан) [Кукушкин и др., 2019], а также на Алексеевском некрополе (Северный Казахстан) [Кузьмина, 2008, с. 135] и некоторых других памятниках.

Данное обстоятельство представляется возможным объяснить влиянием западных групп населения (территория Приуралья, Поволжья и Украины), где традиция восточной ориентировки имеет ранние корни [Кузьмина, 1992, с. 5–8; Литвиненко, 2011], а в нашем конкретном случае, вероятно, связана со срубным влиянием [Березанская и др., 1986, с. 56, 59; Памятники срубной культуры..., 1993; Берестнев, 2001, с. 85]. Так, к примеру, в западноалакульской культурной группе отмечен значительный удельный вес ориентировок погребенных в северном и северо-восточном направлениях, что, по мнению В.В. Ткачева [2007б, с. 433], несомненно, отражает воздействие раннесрубной традиции.

Более конкретно говорить о превалировании того или иного компонента в погребальной обрядности могильника Кызылтау вряд ли возможно, так как между срубным и раннеалакульским населением в этом аспекте отмечена большая близость (использование грунтовых ям, в том числе с деревянными конструкциями, скорченные захоронения, преимущественно на левом боку, наличие жертвенников, расположение сосудов в могилах) [Березанская и др., 1986, с. 56–58; Берестнев, 2001 с. 85–87], что исключает положительную результативность их сопоставительного анализа.

Полученный керамический комплекс представителен и в достаточной мере показателен, насчитывает порядка 60 сосудов, подавляющее большинство которых фрагментировано. Однако нужно отметить, что часть фрагментов без орнамента, обнаруженных при снятии насыпей, расчистки подкурганых площадок, достоверно идентифицировать с тем или иным сосудом оказалось затруднительно, в связи с чем они не отражены в статистике. Абсолютно преобладают в комплексе горшковидные

емкости (40 экз.), напротив, банки представлены гораздо реже (14 экз.), форма остальных фрагментов однозначно не определима. По формально-типологическим признакам коллекция неоднородна, в ней выделяются сосуды с выраженной ребристой и уступчатой профилировкой, причем следует обратить внимание на то, что первые численно преобладают в кургане №13, отмечены также в кургане 12 и могут указывать на их хронологический приоритет. Орнамент имел трехзональное расположение: по шейке, плечу, у дна сосудов – и представлен треугольниками, «пирамидками», меандром, горизонтальными зигзагами, в том числе с фестонами, выполненными преимущественно гладким штампом. Примечательно наличие на днищах восьми сосудов солярно-астральной символики.

В целом по результатам сравнительного анализа керамической коллекции могильника Кызылтау, представляется возможным условно разделить ее на две группы. Первая соответствует характеристикам, предъявляемым к раннеалакульскому типу [Зданович, 1983, с. 60–61]: сосуды имеют ребристую профилировку, в одном случае отмечен воротничок; геометрическую зональную орнаментацию виде различных комбинаций треугольников, зигзагов, ступенек, выполненных преимущественно гладким штампом.

Срубное влияние, отмеченное в ориентировке погребенных, в некоторой степени отражено во второй, осрубленной группе (рис. 2.-6, 16, 17; рис. 5.-1, 2, 4–6; рис. 8.-21) и заключается в наличии сосудов, покрытых «техническим» декором в виде расчесов [Халяпин, Порохова, 2000, с. 112], что является особым способом обработки поверхности сосуда, противопоставляемым алакульскому лощению [Матвеев, 1998, с. 261; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 91]. Следует подчеркнуть и довольно небрежное нанесение орнамента на поверхность некоторых сосудов. Думается, при безусловном доминировании в керамическом комплексе раннеалакульской гончарной традиции предполагать присутствие явно срубных экземпляров не приходится.

Отмечены определенные черты бабинской культуры, фиксирующиеся в кургане №13, где обнаружен крупный фрагмент боковины сосуда, покрытый «елочным» орнаментом, разделенным вертикальными отрезками (рис. 8.-20) [Литвиненко, 2011, рис. 3.-32, 39, 40 и т.д.]. Подобный рисунок был отмечен также на могильнике Талдинский-1 [Жауымбай и др., 2018, рис. 4.-1].

Интересна находка металлических скоб, фиксирующих деревянную деталь какого-то крупного предмета (рис. 3.-2–6). Причем, видимо, для более надежного скрепляющего эффекта между основанием скоб и деревом была использована прокладка в виде широкой и тонкой медной пластины. Сами скобы имеют довольно крупные размеры и необычную форму. Если с одного конца они согнуты внутрь П-образным способом, то с другого – имеют заостренные крюкообразные окончания, загнутые к основанию под острым углом. Характерно, что крюкообразные и П-образные концы скоб группируются только со своего края по обе стороны деревянного фрагмента, т.е. расположены системно. Таким образом, особая специфика скоб, по-разному охватывающих предмет с двух сторон, дает определенные представления о его конфигурации, о чем может свидетельствовать и довольно необычное сечение и сама форма предполагаемого изделия, визуально напоминающего современный деревянный плинтус. Не исключено, что подобным способом осуществлялось соединение двух концов, необходимых для создания некоего целого, изогнутого в круговую деревянного изде-

лия (хомута?). Это как будто подтверждается полевыми наблюдениями, отмечающими горизонтальное расположение двух заходящих друг за друга деревянных фрагментов, скрепленных данной конструкцией.

Определенные аналогии просматриваются с материалами погребения 2 Синташтинского большого грунтового могильника (СМ), где было зафиксировано скопление из шести близких по форме и сопоставимых по размерам металлических скоб, обнаруженных рядом с костяками четырех упряжных лошадей, уложенных на перекрытии камеры. Исследователи предполагают, что скобы могли быть скрепляющими элементами деревянной конструкции колесного транспорта [Генинг и др., 1992, с. 116–119, рис. 46.-8]. Однако, поскольку скобы были найдены на уровне «лошадиного» горизонта и в непосредственной близости от костяков животных, возможно, скрепляемый ими предмет мог иметь непосредственное отношение не столько к самой колеснице, сколько к сфере управления животными или их обслуживанию. Видимо, это правомерно и в нашем случае.

Обнаруженный двухлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 3.-1) более характерен для нуртайского этапа алакульской культуры Центрального Казахстана, где они были зафиксированы в ряде погребальных комплексов. Наиболее представительные колчаные наборы отмечены в могильниках Шет-1 и Бозенген [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 89, рис. 59; Ткачев, 2002, с. 227, рис. 94.-1–5]. Как правило, наконечники имеют листовидную или ланцетовидную форму и характеризуются довольно крупными размерами по сравнению с последующим периодом, что позволило некоторым исследователям отнести их к категории дротиков [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 87]. Для их доставки к цели предполагается наличие усиленного лука, ставшего основным оружием в арсенале воинов-колесничих [Берсенев и др., 2010, с. 82–95]. На этот факт могут указывать и крупные наконечники стрел, изготовлявшиеся из кремнистых пород, а также из кости и рога, где последние более всего были распространены в ранних колесничных памятниках западного ареала.

Довольно показательную серию в памятниках бронзового века составляют серпы и серповидные орудия, относимые исследователями к категории земледельческих [Аванесова, 1991, с. 18] или к изделиям, предназначенным для заготовки кормов домашним животным [Епимахов, 2012]. Аналогии металлическому серпу из Кызылтау (рис. 3.-37) известны в петровских памятниках Северного Казахстана, в частности на поселении Боголюбово-I [Аванесова, 1991, рис. 19.-33] и могильнике Бектениз [Аванесова, 1991, рис. 19.-34], что подкрепляет датировку памятника раннеалакульским временем.

Так называемые «соляные бляшки» (рис. 3.-14, 36) довольно широко распространены в памятниках алакульской культуры и являются составной частью женского погребального костюма [Усманова, 2010]. Особенно часто фиксируются изделия округлой в плане формы, заполненные крестообразными фигурами, звездами или концентрическими окружностями с обязательной шаровидной выпуклостью в центральной части, которая может быть интерпретирована как «глаз всевидящего божества» в индоиранской традиции [Кукушкин, 2018].

В погребении ограда №14 среди прочего инвентаря обнаружен, видимо, фрагмент венчика деревянного сосуда, обложенный медным листом (рис. 3.-18). Такого рода находки не частое явление, однако известны, к примеру, в синташтинских [Григорьев, 2010, с. 43], а также афанасьевских древностях [Теплоухов, 1927, табл. II.-1а–1с].

На могильнике Кызылтау зафиксированы многочисленные жертвенники, состоящие из черепов и нижних конечностей животных, нередко дополненных керамическими сосудами. Назначение этих инсталляций, видимо, различно, но все они, как правило, расположены по периферии подкурганной площадки и не выходят за пределы кольцевого ограждения. Не исключено, что их устройство относится к ритуально-поминальному циклу, связанному с постпогребальными обрядами, хорошо известными в раннеалакульских тафокомплексах.

Особняком стоят жертвоприношения целых костяков парных лошадей, символизирующих колесничную запряжку, которые, безусловно, являются одним из основных элементов колесничного комплекса [Косинцев, 2010], не связанного с жертвенниками поминального характера. Данный обряд был выявлен в курганах №6, №13 (см. рис. 1, 7).

Так, в восточной половине кургана №13 были зафиксированы четыре лошади, уложенные в ряд на левом боку и ориентированные на восток. Причем они были размещены с торцевой части наиболее крупной центральной погребальной камеры на своеобразной земляной «подушке», которая была насыпана на уже «запечатанную» илистым грунтом подкурганную площадку. Животные группируются попарно, так как между «северной» и «южной» парами наблюдается своеобразный разрыв, возможно, имитирующий общее для всех дышло или же подразумевающий две отдельные колесницы. Возможно, погребальный обряд подчеркивал высокий статус умершего как владельца двух колесниц или предполагал размещение на подкурганном пространстве символической квадриги, известной по наскальным изображениям эпохи бронзы [Новожинов, 1994, рис. 75.-6.3.ЯУЗ] и довольно редким погребальным комплексам близкого плана Урало-Казахстанских степей [Генинг и др., 1992, рис. 45], а также историческим свидетельствам [Фрейденберг, 1936, с. 152; Фрезер, 2001, с. 218]. Довольно интересны в этом плане параллели в Илиаде, где описано заклание Ахиллесом четырех коней при кремации Патрокла [Гомер, 2008, 165–170 сл.].

В кургане №6 лошади были уложены на перекрытии могилы, роль которого играли каменные плиты. Животные расположены на левом и правом боку, копытами друг к другу и ориентированы головами на восток.

Расположение колесничных лошадей на перекрытии погребальной камеры копытами друг к другу или уложенных в длинный ряд копытами к спине более всего характерно для синташтинских памятников [Генинг и др., 1992, с. 116, рис. 45.-1; Зданович, Куприянова, 2010, с. 142, рис. 7]. Значительно реже этот обряд фиксируется в погребениях петровской (мог. Аксайман, курган №2) [Зданович, 1988, с. 78–81], срубной (мог. Сторожевка, курган №1) [Кочарженко, 1996, с. 53] и алакульской (мог. Алакуль, курган №13) [Сальников, 1952, с. 56] культуры и может рассматриваться в качестве продолжения или реминисценции предшествующих традиций, как и размещение животных в самой могиле.

Данная практика у раннего срубно-алакульского населения сменяется новым хронологически обусловленным «трендом» – парные костяки упряжных лошадей обязательно выносятся за пределы погребальной камеры и укладываются на подкурганной площадке или грунтовой «подушке» тремя основными способами: на боку копытами или спинами друг к другу, реже копытами к спине. Однако по месту пространственного размещения лошадей и их ориентировке по сторонам света существуют значительные культурные и региональные различия, связанные с тремя основными ареалами распространения элементов колесничного комплекса, – это Среднее Поволжье, Южное Зауралье / Северный Казахстан и районы Центрального Казахстана.

Для ранних срубников Поволжья при общей ориентировке умерших на северо-восток, север, восток характерно размещение парных лошадей с южной стороны могильной камеры [Черленок, 2000, с. 348], при котором погребенных можно образно назвать «стоящими на колесницах». С югом, юго-юго-западом, юго-востоком, востоком связана и ориентировка лошадей. Иногда для животных сооружались специальные ямы. Любопытно, что захоронения лошадей, совершенные аналогичным способом, зафиксированы на могильнике Хрипуновский в Тюменском Притоболье [Матвеев, 1998, с. 154, рис. 56.-1].

Специфической чертой зауральских и северо-казахстанских раннеалакульских погребальных комплексов является разделение парных лошадей могильной ямой, где каждая из них укладывалась вдоль своего длинного края погребальной камеры. Хотя известны и случаи парного размещения с одной стороны. Как правило, животные всегда ориентированы только в западном направлении с возможными отклонениями к северу или югу, как и основные высокостатусные погребения.

В раннеалакульских памятниках Центрального Казахстана парные лошади в большинстве случаев размещены с западной «головной» части погребальной камеры, которая обычно представлена каменным ящиком. Причем лошади всегда вынесены за пределы могилы-колесницы и, как правило, уложены на земляную «подушку» копытами или спинами друг к другу. Менее распространено расположение животных по бокам длинных сторон погребения. До недавнего времени ориентировка лошадей была связана исключительно с западными румбами, соответствующими господствующей ориентировке умерших.

Заключение

Любой смешанный археологический памятник всегда является довольно сложным для понимания культурно-историческим объектом, имеющим сравнительно ограниченное поле для интерпретационных возможностей, касающихся в первую очередь выявления механизмов взаимоинтеграционных процессов. Не является исключением и могильник Кызылтау, где впервые были отмечены достоверные признаки раннесрубного влияния на раннеалакульское население Центрального Казахстана.

На наш взгляд, на могильнике Кызылтау отмечены явные маркеры раннесрубного влияния, которые документируются ориентировкой погребенных и жертвенных лошадей в восточном направлении, а также некоторыми довольно размытыми чертами в гончарной традиции. Видимо, можно говорить о раннем проникновении каких-то срубных групп населения, поддерживающих колесничную обрядность, в алакульскую среду на территории сложения стереотипов культурного комплекса (Южное Зауралье и Западный Казахстан). Дальнейшее продвижение осрубленных популяций на восток, вплоть до Центрального Казахстана, подтверждается и другими погребальными комплексами Талдинского археологического микрорайона. Например, при исследовании могильника Табылды было выявлено парное захоронение восточно-ориентированных колесничных лошадей, снабженных к тому же щитковыми псалями, изготовленными по лекалам ярко выраженной доно-волжской косторезной традиции [Кукушкин и др., 2019].

Раннеалакульская хронологическая позиция материалов могильника Кызылтау подкрепляется радиоуглеродным датированием. Для погребения 1 кургана №12 по кости человека была получена AMS-дата (3459(30) BP: 1σ – 1873-1697 cal BC, 2σ – 1880-1692 cal BC), выполненная в лаборатории «IFIN-НН» (Бухарест, Румыния), позволяющая датировать совершение захоронения в рамках второй трети XIX – XVIII в. до н.э.

(калибровка выполнена в программе CalibRev 7.0.4 (intCal13) [Reimer et al., 2013]), что согласуются с новой датой могильника Сатан [Кукушкин и др., 2019], а также данными сопредельных регионов [Молодин и др., 2014, с. 142; Краузе и др., 2019, с. 61]. Синхронность обоих могильников подтверждается близкой погребальной обрядностью, соответствующей ранней фазе алакульской культуры Центрального Казахстана.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент : ФАН, 1991. 202 с.
- Березанская С.С., Оторощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев : Наукова думка, 1986. 164 с.
- Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков : Амет, 2001. 264 с.
- Берсенева А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Синташтинский лук: археологические материалы и варианты реконструкции // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 82–95.
- Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск : Абрис, 2011. 178 с.
- Волошин В.С., Мазниченко А.П. Работы в Целиноградской области // Археологические открытия – 1977. М., 1978. С. 511–512.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. СПб. : Наука, 2008. 572 с.
- Григорьев С.А. Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 2. С. 32–48.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда : Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.
- Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. 2012. №2. С. 253–259.
- Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1) // Археология Казахстана. 2018. №1–2. С. 224–234.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983. С. 48–68.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и Близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 130–161.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Косинцев П.А. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк : Рифей, 2010. С. 21–79.
- Кочарженко О.В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов : Орион, 1996. Вып. 1. С. 53–56.
- Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47. №1. С. 54–63.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе : ПринтА, 2008. 358 с.

- Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара : Изд-во Сам. ГПИ, 1992. 128 с.
- Кукушкин И.А. О семантике андроновского орнамента // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 111–125.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. Элитные курганы могильника Табылды (эпоха бронзы) // Маргулановские чтения – 2019. Нур-Султан, 2019. С. 120–131.
- Кукушкин И.А., Шашенов Д.Т., Кукушкин А.И., Елибаев Т.А., Дмитриев Е.А. Археологическая карта Нурина района Карагандинской области. Караганды : Полиграфист, 2016. 141 с.
- Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // Краткие сообщения Института археологии. 2011. Вып. 225. С. 108–123.
- Ломан В.Г. Результаты технико-технологического анализа керамики стоянки Гренада (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. №3 (16). С. 69–72.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 417 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2014. Т. 13: Археология и этнография. Вып. 3. С. 136–167.
- Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы : Аргументы и Факты Казахстан, 1994. 297 с.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. Свод археологических источников. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1993. Т. 1. Вып. В1–10. 199 с.
- Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. М. : АН СССР, 1952. Т. 1. №24. С. 51–71.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии России. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.
- Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 22–29.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.
- Ткачев В.В. К вопросу о памятниках нуртайского типа Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения. Актобе : ПринтА, 2007а. С. 41–44.
- Ткачев В.В. Процессы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2007б. №17. С. 429–442.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе : АОЦИЭА, 2007в. 384 с.
- Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда : ТАиС, 2010. 176 с.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. 1. 528 с.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. 448 с.
- Халяпин М.В., Порохова О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2000. Вып. 4. С. 109–126.
- Черленок Е.А. Погребения колесничих лошадей в позднем бронзовом веке на территории Восточной Европы и Казахстана // Stratum Plus. 2000. №2. С. 346–349.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haffidason H., Hajdas I., Hattie C., Heaton T.J., Hoffman D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, No 4. P. 1869–1887.

References

- Avanesova N.A. Kul'tura pastusheskikh plemen jepohi bronzy aziatskoj chasti SSSR [Culture of Shepherd Tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR]. Tashkent : FAN, 1991. 202 p.
- Berezanskaja S.S., Otoroshhenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I.N. Kul'tury jepohi bronzy na territorii Ukrainy [Eastern Ukrainian Forest-Steppe in the Period of the Middle and Late Bronze Age (2nd millennium BC)]. Kiev : Naukova dumka, 1986. 164 p.
- Berestnev S.I. Vostochnoukrainskaja lesostep' v jepohu srednej i pozdnej bronzy (II tys. do n. je.) [East Ukrainian Forest-Steppe in the Middle Bronze Period]. Har'kov : Amet, 2001. 264 s.
- Bersenev A.G., Epimahov A.V., Zdanovich D.G. Sintashtinskij luk: arheologicheskie materialy i varianty rekonstrukcii [Sintashta Bow: Archaeological Materials and Reconstruction Options]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Ch. 1. Pp. 82–95.
- Vinogradov N.B. Stepi Juzhnogo Urala i Kazahstana v pervye veka II tys. do n. je. (pamjatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) [The Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the First Centuries of the 2nd Millennium BC (monuments of Sintashta and Petrovsky type)]. Cheljabinsk : Abris, 2011. 178 p.
- Voloshin V.S., Maznichenko A.P. Raboty v Celinogradskoj oblasti [Work in the Tselinograd Region]. Arheologicheskie otkrytija – 1977 [Archaeological Discoveries –1977]. Moskva, 1978. Pp. 511–512.
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: arheologicheskie pamjatniki arijskikh plemen Uralo-Kazahstanskih stepej [Sintashta: Archaeological Sites of the Aryan Tribes of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Cheljabinsk : Juzhno-Ural. kn. izd-vo, 1992. 408 p.
- Gomer. Iliada. / per. N.I. Gnedicha [Iliad / transl. N.I. Gnedich]. SPb. : Nauka, 2008. 572 p.
- Grigor'ev S.A. Blizhnevostochnye komponenty v formirovanii sintashtinskoj kul'tury i ee hronologija [Middle Eastern Components in the Formation of the Sintashta Culture and its Chronology]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Ch. 2. Pp. 32–48.
- Evdokimov V.V., Loman V.G. Raskopki jamnogo kurgana v Karagandinskoj oblasti [Excavations of the Pit Burial Mound in the Karaganda Region]. Voprosy arheologii Central'nogo i Severnogo Kazahstana [Questions of Archaeology of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda: Izd-vo KarGU, 1989. Pp. 34–46.
- Epimahov A.V. O serpah, kolodcah i zemledelii bronzovogo veka [The Sickles, Wells and Agriculture of the Bronze Age]. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 2012. №2. Pp. 253–259.
- Zhauymbaj S.U., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A., Shohataev O.S. Novye svedenija o rannej istorii andronovskih plemen Central'nogo Kazahstana (po materialam kurgana 7 mogil'nika Taldinskij-1) [New Information about the Early History of the Andronovo Tribes of Central Kazakhstan (based on Materials from the Mound 7 of Taldinsky-1 Burial Ground)]. Arheologija Kazahstana [Archaeology of Kazakhstan]. 2018. № 1–2. Pp. 224–234.
- Zdanovich G.B. Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskih stepej (osnovy periodizacii) [Bronze Age of the Ural-Kazakhstan Steppes (the foundations of periodization)]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 184 p.
- Zdanovich G.B. Osnovnye harakteristiki petrovskih kompleksov Uralo-Kazahstanskih stepej (k voprosu o vydelenii petrovskoj kul'tury) [The Main Characteristics of the Petrovsky Complexes of the Ural-Kazakhstan Steppes (on the issue of singling out Peter's culture)]. Bronzovyj vek stepnoj polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja [Bronze Age of the Steppe Belt of the Ural-Irtysh Interfluve]. Cheljabinsk : Izd-vo Bashkirskogo gos. un-ta, 1983. Pp. 48–68.
- Zdanovich D.G., Kuprijanova E.V. Loshadi i Bliznecy: k «arheologii rituala» Central'noj Evrazii jepohi bronzy [Horses and Twins: to the “Archaeology of the Ritual” of Central Eurasia in the Bronze Age]. Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Juzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: the Ancient Heritage of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2010. Part 1. Pp. 130–161.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. Kul'tura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoj Betpak-Daly) [Culture of Ancient Cattle-Breeders and Metallurgists of Sary-Arka (based on materials of the Northern Betpak-Dala)]. Alma-Ata : Gylym, 1992. 247 p.
- Kosincev P.A. «Kolesnichnye» loshadi [“Chariots” horses]. Koni, kolesnicy i kolesnichie Evrazii [Horses, Chariots and Chariots Making of Eurasia]. Ekaterinburg ; Samara ; Doneck : Rifej, 2010. Pp. 21–79.

Kocharzenko O.V. Kurgany jepohi pozdnej bronzy u pos. Storozhevka [Mounds of the Late Bronze Age near the Village of Storozhevka]. Ohrana i issledovanie pamjatnikov arheologii Saratovskoj oblasti v 1995 godu [Protection and Study of Archaeological Sites of the Saratov Region in 1995]. Saratov : Orion, 1996. Issue 1. Pp. 53–56.

Krauze R., Epimahov A.V., Kuprijanova E.V., Novikov I.K., Stoljarchik Je. Petrovskie pamjatniki bronzovogo veka: problemy taksonomii i hronologii [Petrovsky monuments of the Bronze Age: Problems of Taxonomy and Chronology]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2019. Vol. 47. №1. Pp. 54–63.

Kuz'mina E.E. Klassifikacija i periodizacija pamjatnikov andronovskoj kul'turnoj obshhnosti [Classification and Periodization of the Sites of the Andronovo Cultural Community]. Aktobe : PrintA, 2008. 358 p.

Kuz'mina O.V. Abashevskaja kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e [Abashevskaya Culture in the Forest-Steppe Volga-Ural]. Samara : Izd-vo Sam. GPI, 1992. 128 p.

Kukushkin I.A. O semantike andronovskogo ornamenta [The Semantics of the Andronovo Ornament]. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii [Short Messages by the Institute of Archaeology]. 2018. Issue 251. Pp. 111–125.

Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Maken A.B. Jelitnye kurgany mogil'nika Tabyldy (jepoha bronzy) [Elite Mounds of the Tabyldy Burial Ground (Bronze Age)]. Margulanovskie chtenija – 2019 [Margulan Readings – 2019]. Nur-Sultan, 2019. Pp. 120–131.

Kukushkin I.A., Shashenov D.T., Kukushkin A.I., Elibaev T.A., Dmitriev E.A. Arheologičeskaja karta Nurinskogo rajona Karagandinskoj oblasti [Archaeological Map of Nura District of the Karaganda Region]. Karagandy : Poligrafist, 2016. 141 p.

Litvinenko R.A. Kul'turnyj krug Babino: nazvanie, taksonomija i struktura [Babino Cultural Circle: Name, Taxonomy and Structure]. Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. [Short Reports by the Institute of Archaeology]. 2011. Issue 225. Pp. 108–123.

Loman V.G. Rezul'taty tehniko-tehnologičeskogo analiza keramiki stojanki Grenada (Central'nyj Kazahstan) [The Results of Technical and Technological Analysis of Ceramics from the Grenada Site (Central Kazakhstan)]. Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Herald]. 2016. № 3(16). Pp. 69–72.

Matveev A.V. Pervye andronovcy v lesah Zaural'ja [The First Andronovs in the Forests of Zauralie]. Novosibirsk : Nauka. Sib. predpriatie RAN, 1998. 417 p.

Molodin V.I., Epimahov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaja hronologija kul'tur jepohi bronzy Urala i juga Zapadnoj Sibiri: principy i podhody, dostizhenija i problemy [Radiocarbon Chronology of the Cultures of the Bronze Age of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Problems]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Istorija, filologija. 2014. T. 13: Arheologija i jetnografija. Vyp. 3 [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13: Archaeology and Ethnography. Issue 3]. Pp. 136–167.

Novozhenov V.A. Naskal'nye izobrazhenija povozok Srednej i Central'noj Azii (k probleme migracii naselenija stepnoj Evrazii v jepohu jeneolita i bronzy) [Rock Carvings of Carriages of Central and Central Asia (to the problem of migration of the population of the steppe Eurasia in the Eneolithic and Bronze Age)]. Almaty : Argumenty i Fakty Kazahstan, 1994. 297 p.

Pamjatniki srubnoj kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdureč'e [The Sites of Log Culture. The Volga-Ural Interfluve]. Arheologija Rossii. Svod arheologičeskikh istočnikov [Archaeology of Russia. The Collection of Archaeological Sources]. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1993. Vol. 1. Issue V1–10. 199 p.

Sal'nikov K.V. Kurgany na ozere Alakul' [Barrows on the Lake Alakul]. Materialy i issledovanija po arheologii Sibiri [Materials and Studies on the Archaeology of Siberia]. M. : AN SSSR, 1952. Vol. 1. №24. Pp. 51–71.

Stefanov V.I., Koročkova O.N. Urefty I: zaural'skij mogil'nik v andronovskom kontekste [Urefty I: Trans-Ural Burial Ground in the Andronovo Context]. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 160 p.

Teplouhov S.A. Drevnie pogrebenija v Minusinskom krae [Ancient Burials in the Minusinsky Krai]. Materialy po jetnografii Rossii. T. III. Vyp. 2 [Materials on Russian Ethnography. Vol. III. Issue 2]. Pp. 57–112.

Tkachev A.A. Osobennosti nurtajskih kompleksov Central'nogo Kazahstana [Features of the Nurtai Complexes of Central Kazakhstan]. Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii. 1999. Vyp. 2 [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 1999. Issue 2]. Pp. 22–29.

Tkachev A.A. Central'nyj Kazahstan v jepohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tjumen' : TjumGNGU, 2002. Part 2. 243 p.

Tkachev V.V. K voprosu o pamjatnikah nurtajskogo tipa Central'nogo Kazahstana [On the Issue of the Nurtai Type Monuments of Central Kazakhstan]. Kadyrbaevskie chtenija [Kadyrbaev Readings]. Aktobe : PrintA, 2007a. Pp. 41–44.

Tkachev V.V. Processy kul'turogeneza na zapadnoj periferii alakul'skogo areala [The Processes of Cultural Genesis on the Western Periphery of the Alakul Area]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]. 2007b. №17. Pp. 429–442.

Tkachev V.V. Stepi Juzhnogo Priural'ja i Zapadnogo Kazahstana na rubezhe jepoh srednej i pozdnej bronzy [The Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Turn of the Middle and Late Bronze Eras]. Aktobe : AOIJeA, 2007v. 384 p.

Usmanova Je.R. Kostjum zhenshhiny jepohi bronzy Kazahstana. Opyt rekonstrukcii [The Costume of Women of the Bronze Age of Kazakhstan. Reconstruction Experience]. Karaganda : TAI S, 2010. 176 p.

Frezer D.D. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [Golden Branch: Exploring Magic and Religion]. M. : TERRA – Knizhnyj klub, 2001. Vol. 1. 528 p.

Frejdenberg O.M. Poetika syuzheta i zhanra [The Poetics of the Plot and Genre]. L., 1936. 448 p.

Halyapin M.V., Porohova O.I. Pogrebal'nye komplekсы epohi bronzy u s. Krasnoselki v Samarskom Povolzh'e [The Funerary Complexes of the Bronze Age in the Krasnoselki Village in the Samara Volga Region]. Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological Sites of the Orenburg Region]. Orenburg : Orenburgskaya guberniya, 2000. Vyp. 4. S. 109–126.

CHerlenok E.A. Pogrebeniya kolesnichih loshadej v pozdnem bronzovom veke na territorii Vostochnoj Evropy i Kazahstana [Burials of the Chariot Horses in the Late Bronze Age in the Territory of Eastern Europe and Kazakhstan]. Stratum Plus. 2000. №2. Pp. 346–349.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk-Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haffidason H., Hajdas I., Hattie C., Heaton T.J., Hoffman D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Van der Plicht, J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, No 4. P. 1869–1887.

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.I. Kukushkin

Saryarka Archaeological Institute of the Buketov KarSU, Karaganda, Kazakhstan

THE MATERIALS OF THE KYZYLTAU BURIAL GROUND AS THE REFLECTION OF THE SRUBNAYA CULTURE COMPONENT IN THE FORMATION OF EARLY ALAKUL ANTIQUITIES OF CENTRAL KAZAKHSTAN

This article discusses the results of work at the Kyzyltau burial ground (Central Kazakhstan), where 4 barrows with stone fences and 2 fences without mounds containing 21 burials of the Bronze Age and 1 non-inventory burial of a later time were investigated. A representative series of 60 ceramic vessels of Early Alakul image and a collection of metal objects consisting of a sickle, arrowhead, jewelry, and an object in the form of metal brackets fixing a wooden part and a fragment of a wooden vessel with a copper covering were obtained. In barrows no. 6 and 13, the bones of horses were revealed: two animals were laid with limbs to each other on the overlap of the grave and four in a row with their hooves to each other's back at the end wall of the grave. Such burials, of course, mark high-status funerary complexes, clearly emphasizing their belonging to the horizon of "chariot cultures". The position of most of the dead and sacrificial horses in the eastern sector and some rather vague features in the pottery tradition, are considered from the position of Srubnaya culture influence. For the site, a radiocarbon date was obtained, made using accelerator mass spectrometry, which allows the site to be dated within the second third of the 19th – 18th centuries BC, confirming its belonging to the early phase of the Alakul culture of Central Kazakhstan.

Key words: Central Kazakhstan, Bronze Age, Early Alakul antiquities, Srubnaya culture component.

УДК 902.2«637»(574.3)

В.Г. Ломан

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

КАРАТУГАЙ – МОГИЛЬНИК ФИНАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ*

В статье дается характеристика материалов саргаринско-алексеевского могильника Каратугай, расположенного в 90 км к северу от г. Караганда (Центральный Казахстан). В состав сопроводительного инвентаря исследованных погребальных сооружений входили керамические сосуды, металлические украшения, а также костяные трубочки для наконечника. На северо-западной периферии памятника располагалась ритуальная площадка в виде кольца из камней, рядом с которой найдены лопатка мелкого рогатого скота, каменные сегментовидные орудия и дисковидная каменная подвеска (?). Автор разделяет погребальные памятники саргаринско-алексеевской культуры на бегазинский и саргаринский типы и относит могильник Каратугай к последнему. Материалы могильника находят многочисленные аналогии в погребальных памятниках финала эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку на всей территории степной Евразии, что объясняется не только эпохальными процессами, но и культурным взаимодействием с ирменской культурой юга Западной Сибири. По костям из двух погребений получены калиброванные радиоуглеродные даты, в соответствии с которыми время существования памятника относится к XI–X вв. до н.э.

Ключевые слова: Казахстан, могильник, саргаринско-алексеевская культура, ирменская культура, финал эпохи бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-10

Введение

Многолетние исследования саргаринско-алексеевских памятников затронули в основном поселения, погребальных же комплексов изучено еще явно недостаточно для полноты реконструкции всей культуры. Археологической экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова были проведены раскопки могильника Каратугай, находящегося в 90 км к северу от г. Караганды, в 3 км к западу от озера Караколь (рис. 1). Погребения могильника расположены компактной группой у юго-восточного подножия горы Окуле, на небольшом всхолмлении, вытянутом в широтном направлении. Рядом с памятником действует несколько родников, вдоль русла которых произрастают кустарники и рощи лиственных деревьев. Статья вводит в научный оборот результаты исследований памятника.

Материалы и методы

Несколькими раскопами общей площадью 759,75 кв. м были вскрыты 11 погребальных сооружений и ритуальная площадка (рис. 1). Десять погребений относятся к финалу эпохи бронзы и одно (сооружение №12, безынвентарное) – к средневековью.

Сооружение №1 (рис. 2.-1) имело в плане форму кольца из крупных камней, заполненного внутри камнями меньшего размера. Внешние размеры кольца – 2,5×2,25 м. В центре находилась грунтовая могила, заполненная камнями вперемешку с землей и имевшая в плане прямоугольную форму, размерами 1,43×1 м, в разрезе – котловидную, сужающуюся ко дну, глубиной от уровня материка 0,75 м. Длинной осью могильная яма была ориентирована по линии Ю–С. В могиле обнаружено погребение подростка 11–13 лет**, лежавшего на правом боку в скорченном положении, головой на

* Работа выполнена по гранту МОН РК №AP05131861 «История населения степной зоны Казахстана эпохи бронзы – начала раннего железного века (по данным гончарной технологии)».

** Антропологические определения сделаны к.и.н. К.Н. Солодовниковым, с.н.с. сектора физической антропологии Института проблем освоения Севера СО РАН.

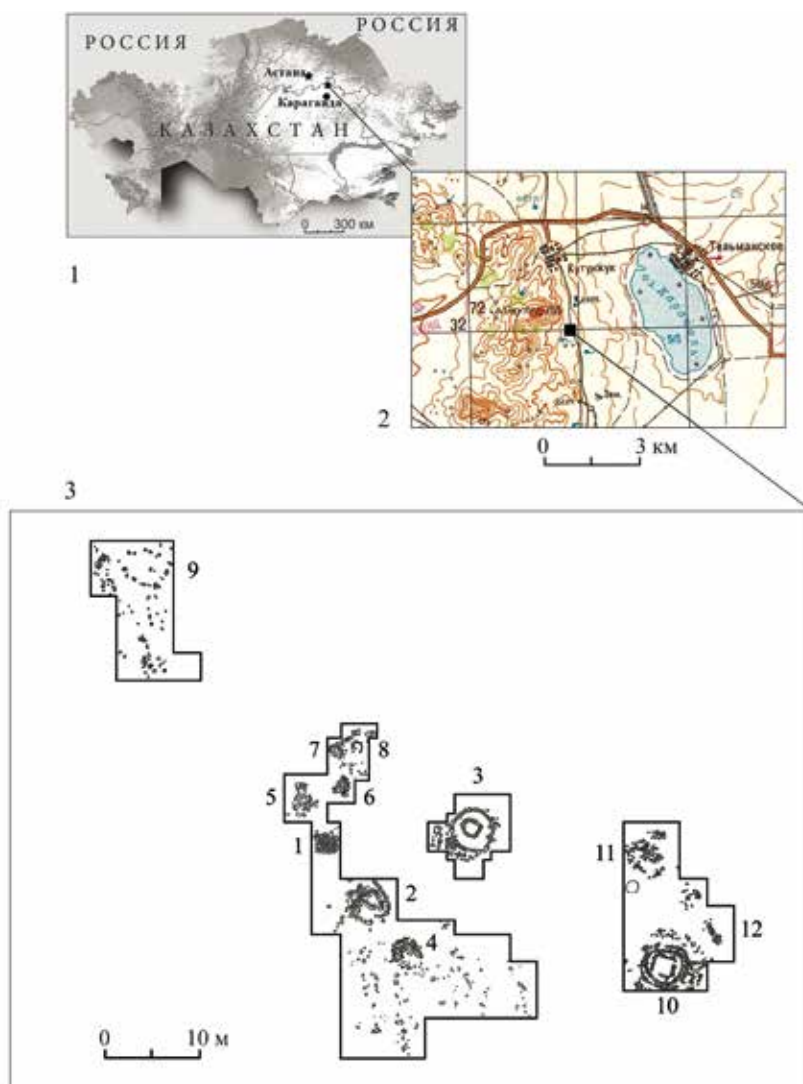

Рис. 1. Могильник Каратугай: 1, 2 – местоположение; 3 – общий план раскопов

юг (рис. 2.-2). Грудная клетка и тазовые кости были развернуты задней частью кверху, плечо правой руки, согнутой в локте кистью вперед, находилось под туловищем, левая рука была вывернута локтем наружу, а кистью – к животу. Правая нога располагалась бедром под прямым углом к туловищу, пальцы стопы касались северной стенки могилы. Левая нога была поднята кверху, голень вплотную прижата к бедру. Кости кистей рук и левой стопы отсутствовали, хотя по могиле были разбросаны отдельные фаланги пальцев. Над головой погребенного стояло два глиняных сосуда (рис. 2.-3,4).

Сооружение №2 (рис. 3.-1) представляло собой двойную каменную ограду округлой формы в плане. К настоящему времени оказались разрушены северная часть внешнего кольца ограды (диаметр 4,25 м) и южная часть внутреннего (диаметр 2,75 м). Во внутреннем кольце находилась грунтовая могила (рис. 3.-2), ориентированная длинной

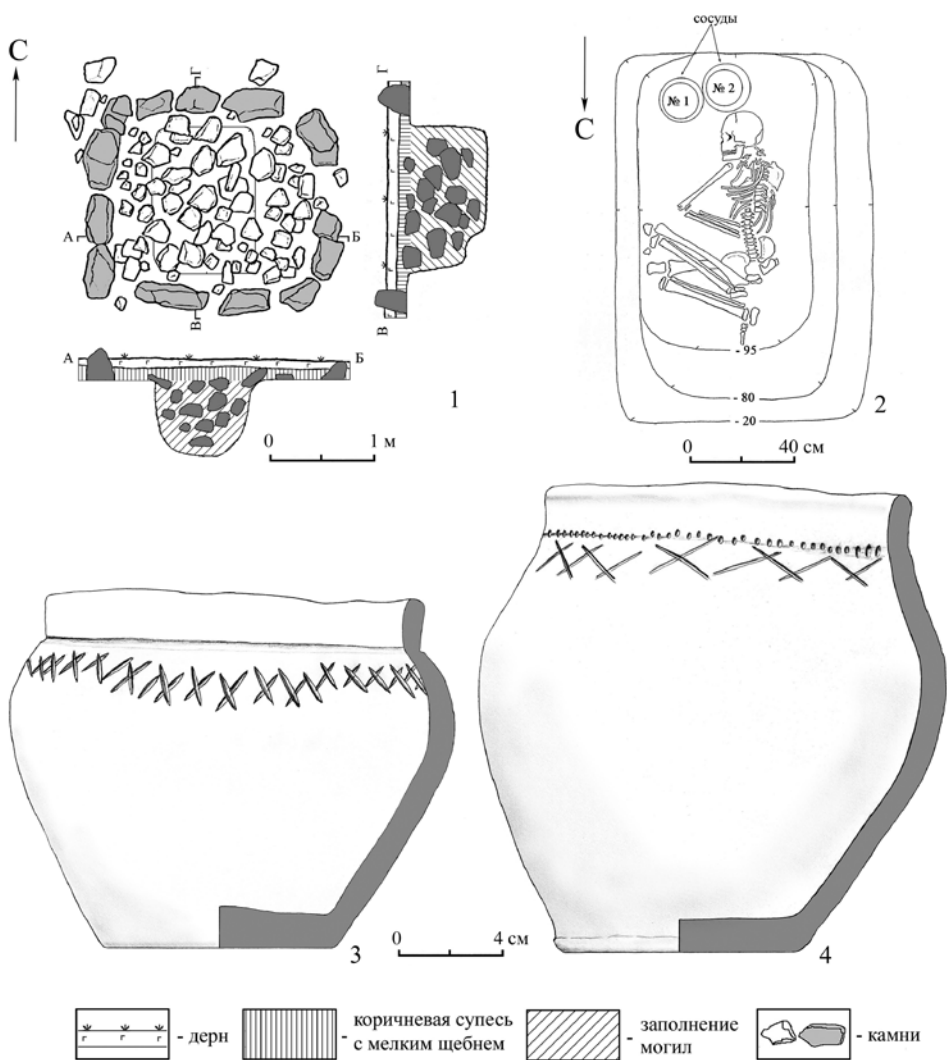

Рис. 2. Сооружение №1: 1 – план и разрез; 2 – могила; 3 – сосуд №1; 4 – сосуд №2

осью по линии ЮВ–СЗ и имевшая форму в плане, близкую к прямоугольной (размеры 1,9×1,5 м). Южная часть могильной ямы плавно понижалась ко дну (глубина от уровня материка 0,7 м). В заполнении могилы встречались отдельные человеческие кости, позвонки и фаланги пальцев. В южном конце ямы обнаружен развал глиняной банки с желобком в верхней части (рис. 3.-3) и несколько мелких неорнаментированных фрагментов от другого сосуда, древесные угольки, отдельные кости и обломки черепа без нижней челюсти, принадлежавшие женщине возмужалого возраста (20–30 лет) европеоидного типа. Под черепом найдена обойма трапециевидной формы, свернутая из тонкой бронзовой* пластины (рис. 3.-4). Такая же обойма (рис. 3.-5) найдена в центре могилы.

* Металлические изделия были изучены с помощью портативного рентгенофлуоресцентного анализатора INNON–X α 400. Режим съемки – рг.ап (аналитик И.А. Блинов, м.н.с. Института минералогии УрО РАН).

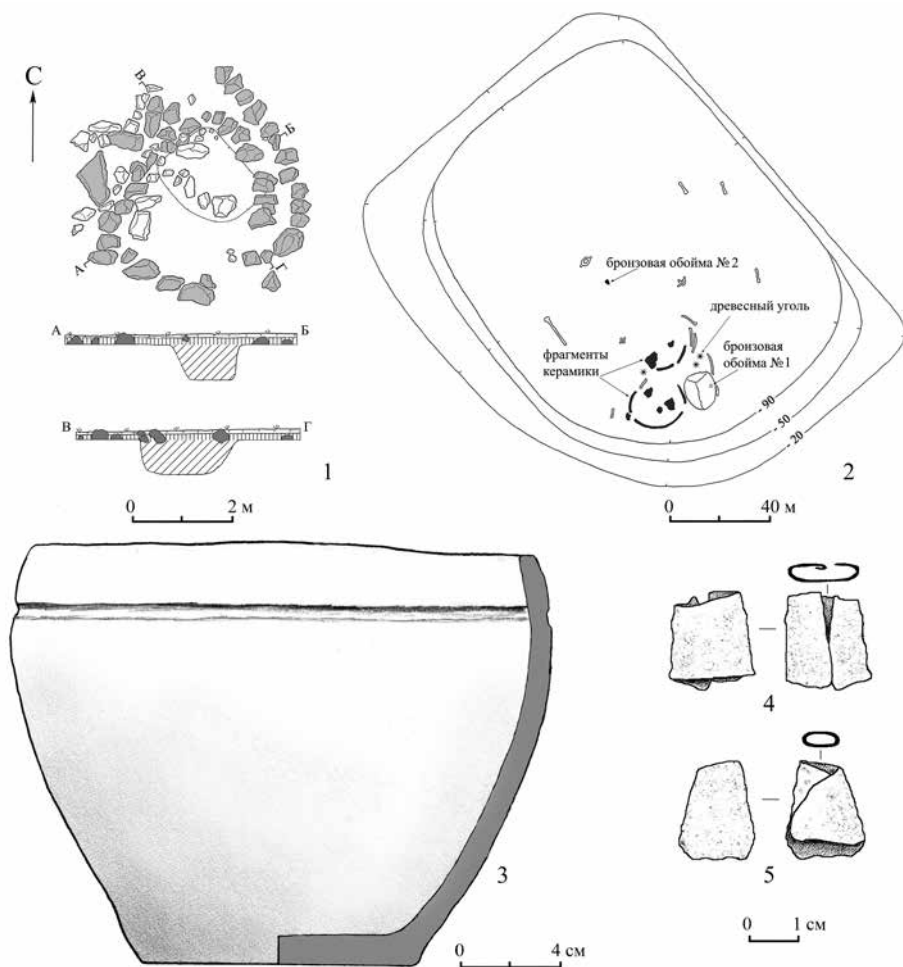

Рис. 3. Сооружение №2: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд; 4 – бронзовая обойма №1; 5 – бронзовая обойма №2

Сооружение №3 (рис. 4.-1) имело в плане форму каменного кольца (внешний диаметр 4,75 м), внутри которого находилось второе кольцо (внешний диаметр 2 м), сооруженное по краю грунтовой могилы, имевшей в плане прямоугольную форму (размеры 1,33×1,18 м) и ориентированной длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 4.-2). Глубина могильной ямы от уровня материка – 0,55 м, западная часть понижается ко дну. При выборке заполнения встречались разрозненные кости, на дне, в северном углу, обнаружены *in situ* кости стопы взрослого человека. Других находок не зафиксировано. К юго-западу и западу от сооружения лежали беспорядочно разбросанные камни, очевидно, от внутреннего заполнения конструкции. Примерно в 1,5 м к востоку от сооружения на уровне материка обнаружен развал глиняного сосуда (рис. 4.-3), украшенного по плечу двумя-тремя рядами округлых и полукруглых вдавлений, сверху и снизу которых нанесены вертикальные и наклонные отпечатки штампа каплевидной формы с двумя зубцами в расширенной части.

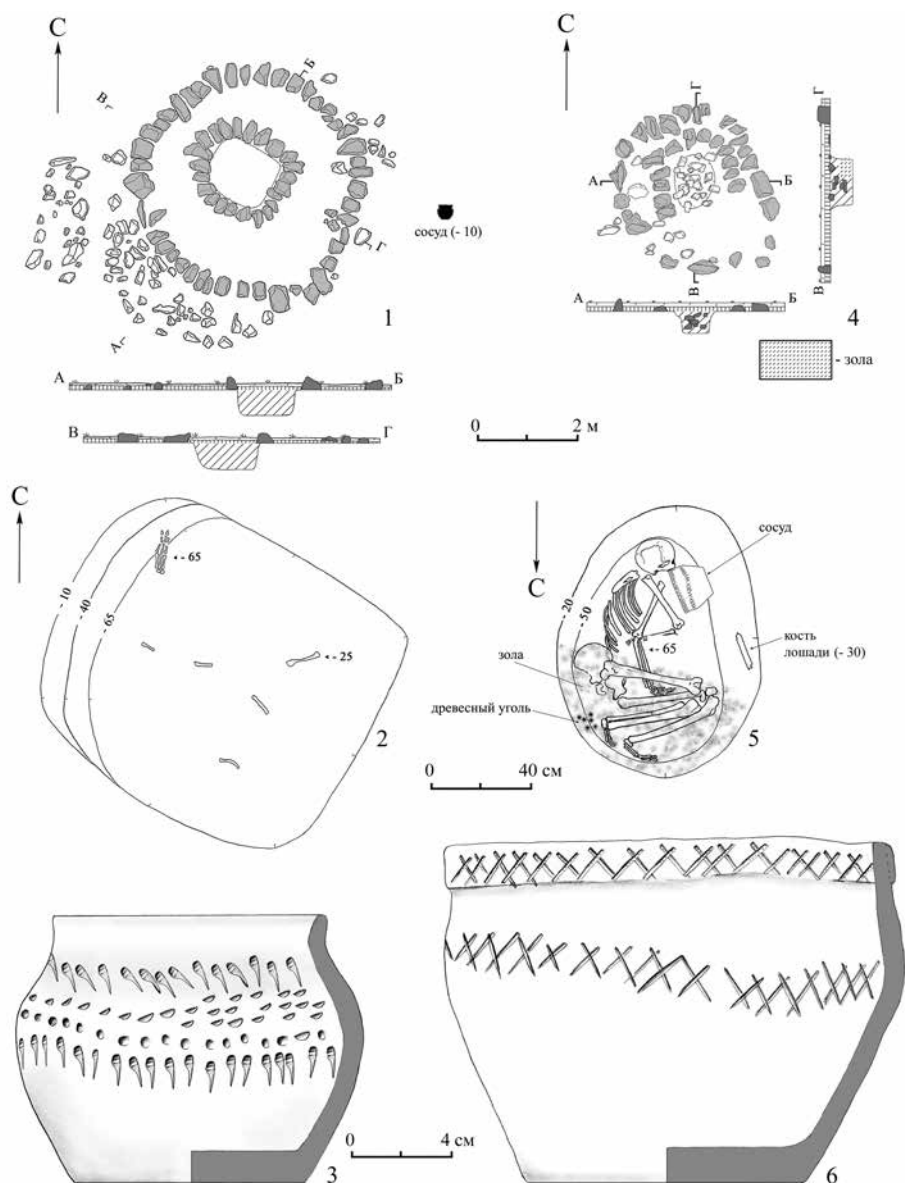

Рис. 4. Сооружение №3: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд.
Сооружение №4: 4 – план и разрезы; 5 – могила; 6 – сосуд

Сооружение №4 (рис. 4.-4) представляло собой кольцо (внешний диаметр 3–3,5 м) из крупных камней, положенных плашмя на уровне древней поверхности. Внутри оно было заполнено такими же камнями, после снятия которых выявилось второе каменное кольцо (внешний диаметр 1,8 м), выложенное вокруг могилы. Южная часть обоих колец была разрушена. Находившаяся в центре сооружения грунтовая могила имела в плане эллипсоидную форму (размеры 1,1×0,8 м, глубина могилы от уровня материка – 0,45 м) и была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. В разрезе могила имела ступен-

чатую форму и сужалась ко дну. Могильная яма была забутована камнями вперемешку с землей. При выборке заполнения на глубине 0,1 м от края ямы обнаружен фрагмент диафиза левой берцовой кости лошади*. На дне было расчищено погребение женщины зрелого возраста (40–50 лет) европеоидного долихокранного антропологического типа. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юг (рис. 4.-5). Вытянутая левая рука находилась между бедер кистью кверху, правая была согнута локтем наружу и кистью под грудь. Бедра составляли с туловищем прямой угол, голени были поджаты, а таз, колени и ступни упирались в стенки могилы. Шея была вывернута так, что череп оказался практически теменем кверху и касался левой стороной стенки могилы. Судя по всему, умершую буквально втиснули в могильную яму. Ниже пояса скелет был засыпан слоем золы (толщина 0,3 м), в которой встречались куски древесного угля. Перед грудной клеткой на земляном уступе находился глиняный сосуд (рис. 4.-6), лежавший на боку, устьем к погребенной. По воротничку сосуда располагается ряд перекрещивающихся отрезков, выполненных гребенчатым штампом со сглаженными зубцами, на плечике – такой же ряд из отпечатков гладкого штампа. Сосуд деформировался под тяжестью земли и имеет в поперечном разрезе эллипсоидную форму.

Сооружение №5 (рис. 5.-1) к настоящему времени представляло собой эллипсоидную в плане (размеры 2×3 м) груду камней. После их снятия было расчищено могильное пятно, также имевшее в плане эллипсоидную форму (размеры 0,95×1,5 м) и ориентированное длинной осью по линии Ю–С. В разрезе могила имела подпрямоугольную форму с повышением в северной части (глубина могилы от уровня материка – 0,4–0,5 м).

Погребение было ограблено еще в древности, так как разбросанные по дну могилы останки, принадлежавшие женщине 18–20 лет, находились в сочленении (рис. 5.-2). В северном конце могилы зафиксирован череп погребенной, с раздробленной и обугленной лицевой частью. Рядом лежала бедренная кость, обугленная и сломанная по середине. При вскрытии этого участка могилы начиная с глубины 0,25 м от ее края встречались кусочки древесного угля. В центре могилы обнаружена грудная клетка, лежавшая позвоночником кверху, шейным отделом на юг. Около нижней части грудной клетки обнаружены подвздошная кость и предплечье с костями запястья. Между лопатками найдены остатки украшения, состоявшие из трех костяных трубочек-пронизок и медной бляхи, лежавшей петелькой вниз. Пронизки (рис. 5.-4, 5, 7) лежали вплотную, параллельно друг другу, длинной осью перпендикулярно позвоночнику. Между ребрами правой половины грудной клетки было найдено еще четыре пронизки (рис. 5.-6, 8–10) от того же украшения. Пронизки изготовлены из костей крупных птиц (дрофа, журавль), имеют заполированную поверхность. Бляха (рис. 5.-3) имеет форму выпукло-вогнутого диска диаметром 4,5 см, толщиной в центральной части 2–3 мм. На оборотной стороне расположен круглый в разрезе стерженек (длина 1,5 см, толщина 0,5 см), загнутый в виде крючка параллельно поверхности бляхи. На краю бляхи отмечено круглое сквозное отверстие диаметром 1 мм. Противоположный край поврежден коррозией, возможно, здесь располагалось второе такое же отверстие.

Сооружение №6 (рис. 6.-1) было выложено из камней и первоначально имело форму двойного кольца (внешние размеры – 2–2,2 м). К настоящему времени от внешнего кольца осталась только восточная половина. В центре внутреннего кольца (внеш-

* Археозоологические определения сделаны к.б.н. П.А. Косинцевым и к.б.н. Д.О. Гимрановым, с.н.с. Института экологии растений и животных УрО РАН.

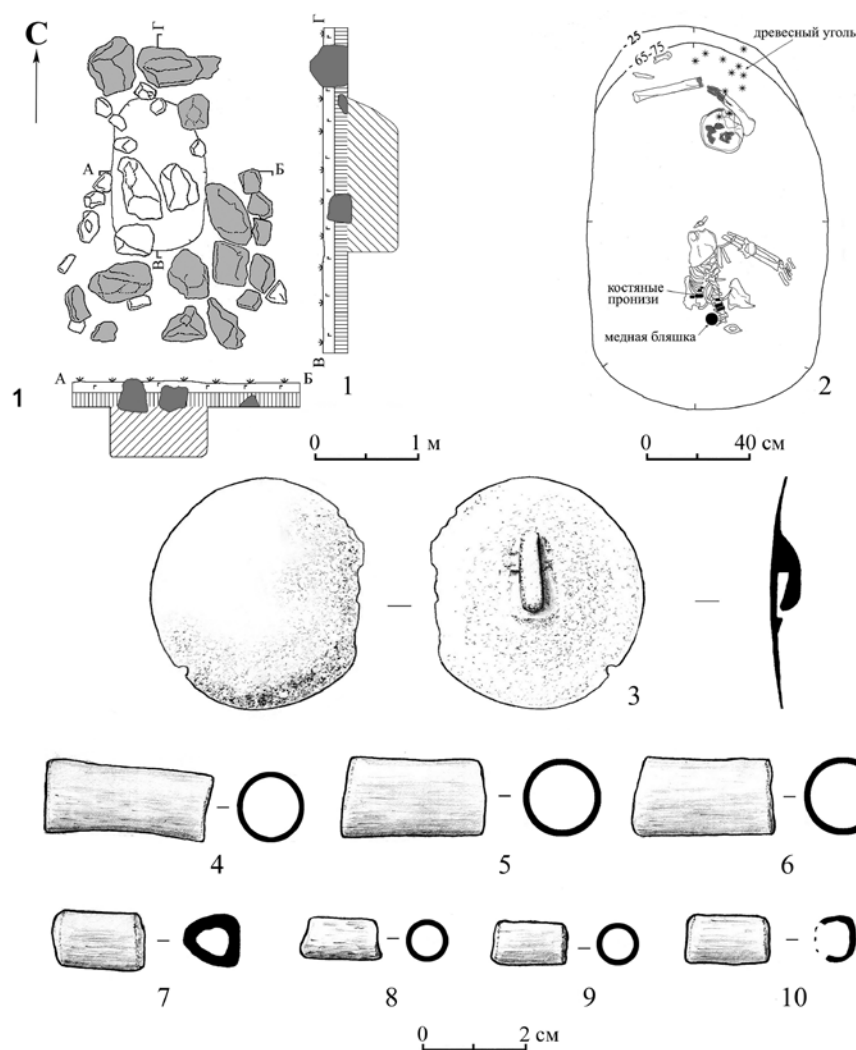

Рис. 5. Сооружение №5: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – медная бляшка; 4–10 – костяные трубочки-пронизки

ние размеры – 1,5–1,8 м) располагалась грунтовая могила, заложенная камнями вперемешку с землей. В плане могила, ориентированная длинной осью по линии Ю–С, имела эллипсоидную форму (размеры 0,9×0,75 м), в разрезе – котловидную (глубина могилы от уровня материка – 0,35 м).

Погребение принадлежало ребенку в возрасте 2–4 лет, который лежал в скорченном положении головой на юг, на правом боку (рис. 6.-2). Руки были согнуты ладонями к лицу, колени подняты к груди, голени перекрещены. На уровне межключичной впадины обнаружены обломки прямоугольной бронзовой обоймы (рис. 6.-4), возможно, пришитой к кожаному нагруднику, от которого в этой области сохранился желтый глени. Под черепом найдена обломанная серьга в виде колечка из бронзовой проволоки диаметром 1 мм (рис. 6.-3). Над головой стоял небольшой глиняный сосуд (рис. 6.-5),

украшенный по основанию шейки рядом наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Верх тулова заглажен щепкой, оставившей глубокие рельефные следы.

Сооружение №7 (рис. 6.-б) имело форму кольца из камней с разрушенной юго-западной частью (внешний диаметр – 1,5 м). Камни сооружения были установлены по краю могилы, причем камни северной стороны имели высоту до 0,5 м и были частично погружены в пространство могильной ямы.

Грунтовая могила (рис. 6.-7), заполненная камнями вперемешку с землей, была ориентирована длинной осью по линии Ю–С, имела в плане эллипсоидную форму (размеры 1,2×0,9 м), в разрезе – котловидную (глубина могилы от уровня материка – 0,4 м). Погребение было полностью ограблено, в заполнении и на дне обнаружены

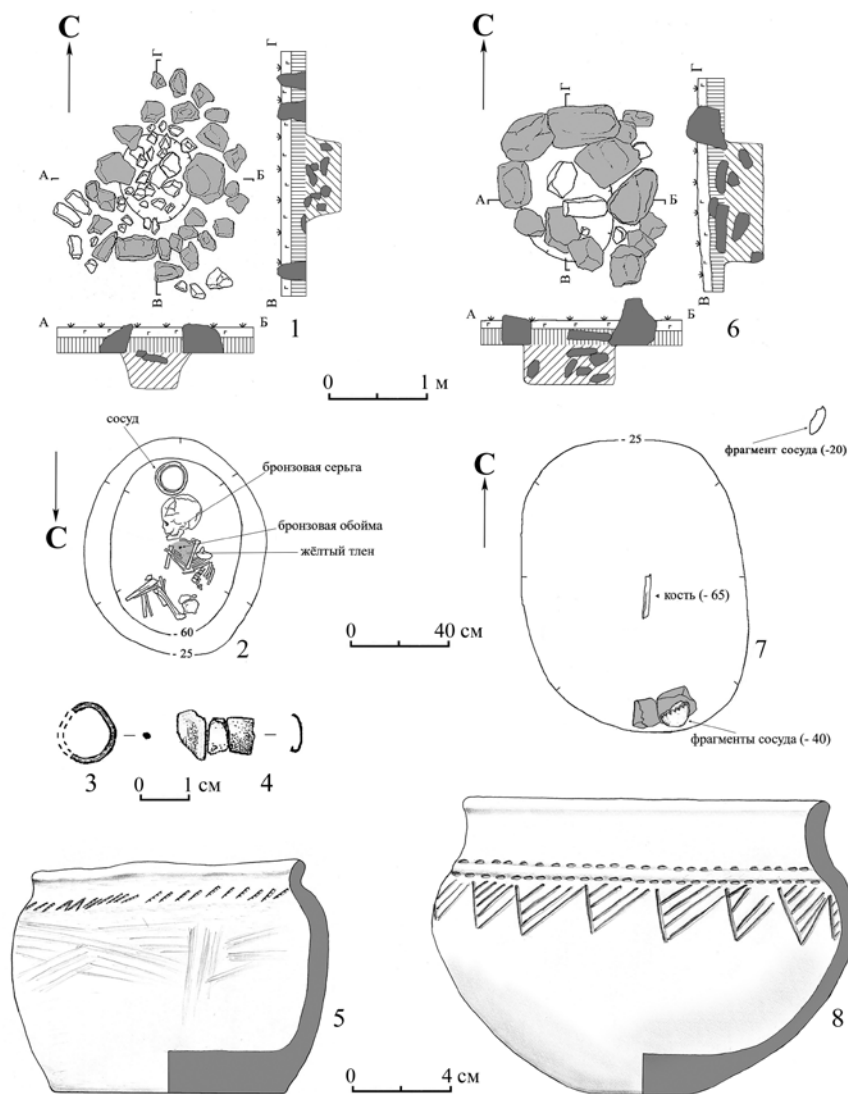

Рис. 6. Сооружение №6: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – бронзовая серьга; 4 – бронзовая обойма; 5 – сосуд. Сооружение №7: 6 – план и разрезы; 7 – могила; 8 – сосуд

лишь обломки длинных костей взрослого человека. Около южной стенки могилы на дне стояло три камня, на которых лежала часть керамического сосуда (рис. 6.-8). Среди камней северо-восточной части сооружения было найдено еще несколько фрагментов, принадлежавших тому же сосуду и выброшенных при ограблении могилы.

Сооружение №8 (рис. 7.-1) первоначально представляло собой устроенное над могилкой каменное кольцо, имевшее внешний диаметр 1,3 м, но к настоящему времени камни южной части были утрачены. При вскрытии могильной ямы обнаружилось, что ее северная часть продолжается за каменной обкладкой на 0,5 м, т.е. в данном случае каменное кольцо явно было сооружено после перекрытия могилы, причем три камня были погружены в могильное пространство на глубину до 0,2 м. О перекрытии можно сказать, что в его устройстве использовались деревянные жерди и плахи, которые, судя по сохранившимся фрагментам, были уложены в три слоя поперек могилы, начиная с 0,5 м от дна. После завершения деревянного перекрытия оно было подожжено. На ритуал, связанный с огнем, указывает и то, что погребенный был засыпан слоем золы мощностью 0,5 м, а в заполнении могилы встречались древесные угольки.

Грунтовая могила (рис. 7.-2), ориентированная длинной осью по линии Ю–С, имела в плане овальную форму (размеры 1,6×0,95 м), в разрезе – прямоугольную, с отвесными стенками (глубина могилы от уровня материка – 0,75 м). На дне могилы обнаружено погребение женщины 30–40 лет. Череп, европеоидного долихокранного типа, крупный и массивный, однако, по мнению К.Н. Солодовникова, строение посткраниального скелета, и в частности тазовых костей, не оставляет сомнений в том, что он принадлежит женщине. Человек лежал на спине, головой на юг. Череп стоял на нижней челюсти и был слегка наклонен к правому плечу. Ноги находились на боку и были согнуты в коленях, касаясь ими восточной стенки могилы. Правая голень располагалась по линии З–В, левая была поджата к бедру. Левая плечевая кость лежала параллельно туловищу, кости предплечья были обнаружены в сочленении около восточной стенки могилы, рядом с кистевыми фалангами. У скелета отсутствовала часть костей стоп, фаланг пальцев, полностью не было правой руки, что объясняется деятельностью сурков, устроивших в могиле нору. При раскопках хода норы обнаружен обломок медной полусферической бляхи, окрашенной окислами меди (рис. 7.-4), от украшения, которое надевалось на шею, судя по нижней челюсти. За головой, устьем к затылку погребенной, на боку лежал глиняный сосуд (рис. 7.-3), первоначально стоявший на небольшом камне, найденном рядом.

К северу от сооружений №7 и 8, с юго-запада на северо-восток, был выложен ряд камней и валунов (размеры от 0,2×0,4 м до 0,6×0,7 м) – возможно, остатки общей ограды.

На северо-западной периферии памятника, которая возвышается над остальной его площадкой, были зафиксированы многочисленные камни, выступавшие над современной поверхностью земли. Раскопом было выявлено **сооружение №9** (рис. 7.-5), выложенное из крупных камней в один слой и имевшее в плане овальную форму (5×3,5 м). В центральной части сооружения, сразу под дерном (глубина 0,1 м), найдено каменное дисковидное изделие с овальным отверстием (подвеска?), вокруг которого с обеих сторон прорезано по две концентрические окружности (рис. 7.-6); в западном секторе зафиксировано пятно золистого грунта. В 0,6 м к западу от сооружения под дерном обнаружен обломок левой лопатки овцы. В 1,8 м к югу от сооружения на глубине 0,1 м от современной поверхности были найдены два каменных орудия сегментовидной

формы (рис. 7.-7, 8). На одном из концов с внутренней стороны каждое орудие имеет заглаженные участки. Многочисленные камни, обнаруженные в раскопе вне пределов сооружения, к западу, востоку и югу от него, составляли случайные скопления.

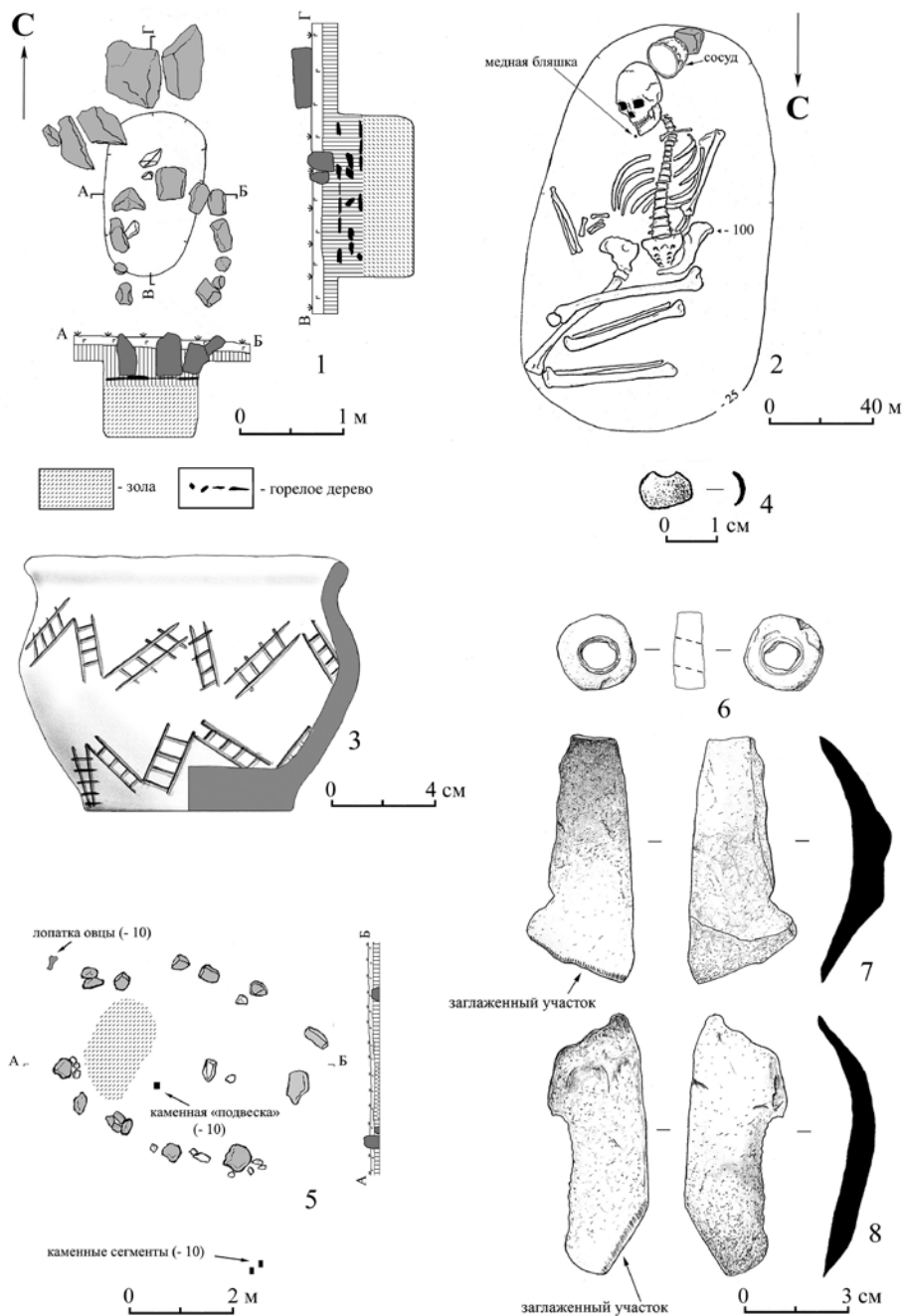

Рис. 7. Сооружение №8: 1 – план и разрезы; 2 – могила; 3 – сосуд; 4 – бронзовая бляха. Сооружение №9: 5 – план и разрез; 6 – каменная «подвеска»; 7, 8 – каменные орудия

Сооружение №10 (рис. 8.-1) до раскопок имело вид кургана с каменно-земляной насыпью высотой до 0,5 м. После снятия дернового слоя и расчистки камней сооружения в центре была обнаружена погребальная камера, представлявшая собой вырытую в земле неглубокую (0,2 м) яму квадратной в плане (2×1,8 м) формы, обставленную по верхнему краю камнями, лежавшими местами в два слоя. Стороны камней, обращенные внутрь камеры, были, вероятно, подтесаны, так как имеют ровные плоские поверхности. Камера ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В заполнении северо-западного угла встречены многочисленные куски древесного угля, на дне около юго-восточного угла найдена нижняя челюсть мужчины 18–25 лет. Погребальная камера окружена двумя округлыми в плане оградами, также сложенными из крупных камней, местами в два слоя; расстояние между оградами – 0,2–0,3 м. Внутренние размеры первой ограды – 4,2×4 м, размеры второй (внешней) ограды – 5,3×4,8 м. Погребальная камера была, скорее всего, заполнена камнями, которые были выброшены при ограблении и лежат в настоящее время вокруг сооружения.

Сооружение №11 (рис. 8.-2) представляло собой разрушенную кольцевую ограду из камней с грунтовой могилой в центре. Судя по сохранившейся части ограды, ее внешний диаметр мог достигать 4–5 м. Поверх могилы было сооружено кольцо из камней, диаметром 2 м. Могила (рис. 8.-3) имела в плане и в разрезе форму, близкую к прямоугольной (размеры 0,95×1,8 м, глубина от уровня материка 0,6 м), была ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. В заполнении встречались человеческие кости и фрагменты керамики от одного сосуда (рис. 8.-4), шейка которого была украшена неглубокими вертикальными расчесами. На дне обнаружены остатки погребения двух человек – мужчины 40–50 лет европеоидного антропологического типа и женщины 25–35 лет. Мужчина отличался очень развитыми надбровными дугами и имел рост около двух метров.

В 1,4 м к югу от сооружения №11 находилась яма 1 (рис. 8.-2), имевшая в плане округлую форму (диаметр 1,3 м), в разрезе – котловидную (глубина от уровня материка 0,3 м). В верхней части заполнения ямы зафиксирована сажистая прослойка мощностью 0,1 м. На глубине 0,2 м от края ямы был найден фрагмент диафиза правой бедренной кости лошади.

Полученные результаты и их обсуждение

Всего, таким образом, на могильнике Каратугай было раскопано десять сооружений и, предположительно, ритуальная площадка.

Сохранившиеся погребальные сооружения представляли собой круглые в плане (диаметр 2,2–5,3 м) ограды из крупных камней с внутренней забутовкой из камней меньшего размера. Грунтовые могильные ямы располагались в центре оград и были обставлены по краю камнями. Глубина ям небольшая, от 0,2 м до 0,75 м, заполнение их примерно в половине случаев состояло из камней вперемешку с землей. Четыре погребения оказались неогрбленными. Костяки, обнаруженные в них, лежали головами на юг, скорченно на правом боку (детские погребения №1 и №6), на левом боку (№4) или на спине с подогнутыми ногами (№8). Судя по местонахождению сосудов и остатков костяков в других могилах, погребенные в них также располагались головами в южный сектор.

В головах погребенных находилось от одного до двух керамических сосудов, которые могли устанавливаться на камни (сооружения №7, 8).

Одно из погребений (№11) содержало останки двух человек – мужчины 40–50 лет и женщины 25–35 лет.

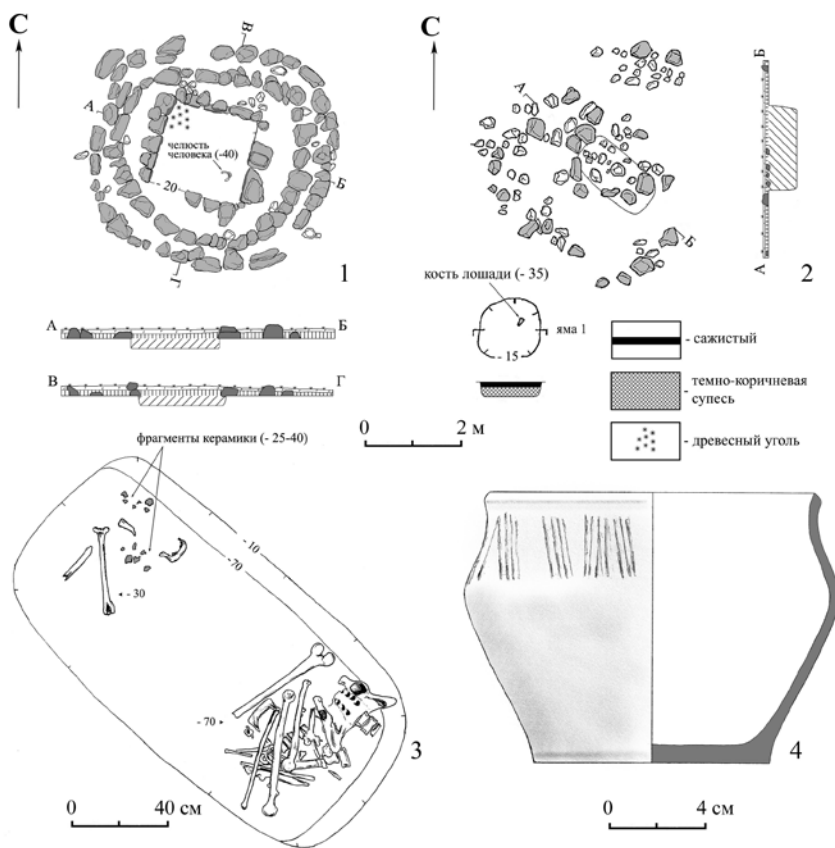

Рис. 8. Сооружение №10: 1 – план и разрезы. Сооружение №11 и яма 1: 2 – планы и разрезы; 3 – могила; 4 – сосуд

Сооружение №10 имело более сложное устройство (неглубокая квадратная яма с обкладкой из обтесанных камней по верхнему краю, вписанная в две кольцевые ограды), вероятно, указывающее на особый социальный статус погребенного. Схожая конструкция погребальной камеры была исследована на могильнике Уйтас-Айдос в Улытауском районе Карагандинской области [Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 48, 50, рис. 5].

Сооружение №9, находящееся на самой высокой площадке северо-западной периферии могильника, вероятно, имело культовое назначение, т.е. здесь могли совершаться действия, связанные с погребальным или поминальным ритуалами. К следам ритуальных действий следует отнести и яму около сооружения №11, содержащую углистую прослойку и кость лошади. По предположению, высказанному П.А. Косинцевым, кости животных, обнаруженные на могильнике, могли быть остатками тризны. Все они какое-то время находились на древней дневной поверхности, поскольку имеют следы погрызов собаками и домашним скотом.

Ритуалы при совершении погребений взрослых членов общины включали очищение огнем. Признаки этого встречены в могилах сооружений №2, 10 – древесные угли в заполнении; №4 – засыпка погребенного золой с древесными углями; №5 – обожжен-

ные кости погребенного и древесные угли в заполнении; №8 – засыпка погребенного золой и древесные угольки в заполнении, сожжение деревянного перекрытия могилы.

Следы ритуалов, связанных с огнем, повсеместно встречаются в могильниках конца эпохи бронзы и переходного времени к раннему железному веку – например, уголь и обожженное дерево в заполнении могил [Арсланова, 1974, с. 47; Варфоломеев, 2007, с. 52; Гарустович, 2000, с. 123–125; Горбунов, Обыденнов, 1980, с. 180; Ермолаева, 2012, с. 38, 59; Карабаспакова, 2011, с. 76, 136; Логвин, Шевнина, 2012, с. 154–155; Отрощенко, 1975, с. 198], наличие прокалов [Агульников, 2010, с. 189; Кунгуров, Папин, 2001, с. 84; Молодин и др., с. 143; Ткачев, 2002, с. 129]. Трупобожжение в финале эпохи бронзы зафиксировано в кургане №7 могильника у с. Ак-Жар в Актюбинской области [Смирнов, 1964, с. 32], встречалось в Южном Зауралье [Костюков и др., 1996, с. 152], входило также в погребальный обряд ирменской культуры [Ковалевский, 2016], причем, как и в нашем случае, применялось к некоторым женским погребениям. Одно мужское погребение с обожженным костяком найдено в ирменском могильнике Малый Гоньбинский Кордон-1, но огонь, по предположению авторов, горел над могилкой после совершения захоронения [Кунгуров, Папин, 2001, с. 81].

Керамическая коллекция памятника носит смешанный характер: шесть сосудов внешне можно отнести к саргаринско-алексеевской культуре, два экземпляра имеют признаки ирменского культурного влияния: сосуд из сооружения №8 (рис. 7.-3) декорирован зигзагами из отрезков поперечно заштрихованных лент, которые входят в состав специфических элементов ирменской орнаментики [Бобров и др., 2004, рис. 5.-11; рис. 16.-23; Матвеев, 1993, табл. 7.-2, 7, 11, 12; табл. 11.-7, 15; табл. 12.-15; табл. 14.-31; табл. 16.-5, 20, 23; табл. 17.-16; табл. 19.-23, 27–29, 32; табл. 20.-16, 18; табл. 21.-1, 2; табл. 23.-12, 15; табл. 24.-22, 23; Молодин, 1985, рис. 62.-1, 18; Полеводов, 2008, рис. 5.-3; Членова, 1994, рис. 30.-12; рис. 52.-1]. Сюда же относятся [Ситников, 2015, с. 82] прочерченные заштрихованные треугольники на сосуде из сооружения №7 (рис. 6.-8), который к тому же (по В.И. Молодину) близок по форме третьему типу ирменской керамики [Молодин, 1985, с. 119; рис. 61; рис. 62; Бобров и др., 2004, рис. 9.-8]. Сосуд первоначально имел округлое дно, которое было уплощено путем придавливания о твердую поверхность. В основании шейки нанесены два ряда овальных вдавлений, между которыми образовался ложный валик. Интересно отметить, что аналогичным образом украшен один из сосудов могильника Старый Сад восточного варианта пахомовской культуры в Центральной Барабе [Молодин и др., 2017, рис. 63.-4]. Возможно, сочетание всех этих признаков указывает на импортный характер сосуда из сооружения №7.

Обнаружены также металлические украшения: две трапециевидные обоймы, изготовленные из мышьяковой бронзы* (сооружение №2); прямоугольная обоймочка и колечковидная серьга, изготовленные из оловянной бронзы (сооружение №6); обломок медной бляхи (сооружение №8); медная дисковидная бляха с крючкообразной петлей на обороте (сооружение №5). Бляха с петлей на обороте обнаружена в саргаринско-алексеевском могильнике Бестамак [Логвин, Шевнина, 2012, рис. 3.-1], эти бляхи встречаются также в комплексах заключительного, маклашеевского, этапа приказанской культуры [Халиков, 1980, табл. 54.-15, 16], в памятниках финала эпохи

* Интерпретация результатов рентгенофлюоресцентного анализа (табл.) проведена к.и.н. А.Д. Дегтяревой, в.н.с. сектора археологических и природных реконструкций Института проблем освоения Севера ТНЦ СО РАН.

бронзы Южного Зауралья [Костюков, Епимахов, 2005, с. 71], межовской [Горбунов, Обыденнов, 1980, рис. 3.-4], ирменской [Ковалевский, 2007, с. 96; Грушин и др., 2009, рис. 21.-15, 16; рис. 23.-9], пахомовской [Молодин и др., 2017, с. 134] и других культур. Бляха с крючком-петлей, аналогичная каратугайской, была найдена в могильнике Боровянка-XVII (Среднее Прииртышье) [Погодин, Полеводов, 2006, рис. 7.-7], датированном временем перехода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (VIII–VII вв. до н.э.) [Погодин, Полеводов, 2006, с. 124]. Бытование данного вида металлических украшений продолжается и в раннем железном веке, например, они являются частыми находками в могильниках тагарской культуры [Мартынов, 1979, с. 165, табл. 15.-3–7].

В нашем случае бляха располагалась на спине женского костяка и являлась, скорее всего, частью наконечника. О том, что дисковидные бляхи с петельками могли входить в состав украшений для косы, свидетельствуют также материалы ирменского могильника Милованово-1 в Новосибирской области [Ковалевский, 2007, с. 98]. В конструкцию каратугайского наконечника входили еще семь полированных трубочек-пропорок из костей крупной птицы. Такие же трубочки были найдены в мавзолеях 2 и 3 могильника Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55.-4, 5].

Колечковидная серьга из детской могилы №6 типична для стандартного инвентаря ирменских могильников, так же как и поза ребенка (например, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 7, мог. 11 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 3]).

Таблица

Результаты анализа металлических изделий могильника Каратугай

№	Местонахождение	Название вещи	Инв. номер	Cu	Pb	As	Sn	Fe	Примечания
1	Сооружение №2	Обойма №1	204 К/26	74,8	0,2	2,9	–	0,5	Сторона 1
				82,1	0,2	1,9	–	0,2	Сторона 2
2	Сооружение №2	Обойма №2	204 К/27	93,4	0,2	1,9	–	0,1	Сторона 1
				88,8	0,3	3,6	–	0,1	Сторона 2
3	Сооружение №5	Бляха	204 К/7	99,9	–	–	–	0,1	Лицевая сторона
				99,9	–	–	–	0,1	Внутренняя сторона
4	Сооружение №6	Фрагмент серьги	204 К/16	43,0	0,2	–	3,3	0,8	
5		Фрагмент обоймы	204 К/17	34,9	0,5	–	8,3	0,2	
6	Сооружение №8	Фрагмент бляхи	204 К/20	40,8	–	–	–	0,4	

По человеческим костям из двух погребений могильника Каратугай в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН было проведено радиоуглеродное датирование. Даты откалиброваны с помощью программы Calib Rev 7.0.4*:

Лабораторный номер	Комплекс	14С ВР	Калиброванная дата (σ 1) 68,3%	Калиброванная дата (σ 2) 95,4%
СОАН-7476	Сооружение №4	2850±65	[cal BC 1110: cal BC 1096] 0,063 [cal BC 1094: cal BC 928] 0,937	[cal BC 1211: cal BC 892] 0,969 [cal BC 878: cal BC 847] 0,031
СОАН-7477	Сооружение №8	2780±50	[cal BC 997: cal BC 894] 0,859 [cal BC 871: cal BC 851] 0,141	[cal BC 1047: cal BC 821] 1,0

Специфичны позы погребенных в могилах №1, 4 и 8.

* CALIB RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM (To be used in conjunction with: Stuiver M., and Reimer P.J., 1993, Radiocarbon, 35, 215-230). Copyright 1986-2017 M Stuiver and PJ Reimer.

Подросток, погребенный в могиле №1, был положен на правый бок с подогнутыми ногами и поворотом туловища на живот. Левая рука при этом была подогнута локтем наружу и кистью под грудь, а правая была согнута в локте и направлена кистью вперед. Женщина в могиле №4 лежала на левом боку, с левой рукой, вытянутой вдоль туловища, и правой рукой, согнутой локтем от тела и кистью под грудь.

Такие же действия с телом умершего фиксируются на огромной территории от Сибири до Украины в материалах могильников, относящихся к финалу эпохи бронзы и переходу к раннему железному веку. Тела помещали на правом или левом боку, с подогнутыми ногами, туловище могло быть повернуто на живот [Варфоломеев, 2007, рис. 3.-1; рис. 4.-4; Ермолаева, 2012, фото 40, рис. 40.-3; Костюков, Епимахов, 2005, рис. 2; Молодин, 1985, рис. 66.-16; Ткачев, 2002, рис. 189.-4; Черников, 1960, рис. 9; Шамшин и др., 1996, рис. 3.-1, 4], руки при этом располагались особым образом, причем левая иначе, чем правая. Наблюдаются различные варианты положения рук:

1) обе руки вытянуты вперед и вниз – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, ограда 2, мог. 1 [Ермолаева, 2012, фото 25.-2];

2) обе руки согнуты под прямым углом, кистями вперед – Южное Зауралье, курган Белоключевка-7, мог. 1 [Костюков, Епимахов, 2005, рис. 2];

3) одна рука согнута кистью к лицу, другая подогнута локтем наружу и кистью под грудь – Восточный Казахстан, могильник у пос. Мало-Красноярка, мог. 1 [Черников, 1960, рис. 9];

4) правая рука согнута кистью к животу; левая неясно – Барабинская лесостепь, могильник Преображенка-3, курган №102, погр. 5 [Молодин, 1985, рис. 66.-16];

5) одна рука вытянута вдоль туловища, другая подогнута локтем наружу и кистью под живот – Центральный Казахстан, могильник Темиркаш, сооружение 9 [Варфоломеев, 2007, рис. 4.-4];

6) одна рука вытянута вдоль туловища, другая согнута под прямым углом и положена на живот – Южное Зауралье, могильник «У поворота...», курган №1, мог. 2 [Костюков и др., 1996, рис. 4.-1];

7) одна рука вытянута вдоль туловища, другая согнута кистью к лицу – Алтай, Бобровский могильник, мог. 22, 34, 37 [Шамшин и др., 1996, с. 71, рис. 3.-1, 4], Восточный Казахстан, могильник Ковалевка, ограда 19, погр. 2 [Ермолаева, 2012, фото 40], могильник Темирканка, ограда 49, погр. 2 [Ермолаева, 2012, фото 29.-2];

8) правая рука – неясно, левая рука вытянута вдоль тела – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, курган-ограда №85, погр. 1 [Ермолаева, 2012, фото 39];

9) одна рука вытянута вперед, другая согнута кистью к лицу или просто вверх – Центральный Казахстан, могильник Тегисжол, сооружение 2, погр. 2 [Варфоломеев, 2007, рис. 3.-1], могильник Актопрак, ограда 3 [Ткачев, 2002, рис. 189.-4], Алтай, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 12 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 4.-1];

10) одна рука согнута кистью к подбородку или к лицу, другая согнута под прямым углом кистью вперед – Восточный Казахстан, могильник Темирканка, ограда 41, курган-ограда №80, погр. 5, курган-ограда №85, погр. 2 [Ермолаева, 2012, рис. 37.-2, 6; фото 37, 40], Алтай, могильник Малый Гоньбинский Кордон-1, мог. 9 [Кунгуров, Папин, 2001, рис. 1.-6], Центральная Бараба, могильник Старый Сад, курган №67, погр. 2 [Молодин и др., рис. 65.-5];

11) одна рука лежит кистью на плече, другая согнута в локте под прямым углом и лежит перед грудью – Центральный Казахстан, могильник Красные Горы, ограда 1 [Ткачев, 2002, рис. 193.-3];

12) одна рука лежит кистью на плече, другая – кистью на бедре – Северный Казахстан, могильник Ак-Куль, курган №3 [Оразбаев, 1958, с. 272].

Как видно, сочетание разновидностей положения туловища и каждой руки дало многообразие позиций погребенных, но все они по классификации Д.Я. Телегина [1976, с. 6] могут быть отнесены к позиции IIIa – поза «скачущего всадника», в отличие от позиции IIIб или позы «адорации», когда руки укладывались кистями к лицу. Поза «адорации» была наиболее характерна для предшествующего периода, а в конце эпохи бронзы устойчиво сохраняется в ирменском погребальном обряде [Молодин, 1985, рис. 66]. Примечательно, что детские погребения саргаринско-алексеевской культуры совершались в позе «адорации», тогда как в погребениях подростков и взрослых преобладает поза «скачущего всадника».

Погребение в могиле №8 могильника Каратугай было совершено на спине с подогнутыми и положенными на правый бок ногами; левая рука, судя по расположению плечевой кости и пальцевых фаланг, была согнута под прямым углом и положена на живот. Подобную позу (на спине с подогнутыми ногами и различным расположением рук) можно, очевидно, считать вариантом позы «скачущего всадника». При этом она встречается значительно реже, чем положение на боку. Так захоронен небольшой процент (2,56%) ирменцев Кузнецкой котловины [Ковалевский, 2006, с. 44–45], встречаются единичные погребения финала эпохи бронзы и перехода к РЖВ в Центральной Барабе (могильник Старый Сад, курган №96, погр. 1 [Молодин и др., 2017, рис. 98.-3]) и в Казахстане (Северный Казахстан – могильник Бестамак, мог. 18, мог. 132 [Логвин, Шевнина, 2012, рис. 1.-1, 3; рис. 5]; Западный Казахстан / Южное Приуралье – могильник у села Ак-Жар, курган №7 [Смирнов, 1964, с. 32] и курган №4 в урочище Урал-сай, в котором одна из ног костяка была прижата пяткой к бедру, как и в могиле №8 могильника Каратугай [Смирнов, 1964, с. 32, рис. 3.-7]; Семиречье – могильник Арасан, погр. 1 [Карабаспакова, 2011, табл. 10]).

Заключение

По моему мнению, высказанному ранее [Ломан, 2013, с. 247, 257], погребальные памятники саргаринско-алексеевской культуры можно разделить на бегазинский и саргаринский типы. Распространение бегазинского типа ограничено территорией Центрального и Восточного Казахстана, а саргаринский занимал остальную часть Казахстана и Алтай. Для первого характерны плиточные ящики, наземные или углубленные, отдельные или в прямоугольных оградах из плоских камней, положенных плашмя, а также погребения элиты в каменных мавзолеях различной конструкции.

Сооружения могильника Каратугай относятся к саргаринскому типу, обряд которого, как мы видим, находит многочисленные аналогии в погребальных памятниках финала эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку на всей территории степной Евразии. Общими чертами являются погребения в мелких (глубина до 1 м) и тесных грунтовых могилах, ориентировка погребенных головой в южный сектор, положение преимущественно на правый бок, сильная скорченность костяков, помещение сосудов в изголовье, следы ритуалов, связанных с огнем.

Нет сомнения, что столь значительное сходство, которое действительно можно назвать эпохальным [Епимахов, 2010, с. 47], могло базироваться лишь на обширных связях между носителями разных археологических культур.

По крайней мере, существование тесного взаимодействия между саргаринско-алексеевской и ирменской культурами признают многие исследователи [Ковалевский, 2010, с. 141–143; Матвеев, 1993, с. 108–109; Могильников, 1988, с. 153; Ситников, 2015, с. 81–83; Федорук, Ковалевский, 2006, Шамшин, 2005, с. 98], об этом говорят и материалы могильника Каратугай.

Ирменское влияние в конце эпохи бронзы отмечается на территории не только Казахстана, но и Южного Зауралья, где был выделен особый, белоключевский, тип памятников [Костюков, Епимахов, 2005, с. 74]. Однако с учетом расширившейся за последние годы базы данных по саргаринско-алексеевской культуре, в частности по глиняной посуде и особенностям погребального обряда, эти памятники все же, видимо, следует включать в круг саргаринско-алексеевских. Черты ирменской обрядности могли в данном случае транслироваться с востока на запад не только мигрирующим ирменским населением [Костюков, Епимахов, 2005, с. 74], но и «саргаринцами», обитавшими на Алтае [Ситников, 2015], где они находились в непосредственном контакте с «ирменцами».

Благодарности

Автор выражает особую признательность в.н.с. САИ, к.и.н. И.А. Кукушкину, без которого раскопки памятника не могли бы состояться.

Библиографический список

- Агульников С.М. Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М. : МГОУ, 2010. С. 183–192.
- Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата : Наука КазССР, 1974. С. 46–60.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 4–34.
- Бокий Н.М., Горбул Г.П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // Советская археология. 1985. №4. С. 224–228.
- Варфоломеев В.В. Погребения культуры валиковой керамики в урочище Темиркаш // Кадырбаевские чтения : материалы международной научной конференции. Актюбе : ПринтА, 2007. С. 50–57.
- Гарустович Г.Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 123–128.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // Советская археология. 1980. №3. С. 173–182.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.
- Дворниченко В.В. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 59–64.
- Дворниченко В.В. Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука-XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 60–64.
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. 2010. №2. С. 39–50.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая. Алматы : Институт археологии им А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2012. 238 с.
- Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы : Бегазы–Тасмола, 2011. 220 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в ранне-скифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Ковалевский С.А. Бронзовые бляхи из ирменских погребальных комплексов Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 96–101.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2006. 111 с.

Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении ирменского предметного комплекса (по материалам погребально-поминальных памятников юга Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Вып. 4/1. С. 139–145.

Ковалевский С.А. Традиция трупобожения в ирменской погребально-поминальной обрядности // Вестник Томского государственного университета. 2016. №409. С. 68–71.

Кореняко В.А. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 64–70.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная принадлежность памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе : АктюбГУ, 2005. С. 70–77.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск : Рифей, 1996. С. 151–163.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 79–85.

Левченко Б.М., Левченко Н.Б., Гречко Д.С. Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984–1985 гг.) // Археологія і давня історія України. Київ : Інститут археології НАН України, 2015. В. 2. С. 202–218.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения финальной бронзы некрополя Бестамак // Археология и история Сарыарки. Караганда : Изд-во КарГУ, 2012. С. 146–158.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы : Бегазы–Тасмола, 2013. С. 247–259.

Лукашов А.В. Новый памятник VIII–VII вв. до н.э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1984. С. 157–161.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1979. 360 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во ИИФФИФ, 1988. С. 151–154.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 180 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V. С. 216–294.

Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев : Наукова думка, 1975. С. 193–206.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 117–133.

Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–77.

Ромашко В.А. Памятники финальной бронзы – раннего железного века в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск : ДГУ, 1981. С. 85–87.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964. 381 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Телегин Д.Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. Киев : Наукова думка, 1976. С. 5–21.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Ғылым, 1994. Вып. 2. С. 46–60.

Федорук А.С., Ковалевский С.А. Проблема взаимодействия населения юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Вестник КузБГТУ. 2006. №4. С. 156–158.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ғылым, 1994. 170 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Свод археологических источников. 1980. Вып. В1-24. 128 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М. : Пущинский научный центр, 1994. 170 с.

Шамшин А.Б. Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казенная Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 91–98.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Шарафутдинова Э.С., Дубовская О.Р. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1987. С. 27–38.

References

Agulnikov S.M. Nekotorye osobennosti pogrebalnogo obrjada belozerskoj kultury Severo-Zapadno-go Prichernomorja [Some Features of the Burial Rite of the Belozersk Culture of the North-Western Black Sea Region]. Indoevropskaja istorija v svete novyh issledovanij [Indo-European History in the Light of New Research]. М. : MGOU, 2010. Pp. 183–192.

Arslanova F.H. Pogrebalnyj kompleks VIII–VII vekov do n.e. iz Vostochnogo Kazahstana [The Funerary Complex of the 8th – 7th Centuries BC from East Kazakhstan]. V glub vekov [Back to the Ages]. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1974. Pp. 46–60.

Bobrov V.V., Mylnikova L.N., Mylnikov V.P. K voprosu ob irmenskoj kulture Kuzneckoj kotloviny [On the Issue of the Irmen Culture of the Kuznetsk Basin]. Aridnaja zona juga Zapadnoj Sibiri v epohu bronzy [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 4–34.

Bokij N.M., Gorbul G.P. Mogila kimmerijskogo vsadnika u sela Chechelievka Kirovogradskoj oblasti [The Grave of a Cimmerian Rider near the Village of Checheliyevka, Kirovograd Region]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1985. №4. Pp. 224–228.

Varfolomeev V.V. Pogrebenija kultury valikovoju keramiki v urochishhe Temirkash [Burials of the Culture of Roller Ceramics in the Temirkash Boundary]. Kadyrbaevskie chtenija : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Kadyrbaev Reading. Materials of the International Scientific Conference]. Aktobe : PrintA, 2007. Pp. 50–57.

Garustovich G.N. Pogrebenija perehodnogo perioda ot jepohi bronzy k rannemu zheleznomu veku v Bashkirskom Zaurale [Burials of the Transition Period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. Ufimskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Herald]. Ufa, 2000. Vyp. 2. Pp. 123–128.

Gorbunov V.S., Obydenov M.F. Kurgannyj mogilnik epohi pozdnej bronzy v Juzhnoj Bashkirii [Mound Burial Ground of the Late Bronze Age in Southern Bashkiria]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet archaeology]. 1980. №3. Pp. 173–182.

Grushin S.P., Papin D.V., Pozdnjakova O.A., Tjurina E.A., Fedoruk A.S., Havrin S.V. Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij eneolita i bronzovogo veka [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Chalcolithic and Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 160 p.

Dvornichenko V.V. Pogrebenija predskifskogo vremeni na Nizhnej Volge [Burials of the Pre-Scythian Time on the Lower Volga]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 1982. Issue 170. Pp. 59–64.

Dvornichenko V.V. Pogrebenija s bronzovymi odnolezvijnymi nozhami v mogilnike Krivaja Luka-XXXIV [Burials with Bronze Single-Blade Knives in the Krivaya Luka Cemetery-XXXIV]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 60–64.

Epimahov A.V. «Temnye veka» epohi bronzy Juzhnogo Zauralja [“Dark Ages” of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals]. *Rossijskaja arheologija* [Russian Archaeology]. 2010. №2. Pp. 39–50.

Ermolaeva A.S. Pamjatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaja [Monuments of the Foothill Zone of the Kazakh Altai]. *Almaty : Institut arheologii im A.H. Margulana KN MON RK*, 2012. 238 p.

Karabaspakova K.M. Zhetysu i Juzhnyj Kazahstan v epohu bronzy [Zhetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age]. *Almaty : Begazy–Tasmola*, 2011. 220 p.

Kirjushin Ju.F., Tishkin A.A. Skifskaja epoha Gornogo Altaja. Ch. 1. Kultura naselenija v ranneskifskoe vremja [Scythian Era of Altai. Chapter 1. The Culture of the Population in the Early Scythian Time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p.

Kovalevskij S.A. Bronzovye bljahi iz irmenskih pogrebalnyh kompleksov Kuzneckoj kotloviny [Bronze Plaques from the Irmen Burial Complexes of the Kuznetsk Basin]. *Sohranenie i izuchenie kulturnogo nasledija Altaja. Vyp. XVI* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Issue XVI]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 96–101.

Kovalevskij S.A. Pogrebalno-pominalnye pamjatniki irmenskoj kultury na territorii Kuzneckoj kotloviny [Funeral and Memorial Sites of the Irmen Culture in the Territory of the Kuznetsk Basin]. *Kemerovo : Izd-vo KRIPKiPRO*, 2006. 111 p.

Kovalevskij S.A. K voprosu o proishozhdenii irmenskogo predmetnogo kompleksa (po materialam pogrebalno-pominalnyh pamjatnikov juga Zapadnoj Sibiri) [To the Question of the Origin of the Irmen Thing Complex (based on materials of the burial and memorial sites of the south of Western Siberia)]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2010. Issue №4-1. Pp. 139–145.

Kovalevskij S.A. Tradicija trupoozhzhenija v irmenskoj pogrebalno-pominalnoj obrjadnosti [The Tradition of the Corpse-Burning in the Irmen Funeral and Memorial Ritualism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. №409. Pp. 68–71.

Korenjako V.A. Pogrebenija predskifskogo vremeni na Vostochnom Manyche [Burials of the Pre-Scythian Time in East Manych]. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. 1982. Issue 170. Pp. 64–70.

Kostjukov V.P., Epimahov A.V. Hronologija i kulturnaja prinadlezhnost pamjatnikov finalnoj bronzy Juzhnogo Zauralja [Chronology and Cultural Identity of the Sites of the Final Bronze of the Southern Trans-Ural]. *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana* [Issues of Archaeology of Western Kazakhstan]. Issue 2. *Aktobe : AktjubGU*, 2005. Pp. 70–77.

Kostjukov V.P., Epimahov A.V., Nelin D.V. K voprosu o pamjatnikah Juzhnogo Zauralja jepohi finalnoj bronzy [On the Issue of the Sites of the Southern Trans-Ural of the Final Bronze Age]. *Novoe v arheologii Juzhnogo Urala* [New in Archaeology of the Southern Urals]. Cheljabinsk : Rifej, 1996. Pp. 151–163.

Kungurov A.L., Papin D.V. Materialy finalnoj bronzy arheologičeskogo kompleksa Malyj Gonbinskij Kordon-1 [Materials of the Final Bronze of the Archaeological Complex Malyj Gonbinsky Cordon-1]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography.] 2001. Issue 3. Pp. 79–85.

Levchenko B.M., Levchenko N.B., Grechko D.S. Kurgany ranneskifskogo vremeni u s. Medvin v Poroze (po materialam raskopok 1984–1985 gg.) [The Mounds of the Early Scythian Time at the Medwin Vil-

lage in Poros (based on excavations 1984–1985)]. *Arheologija i davnja istorija Ukraini* [Archaeology and Long History of Ukraine]. Kiiiv, 2015. Issue 2. Pp. 202–218.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Pogrebenija finalnoj bronzy nekropolja Bestamak [Burials of the Final Bronze of the Bestamak Necropolis]. *Arheologija i istorija Saryarki* [Archeology and History of Saryarka]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2012. Pp. 146–158.

Loman V.G. O kulturnyh tipah pamjatnikov finala epohi bronzy Kazahstana [On the Cultural Types of the Sites of the Finals of the Bronze Age of Kazakhstan]. *Begazy-dandybaevskaja kultura Stepnoj Evrazii* [Begazy-Dandybay Culture of the Steppe Eurasia]. Almaty : Begazy–Tasmola, 2013. Pp. 247–259.

Lukashov A.V. Novyj pamjatnik VIII–VII vv. do n.je. v Zavolzhe [New Site of the 8th – 7th Centuries BC in the Trans-Volga Region]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja* [The Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1984. Pp. 157–161.

Margulan A.H. Begazy-dandybaevskaja kultura Centralnogo Kazahstana [Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1979. 360 p.

Martynov A.I. Lesostepnaja tagarskaja kultura [Forest-steppe Tagar Culture]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 208 p.

Matveev A.V. Irmenskaja kultura v lesostepnom Priobye [Irmens Culture in the Forest-Steppe Priobye]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1993. 181 p.

Mogilnikov V.A. Epoha pozdnej bronzy Verhnego Priobja i problema proishozhdenija bolsherechenskoi kultury [The Late Bronze Age of the Upper Ob and the Problem of the Origin of the Bolsherechenskaya Culture]. *Hronologija i kulturnaja prinadlezhnost pamjatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri* [Chronology and Cultural Identity of the Sites of the Stone and Bronze Ages of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo IIFIF, 1988. Pp. 151–154.

Molodin V.I. Baraba v epohu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyj variant pahomovskoi kultury v Centralnoj Barabe [Eastern Version of Pakhomov Culture in Central Baraba]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. 180 p.

Orazbaev A.M. Severnyj Kazahstan v epohu bronzy [Northern Kazakhstan in the Bronze Age]. *Trudy IIAE AN KazSSR* [Works of IHAE of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1958. T. V. Pp. 216–294.

Otroshhenko V.V. Novyj kurgannyj mogilnik belozerskogo vremeni [New Mound Burial Ground of Belozer Time]. *Skifskij mir* [Scythian world]. Kiev : Naukova dumka, 1975. Pp. 193–206.

Pogodin L.I., Polevodov A.V. Kompleks finalnoj bronzy mogilnika Borovjanka-XVII v Srednem Priirtyshhe [The Final Bronze Complex of the Borovyanka-XVII Burial Ground in the Middle Irtysh]. *Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 117–133.

Polevodov A.V. K karakteristike pogrebalnogo obrjada naselenija lesostepnogo Priirtyshja v epohu pozdnej bronzy – kanun rannego zheleznogo veka (po materialam kurgannogo mogilnika Borovjanka-XXVII) [To the Characteristic of the Burial Ritual of the Forest-Steppe Irtysh in the Late Bronze Age – the eve of the Early Iron Age (according to materials from the mound burial ground Borovyanka-XXVII)]. *Etnokulturnye processy v Verhnem Priobye i sopredelnyh regionah v konce epohi bronzy* [Ethnocultural Processes in the Upper Priobye and Adjacent Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Koncept, 2008. Pp. 69–77.

Romashko V.A. Pamjatniki finalnoj bronzy – rannego zheleznogo veka v materialah ekspedicii DGU [Sites of the Final Bronze – Early Iron Age in the Materials of the DSU Expedition]. *Stepnoe Podneprove v bronzovom i rannem zheleznom vekah* [Steppe Dnieper in the Bronze and Early Iron Ages]. Dnepropetrovsk : DGU, 1981. Pp. 85–87.

Sitnikov S.M. Kultura sargarinsko-alekseevskogo naselenija lesostepnogo i stepnogo Altaja [Culture of the Sargary-Alekseev Population of the Forest-steppe and Steppe Altai]. Barnaul : Izd-vo AltGPU, 2015. 254 p.

Smirnov K.F. Savromaty. Rannjaja istorija i kultura sarmatov [Savromaty. Early History and Culture of the Sarmatians]. M. : Nauka, 1964. 381 p.

Surazakov A.S., Tishkin A.A. Arheologicheskij kompleks Kyzыk-Telan-1 v Gornom Altae i rezultaty ego izuchenija [The Archaeological Complex Kyzыk-Telan-1 in the Altai Mountains and the Results of Its Study]. Barnaul : Azbuka, 2007. 232 p.

Telegin D.Ja. Ob osnovnyh pozicijah v položenii pogrebennyh pervobytnoj epohi Evropejskoj chasti SSSR [On the Main Positions of the Buried in the Primitive Era of the European Part of the USSR]. Eneolit i bronzovyj vek Ukrainy. Issledovanija i materialy [Eneolit and Bronze Age of Ukraine. Research and Materials]. Kiev : Naukova dumka, 1976. Pp. 5–21.

Tkachev A.A. Centralnyj Kazahstan v epohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Ch. 2. Tjumen : TjumGNGU, 2002. 243 p.

Usmanova E.R., Varfolomeev V.V. Ujtas-Ajdos – mogilnik epohi bronzy [Uytas Aydos – the Burial Ground of the Bronze Age]. Voprosy arheologii Kazahstana [Issues of Archaeology of Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 1994. Issue. 2. Pp. 46–60.

Fedoruk A.S., Kovalevskij S.A. Problema vzaimodejstvija naselenija juga Zapadnoj Sibiri v jepohu pozdnej bronzy [The Problem of the Interaction of the Population of the South of Western Siberia in the Late Bronze Age]. Vestnik [Herald] KuzBGTU. 2006. №4. Pp. 156–158.

Habdulina M.K. Steпноe Priishime v epohu rannego zheleza [Steppe Ishym in the Early Iron Age]. Almaty : Gylym, 1994. 170 p.

Halikov A.H. Prikazanskaja kultura [The Prikazanskaya Culture]. Svod arheologičeskikh istočnikov [Archaeological sources]. 1980. Issue VI–24. 128 p.

Chernikov S.S. Vostochnyj Kazahstan v epohu bronzy [East Kazakhstan in the Bronze Age]. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. 1960. №88. 272 p.

Chlenova N.L. Pamjatniki konca epohi bronzy v Zapadnoj Sibiri [Sites of the End of the Bronze Age in Western Siberia]. Moskva : Pushchinskij nauchnyj centr, 1994. 170 p.

Shamshin A.B. Kompleks epohi pozdnej bronzy s poselenija Kazennaja Zaimka v Barnaulė [Late Bronze Age Complex from the Kazennaja Zaimka Settlement in Barnaul]. Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2005. Issue 1. Pp. 91–98.

Shamshin A.B., Frolov Ja.V., Mednikova Je.M. Bobrovskij gruntovyj mogilnik [Bobrovsky Burial Ground]. Pogrebalnyj obrjad drevnih plemen Altaja [The Funeral Rite of the Ancient Tribes of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 69–88.

Sharafutdinova E.S., Dubovskaja O.R. O dvuh gruppah pogrebenij predskifskogo vremeni v Severnom Prichernomore [About Two Groups of Burials of Pre-Scythian Time in the Northern Black Sea Region]. Problemy arheologičeskikh kultur stepej Evrazii [Problems of Archaeological Cultures of the Steppes of Eurasia]. Kemerovo : Izd-vo KemGU, 1987. Pp. 27–38.

V.G. Loman

Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

KARATUGAI – THE BURIAL GROUND OF THE FINAL BRONZE AGE

The article describes the materials of the Sargary-Alekseev burial ground Karatugai, located 90 km north of Karaganda (Central Kazakhstan). The accompanying inventory of the investigated funeral structures included ceramic vessels, metal decorations, and some bone tubules for the braid adornment. A ritual platform in the form of a stone ring was located on the northwestern periphery of the site, next to which a small cattle scapula, stone segment-like tools and a discoid stone pendant (?) were found. The author divides the funerary sites of the Sargary-Alekseev culture into the Begazy and Sargary types and relates the Karatugai burial ground to the latter. The materials of the burial ground find numerous analogies in the funerary sites of the Final Bronze Age and of the transition to the Early Iron Age throughout the territory of the steppe Eurasia, which is explained not only by epochal processes, but also by cultural interaction with the Irmen culture of southern Western Siberia. On the bones of the two burials, calibrated C¹⁴ dates were obtained, according to which the time of the site's existence dates back to the 11th–10th centuries BC.

Key words: Kazakhstan, the burial ground, Sargary-Alexeevskaya culture, Irmenskaya culture, the Final Bronze Age.

УДК 902.2«632»(575.1)

К.К. Павленок¹, М. Кот², Г.Д. Павленок¹,
К. Шимчак², М. Хужиназаров³, С.А. Когай⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша;

³Институт археологических исследований АН Республики Узбекистан,
Самарканд, Узбекистан;

⁴Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ПОИСКИ ОБЪЕКТОВ ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ РЕКИ АХАНГАРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье освещается история изучения палеолитических местонахождений в долине р. Ахангаран (Восточный Узбекистан), а также приводятся данные, полученные в результате современного цикла работ. На изучаемой территории выделяется три зоны концентрации археологических объектов, на основе материалов которых возможно составить представление об особенностях развития палеолита в предгорьях и низкогорьях Тянь-Шаня. Хорошо изученными являются местонахождения в предгорьях Чаткальского хребта (Кульбулак, Кызыл-алма, Гыштсай-1 и др.) и в районе слияния рек Дукентсай и Каттасай (Каттасай-1, 2 и др.). В результате недавних разведочных работ в долине Эрташася была обнаружена серия перспективных для дальнейших исследований палеолитических объектов (Эрташсай-1–6). Имеющиеся сведения позволяют предположить, что население эпохи среднего и верхнего палеолита, если принять верхнепалеолитическую атрибуцию материалов верхнего уровня Каттасая-1 и Эрташася-6, достаточно активно осваивало как предгорья, так и низкогорный пояс. В то же время памятники, относимые прежде к нижнему палеолиту и неолиту, фиксируются, за редчайшими исключениями, в предгорьях.

Ключевые слова: палеолит, долина Ахангарана, Западный Тянь-Шань, Узбекистан.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26)-11

Введение

Бассейн реки Ахангаран, одного из наиболее крупных притоков Сырдарьи, является ключевым регионом для понимания культурных процессов на западе Центральной Азии в каменном веке. Именно здесь сосредоточены многие археологические объекты, на основе которых выстроены актуальные культурно-хронологические схемы развития регионального палеолита.

Истоком Ахангарана является р. Акташсай, берущая свое начало на южных склонах Чаткальского хребта, относящегося к системе Западного Тянь-Шаня. В верхнем течении Ахангаран протекает в каньоне, врезанном в Ангренское плато [Абдуллаев, 1985, с. 40]. В среднем течении долина реки вытянута в широтном направлении, в нижнем она разделяется на две ветви и меняет направление на юго-западное, после чего в При-ташкентском оазисе происходит слияние с долиной р. Чирчик.

На обширной территории долины р. Ахангаран расположены многочисленные памятники археологии – древние стоянки и поселения, могильники, курганы, тепе, наскальные изображения [Касымов, 1967, с. 54; Касымов, 1977, с. 50]. Наиболее комфортным для проживания палеолитического населения был участок среднего течения реки (рис. 1).

Там на протяжении нескольких десятков километров прослеживаются плавные переходы от горных возвышенностей с абсолютными высотами около 1500 м над УМО к ровной речной долине (около 900 м над УМО), что обеспечивало разнообразие биоресурсов, а хороший обзор долины реки обеспечивал постоянный контроль местности. Здесь же в большом количестве сосредоточены выходы кремневого сырья.

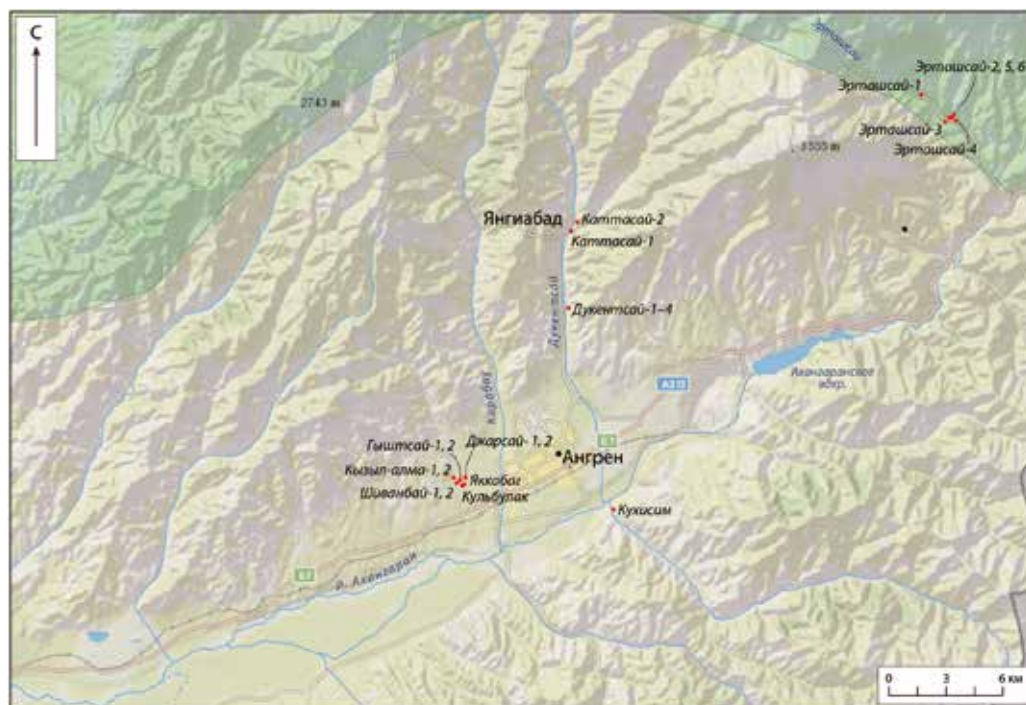

Рис. 1. Карта расположения палеолитических стоянок в долине р. Ахангаран

Первая находка артефакта каменного века в долине р. Ахангаран датируется 1932 г. Авторство находки принадлежит М.Е. Массону: «В 1932 г. на правом берегу Алмалыкская ниже кишлака Джанибек был найден осколок порфириновой гальки, по форме близкий к остроконечникам». Исследователь полагал, что «со временем будут сделаны находки кремневых изделий и даже местного производства, так как в горах имеются месторождения кремневых пород» [Массон, 1953, с. 11].

Это предположение подтвердилось спустя 30 лет, когда в 1962 г. отряд школьников во главе с преподавателем ангрэнской школы №18 О.М. Ростовцевым обнаружили несколько стоянок и мастерских каменного века на пологих юго-восточных склонах Чаткальского хребта, обрамляющего долину р. Ахангаран в ее среднем течении по правому борту. После сообщений об этих находках палеолитический отряд Института истории и археологии АН УзССР обследовал окрестности г. Ангрена. Им была зафиксирована группа объектов палеолита, в основном однотипных стоянок-мастерских с экспонированными находками [Касымов, 1967, с. 54; Касымов, Ростовцев, 1969, с. 21], среди которых исключением является известная далеко за пределами региона многослойная стоянка Кульбулак, культурная последовательность которой включает слои от начала среднего палеолита до верхнего палеолита [Колобова, 2014, с. 40; Кривошапкин, 2012, с. 24; Касымов, 1990, с. 30; Павленок и др., 2013, с. 94; Шнайдер, Хошимов, с. 23]. С началом многолетних работ на Кульбулаке научная проблематика палеолита Ахангарана стала разрабатываться планомерно, и разведки с целью обнаружения новых объектов каменного века велись параллельно с работами на опорном объекте.

На этой территории выделяются три основные зоны концентрации археологических объектов, позволившие составить представление об особенностях развития палеолита в предгорьях и низкогорьях Западного Тянь-Шаня.

Памятники каменного века в предгорьях Чаткальского хребта

Большинство выявленных в 1960-х гг. стоянок-мастерских каменного века располагаются достаточно компактно в зоне предгорий Чаткальского хребта с показателями высот в пределах 1050–1100 м над УМО. Преимущественно они приурочены к выходам палеогеновых и меловых пород в местах, где те прорезаны горными ручьями (саями) – Кызылалмасаем, Гыштсаем, Карабагсаем и др., которые обнажили включенные в отложения кремни [Касымов, 1972, с. 67]. Материалы местонахождений свидетельствуют о длительном пребывании там групп палеолитического населения, начиная минимум с эпохи среднего палеолита и заканчивая, видимо, неолитом.

На мастерских Кызылалмасай-1, 3, 4, расположенных у выходов сырья вдоль берегов Кызылалмасае, выделяются экспонированные комплексы, которые по технике камнеобработки и степени сохранности артефактов были определены как преимущественно неолитические, но в них также присутствовали характерные для региона верхнепалеолитические изделия [Касымов, 1967; с. 54–55]. На стоянке Кызылалмасай-2 был выделен еще и мустьерский комплекс [Касымов, Ростовцев, 1969, с. 24].

В индустрии мастерских Гыштсай-1, 2, располагающихся в схожих условиях на обоих берегах Гыштсае, также выделяются два разновременных экспонированных комплекса – верхнепалеолитический и неолитический. Исследователи указывают, что среди находок Гыштсай-1 встречались и предметы среднепалеолитического облика (дисковидные ядрища и фрагменты массивных пластин) [Касымов, Ростовцев, 1969, с. 25].

Местонахождения Шиванбай-1 и 2, расположенные неподалеку от слияния Шиванбайсае и Гыштсае, также приурочены к выходам кремня и кремнистого известняка [Касымов, 1979, с. 8–9]. Отличительной особенностью их индустрий является преобладание в инструментарии изделий с зубчатой ретушью, по причине чего они были отнесены к кульбулакской культуре (в данном случае следует придерживаться толкования этого понятия, которое было дано М.Р. Касымовым [1990, с. 35]). Вместе с тем большой процент изделий, не подвергнутых вторичной обработке, позволил предположить, что памятник в первую очередь является местом добычи сырья.

Еще одно местонахождение – Яккабаг, находится в урочище примерно в 300 м к северо-востоку от многослойной палеолитической стоянки Кульбулак [Касымов, 1979, с. 9]. Здесь было найдено всего несколько каменных изделий среднепалеолитического облика.

Особняком от перечисленных выше объектов стоит среднепалеолитическая стоянка Кухисим, располагавшаяся в устье правого берега Нишбосае около г. Ангрена [Ташкенбаев, 1972, с. 11], а сейчас перекрытая многометровой толщей отвалов Ангреновского угольного разреза. Она была выявлена в 1966 г. в ходе раскопок средневекового памятника Кухисимтепа, когда на поверхности было собрано несколько десятков верхнепалеолитических изделий из местного кремня и окремненных пород. В следующем году исследования уже носили целенаправленный характер, и под вскрытым средневековым слоем на древней террасе было обнаружена серия каменных изделий [Ташкенбаев, 1972, с. 12]. После типологического анализа стратифицированной коллекции (около 200 экз.) атрибуция памятника была изменена на среднепалеолитическую. Ис-

следователями был зафиксирован переход от мустьерских дисковидных стратегий расщепления к использованию леваллуазских одно-двухплощадочных нуклеусов, с которых снимались заготовки в виде удлиненных правильных пластин [Ташкенбаев, 1972, с. 14]. Примечательно, что изделий с ретушью в коллекции не было.

Можно кратко резюмировать, что благодаря изысканиям 1960-х гг. в предгорьях Чаткальского хребта были открыты палеолитические памятники, в большинстве случаев давшие однотипные комплексы каменных индустрий и позволившие составить первые представления о культурном развитии территории бассейна р. Ахангаран в каменном веке [Касымов, 1990, с. 28; Касымов, 1972, с. 120]. Эти изыскания обозначили круг узловых проблем в палеолитической проблематике Тянь-Шаня, во многом актуальных и сегодня.

Следующим значимым событием в палеолитоведении региона стал совместный проект ИА АН РУз и ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) 1994–1995 гг. Целью работ Н.К. Анисюткина и его коллег было уточнение стратиграфической ситуации на стоянке Кульбулак и привязка к ее культурно-стратиграфической последовательности материалов соседних местонахождений, ряд из которых был выявлен впервые (Кызылалма, Джарсай-1, 2) [Анисюткин и др., 1995, с. 3]. Наиболее значимые результаты были получены при повторном изучении выявленного М.Р. Касымовым местонахождения Кызылалмасай-2, которое расположено в 1 км северо-западнее стоянки Кульбулак у подножия известняковой скальной гряды на высоте 1200 м над УМО [Касымов, Ростовцев, 1969, с. 24]. На этой стоянке строительными траншеями была вскрыта вся толща четвертичных отложений. Общая стратиграфия представлена трехметровой лессовой толщей с щебнистыми включениями, лежащей на многометровой пачке красноцветных отложений. Каменные изделия встречены по всей лессовой толще, а также в маломощной щебнистой прослойке в кровле красноцветов. За выявленным стратифицированным памятником было закреплено отдельное наименование «Кызыл-алма», а прежнее название «Кызылалмасай-2» сохранилось только для обозначения подъемных материалов с местонахождения [Анисюткин и др., 1995, с. 16]. Индустрия верхней пачки лесса по совокупности технико-типологических показателей была соотнесена с индустрией из верхнепалеолитических слоев стоянки Кульбулак. В коллекциях из основания лессовых отложений была заметно представлена техника леваллуа, что позволило отнести ее к среднему палеолиту без более точной хронологической привязки. Наиболее значимым представляется ранний комплекс, происходящий из кровли красноцветов. Он был охарактеризован как нелеваллуазский, нефасетированный и непластинчатый, с очень архаичной техникой раскалывания камня, нацеленной на получение массивных укороченных отщепов с минимально подготовленных нуклеусов. Сочетание данных технических признаков дало исследователям основание сопоставлять технику камнеобработки с клектонской, отметив вместе с тем, что типичные для клектонской индустрии крупные отщепы очень редки. По мнению Н.К. Анисюткина и соавторов, материальный комплекс местонахождения Кызыл-алма обладает значительным сходством с индустриями нижних (ашельских по определению М.Р. Касымова) уровней стоянки Кульбулак и коллекцией пещеры Сельунгур в Ферганской долине. Авторы сохраняют значительную осторожность, рассуждая о возрасте этой индустрии, указав лишь, что подобные индустрии в Евразии имеют возраст древнее 250 тыс. л.н. [Анисюткин и др., 1995, с. 26].

Одновременно с Кызыл-алмой исследовались два пункта местонахождения экспонированных находок – Джарсай-1, 2 с находками среднего и раннего (?) палеолита. Коллекция среднепалеолитического местонахождения Джарсай-1, расположенного на среднеплейстоценовой террасе всего в 0,5 км от стоянки Кульбулак, интересна тем, что содержит, помимо прочего, бесспорные леваллуазские формы сколов (отщепы, пластины и острия), совершенно нетипичные для этой местности [Анисюткин и др., 1995, с. 27]. Второй пункт – Джарсай-2, расположен на достаточно крутом склоне непосредственно у гряды известняков, на том же уровне, что и местонахождение Кызыл-алма. Найденные каменные изделия немногочисленны и чаще всего представлены отходами производства. Орудия очень редки: найдено два грубых бифаса, и два орудия, напоминающие атипичные кливеры. Архаичная «раннепалеолитическая» морфология этих изделий может быть обусловлена низким качеством кремня, на котором они изготовлены. Присутствие в коллекции тонких отщепов и нуклеусов с подготовленными ударными площадками не дало авторам открытия достаточных оснований для однозначной нижнепалеолитической атрибуции ансамбля [Анисюткин и др., 1995, с. 28].

В 1998 г. с возобновления изучения грота Оби-Рахмат стартовала продолжающаяся до сих пор международная программа по изучению каменного века Узбекистана, инициированная ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и ИА АН РУз (г. Самарканд). В бассейне Ахангарана основным объектом исследования ожидаемо стал Кульбулак (исследования возобновлены в 2007 г.) [Колобова и др., 2013, с. 3; Vandenberghe et al., 2014, p. 182]. Как и в советский период, он стал отправной точкой многих разведочных маршрутов, которые принесли результат в первый же год возобновления работ в регионе. В 1200 м на север–северо-запад от стоянки Кульбулак в выработке современного глиняного карьера была обнаружена стратифицированная стоянка-мастерская на выходах сырья Кызыл-Алма-2, приуроченная к уже упоминавшемуся разлому органогенных известняков [Деревянко и др., 2007, с. 80]. В 2008 г. на памятнике были проведены раскопки [Колобова и др., 2010, с. 112]. В пачке отложений, сформированной делювиальными процессами, было выделено четыре стратиграфических подразделения. Поскольку в результате склоновых процессов незначительному смещению подверглись культурные отложения, аккумулировавшиеся в течение ограниченного промежутка времени, было принято решение рассматривать все имеющиеся в коллекции каменные изделия как единый комплекс, который был отнесен к раннему этапу кульбулакской верхнепалеолитической культуры. В пользу этой атрибуции свидетельствуют доминирующие стратегии расщепления, нацеленные на получение мелкопластинчатых заготовок (в т.ч. утилизация кареноидных нуклеусов), а также преобладание в немногочисленном инструментарии скребков и долотовидных изделий [Колобова и др., 2010, с. 121].

В ходе археологической разведки 2013 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН была осмотрена территория памятника Гыштсай-1, в том числе свежая геологическая выработка, прорезавшая верхнюю часть холма, в которой было зафиксировано присутствие палеолитических артефактов в погребенном состоянии. Рекогносцировочная зачистка 2015 г. позволила сделать заключение, что в нижней и средней частях разреза Гыштсай-1 (слои 3–4) отражены процессы физико-химического выветривания палеогеновых известняков с последующим сносом продуктов разрушения делювиальными процессами [Павленок и др., 2015, с. 143]. Кровлю разреза (слой 2) сформировала коричневатая супесь эолового генезиса, также переработанная впоследствии склоновы-

ми процессами. Посредством TL-датирования для слоя 2 было получено возрастное определение $20\ 600 \pm 3000$ л.н. (UG7064) [Павленок и др., 2016, с. 118]. Отсутствие денудационных перерывов указывает на относительную непродолжительность периода накопления культурных отложений стоянки. Полученное возрастное определение, технологический контекст индустрии (торцовое и объемное расщепление, нацеленное на получение мелкопластинчатых сколов), географическая близость к стоянке Кульбулак дали возможность предварительно отнести данный комплекс к позднему этапу кульбулакской верхнепалеолитической культуры [Павленок и др., 2016, с. 121].

Памятники каменного века на слиянии Каттасая и Дукентсая

В 90-х гг. прошлого века археологом К.И. Милютиним самостоятельно, вне крупных научных проектов, были обследованы окрестности г. Янгиабада Ташкентской области, находящегося у места впадения Каттасая в Дукентсай (правый приток р. Ахангаран) примерно в 20 км от г. Ангрена. Следует отметить, что хорошая обеспеченность этой местности каменным сырьем и водой, достаточные площади террас и широких водоразделов, наличие богатых охотничьих угодий создавали благоприятные условия для проживания здесь древнейших человеческих коллективов.

В ходе обследования были обнаружены как отдельные находки, так и полноценные местонахождения эпохи палеолита [Милютин, 2012, с. 143]. Наиболее информативные и насыщенные (несколько десятков находок) каменными артефактами местонахождения располагаются в приустьевой зоне Каттасая, на его левом берегу (местонахождения Каттасай-1–3). Неподалеку от них было обнаружено местонахождение Каттачон, находящееся на плоском водоразделе между саями Родничок и Урюксай. Помимо местонахождений с большим количеством артефактов автором были обнаружены единичные находки в устье сая Джакиндек, у подножия хребта Чилтен, на хребте Каратоо. По берегам Дукентсая ниже г. Янгиабада по направлению к г. Ангрена исследователем также были обнаружены скопления каменных изделий (местонахождения Дукентсай-1–4), располагающиеся на первой надпойменной террасе в устьях мелких притоков [Милютин, 2012, с. 145].

Сырьем для каменных индустрий стоянок на слиянии Каттасая и Дукентсая в основном служили валуны и гальки эффузивных пород. Основываясь на технико-типологических характеристиках подъемного материала (в котором хорошо представлена параллельная техника расщепления и такой тип орудий, как концевые скребки), а также анализе условий залегания культурных горизонтов (на небольшой глубине в отложениях невысоких террас), К.И. Милютин [2012, с. 146] высказал предположение об отнесении большей части материала к эпохе верхнего палеолита.

В 2013–2018 гг., параллельно с продолжением работ на стоянке Кульбулак и обследованием ее окрестностей, силами российско-польско-узбекской экспедиции велись раскопки стоянок Каттасай-1, 2 (абсолютная высота 1400 м над УМО) [Kot at al., 2014; Krajcarz at al., 2016, p. 137]. В ходе работ было установлено, что культурные отложения обеих стоянок сформировались в результате делювиальных процессов. В отложениях Каттасай-1 была зафиксирована единая смещенная по склону, но не переотложенная и гомогенная в археологическом отношении каменная индустрия. Радиоуглеродные даты $35\ 300 \pm 700$ л.н. и $35\ 400 \pm 800$ л.н. из слоя 4с, а также U/Th дата $38\ 305 \pm 1.016 / - 1.009$ л.н., полученная в результате совместного датирования нескольких образцов моллюсков из слоев 4b и 4с [Krajcarz at al., 2016, p. 142], указывают, что данная тер-

ритория была заселена носителями среднепалеолитических традиций камнеобработки во второй половине МИСЗ. В индустрии стоянки отражены все стадии каменного производства (от выбора сырья до изготовления орудий) с акцентом на первичном расщеплении, что свойственно стоянкам-мастерским. В основе камнеобработки лежит технология необъемного раскалывания, нацеленная на изготовление уплощенных отщепов, острий и пластин. Ее главной особенностью является изначальное предопределение морфологии целевого снятия путем создания определенного рельефа и формы фронта нуклеуса, а также «рисунка» межфасеточных ребер на нем. Можно констатировать, что применявшаяся технологическая последовательность демонстрирует значительные сходства с леваллуазской технологией [Kot at al., 2014].

На стоянке Каттасай-2 были выделены два археологических горизонта [Павленок и др., 2017, с. 186–189]. Верхний горизонт приурочен к зоне биотурбации в верхней части разреза. Он содержит небольшое количество артефактов, часть из которых является продуктами технологии объемного расщепления. Признаки использования техники леваллуа отсутствуют. Нижний горизонт залегает в делювиальной пачке отложений. Он отделен от верхнего стерильной толщей типичного лесса, для которого получена TL дата $26\ 300 \pm 3400$ л.н. Коллекция этого горизонта свидетельствует об использовании той же схемы расщепления, что зафиксирована на Каттасай-1.

Присутствие в технологическом репертуаре обитателей обеих стоянок схемы леваллуазского расщепления указывает на то, что они могут принадлежать особому варианту развития среднего палеолита запада Центральной Азии, который ранее был представлен в изучаемом районе только в материалах экспонированного комплекса Джарсай-1 [Анисюткин и др., 1995, с. 27]. Особо важно, что время заселения Каттасай-1 и, скорее всего, Каттасай-2 (нижний горизонт) характеризуется распространением в регионе комплексов раннего этапа кульбулакской верхнепалеолитической культуры [Колобова, 2014, с. 35; Колобова и др., 2013, с. 23]. Следовательно, зафиксировано синхронное существование на одной ограниченной территории носителей среднепалеолитических и верхнепалеолитических традиций.

Памятники каменного века в долине Эрташася

Новый цикл разведочных работ в бассейне р. Ахангаран был начат в ходе полевого сезона 2018 г. Изучение карт позволило заключить, что часть ранее не обследованных долин правобережных притоков реки Ахангаран имеет перспективы в области обнаружения палеолитических местонахождений, так как по своей ландшафтной ситуации они демонстрируют отчетливое сходство с территорией слияния Дукентсая и Каттасая. Пешими маршрутами были обследованы долины притоков Эрташсай и Четсу. Оба участка обследования дали подъемный материал, однако наиболее перспективным для дальнейших изысканий была признана долина р. Эрташсай (рис. 1).

Средняя часть долины, в отличие от устьевого отрезка и истока, имеет значительный чехол рыхлых отложений, изрезанный распадками временных водотоков. Исследованный участок отличается значительной обводненностью даже с учетом проведения разведывательных работ в наиболее засушливое время года (первая половина августа). Вероятность нахождения палеолитических местонахождений значительно повышал тот факт, что в русле Эрташася были обнаружены в значительном количестве эффузивные породы, схожие с теми, которые использовались древнейшим населением на слиянии Каттасая и Дукентсая, а также близкие высотные отметки обеих долин.

В результате обследования долины были выявлены шесть пунктов сбора подъемных материалов, названных соответственно Эрташсай-1–6.

Местонахождение Эрташсай-1 зафиксировано по экспонированной находке единственного крупного первичного скола в обнажении, образованном проселочной дорогой, прорезающей склон на левом борту долины р. Эрташ.

Местонахождение Эрташсай-2 выявлено по массовым экспонированным находкам (24 экз.) на проселочной дороге, прорезающей склон на левом борту долины реки Эрташ в среднем течении. Коллекция содержит три экземпляра типологически определимых нуклеусов, 16 сколов, четыре неопределимых обломка со следами искусственного расщепления и один фрагмент керамики (очевидно, не связанный с основным комплексом находок). Первый нуклеус утилизировался в технике леваллуа (рис. 2.-1). Два других определяются как одноплощадочные монофронтальные, в первом случае для пластинчатых отщепов, во втором – для отщепов и пластин. Последнее изделие отличается наличием вспомогательной площадки в основании. Сколы, представленные одной пластиной (рис. 2.-2), двумя остриями (рис. 2.-3), семью отщепами и четырьмя пластинчатыми отщепами, имеют преимущественно радиальную и однонаправленную огранку, реже конвергентную и ортогональную, в одном случае бинаправленную. Ударные площадки преимущественно оформлены одним или двумя сколами, зачастую выпуклые в рельефе. Четыре из них были определены как *chapeaux de gendarme*. Орудийные формы отсутствуют. Важнейшим фактом является то, что часть изделий выполнена на желваках кремня, а не на галечном эффузивном сырье.

Наличие большого количества подъемного материала, сконцентрированного на ограниченном участке, дало основание для поиска материала в погребенном состоянии. На местонахождении было заложено три рекогносцировочных шурфа, расположенных один над другим, захватывая тем самым все участки склона. В средней и нижней частях склона (шурфы 1 и 2 соответственно) в рыхлом суглинке делювиального генезиса (рис. 2.-4) без каких-либо включений и новообразований были зафиксированы каменные артефакты среднепалеолитической морфологии. Облик каменных изделий (рис. 2.-5, 6) соответствует предметам, найденным на поверхности склона, что позволяет предварительно отнести стратифицированный и нестратифицированный материал к единому материальному комплексу. В шурфе-зачистке 3 (верхняя часть склона) культуросодержащих отложений и археологического материала зафиксировано не было, что косвенно указывает на локальный характер распространения археологического материала.

Местонахождение Эрташсай-3 выявлено по единичным находкам – обломку и чешуйке из кремня, на высокой площадке правого борта долины реки Эрташ. В настоящее время этот участок активно используется под распашку. Помимо каменных артефактов, были обнаружены многочисленные находки фрагментов средневековых керамических сосудов.

Местонахождение Эрташсай-4 выявлено по экспонированным находкам (9 экз.) в обнажениях грунта, формирующих левый борт мелкого водотока, впадающего в р. Эрташ по его левой стороне. По правому борту этого мелкого притока располагаются памятники Эрташсай-2, 5 и 6. Находки представлены отщепами и пластинчатыми отщепами. Интересно присутствие изделий из кремня (3 из 9 экз.). Один их кремневых пластинчатых отщепов несет следы легкой вторичной обработки.

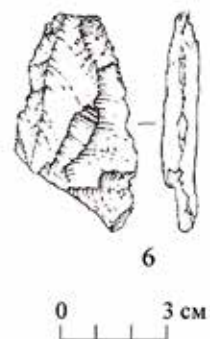
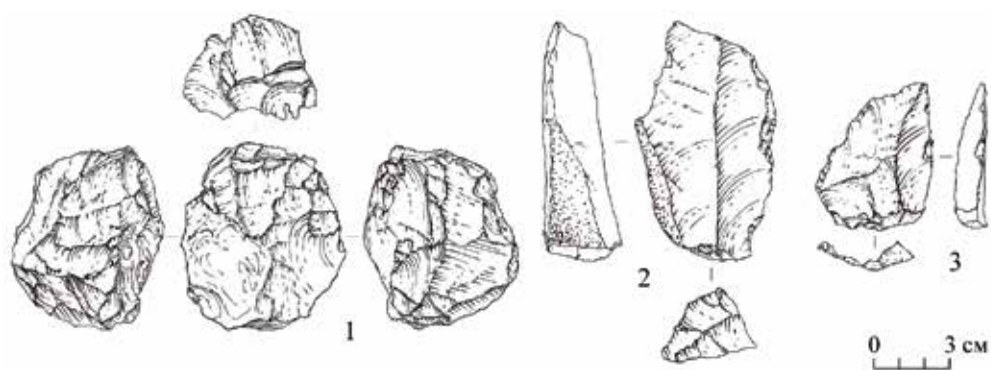

Рис. 2. Местонахождение Эрташсай-2: 1–3 – экспонированные артефакты; 4 – стратиграфический разрез; 5, 6 – стратифицированный археологический материал

Местонахождение Эрташсай-5 выделено по находке единственного отщепы в обнажении, образованном проселочной дорогой выше по склону относительно местонахождения Эрташсай-2.

Местонахождение Эрташсай-6, также располагающееся в непосредственной близости от стоянки Эрташсай-2, обозначено на основании обнаружения шести экспонированных находок каменных артефактов. Изделия из местных эффузивных пород и кремня располагались на поверхности обнажения, сформированного «стрелкой» двух проселочных дорог. Важно наличие среди артефактов изделий из кремневого сырья, а также изящной пластинки из кремня, которая может свидетельствовать о верхнепалеолитическом эпизоде заселения этой территории.

Заключение

Особенности расположения и материалы археологических памятников, приуроченных к постоянно действующим и пересыхающим правым притокам р. Ахангаран, позволили выявить ряд закономерностей, которые формируют первичные представления о стратегии освоения этой территории древнейшим населением на разных этапах палеолита. Принимая во внимание предложенный авторами открытый возможный возраст памятников, можно сделать вывод, что население среднего и верхнего палеолита, если принять верхнепалеолитическую атрибуцию материалов верхнего горизонта Каттасая-1 и пункта Эрташсай-6, достаточно активно осваивало как предгорья, так и низкогорный пояс. Памятники, относимые прежде к нижнему палеолиту (Кызыл-алма, Джарсай-2) и неолиту (Кызылалмасай-1, 3, 4, Гыштсай-1, 2), фиксируются за редчайшими исключениями в предгорьях. Возможное объяснение разных предпочтений групп населения при выборе мест для поселений, скорее всего, кроется в доступности наиболее значимых сырьевых ресурсов (вода и сырье для каменного производства), а не в близости охотничьих угодий или иных факторов. Всеми исследователями памятников предгорной зоны фиксировалась приуроченность большинства стоянок к выходам кремневого сырья в тех местах, где кремнесодержащие массивы промываются водотоками. В то же время для памятников низкогорий типично использование в первую очередь эффузивных пород, представленных в виде галек на берегах и в руслах водотоков, что дало большую вариативность в расположении стоянок. При этом для памятников предгорной зоны фиксируется следующая особенность: в палеолите основу каменных индустрий преимущественно составлял серый кремень, реже коричневый, также часто использовались эффузивные породы. В неолите за редким исключением использовался коричневый кремень, пригодный для более тонкой обработки, выходы которого в низкогорном поясе неизвестны.

Обозначенные закономерности могут не подтвердиться в дальнейшем, так как известные сейчас объекты в большинстве своем представляют собой местонахождения экспонированных на дневную поверхность артефактов. Все немногочисленные стратифицированные комплексы тоже в разной степени потревожены склоновыми процессами, так как они приурочены к ландшафтным зонам, где склоновая и даже селевая активность наиболее высока [Ранов, Несмеянов, 1973, с. 79]. Большие вопросы вызывает и периодизационная атрибуция объектов каменного века. Результаты последних исследований сильно скорректировали представления о возрасте материальных ансамблей из нижних слоев стоянки Кульбулак, поставив под сомнение сам факт существования объектов нижнего палеолита на территории Западного Тянь-Шаня

[Kolobova at al., 2016, p. 16]. С учетом абсолютного возраста отложений Гыштса-1 [Павленок и др., 2016, с. 118] и развитого облика индустрий позднего этапа кульбулакской культуры [Колобова и др., 2014, с. 35; Колобова и др., 2013, с. 23] неолитическая атрибуция большинства подъемных сборов с предгорий Тянь-Шаня также не должна быть принята как окончательная.

Верификация предложенных эскизов к модели заселения территории Ахангарана возможна только при обнаружении новых археологических объектов. Пример Эр-ташса показал, что обследование новых территорий, схожих по ландшафту с теми, где прежде уже были выявлены памятники, может быть очень результативным. Безусловно, использование полного спектра возможностей современных археологических ГИС, ориентированных на поиск объектов палеолита, может способствовать выявлению серии новых стоянок и значительно расширить наши представления о стратегиях заселения изучаемой территории в палеолите.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Библиографический список

- Абдуллаев Ш.Х. Морфоструктура Ангреновской впадины. Ташкент : ФАН, 1985. 117 с.
- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). СПб. : ИИМК, 1995. 40 с.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Исламов У.И., Фляс Д., Павленок К.К. Новый верхнепалеолитический памятник в долине реки Ахангарон (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. XIII, ч. 1. С. 80–83.
- Касымов М.Р. Камнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент : ФАН, 1972. 129 с.
- Касымов М.Р. Новые открытия палеолитических памятников в бассейне реки Ахангарон // История материальной культуры Узбекистана. 1979. №15. С. 7–10.
- Касымов М.Р. Открытие новых памятников палеолита в бассейне Ахагарана // Общественные науки в Узбекистане. 1977. Вып. 7. С. 50–53.
- Касымов М.Р. Памятники каменного века в долине Ангрена // Общественные науки в Узбекистане. 1967. Вып. 2. С. 54–55.
- Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990. 42 с.
- Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрена // История материальной культуры Узбекистана. 1969. №8. С. 21–27.
- Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 40 с.
- Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5. С. 111–123.
- Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №2. С. 2–25.
- Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 37 с.
- Массон М.Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент : ФАН, 1953. 144 с.
- Милютин К.И. Новые объекты палеолита в бассейне р. Ахангаран (Республика Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. XVIII. С. 143–146.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Шимчак К., Крайцардж М.Т., Крайцардж М., Лазарев С.Ю., Когай С.А., Хужиназаров М., Смирнов Б.М. Палеолитическая стоянка Каттасай-2 в западных отрогах Тянь-Шаня: первые результаты исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 186–189.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Лазарев С.Ю., Шнайдер С.В., Раджабов А. Новые данные о каменном веке Узбекистана. Стоянка-мастерская Гыштсай-1 в долине реки Ахангаран // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. XXI. С. 142–147.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А. Новые данные по верхнему палеолиту долины реки Ахангаран (Узбекистан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 116–122.

Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Колобова К.А. Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. Вып. 2. С. 92–96.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1973. 161 с.

Ташкенбаев Н.Х. О некоторых проблемах палеолита (Кухисимская стоянка) // История материальной культуры Узбекистана. 1972. №9. С. 11–15.

Шнайдер С.В., Хошимов Х.Б. Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. 2013. Т. 12. №7. С. 18–27.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2016, №4. P. 1–18.

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // *Antiquity*. 2014. URL : <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456>.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quaternary International*. 2016. Vol. 399. P. 136–150.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // *Quaternary International*. 2014. Vol. 324. P. 180–189.

References

Abdullaev SH.H. Morfostruktura Angrenskoy vpadinyi [The Morphostructure of the Angren Depression]. Tashkent : FAN, 1985. 117 p.

Anisutkin N.K., Islamov U.I., Krahmali K.A., Sayfullaev B., Hushvakov N.O. Novye issledovaniya paleolita v Ahangarone (Uzbekistan) [New Paleolithic Research in Ahangaron (Uzbekistan)]. SPb. : IIMK, 1995. 40 p.

Derevianko A.P., Kolobova K.A., Islamov U.I., Flas D., Pavlenok K.K. Novyyi verhnepaleoliticheskiy pamyatnik v doline reki Ahangaron (Uzbekistan) [A New Upper Paleolithic Site in the Valley of the Ahangaron River (Uzbekistan)]. *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnyih territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. 2007. Vol. XIII. Part 1. Pp. 80–83.

Kasimov M.R. Kamneobrabatyvayushchie masterskie i shahtyi kamennogo veka Sredney Azii [Stone Workshops and Mines of the Stone Age of Central Asia]. Tashkent : FAN, 1972. 129 p.

Kasimov M.R. Novyye otkryitiya paleoliticheskikh pamyatnikov v bassejne reki Ahangaron [New Discoveries of Paleolithic Sites in the Ahangaron River Basin]. *Istoriya materialnoj kultury Uzbekistana* [History of the Material Culture of Uzbekistan]. 1979. №15. Pp. 7–10.

Kasimov M.R. Otkrytie novyih pamyatnikov paleolita v bassejne Ahagarana [Discovery of New Paleolithic Sites in the Ahangaron Basin]. *Obschestvennyye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 1977. Issue 7. Pp. 50–53.

Kasimov M.R. Pamyatniki kamennogo veka v doline Angrena [Sites of the Stone Age in the Angren Valley]. *Obschestvennyie nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 1967. Vol. 2. Pp. 54–55.

Kasimov M.R. Problemy paleolita Sredney Azii i Yujnogo Kazahstana (po materialam mnogosloynnoy paleoliticheskoy stoyanki Kulbulak) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Paleolithic Problems of Central Asia and South Kazakhstan (based on multi-layer Paleolithic site Kulbulak): Synopsis of the Dis. ... Dr. Historical Sciences]. Novosibirsk, 1990. 42 p.

Kasyimov M.R., Rostovtsev O.M. Masterskie kamennogo veka v doline r. Angren [Stone Age Workshops in the Angren Valley]. *Istoriya materialnoj kulturyi Uzbekistana* [History of the Material Culture of Uzbekistan]. 1969. №8. Pp. 21–27.

Kolobova K.A. Verhniy paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan-Shanya : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Upper Paleolithic of the Western Pamir-Tien Shan: Synopsis of the Dissertation ... Dr. Historical Sciences]. Novosibirsk, 2014. 40 p.

Kolobova K.A., Pavlenok K.K., Flas D., Krivoshapkin A.I. Stoyanka Kyzyl-Alma-2 – novyi pamyatnik epohi verhnego paleolita Zapadnogo Tyan-Shanya [The Kyzyl-Alma-2 Site – a New Site of the Upper Paleolithic of the Western Tien Shan]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2010. T. 9. Vip. 5 [Bulletin of the NSU. Ser.: History, Philology 2010. Vol. 9. Issue 5]. Pp. 111–123.

Kolobova K.A., Flas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoshapkin A.I. Kulbulakskaya melkoplachinchataya traditsiya v verhnem paleolite Tsentralnoy Azii [Kulbulak Small Plate Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2013. No. 2. Pp. 2–25.

Krivoshapkin A.I. Obi-Rahmatskiy variant perehoda ot srednego k verhnemu paleolitu v Tsentralnoy Azii : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Obi-Rakhmat Version of the Transition from the Middle to the Upper Paleolithic in Central Asia: Synopsis of the Dissertation ... Dr. Historical Sciences]. Novosibirsk, 2012. 37 p.

Masson M.E. Ahangaran. Arheologo-topograficheskiy ocherk [Akhangan. Archaeological and Topographical Sketch]. Tashkent : FAN, 1953. 144 p.

Milutin K.I. Novyye obyektu paleolita v basseynе r. Ahangaran (Respublika Uzbekistan) [New Paleolithic Objects in the Basin of the Akhangaran River (Republic of Uzbekistan)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. 2012. Vol. XVIII. Pp. 43–146.

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Shimchak K., Kraytsardj M.T., Kraytsardj M., Lazarev S.YU., Kogay S.A., Hujinazarov M., Smirnov B.M. Paleoliticheskaya stoyanka Kattasay-2 v zapadnykh otrogah Tyan-SHanya: pervyye rezultaty issledovaniy [The Paleolithic Site Cattasai-2 in the Western Spurs of the Tien Shan: the First Results of Research]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XVIII. Pp. 186–189.

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Lazarev S.Yu., Shnaider S.V., Radjabov A. Novyye dannyye o kamennom veke Uzbekistana. Stoyanka-masterskaya Gyishtsay-1 v doline reki Ahangaran [New Data on the Stone Age of Uzbekistan. The Gyishtsay-1 Workshop in the Akhangaran River Valley]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. 2015. Vol. XXI. Pp. 142–147.

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Snaider S.V., Kogay S.A. Novyye dannyye po verhnemu paleolitu doliny reki Ahangaran (Uzbekistan) [New Data on the Upper Paleolithic of the Akhangaran River Valley (Uzbekistan)]. *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultura* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. 2016. Vol. 5. Pp. 116–122.

Pavlenok K.K., Snaider S.V., Pavlenok G.D., Kolobova K.A. Paleolit Severo-Zapadnogo Tyan-Shanya v svete noveyshih otkritiy [Paleolithic of the North-Western Tien Shan in the Light of the Latest Discoveries]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2013. Vol. 2. Pp. 92–96.

Ranov V.A., Nesmeyanov S.A. Paleolit i stratigrafiya antropogena Sredney Azii [Paleolithic and Anthropogenic Stratigraphy]. Dushanbe : Donish, 1973. 161 p.

Tashkenbaev N.H. O nekotorykh problemakh paleolita (Kuhisimskaya stoyanka) [On some Problems of the Paleolithic (Kuhim station)]. *Istoriya materialnoy kulturyi Uzbekistana* [History of the Material Culture of Uzbekistan]. 1972. №9. Pp. 11–15.

Shnaider S.V., Hoshimov H.B. Izuchenie paleolita na territorii Zapadnogo Pamiro-Tyan-Shanya: obzor kontseptsiy [Study of the Paleolithic in the Territory of the Western Pamir-Tien Shan: a Review of the Concepts]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology]. 2013. Vol. 12. №7. Pp. 18–27.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshepin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) Presence in the Western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. 2016. №4. P. 1–18.

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic Site in the Tian Shan Piedmont, Uzbekistan, Central Asia // Antiquity. 2014. <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456>.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic Sites of Katta Sai in Western Tian Shan Piedmont, Central Asiatic Loess Zone: Geoarchaeological Investigation of the Site Formation and the Integrity of the Lithic Assemblages // Quaternary International. 2016. Vol. 399. Pp. 136–150.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First Results from Luminescence Dating // Quaternary International. 2014. Vol. 324. P. 180–189.

**K.K. Pavlenok¹, M. Kot², G.D. Pavlenok¹,
K. Szymczak², M. Khuzhinazarov³, S.A. Kogai⁴**

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;*

²*Institute of Archaeology, University of Warsaw, Warsaw, Poland;*

³*Institute of Archaeological Research, Academy of Sciences
of Republic Uzbekistan, Samarkand, Uzbekistan;*

⁴*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

SEARCHING OF THE PALEOLITHIC SITES IN THE AKHANGARAN RIVER VALLEY: HISTORY AND OUR TIME

The article deals with the history of the study of the Paleolithic sites in the Akhangaran river valley (Eastern Uzbekistan) as well as the data obtained from the current research cycle. There are three zones of concentration of archaeological objects in the Akhangaran valley, on the basis of the materials of which it is possible to get an idea of the peculiarities of the Paleolithic development in the foothills and lowlands of the Tien Shan. The most studied are the sites in the foothills of the Chatkal range (Kulbulak, Kyzyl-Alma, Gyshtsay-1 etc.) and in the confluence of the Dukentsay and Kattasai rivers (Kattasai-1, 2). As a result of archaeological survey of recent years, a series of Paleolithic sites that are promising for further research (Ertashsai-1–6) were discovered in the Ertashsai valley. As a result of the observations, it is possible to assume that the population of the Middle and Upper Paleolithic (if we take the Upper Paleolithic attribution of the upper level materials of Kattasai-1 and Ertashsai-6) rather actively developed both the foothills and the lowland belt.

At the same time, the alleged sites attributed to the lower Paleolithic and Neolithic are documented with very few exceptions in the foothills.

Key words: Paleolithic, Akhangaran river valley, Western Tien-Shan, Uzbekistan.

УДК 903.52(59-925.921)

А.В. Табарев¹, Г.В. Серовец²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

КОМПЛЕКС РАННИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПЕЩЕРЕ НИА (БОРНЕО) И ПРОБЛЕМА МНОГООБРАЗИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Пещерный комплекс Ниа (малазийская часть острова Борнео) является уникальным археологическим памятником, стационарные исследования которого ведутся с середины XX в. Особый интерес представляет внушительная серия погребений, относящихся к различным периодам – от позднего палеолита до средневековья. В рамках настоящей статьи авторы рассматривают группу погребений, которые относятся к раннеголоценовой (донеолитической традиции) (9,3–7,0 тыс. лет назад); освещается история изучения комплекса Ниа в рамках нескольких международных археологических проектов (Т. и Б. Харриссон, З. Маджид, Г. Баркера, Д. Курно); приводят варианты классификаций погребений на основе различных критериев (труположение, первичный или вторичный характер) и многообразии погребальных практик; анализируют особенности их пространственного расположения в пределах пещеры и датировки, а также обращаются к наиболее информативным аналогиям в пределах островной и прибрежной частей Юго-Восточной Азии (Индонезия, Филиппины, Вьетнам, Малайзия) и проблемам интерпретации погребальных традиций ранних охотников-собираателей-рыболовов тропического пояса тихоокеанского бассейна.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, пещерный комплекс Ниа, первичные и вторичные погребения, датировка, ритуалы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-12

Введение

Настоящая работа продолжает цикл статей, посвященных различным особенностям погребальных практик в древних культурах тихоокеанского бассейна [Иванова, Табарев, 2018; Табарев, 2017, 2018; Табарев, Гаврилина, 2017]. Выбор в качестве следующего сюжета информации по пещерному комплексу Ниа (остров Борнео) не случаен, он связан с рассмотрением целого ряда процедурных и интерпретационных проблем археологического поиска.

Во-первых, речь идет об археологических материалах из островной части Юго-Восточной Азии – региона, который известен российским специалистам в весьма общем виде. Это касается и наиболее важных археологических памятников, значение которых в литературе сопровождается терминами «опорный», «многослойный», «ключевой для понимания нескольких периодов» и т.д. Именно таким памятником является пещерный комплекс Ниа.

Во-вторых, мы обращаемся к памятнику, исследования которого ведутся уже более 70 лет и продолжают по сей день. За это время в рамках нескольких международных исследовательских проектов археологами вскрыта и изучена значительная его часть, а полученные материалы относятся к весьма широкому хронологическому диапазону – от позднего палеолита (40 тыс. л.н.) до средневековья (XIV–XV вв.), включая и большое количество разновременных погребений.

В-третьих, в фокусе нашей статьи – данные (статистика, планиграфия, датировки, варианты классификации) о наиболее ранней (донеолитической или раннеголоцено-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

вой) традиции, представленной в Ниа, которые вкупе с информацией о синхронных комплексах на территории островной части Юго-Восточной Азии в целом (Индонезия, Филиппины, Малайзия) позволяют выйти на интересные гипотезы о характере погребальных ритуалов в обществах ранних охотников-собираателей-рыболовов.

Пещерный комплекс Ниа. Краткая история исследований

Пещерный комплекс Ниа находится в северной части острова Борнео, на территории штата Саравак, одного из двух штатов Восточной Малайзии (рис. 1). Пещеры, в частности самая большая «Великая пещера» (Great Cave), располагаются в горе Гунунг Субис (Gunung Subis), с высшей точкой 394 м над уровнем моря. Система охватывает около 10 гектаров, состоит из 21 пещеры, а высота потолка в некоторых местах

Рис. 1. Остров Борнео.
Местоположение пещерного комплекса Ниа

достигает 75 метров. Весь «Известняковый комплекс Гунунг Субис» находится в 17 км от южного побережья Южно-Китайского моря, недалеко от города Бату-Ниа и примерно в 65 километрах к юго-западу от города Мири.

Местному населению пещера Ниа была известна давно, однако официальным ее открытием считается 1854 г., когда А.Р. Уоллес* посетил ее с целью изучения местной флоры и фауны. Археологическое изучение пещеры начал с 1947 г. англичанин Т. Харриссон (сначала с М. Твиди и Х. Гиббсом, а затем со своей супругой Б. Харриссон)**.

Основной цикл работ приходится на 1954–1967 гг., именно в то время в нескольких участках пещеры были произведены наиболее масштабные раскопки. К числу важнейших открытий, безусловно, относится находка в передней части «Западного входа» в пещеру (рис. 2) так называемого «Глубокого черепа» – фрагментов черепной коробки и нескольких фрагментов челюсти, бедренной кости, голени и ступни – одних из наиболее ранних свидетельств присутствия человека современного вида в Юго-Восточной Азии для того времени [Т. Harriison, 1970]***.

* Уоллес, Альфред Рассел (1823–1913 гг.) – британский натуралист, именем которого названа зоогеографическая граница (между австралийской и индо-малайской фауной), – так называемая «Линия Уоллеса».

** Харриссон, Том Харнетт (1911–1976 гг.), Харриссон (Гутлер), Барбара (1922–2015 гг.).

*** Первые радиоуглеродные датировки «Глубокого черепа» (Deer Skull) дали возраст около 40 тыс. л.н. Недавно на основе уранового и AMS-датирования этот возраст был скорректирован до диапазона 39000–30000 лет (в калиброванном формате). Предположительно череп принадлежит молодой девушке 15–17 лет.

В ходе работ на участке «Западного входа» Т. и Б. Харриссон зафиксировали более 250 скелетов (полных и неполных, а также отдельных костей и обломков), значительную часть из которых они обозначили как «погребения». Из них 39 (глубже 0,6 м) определялись как «палеолитические», около 200 составили так называемое «неолитическое кладбище» (выше 0,6 м), а остальные были датированы периодами палеометалла и средневековья [В. Harrisson, 1967].

Спустя десять лет (в 1977 г.) малазийская археолог З. Маджид продолжила работы за частично раскопанным в прошлых археологических сезонах «неолитическим кладбищем» и обнаружила 11 ранее не исследованных погребений. В своем докладе 1982 г. она отнесла захоронения к неолитическим [Majid, 1982]. Помимо раскопок она также провела большую работу по систематизации и расшифровке полевых записей экспедиций Т. и Б. Харриссон.

В 2000–2003 гг. пещера Ниа стала основной целью масштабного мультидисциплинарного проекта под руководством англичанина Г. Баркера (Лейстерский университет)*. Наряду с уточнением стратиграфии объекта, получением новой серии датировок, палеоклиматическими реконструкциями и т.д. в ходе раскопок были найдены еще 12 погребений, которые относились к периоду палеометалла и существенно отличались от ранних (неолитических и донеолитических) характером обряда – например, в поздних захоронениях тела помещались в бамбуковые контейнеры или в большие керамические сосуды [Barker et al., 2003, Barker, Reynolds, Gilbertson, 2005].

В 2017–2018 гг. раскопки на многослойном пещерном комплексе Ниа были продолжены под началом австралийского археолога и антрополога Д. Курно (Университет Нового Южного Уэльса). Основная цель – поиск наиболее ранних (палеолитических) следов обитания в пещере и сбор дополнительной информации по динамике палеоклиматической ситуации на протяжении финала плейстоцена – начала голоцена [Curnoe et al., 2018].

Мнения относительно общего количества погребений, найденных археологами в Ниа, в публикациях разнятся. Основная причина – весьма запутанная и не всегда последовательная документация, которую вели в ходе своих раскопок супруги Харриссон**. И только благодаря усилиям нескольких археологов, которые взяли на себя

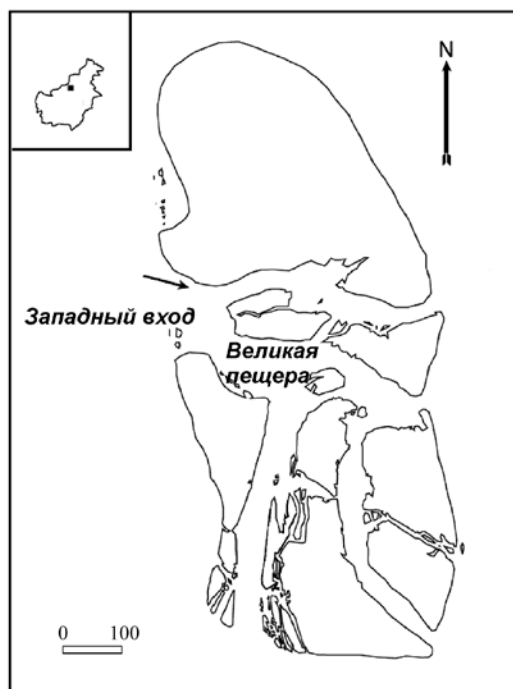

Рис. 2. План пещерного комплекса Ниа

* В команду входили более 30 специалистов из нескольких стран, общий бюджет нескольких грантов составил более 320 тыс. фунтов стерлингов.

** В частности из описаний не всегда можно понять, являются обнаруженные фрагменты скелета частью намеренного захоронения или просто отдельными антропологическими находками без погребального контекста.

титанический труд по работе с архивными материалами экспедиций Т. и Б. Харриссон, хранящимися в Музее штата Саравак, удалось установить, что на участке «Западного входа» было зафиксировано не менее 262 погребений.

Классификация ранних погребений в Ниа по Б. Харриссон

Первая детальная классификация погребений была опубликована Барбарой Харриссон в 1967 г. В качестве основного критерия для выделения семи типов захоронений было выбрано трупоположение:

1. Скорченные – первичные погребения, уложенные набок с согнутыми конечностями.
2. Сидячие – первичные с подогнутыми ногами.
3. Фрагментированные – намеренно расчлененные перед погребением, повторяющим анатомический порядок или в произвольном виде.
4. Вытянутые – первичные погребения, уложенные на спину, на подстилку из листьев или коры, а также в ряде случаев – в контейнер из деревянных или бамбуковых планок.
5. Групповые – комплекс из нескольких скелетов или останков нескольких индивидуумов в одном контейнере.
6. Полностью кремированные останки в деревянных или плетеных контейнерах, а также в керамических сосудах.
7. Частично кремированные или обожженные останки в контейнерах из органических материалов или в сосудах.

Погребения первых трех типов (всего 39) – *скорченные* (18), *сидячие* (4) и *фрагментированные* (17) были отнесены к донеолитическому времени [B. Harrisson, 1967, p. 133].

В свою очередь, скорченные погребения Б. Харриссон разделила на две подгруппы (подтипа). В первую подгруппу были отнесены 15 захоронений (№25, 27, 77, 84, 87, 88b, 89,

Рис. 3. Донеолитические погребения в пещере Ниа: 1 – погребение №25, первичное скорченное; 2 – погребение №147, первичное сидячее (по: [Lloyd-Smith, 2012])

145, 148, 155, 170, 171, 172, 173, 205)*, с очень плотно согнутыми (возможно, связанными) в локтях руками и с предплечьями, приподнятыми вверх (рис. 3.-1; рис. 4.-1). Ко второму подтипу были отнесены три погребения (№23, 24 и 130), конечности которых были прижаты к телу не столь плотно или смещены.

Сидячие погребения (№83, 141, 146 и 147) (погребения в позе «сидящего Будды») вызвали у супругов Харриссон особый интерес – судя по расположению останков и следам огня, тело покойного укладывали (усаживали) в костер (или на угли костра), разведенного в погребальной яме.

Т. Харриссон даже подробно описал одно из подобных погребений, под номером 147 (рис. 3.-2), в специальной статье [Т. Harrisson, 1975]. Приводимые в статье только что полученные радиоуглеродные определения 13640 ± 130 л.н. для погребения №147 и 11700 ± 1400 л.н. для погребения №146 были для того времени наиболее ранними для подобных захоронений во всей Юго-Восточной Азии и охарактеризованы автором как «позднепалеолитические (мезолитические)» [Ibid., p. 163].

Фрагментированные погребения были разделены на четыре подтипа: «жертвоприношения» (№93, 156)**; останки, включающие череп или его части (№54, 73, 97, 95, 153, 157, 167/8); останки без черепа (№79, 88а, 92, 144, 163/6); останки черепов (№81, 82, 119) [В. Harrisson, 1967].

* Номера погребения приводятся в соответствии с нумерацией, использовавшейся Т. и Б. Харриссон: В1 (Burial 1), В2 и т.д.

** Термины «жертвоприношение» и «ритуальное убийство» впервые были использованы при описании погребения №156, положение скелета в котором явно указывало на то, что покойный был крепко связан и обезглавлен – череп поместили отдельно, рядом с грудной клеткой [В. Harrisson, 1967, p. 141].

Рис. 4. Донеолитические погребения в пещере Ниа: 1 – погребение №27, первичное скорченное, с костью носорога поверх черепа; 2 – погребение №146, вторичное некремированное (по: [Lloyd-Smith, 2012])

(№93, 156)**; останки, включающие череп или его части (№54, 73, 97, 95, 153, 157, 167/8); останки без черепа (№79, 88а, 92, 144, 163/6); останки черепов (№81, 82, 119) [В. Harrisson, 1967].

Классификация Б. Харриссон, таким образом, в значительной степени носила именно описательный характер и выглядела несколько громоздко. Будучи для своего времени важнейшим вкладом в систематизацию полученных при раскопках материалов, она не учитывала многих фактов и не позволяла проследить эволюцию погребальных ритуалов в пещере Ниа на протяжении нескольких тысячелетий.

Новая классификация. Версия Л. Ллойд-Смита

Скорректированная классификация ранних погребений в пещере Ниа была разработана Л. Ллойд-Смитом*, участником проекта Г. Баркера в начале 2000-х гг.

Л. Ллойд-Смит тщательно пересмотрел каждый из основных типов донеолитических захоронений (скорченные, сидячие и фрагментированные). В итоге из 39 погребений по классификации Б. Харриссон к донеолитическому периоду были отнесены только 25**, остальные же причислены к другим эпохам (неолит, палеометалл). Также, согласно новой радиоуглеродной дате 17460 ± 70 л.н., к числу донеолитических добавилось захоронение №176, которое ранее считалось неолитическим [Lloyd-Smith, 2012, p. 63]. Черепа из погребений №119 и №81 были отнесены к неолитическому времени, так как находились на территории «неолитического кладбища»; захоронения №163/6 и №167/8 были определены Л. Ллойд-Смитом как «подповерхностное скопление костей». Неолитическая керамика, обнаруженная в погребениях №153 и 157, также позволила исключить их из категории донеолитических. Погребения В73 (также известное как «Глубокий череп») и В79 были определены исследователем как «случайные» захоронения, т.е. они не имели могильной ямы и какой-либо погребальной конструкции [Lloyd-Smith, 2013].

Новая классификация предполагает разделение всех донеолитических погребений на четыре типа: первичные скорченные (18), первичные сидячие (3), вторичные некремированные (2) (рис. 4.-2) и вторичные кремированные (2). Таким образом, основным критерием в отличие от труположения (по Б. Харриссон) теперь становится *первичный или вторичный характер* погребения, за ним следует *труположение* и наконец – *индивидуальные детали* (плотно или неплотно связан, наличие или отсутствие головы, положение рук и т.д.). Отдельно рассматривается наличие в погребении следов красителя (охры), контейнера или погребального инвентаря [Lloyd-Smith, 2012, p. 57].

Л. Ллойд-Смит также детально проанализировал пространственное распределение донеолитических захоронений у «Западного входа», что позволило ему выделить несколько групп (кластеров) погребальных комплексов (рис. 5).

Наиболее четко выраженными и многочисленными являются группа 1 (в пределах скального навеса), в которой преобладают скорченные погребения, и группа 2 (в нескольких метрах на юг прямо перед входом в пещеру), также состоящая в основном из скорченных погребений и одного вторичного с частичной кремацией. Группа 3 представлена тремя сидячими погребениями (№54, 141 и 147), а группа 4 – двумя погребениями (№155–156) с обезглавленными телами.

Интересной представляется и информация о хронологии. С учетом наиболее валидных датировок время захоронений в группах 1–2 можно определить в интервале $9995 \pm 40 - 7606 \pm 35$ л.н. Примечательно, что в этот диапазон попадают как первичные скорченные, так и вторичные кремированные, что может указывать на существование как минимум

* Ллойд-Смит, Линдсей – на момент раскопок в пещере Ниа работал в Сеульском институте изучения Восточной Азии (Южная Корея), в настоящее время – в Лейстерском университете (Англия).

** Из них более 90% принадлежит взрослым (мужчинам и женщинам) – от 18 до 55 лет.

Рис. 5. Расположение групп донеолитических погребений, выделенных Л. Ллойд-Смитом (адаптировано по: [Lloyd-Smith, 2012])

двух вариантов погребальной практики у представителей одной и той же группы охотников-собирателей или постепенный переход от более простой (первичные) к более трудоемкой (вторичные кремнированные) процедуре захоронений.

Для сидячих погребений из группы 3 имеется более ранняя дата – 7020 ± 135 л.н. Специфический способ погребения может указывать как на особый социальный статус умерших*, так и на определенные отличия в системе жизнеобеспечения, связанные с изменениями в климате. В пользу второго варианта, в частности, свидетельствуют данные о палеодиете с преобладанием аквагических ресурсов [Lloyd-Smith, 2012, p. 65].

Не менее специфический обряд (обезглавливание) связан с погребениями группы 4. Радиоуглеродная дата 7850 ± 175 л.н. указывает на то, что они относительно синхронны со скорченными погребениями групп-1–2, но в то же время находятся на очевидном удалении от них, что может указывать на «социальное дистанцирование».

Второй, не менее важный вывод, который делается на основе анализа новых датировок, ставит под сомнение существовавшую ранее модель о «непрерывном» использовании пещеры Ниа в качестве погребального пространства от палеолита до средневековья. На данный момент более предпочтительной выглядит версия о том, что наиболее ранние погребения связаны с периодом 9,3–7,0 тыс. л.н. с последующим перерывом до появления неолитических погребений около 3,7–3,5 тыс. л.н.

* Т. Харрисон в своей статье о сидячих погребениях даже предполагал их принадлежность к племенной элите – «...? лидеры, шаманы...» [Т. Harrison, 1975, p. 164].

Рис. 6. Юго-Восточная Азия. Памятники и комплексы, упоминаемые в тексте:
 1 – Ниа (Борнео, Малайзия); 2 – Киманис; 3 – Гуа Тенгорак (Борнео); 4 – Сонг Террус,
 Сонг Кеплек, Гуа Брахолло (Ява, Индонезия); 5 – Илье (Палаван, Филиппины);
 6 – Лианг Лембуду (острова Ару, Индонезия); 7 – культура да-бат;
 8 – культура куйньван (Вьетнам); 9 – Гуа Ча, Гуа Пералинг (Малайзия)

Безусловно, классификация Л. Ллойд-Смита представляется более удачным и эффективным исследовательским инструментом. Во многом именно благодаря смене основного критерия (первичный или вторичный характер) при подразделении погребений, использованию кластерного метода распределения объектов и привлечению большего количества радиоуглеродных датировок и других данных естественно-научного цикла (палеогеография, палеодиета). Более того, предложенная классификация позволяет обратиться к более широкому кругу как ранее известных, так и новых аналогий погребениям в пещере Ниа в Юго-Восточной Азии (рис. 6).

Как минимум два комплекса с ранними погребениями (в скорченном положении) известны на Борнео (в индонезийской части) – в пещерах Киманис и Гуа Тенгорак. Несмотря на отсутствие радиоуглеродных дат, стратиграфия и особенности погребения позволяют соотнести их со временем раннего голоцена.

Целая серия пещерных стоянок зафиксирована в восточной части острова Ява (Индонезия) – Сонг Террус, Сонг Кеплек, Гуа Брахолло, для них описаны находки как первичных скорченных, так и вторичных, включая кремированных, погребений в диапазоне 12–6,3 тыс. л.н. Для комплекса Сонг Кеплек отмечено также единичное первичное вытянутое погребение с датой 7020±120 л.н.

На острове Палаван (Филиппины) останки кремированного погребения раскопаны в пещере Илье, они датируются возрастом 10–8 тыс. л.н. Уникальное погребение с финальноплейстоценовым возрастом (около 15 тыс. л.н.) было найдено на стоянке Лианг Лембуду (острова Ару). Его погребальный ритуал представляется весьма сложным: удаление части костей скелета перед захоронением в скорченном положении,

вскрытие могилы спустя какое-то время, манипуляция с костями и перезахоронение, использование крупного камня в качестве могильного маркера [Bulbeck, 2005].

В прибрежных районах Вьетнама изучены более сотни сидячих погребений в раковинных кучах, которые относятся к культурам охотников-собирателей-рыболовов да-бат и куиньван – 8–5 тыс. л.н. [Борисковский, 1966; Nguỵn, Nguỵn, 1966; Ván, 1980]*, а на территории Малайского полуострова – первичные скорченные и вторичные зафиксированы в малых гротах и крупных пещерах (Гуа Ча, Гуа Пералинг и др.), которые традиционно использовались в качестве важнейшего элемента сакрального ландшафта [Sieveking, 1954].

Заключение

Различные подходы к классификации и анализу ранних (донеолитических) погребальных комплексов, продемонстрированные на примере материалов из пещерного комплекса Ниа (остров Борнео, островная часть Юго-Восточной Азии), позволяют обозначить в дискуссионном контексте некоторые акценты в интерпретации особенностей ритуальных практик в древних культурах тихоокеанского бассейна.

Во-первых, смерть соплеменника всегда является стрессовой ситуацией для компактной группы охотников-собирателей-рыболовов, жизнь которых связана с определенными, завязанными на возможности эксплуатации различных биоресурсов, циклами. Часть исследователей предполагают, что вариативность в погребальном обряде (первичные и вторичные погребения) возникает в островной части Юго-Восточной Азии уже достаточно рано и отражает ориентацию на захоронение своих соплеменников в строго определенных местах, вне зависимости от того, где случилась смерть, – близко (возможность оперативного первичного захоронения) или на расстоянии (что требует определенной подготовки останков и их переноса) [The Cambridge Encyclopedia..., 1999, p. 88–89, 286, 327].

Во-вторых, наряду с вариативностью достаточно рано начинает проследиваться и многообразие погребальных ритуалов – это и сидячие погребения, и погребения с признаками насильственной смерти («жертвоприношения»), и фрагментированные погребения, использование огня и т.д. Примечательно, что для раннего (донеолитического) периода важную роль в дифференциации различных типов погребений играют именно особенности обращения с телом (скелетом) покойного и взаимное расположение отдельных погребений внутри пространства пещер, а не погребальный инвентарь, который в подавляющем большинстве случаев крайне скуден, невыразителен или вообще отсутствует. Данная особенность отмечалась нами ранее для погребальных комплексов докерамического периода на тихоокеанском побережье Южной Америки [Табарев, Гаврилина, 2017, с. 176–177].

В-третьих, очевидно, что особую роль в погребальных ритуалах населения как континентальной, так и островной частей Юго-Восточной Азии играют пещеры, гроты и скальные навесы. После ситуативного использования на самом раннем (палеолитическом) этапе они уже в раннем голоцене (донеолитический период) становятся важнейшим элементом сакрального ландшафта, особым пространством, которое предназначено для создания погребальных комплексов (кладбищ, могильников, некрополей).

* Общность в погребальных ритуалах (сидячие погребения) в пещере Ниа и на побережье Вьетнама может быть свидетельством традиционных контактов между культурами этих районов. Дополнительным подтверждением этому служат находки характерной для Вьетнама раннеолитической керамики с веревочным оттиском в пещере Ниа [Табарев, Патрушева, 2018, с. 172].

В-четвертых, для обозначения границ этого пространства используется система визуальных маркеров – отдельных камней или их скоплений, а также деревянных конструкций над погребениями, наскальных рисунков на стенах и потолках пещер и т.д. Эти маркеры служат сигналом как для «своих», так и для «чужих» – представителей соседних групп охотников-собирателей-рыболовов – в процессе их территориальной интеграции и дифференциации.

Мы выражаем искреннюю признательность нашим зарубежным коллегам – профессору Д. Балбеку (Австралийский национальный университет) и доктору Н. Куэвас (Национальный музей Филиппин) за помощь с литературой и ценные комментарии по сюжетам настоящей статьи.

Библиографический список

- Борисковский П.И. Первообытное прошлое Вьетнама. М. ; Л. : Наука, 1966. 184 с.
- Иванова Д.А., Табарев А.В. Погребальная практика эпохи дзэ:мон, Японский архипелаг (по материалам комплекса Китамура) // *Camera Praehistorica*. 2018. №1. С. 77–93.
- Серовец Г.В. Археологический комплекс пещеры Ниа по материалам исследований Тома и Барбары Харриссон // *Археология: Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф.* Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 27–28.
- Табарев А.В. Традиция погребений в сосудах в островной части Юго-Восточной Азии: происхождение и ареальное подразделение // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXII. С. 409–412.
- Табарев А.В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. №2(91). С. 37–47.
- Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Истоки погребальных традиций древних культур Тихоокеанского побережья Южной Америки // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. №1 (17). С. 167–180.
- Табарев А.В., Патрушева А.Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // *Теория и практика археологических исследований*. 2018. №1. С. 165–179.
- Barker G., Barton H., Bird M., Cole F., Daly P., Dykes A., Gilbertson D., Hunt C., Lewis H., Lloyd-Smith L., Manser J., McLaren S., Menotti F., Paz V., Piper P., Pyatt B., Rabett R., Reynolds T., Stephens M., Thompson G. and Trickett. The Niah Cave Project: the fourth (2003) season of fieldwork // *Sarawak Museum Journal*. 2003. V. 58. P. 45–199.
- Barker G., Reynolds T., Gilbertson D. The Human Use of Caves in Peninsular and Island Southeast Asia // *Asian Perspectives*. 2005. V. 44. N. 1. P. 1–15.
- Bulbeck D. The Last Glacial Maximum human burial from Liang Lambudu in Northern Sahulland // *The Archaeology of the Aru Islands, Eastern Indonesia*. Canberra : The Australian National University, 2005. P. 255–294.
- Curnoe D., Datan I., Taçon P.S.C., Leh Moi Ung C., Sauffi M.S. Deep Skull from Niah Cave and the Pleistocene Peopling of Southeast Asia // *Frontiers in Ecology and Evolution*. 2016. V. 4. P. 8–17.
- Harrisson B. A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak // *Sarawak Museum Journal*. 1967. V. 15. P. 126–200.
- Harrisson T. The prehistory of Borneo // *Asian Perspectives*. 1970. V. 13. P. 17–45.
- Harrisson T. Early dates for “seated” burial and burial mating at Niah Caves, Sarawak (Borneo) // *Asian Perspectives*. 1975. V. 18. P. 161–165.
- Lloyd-Smith L. Early Holocene burial practice at Niah cave, Sarawak // *Indo-Pacific archaeology*. 2012. V. 32. P. 54–69.
- Lloyd-Smith L. The West Mouth Neolithic cemetery, Niah Cave, Sarawak // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 2013. V. 79. P. 105–136.

- Majid Z. The West Mouth, Niah, in the prehistory of Southeast Asia // *Sarawak Museum Journal*. 1982. V. 31. P. 1–200.
- Nguyễn D., Nguyễn Q.Q. Early Neolithic Skulls in Quỳnh Ván, Nghệ An, North Vietnam // *Vertebrata Palasiatica*. 1966. V. 10(1). P. 47–57.
- Sieveling G.D.G. Excavations at Gua Cha, Kelantan // *Federation Museums Journal*. 1954. N. 1–2. P. 75–138.
- The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 511 p.
- Ván T.H. Nouvelles recherches préhistoriques et protohistoriques au Vietnam // *Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. 1980. T. 68. P. 113–154.

References

- Borisovskij P.I. *Pervobytnoe proshloe V'etnama [Prehistory of Vietnam]*. M.; L. : Nauka, 1966. 184 p.
- Ivanova D.A., Tabarev A.V. Pogrebal'naja praktika jepohi dzjo:mon, Japonskij arhipelag (po materialam kompleksa Kitamura) [Burial Practice during Jomon Period, Japanese Archipelago (on the materials of Kitamura complex)]. *Camera Praehistorica*. 2018. №1. Pp. 77–93.
- Serovec G.V. Arheologičeskij kompleks peshery Nia po materialam issledovanij Toma i Barbary Harrison [Archaeological Complex of Niah Cave according to the Investigations of Tom and Barbara Harrison]. *Arheologija: Materialy 56-j Mezhdunar. nauch. stud. konf. [Materials of 56th International Student Scientific Conference. Archaeology]*. Novosib. gos. un-t. Novosibirsk : IPC NGU, 2018. Pp. 27–28.
- Tabarev A.V. Tradicija pogrebenij v sosudah v ostrovnnoj chasti Jugo-Vostočnoj Azii: proishozhdenie i areal'noe podrazdelenie [Jar-Burial Tradition in the Island Southeast Asia: Origins and Distribution]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: Materialy itogovoj sessii Instituta arheologii i jetnografii SO RAN 2017 g. [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Proceedings of the Annual Session in the Institute of Archaeology and Ethnography, SBRAS, 2017]*. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2017. Vol. XXII. Pp. 409–412.
- Tabarev A.V. Voznagrazhdenie vechnost'ju: osobennosti pogrebal'noj praktiki v drevnih kul'turah tihookeanskogo bassejna na rubezhe jer [Prized with the Eternity: Peculiarities of the Burial Practices in the Ancient Cultures of the Pacific Basin on the Edge of Eras]. *Vestnik RFFI [RFBR Newsletters]*. Gumanitarne i obshchestvennye nauki. 2018. №2 (91). Pp. 37–47.
- Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Istoki pogrebal'nyh tradicij drevnih kul'tur Tihookeanskogo poberezh'ja Juzhnoj Ameriki [Origins of the Burial Traditions in the Ancient Cultures of the Pacific Coast of South America]. *Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]*. 2017. №1 (17). Pp. 167–180.
- Tabarev A.V., Patrusheva A.E. Neolit ostrovnnoj chasti Jugo-Vostočnoj Azii: osobennosti, gipotezy, diskussii [Neolithic of the Island Southeast Asia: Peculiarities, Hypothesis, Discussions]. *Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Researches]*. 2018. №1. Pp. 165–179.
- Barker G., Barton H., Bird M., Cole F., Daly P., Dykes A., Gilbertson D., Hunt C., Lewis H., Lloyd-Smith L., Manser J., McLaren S., Menotti F., Paz V., Piper P., Pyatt B., Rabett R., Reynolds T., Stephens M., Thompson G. and Trickett. The Niah Cave Project: the Fourth (2003) Season of Fieldwork // *Sarawak Museum Journal*. 2003. V. 58. Pp. 45–199.
- Barker G., Reynolds T., Gilbertson D. The Human Use of Caves in Peninsular and Island Southeast Asia // *Asian Perspectives*. 2005. V. 44. N. 1. Pp. 1–15.
- Bulbeck D. The Last Glacial Maximum Human Burial from Liang Lambudu in Northern Sahulland // *The Archaeology of the Aru Islands, Eastern Indonesia*. Canberra : The Australian National University, 2005. Pp. 255–294.
- Curnoe D., Datan I., Taçon P.S.C., Leh Moi Ung C., Sauffi M.S. Deep Skull from Niah Cave and the Pleistocene Peopling of Southeast Asia // *Frontiers in Ecology and Evolution*. 2016. V. 4. Pp. 8–17.
- Harrison B.A. Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak // *Sarawak Museum Journal*. 1967. V. 15. Pp. 126–200.
- Harrison T. The Prehistory of Borneo // *Asian Perspectives*. 1970. V. 13. Pp. 17–45.

Harrison T. Early Dates for “Seated” Burial and Burial Mating at Niah Caves, Sarawak (Borneo) // *Asian Perspectives*. 1975. V. 18. Pp. 161–165.

Lloyd-Smith L. Early Holocene Burial Practice at Niah Cave, Sarawak // *Indo-Pacific Archaeology*. 2012. V. 32. Pp. 54–69.

Lloyd-Smith L. The West Mouth Neolithic cemetery, Niah Cave, Sarawak // *Proceedings of the Pre-historic Society*. 2013. V. 79. Pp. 105–136.

Majid Z. The West Mouth, Niah, in the Prehistory of Southeast Asia // *Sarawak Museum Journal*. 1982. V. 31. Pp. 1–200.

Nguyễn D., Nguyễn Q.Q. Early Neolithic Skulls in Quỳnh Ván, Nghệ An, North Vietnam // *Vertebrata Palasiatica*. 1966. V. 10(1). Pp. 47–57.

Sieveling G.D.G. Excavations at Gua Cha, Kelantan // *Federation Museums Journal*. 1954. N. 1–2. P. 75–138.

The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 511 p.

Ván T.H. Nouvelles recherches préhistoriques et protohistoriques au Vietnam // *Bulletin de l’Ecole française d’Extrême-Orient*. 1980. T. 68. P. 113–154.

A.V. Tabarev¹, G.V. Serovets²

*¹Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;*

²Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

COMPLEX OF EARLY BURIALS IN NIAH CAVE (BORNEO) AND THE PROBLEM OF FUNERAL TRADITIONS DIVERSITY IN ISLAND SOUTHEAST ASIA

Niah Cave complex (Malaysian part of the Borneo island) is a unique archaeological site, which has been studied since the mid – 20th century. An impressive series of burials dated by different periods from the Late Paleolithic to the Middle Ages is of special interest. In this article the authors consider the group of burials, which belong to the Early Holocene (pre-Neolithic tradition) (9,3–7,000 BP); review the history of the studies at the Niah complex in the framework of several international archaeological projects (T. and B. Harrison, Z. Majid, G. Barker, and D. Curnoe); give variants of classifications of burials on the basis of various criteria (corpses position, primary or secondary character), and variety of funeral practices; analyze the features of their spatial distribution within the cave and dates; and also turn to the most informative analogies within the island and coastal parts of South-East Asia (Indonesia, Philippines, Vietnam, Malaysia), and to the problems of interpretation of the funeral traditions of early hunter-gatherers-fishers in the tropical zone of the Pacific basin.

Key words: Southeast Asia, Niah cave complex, primary and secondary burials, dating, rituals.

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 903.22«653»(571.150)

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БЛЯХИ В ВИДЕ ВОИНОВ-ВСАДНИКОВ ИЗ ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ И РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ*

Представлены результаты исследования двух металлических блях периода раннего Средневековья, изображающих вооруженных всадников. Находки хранятся в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (Алтайский край, Россия). Они были обнаружены М.Д. Копытовым при раскопках в 1925 г. одного из курганов на хорошо известном памятнике Сростки-I. Излагается история публикаций этих своеобразных артефактов, дается описание формы и конструкции блях, указываются размеры. Подробно рассмотрены особенности изображения всадников и лошадей, предметов вооружения и снаряжения. Приведены графические рисунки и фотоснимки музейных экспонатов. Проанализированы результаты химического анализа изделий, полученные с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра. Очерчен круг аналогий публикуемым бляхам-всадникам среди материалов археологических комплексов VIII–XI вв. и случайных находок. Отмечено, что основной ареал бытования таких изделий совпадает с территорией распространения памятников сросткинской культуры.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, Бийский музей, предметы торевтики, изображения конных воинов, рентгенофлюоресцентный анализ, сросткинская культура, эпоха Средневековья.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-13

Введение

В экспозиции Бийского краеведческого музея им. В. Бианки (далее – БКМ) на стенде, который посвящен сросткинской культуре, среди других предметов есть две бляхи из цветного металла, изображающие вооруженных всадников. Они, судя по инвентарным книгам, входят в состав археологической коллекции, полученной М.Д. Копытовым при раскопках курганной группы Сростки-I в 1925 г. (рис. 1.-1). На указанные изделия почти сразу же обратили внимание исследователи. Первым прорисовку одной из блях опубликовал М.П. Грязнов [1930, рис. 168]. Затем фотографии двух блях привел в своей работе В.В. Захаров [1935, s. 28, taf. VIII.-4–5]. Чуть позже, со ссылкой на него, переопубликовал находки Н. Феттих [Fettich, 1935, s. 59, tab. XXXI.-4–5]. В дальнейшем эти ранние публикации послужили исходным материалом для последующих демонстраций. Так, рисунок одного такого всадника в таблице по сросткинской культуре дал В.А. Могильников [1981, рис. 27.-49]. В свою очередь, он лег в основу рисунка, использованного Ю.С. Худяковым [1986, с. 198, 201, рис. 93.-4] при характеристике комплекса вооружения кимаков.

Первые прорисовки блях-всадников из памятника Сростки-I были схематичными (рис. 2.-1–2). Не отличались хорошим качеством и фотографии. В отмеченной публикации В.В. Захарова они сильно подсвечены, а в работе Н. Феттиха, хотя и более контрастны (рис. 1.-3–4), но дают лишь самое общее представление об изделиях. Можно обратить внимание на то, что у М.П. Грязнова нарисован верхний всадник из рассмотренных фотоснимков, а у В.А. Могильникова – нижний, но в деталях они в разной степени расходятся с фотографиями (рис. 2).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Рис. 1. Курганная группа Сростки-I: 1 – центральная часть памятника до раскопок в 1925 г. (фото в экспозиции БКМ); 2 – современный вид некоторых археологических объектов. *Фотоснимки А.А. Тишкина*

Сначала указанные обстоятельства, а затем возобновившиеся современные раскопки на памятнике Сростки-I (рис. 1.-2) обозначили необходимость повторного обращения к оригиналам для их более тщательного исследования.

В 1990 и 1995 гг. В.В. Горбунову удалось поработать в БКМ со сросткинскими бляхами-всадниками. Сначала были сделаны «протирки» и прорисовки предметов (рис. 3.-1а, 2а), а затем выяснено их происхождение по музейной документации. Результаты этой деятельности опубликованы [Неверов, Горбунов, 1996, рис. 7.-1, 3; Горбунов, 2003, с. 9, рис. 36.-1–2; Горбунов, 2010, с. 16–17, рис. 1.-1–2] и учитывались другими специалистами, изучавшими подобные изделия [Борисенко, Худяков, 2007, с. 82; Борисенко, Худяков, 2008, с. 44; Король, 2008, с. 127, 131]. В перечисленных изданиях

появились перерисованные изображения сrostкинских всадников [Борисенко, Худяков, 2007, рис. 5.-1-2; Борисенко, Худяков, 2008, рис. 7.-1-2] и более качественные их фотографии [Король, 2008, табл. 13.-15-16].

В 2016 г. работа археологов АлтГУ с коллекцией из памятника Сrostки-I в БКМ была продолжена. Для этого стенд, упомянутый в начале статьи, был изъят из экспозиции и размонтирован. Все имевшиеся там находки детально изучены, а потом возвращены на свое прежнее место. В ходе данного процесса А.А. Тишкиным проведена двухсторонняя цветная фотофиксация блях с всадниками (рис. 4) и осуществлен их рентгенофлюоресцентный анализ, а А.Л. Кунгуровым выполнена зарисовка данных изделий (рис. 3.-1б, 2б). Эти новые результаты с учетом ранее установленных сведений заслуживают анализа и введения в научный оборот.

Материалы и методы исследований

Наиболее подробная опись коллекции из могильника Сrostки-I, составленная С.М. Сергеевым в 1939 г., содержит следующую запись о бляхах с всадниками: «Подвески: всадник на лошади кругом головы нимб» – 3 шт. (№849/7). В старых книгах №1 (1913–1939 гг.) и №2 (1918–1942 гг.) они значатся среди группы из 16 вещей, названной «украшения женщин нагрудные» (книга 1 – №153, книга 2 – №895). По описи, составленной В.Н. Данильченко в 1947 г., эти изделия фигурируют под №2524. В экспозиции БКМ выставлены две подвески, в фондах их нет, поэтому один экземпляр либо со временем утрачен, либо в описях допущена ошибка и блях было только две. Последнюю версию подтверждают ранние публикации фотографий, где отражены лишь два всадника. Косвенно на эту версию указывает и находка в неграбленном детском погребении могильника Кондратьевка-IV именно двух аналогичных блях-всадников [Алехин, 1998, с. 202].

Оба сrostкинских изделия изготовлены в технике литья и представляют собой фигуры всадника верхом на лошади, показанные с левой стороны. Первая подвеска (рис. 3.-1; 4.-1) имеет наибольшую высоту 4 см (от

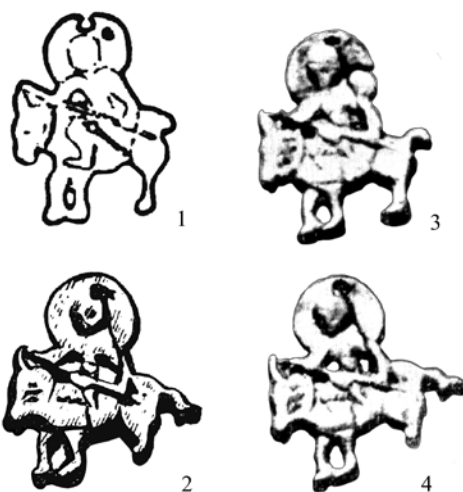

Рис. 2. Изображения блях-всадников из могильника Сrostки-I в ранних публикациях (по: 1 – [Грязнов, 1930, рис. 168], 2 – [Могильников, 1981, рис. 27.-49], 3–4 – [Fettich, 1935, táb. XXXI.-4–5])

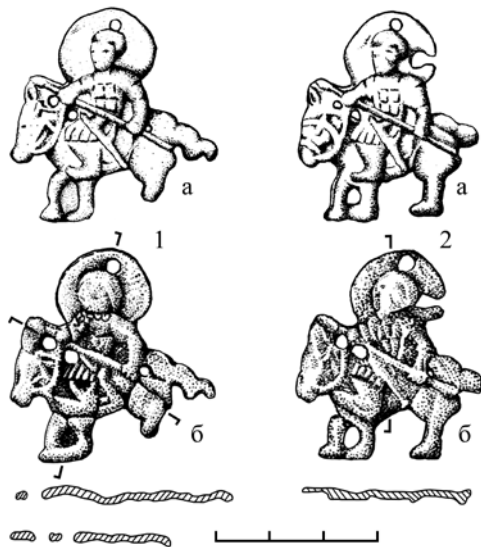

Рис. 3. Бляхи в виде всадников из могильника Сrostки-I. Рисунки В.В. Горбунова (1а и 2а) и А.Л. Кунгурова (1б и 2б)

правой ноги лошади до края щита всадника) и ширину 3,9 см (от морды лошади до хвоста). Ее толщина составляет 0,1–0,2 см. Голова и верхняя часть тела человека развернуты в полупрофиль, а нижняя часть тела и нога показаны в профиль. В обеих руках всадник держит копье с четко выделенным наконечником, направленным вверх. К поясу в наклонном положении рукоятью вперед на двух португейных ремнях подвешен прямой меч. На теле воина просматривается пластинчатый панцирь. Нагрудные пластины более широкие, пластины подола более узкие и закрывающие колено. Различимы также линии от наружных пластин. На голове изображен, вероятно, шлем с короткой бармицей. За плечами воина показан округлый щит, выступающий выше головы. В нем сделано отверстие для подвешивания изделия диаметром 0,3 см. Лошадь изображена в профиль. У нее массивная голова с четко выделенным ухом, две передние ноги и одна задняя, которая не долита, а также волнистый хвост, видимо, заплетенный или завязанный узлом. Ото рта лошади к правой руке человека идет повод, на голове частично различимы уздечные ремни. На боку лошади (за всадником, между ногой и мечом) обозначен чепрак. Фигура имеет три отверстия, образовавшихся в процессе отливки: два округлых более крупных – у правой руки человека и одно более мелкое и неровное – у его левой руки.

Для установления химического состава сплава представленной находки использовался портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель «Альфа-2000», производство США) в комплекте с карманным переносным компьютером (КПК) и испытательным стендом. Исследования проводились непосредственно в БКМ с разрешения главного хранителя музея*.

Сначала тестировалась лицевая сторона бляхи в двух разных местах (голова лошади и центр изделия) без удаления поверхностных окислов. Получены следующие результаты:

– Cu (медь) – 85,51%; Pb (свинец) – 7,91%; Sn (олово) – 6,21%; Fe (железо) – 0,2%; Zn (цинк) – 0,17%;

– Cu – 86,4%; Pb – 7,19%; Sn – 6,24%; Fe – 0,17%.

Затем аналогичным образом исследовалась другая сторона изделия:

– Cu – 87,01%; Pb – 7,32%; Sn – 5,43%; Zn – 0,17%; Fe – 0,08%.

Для получения более объективных показателей небольшой участок оборотной части с изображением щита механически освобождался от загрязнений и окислов. Тестирование осуществлялось в трех разных точках. Зафиксированы следующие поэлементные ряды:

– Cu – 88,42%; Pb – 5,76%; Sn – 5,75%; Fe – 0,07%.

– Cu – 89,42%; Sn – 5,49%; Pb – 5,09%.

– Cu – 87,67%; Pb – 6,61%; Sn – 5,72%.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для отливки бляхи использовался медно-свинцово-оловянный сплав, что сказалось и на цвете изделия (рис. 4.-1).

Вторая бляха (рис. 3.-2; 4.-2) почти полностью аналогична первой, ее наибольшая высота 4 см, ширина 3,4 см, толщина 0,1–0,2 см. У лошади более четко видна узда, задняя нога отлита полностью, а хвост, наоборот, не долит. Щит с правого края имеет выемку от литейного брака. Помимо отверстия для подвешивания на щите диаметром 0,35 см данная фигура имеет четыре литейных отверстия: два крупных неровных у правой руки всадника, одно мелкое щелевидное у его левой руки и одно крупное неровное между передних ног лошади.

Указанным спектрометром проведены аналогичные исследования второй бляхи. Сначала тестировалась поверхность на лицевой и оборотной сторонах без снятия окислов. Получены такие результаты:

* Авторы благодарны Н.И. Заниной за возможность проведения необходимых исследований.

– Cu – 86,77%; Sn – 10,65%; Pb – 2,14%; Fe – 0,07%;
– Cu – 84,91%; Sn – 7,34%; Pb – 2,76%.

Затем осуществлялось механическое удаление окислов на небольшом участке в верхней части изображенного щита с оборотной стороны. В двух разных точках получены схожие показатели:

– Cu – 88,67%; Sn – 8,17%; Pb – 3,17%;
– Cu – 88,56%; Sn – 8,28%; Pb – 3,16%.

Все эти данные свидетельствуют о медно-оловянно-свинцовом сплаве.

Рентгенофлуоресцентный анализ показал небольшое отличие состава двух рассматриваемых блях при одинаковых основных компонентах. По всей видимости, они отливались в разных формах и в разное время, но

по одному исходному образцу. Различия в рецептуре сплавов особо не сказались на цвете изделий. По крайней мере, визуально они одинаковы.

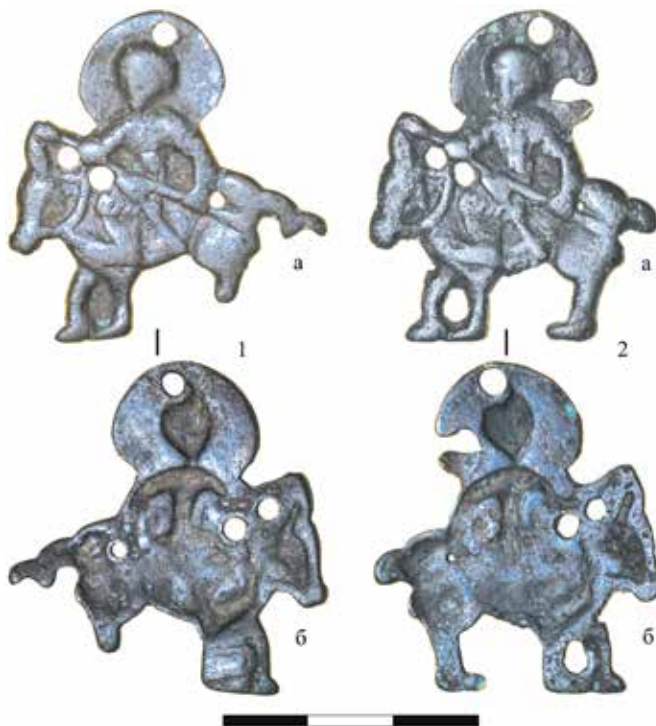

Рис. 4. Бляхи в виде всадников из памятника Сростки-I: 1а и 2а – лицевая сторона, 1б и 2б – тыльная сторона.

Фотоснимки А.А. Тишкина

Обсуждение результатов

К настоящему времени авторам известны семь блях с всадниками-копейщиками, считая сросткинские находки, которые составляют единую морфологическую серию среди произведений малой торевтики [Король, 2008, табл. 13.-11–17]. Самые близкие аналогии публикуемым бляхам происходят из уже упоминавшегося памятника Кондратьевка-IV, где в детском погребении были найдены два всадника-копейщика, входивших в состав ожерелья или головного убора [Алехин, 1998, с. 202, рис. 1.-1–2]. Эти фигурки отличаются более качественной отливкой и мелкие детали на них видны гораздо отчетливей: лица воинов, шлемы и панцири, мечи, головы и узда лошадей, стремена с путлицами (рис. 5.-1–2).

Еще три подвески с такими же конными копейщиками известны из Верхнего Прииртышья (близ г. Семипалатинска и из Аблай-кита (?)) и Минусинской котловины (д. Колмакова (?)) [Отчет Императорской Археологической комиссии..., 1908, с. 76–77, рис. 3; Борисенко, Худяков, 2002, с. 105, рис. 1.-1; Борисенко, Худяков, 2008, с. 47, рис. 5.-2; 6]. Все они являются случайными находками. По стилизации деталей к сросткинским изделиям примыкает бляха из Колмакова (?) (рис. 5.-3). Всадник на предмете из Семипалатинска, судя по опубликованному рисунку, ближе к изделиям из Кондратьевки. На это указывает более детальная проработка панциря и меча, показ гривы у лошади, линия,

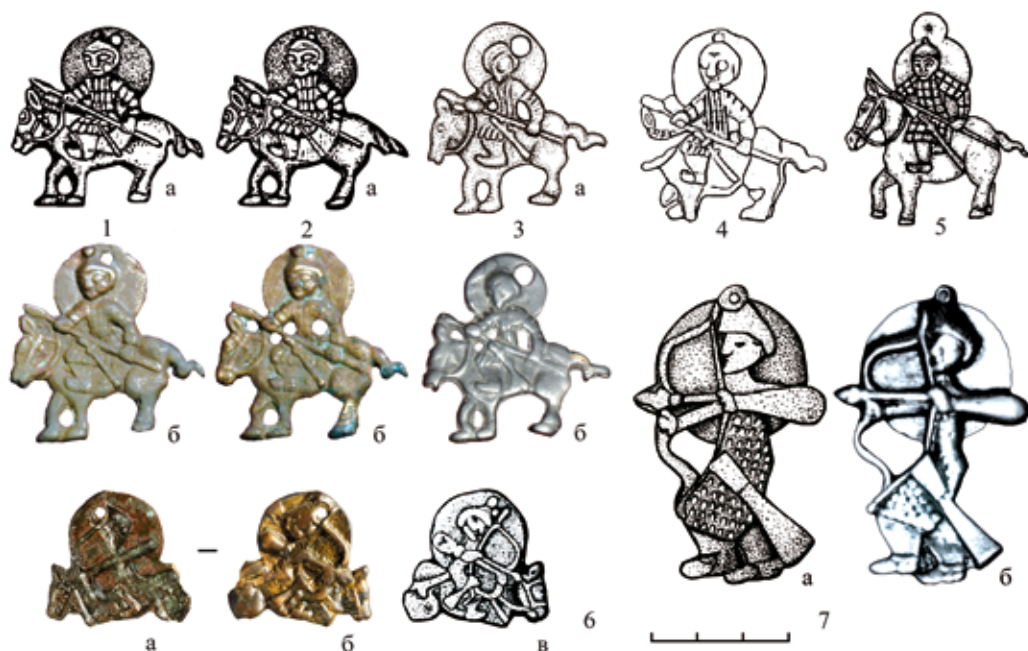

Рис. 5. Бляхи, изображающие воинов со щитами за спиной:

1–2 – Кондратьевка-IV, 3 – Колмаково (?), 4 – Семипалатинск, 5 – Аблай-кит (?),
6 – Гилево-ХII, 7 – Кулундинская волость (по: 1а и 2а – [Алехин, 1998, рис. 1.-1–2];
1б и 2б – фотоснимки Ю.П. Алехина; 3а и 3б – [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 5.-2, 6];
4 – [Отчет Императорской Археологической комиссии..., 1908, рис. 3];
5 – [Борисенко, Худяков, 2002, рис. 1.-1]; 6а и 6б – фотоснимки С.В. Семенова;
6в и 7а – [Горбунов, 2003, рис. 36.-4, 5]; 7б – [Борисенко, Худяков, 2008, рис. 9])

передающая стремя (правда, без путлища). Однако воин имеет крупную голову, шлем на которой лишь угадывается. Голова его лошади и одна ее передняя нога обломаны, а вот задние ноги различимы обе (рис. 5.-4). Всадник из Аблай-кита (?)* имеет наибольшие отличия от остальных. У него детально переданы лицо воина, шлем и панцирь, голова лошади с уздой (но без гривы), стремя без путлища. Видны две задние ноги лошади и две передние, которые не соединяются, как на всех других бляхах, а щит снабжен дополнительным округлым выступом с отверстием для подвешивания (рис. 5.-5).

Стилистически к рассмотренной серии примыкают еще две бляхи из погребений на памятнике Гилево-ХII и в Кулундинской волости [Могильников, 2002, с. 31, рис. 82.-16; Горбунов, 2003, с. 8, 13, рис. 36.-4–5]. Изделие из Гилево-ХII представляет всадника в шлеме, стреляющего из лука, с колчаном на боку и закинутым за спину щитом. У его лошади показана узда с поводом, нагрудный и крупный ремни седла, а ноги и часть крупа с хвостом обломаны (рис. 5.-6). Бляха из Кулундинской волости, весьма крупная, изображает пешего воина, стреляющего из лука, на котором показан панцирь, шлем, колчан и круглый щит, также закинутый за спину (рис. 5.-7).

* Аблайкит (Аблайкет, Аблаинкит) – развалины укрепленного буддийского монастыря джунгарского времени, находятся в современном Уланском районе Восточно-Казахстанской области, в долине небольшой речки, впадающей в Иртыш, немного выше г. Усть-Каменогорска.

Рассматривая функциональное назначение сrostкинских блях, изображающих всадников, и аналогичных им изделий, надо исходить из обязательного наличия у них верхнего отверстия, которое расположено в поле щита (рис. 3–4; 5.-1–6). Только у пешего воина из Кулундинской волости такое отверстие находится не в щите, а в навершии шлема (рис. 5.-7). Эти отверстия, скорее всего, служили для продевания ремешка и подвешивания блях в составе нагрудных украшений (медальонов или ожерелий). Видимо, неслучайно бляхи-всадники из Сrostков упоминаются в старых описях БKM как «украшения ... нагрудные». Наличие на части таких блях других отверстий могло быть использовано и для их нашивания на одежду или головной убор. Последнее, например, предполагается, наряду с ожерельем, для комплекса из Кондратьевки-IV [Алехин, 1998, с. 202].

Данных о половозрастной принадлежности обладателей блях с воинами весьма мало. В старых описях БKM они трактуются как женские. На памятнике Кондратьевка-IV бляхи-всадники найдены в погребении ребенка 2–3 лет, а на археологическом комплексе Гилево-ХII бляха с конным лучником обнаружена в ограбленном захоронении мужчины и ребенка [Алехин, 1998, с. 202; Могильников, 2002, с. 31].

Исследователи, занимающиеся изучением рассматриваемой здесь группы изделий, отмечают, что использование блях-подвесок с изображениями всадников в целом характерно для тюркской культурной традиции VI–VIII вв., которая испытала определенное иранское и более сильное согдийское влияние [Борисенко, Худяков, 2002, с. 113; Борисенко, Худяков, 2007, с. 89–90; Король, 2008, с. 126, 131]. Конкретное происхождение изображений латных воинов с «диском» за спиной связывается с иконографией Восточного Туркестана [Борисенко, Худяков, 2008, с. 51; Король, 2008, с. 131–132]. Так называемый диск трактуется как нимб – символ буддизма, а сами воины объявляются Буддами [Алехин, 1998, с. 202]. Однако на тех же восточно-туркестанских фресках нимб охватывает лишь голову изображаемых фигур [Дьяконова, 1984, рис. 11], тогда как на рассматриваемых бляхах диск опускается на уровень локтей воина и иногда еще ниже, заходя на спину, и в этом плане гораздо предпочтительнее трактовать его как щит [Худяков, 1986, с. 198, 201, рис. 94; Борисенко, Худяков, 2008, с. 46]. Всадники в шлемах и панцирях со щитами, откинутыми за спину на ремне, весьма близкие по иконографии к сrostкинским и другим бляхам, правда, держащие не копыя, а топоры, нарисованы в пещере 11 Шикшина и датированы VIII–IX вв. [Дьяконова, 1984, с. 102–103, 106, рис. 12]. Их щиты расположены аналогично, но немного ниже шлема. На бляхах щиты выступают чуть выше шлема, видимо, с чисто практическими целями: для того, чтобы обеспечить больше места отверстию для подвешивания. Но есть и другие решения, как на образцах из Аблай-кита (?) и Кулундинской волости (рис. 5.-5, 7).

Заключение

В заключение следует отметить, что все бляхи воинов со щитами, происходящие из погребений, найдены на памятниках, которые расположены в ареале сrostкинской культуры (в пределах Лесостепного Алтая). Эти объекты датируются по комплексу инвентаря 2-й половиной VIII – 1-й половиной XI в. н.э. [Горбунов, 2003, табл. IV]. Скорее всего, произведения торевтики, изображающие конных и спешенных воинов со щитами за спиной, служили украшениями костюма и были характерны именно для сrostкинской традиции. Нахождение отдельных таких блях за пределами ареала памятников сrostкинской культуры (у кимаков и кыргызов) является еще одним проявлением активных контактов между соседними объединениями номадов на юге Западной Сибири, северо-западе Центральной Азии и северо-востоке Средней Азии.

Библиографический список

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 201–203.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 102–115.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Типология бронзовых бляшек с изображением всадников и лошадей на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2007. Вып. 6. С. 75–98.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изображения воинов на торевтике тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №4 (36). С. 43–53.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сростки-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул : Азбука, 2010. С. 16–19.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири / Общество изучения Сибири. Новосибирск : Сов. Сибирь, 1930. Вып. 2. 12 с.

Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М. : Наука, 1984. С. 97–107, 215–218.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 45–46.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1905 г. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1908. 159 с. : 6 табл. 163 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

Zakharov A.A. Beiträge zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit // A.A. Zakharov and W.W. Arendt. Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologica Hungarica, XVI. Budapest, 1935. S. 6–47.

Fettich N. Honfoglaló Magyarország Fémművészége. Archaeologia Hungarica, XXI. Budapest, 1935. 121 s., 118 táb.

References

Alekhin Yu.P. Kurgan kimakskoj znati na Rudnom Altae [The Mound of the Kimak Nobility in the Ore Altai]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Issue IX. Pp. 201–203.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Izuchenie srednevekovykh bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov v Yuzhnoj Sibiri [Study of Medieval Bronze Plaques Depicting Horsemen in Southern Siberia]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Tret'i nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina [Actual Problems of the History of Siberia. The Third Scientific Reading in Memory of Professor A.P. Borodavkin]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 102–115.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Tipologiya bronzovykh blyashek s izobrazheniem vsadnikov i loshadej na torevtike tyurkskih kochevnikov Central'noj Azii rannego srednevekov'ya [Typology of Bronze Plaques Depicting Horsemen and Horses on Toreutics of Turkic Nomads of Central Asia of the Early Middle Ages]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoj Sibiri [Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altajsk : GAGU, 2007. Issue 6. Pp. 75–98.

Borisenko A. Yu., Hudyakov Yu.S. Izobrazheniya voinov na torevtike tyurkskih kochevnikov Central'noj Azii rannego srednevekov'ya [Warriors' Images on Toreutics of the Turkic Nomads of Central

Asia of the Early Middle Ages]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2008. №4 (36). Pp. 43–53.

Gorbunov V.V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I: Oboronitel'noe vooruzhenie (dospek)* [Military Affairs of the Altai Population in the 3rd – 14th Centuries. Part I: Defensive Armament (armor)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p.

Gorbunov V.V. *Antropomorfnye podveski iz mogil'nika Srostki-I* [Anthropomorphic Pendants from the Srostki-I Burial Ground] *Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii* [Torevtics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 16–19.

Gryaznov M.P. *Drevnie kul'tury Altaya* [Ancient Cultures of Altai]. *Materialy po izucheniyu Sibiri / Obshchestvo izucheniya Sibiri* [Materials on the Study of Siberia / Society for the Study of Siberia]. Novosibirsk : Sov. Sibir', 1930. Issue 2. 12 p.

D'yakonova N.V. *Osada Kushinagary* [Siege of Kushinagary]. *Vostochnyj Turkestan i Srednyaya Aziya* [East Turkestan and Central Asia]. M. : Nauka, 1984. Pp. 97–107, 215–218.

Korol' G.G. *Iskusstvo srednevekovyh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. M. ; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 p.

Mogil'nikov V.A. *Srostkinskaya kul'tura* [Srostkinskaya Culture]. *Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. M. : Nauka, 1981. Pp. 45–46.

Mogil'nikov V.A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorij Altaya v IX–XI vekah* [Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th – 11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 p.

Neverov S.V., Gorbunov V.V. *Kurgannyj mogil'nik srostkinskoj kul'tury Shadrincevo-I* [Kurgan Burial Ground of the Srostkinskaya Culture of Shadrincevo-1]. *Arheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri* [Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. Pp. 163–191.

Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoy komissii za 1905 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1905]. SPb. : Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1908. 159 s. : 6 tabl. 163 p.

Hudyakov Yu.S. *Vooruzhenie srednevekovyh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii* [Armament of Medieval Nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 268 p.

Zakharov A.A. *Beiträge zur Frage der türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit*. In: A.A. Zakharov and W.W. Arendt. *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologica Hungarica, XVI*. Budapest, 1935. S. 6–47.

Fettich N. *Honfoglaló Magayrság Féművessége*. *Archaeologia Hungarica, XXI*. Budapest, 1935. 121 s., 118 táb.

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

METAL PLATES IN THE FORM OF WARRIORS-RIDERS FROM THE SROSTYKI-I SITE: HISTORY OF RESEARCH, NEW INFORMATION AND X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS

The article presents the results of the study of two metal plates of the early Middle Ages, depicting armed riders. The finds are stored in the Bianki Biysk Museum of Local Lore (Altai Territory, Russia). They were discovered by M.D. Kopytov during the excavation in 1925 of one of the mounds on the well-known site Srostki-I. The paper presents the history of publications of these original artifacts gives the description of their shape, design and dimensions. Detailed consideration is given to the image of riders and horses, weapons and equipment. Graphic drawings and photographs of museum exhibits are submitted. The analysis is given to the results of chemical analysis of the products obtained with the use of a portable X-ray fluorescence spectrometer. The circle of analogies is outlined with the horsemen-riders that were published in detail in the materials of archaeological complexes of the 8th – 9th centuries and random finds. It is noted that the main area of existence of such products coincides with the territory of distribution of the Srostki culture sites.

Key words: forest-steppe Altai, Biysk Museum, toreutics, horse warriors images, X-ray fluorescence analysis, Srostkinskaya culture, Middle Ages era.

Liangren Zhang¹, Alexey A. Tishkin²

¹Nanjing University, Nanjing, China;

²Altai State University, Barnaul, Russia

THE THIRD INTERNATIONAL CONFERENCE “ARCHAEOLOGY AND CONSERVATION ALONG THE SILK ROAD”

In November 2018, the International Conference “Archaeology and Conservation along the Silk Road” was held for the third time at the city of Tabriz (East Azerbaijan, Iran). More than 80 scholars from Iran, China, Austria, Germany, and Russia brought to the conference 52 oral and poster presentations which cover a broad array of topics, including Islamic bridge-caravanserai in Iran, the collection of blue-white porcelain at the Ardebil Shrine, Sino-Iranian cultural contact in medieval period, early nomadic cultures in the Altai region, and the burial behaviors at Ephesos. Abstracts of the reports were published and distributed in print and electronic forms, along with other materials prepared by the organizers of the conference. This article highlights the contents of some presentations, and some results of the first two conferences held in 2014 and 2016 in China. The main purpose of these activities is to unite the efforts of archaeologists and conservators to preserve and promote cultural heritage, which has been found and is being studied and restored in the territory of the Great Silk Road in different countries of Eurasia. It is hoped that this multinational and multidisciplinary conference will be carried on in the future.

Key words: international conference, Great Silk Road, Archaeology, conservation, cultural heritage.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-14

Introduction

The third international conference “Archaeology and Restoration along the Silk Road” was held on 14–15 November, 2018, at the city of Tabriz, East Azerbaijan Province, Iran (fig. 1). Tabriz was once a capital city of the Ikhanid Empire, and an important transit station of the Silk Road. Although repeatedly wrecked by earthquakes, it retains a number of historical monuments, among which the Grand Bazar has been enlisted as a World Cultural Heritage. The organizers purposefully selected an ancient caravanserai Yaam (fig. 2), which was restored and turned into a hotel, 40 km away from Tabriz, as the venue. Over 80 archaeologists and conservators from Iran, China, Austria, Germany, and Russia participated in this conference (fig. 3).

The international conference “Archaeology and Conservation along the Silk Road” is a series of events that is held every other year in the Silk Road countries. It was first held in 2014 at Northwest University at Xi’an, China under the auspice of the former chairperson Brigitte Winklehner of the Eurasia-Pacific Uninet, a network of universities of Europe and Asia founded and funded by the Austrian Ministry of Science and Education for the purpose of fostering cooperation among them. Over sixty archaeologists and conservators from China, Austria, Germany, Russia, and India were invited to participate in the conference for the purpose of breaking the political and disciplinary barriers and promoting international collaboration. In 2016, the second conference was held at Nanjing University at Nanjing, China, in the same manner, attracting over 70 scholars and students from China, Austria, Russia, Iran, Germany, United Kingdoms, Italy, Switzerland, United States, and Australia. The proceedings of the conference were published in Austria. At the end of the event, Dr. Hamideh Choubak, director of the Iranian Center for Archaeological Research (ICAR), ex-

Fig. 1. The Opening Ceremony of the Third International Conference “Archaeology and Conservation along the Silk Road” (2018)

Рис. 1. Открытие Третьей Международной научной конференции «Археология и консервация на Шелковом пути» (2018 г.)

Fig. 2. The venue of the conference (restored Yaam caravanserai)

Рис. 2. Место проведения конференции (отреставрированный караван-сарай Яам)

Fig. 3. Conference participants in the plenary session
Рис. 3. Участники конференции на пленарном заседании

pressed the intention of holding the third conference in Iran. The founders of the conference Prof. Liangren Zhang and Prof. Gabriela Krist accepted her request so as to increase the academic contact with Iranian institutions.

The Results of the Conference

The conference opened with a grand ceremony, when Mr. Morteza Abdar, General Director of Cultural Heritage, Handicrafts, and Tourism of East Azerbaijan Province, and Mr. Majid Khodabakhsh, Governor of the province, presented an overview of the achievements in the fields of tourism, cultural heritage, and archaeology of the province. Prof. Liangren Zhang called for attention of the world academic community to the importance of Iran, which is located between East Asia and the Mediterranean World, the Eurasian steppe and the Indian Subcontinent, and played a crucial role in ancient Silk Road. Unfortunately, up to date the archaeology and conservation of this country has not been well represented in international conferences.

Among the 52 papers that the organizers had received, 26 were presented (fig. 4). In general, the presentations increased our knowledge of the Silk Road. Foreign cultural elements found in southern China have been conventionally regarded as transported through the maritime Silk Road. Prof. Meitian Li from People's University of China collected medieval images of whirling dance on bricks from the Xiangyang region in Hubei Province and on porcelains of the Tongguan Kiln in Hunan Province, which unveils the previously unknown movement of the Sogdians into the middle Yangtze River along the Han River. Regarding the Sino-Iranian cultural interaction during the Western Han Dynasty, little was known in the past. Dr. Jie Yin from Nanjing University garnered petal-shaped silver and copper boxes from the Shizhaishan cemetery in Yunnan Province, the Royal Tomb of the Southern Yue

Fig. 4. Presentations by some speakers
Рис. 4. Выступления некоторых докладчиков

state in Guangzhou City, and the Princely Tomb of the Jiangdu Princedom in Jiangsu Province. Although they are formally analogous to those of the Achaemenid period in Iran, they may have entered China in the Parthian period. Jade industry was prominent in the Shang and Zhou periods, and a major source of jadeite materials was thought to be Khotan. However, in the recent decade, Dr. Guoke Chen has been investigating a number of jadeite mines in the Hexi Corridor. At this conference he presented materials of the Hanxia Site, and suggested that the ancient miners may have been the Indo-Scythians and the raw materials they produced may have been transmitted to the urban centers of the Shang and Zhou Dynasties.

European scholars have long been active in the archaeology and conservation in the domain of the Silk Road. Prof. Tishkin and Prof. Seregin from Altai State University (Russia) have been working in the Altai area, a part of the steppe Silk Road. In much of the history, the Altai area was a periphery of nomadic empires. Prof. Tishkin reported imported goods of various periods. In tombs of the Pazyryk Culture there have been discovered mirrors, silk, and lacquer wares from China and carpets from Persia; in the subsequent periods, the Xiongnu and Rouran empires extended their power to this area, bringing leather belts, gold plaques, and garments. Prof. Seregin presented imported goods of the Turkish and Mongolian periods, among which there are mirrors and coins from China, and other goods from the West. Dr. Martin Steskal, who has been working at Ephesus in southwestern Turkey, a harbor city

of the Hellenic and Roman times linking up the Mediterranean world and Asia, discussed the two types of interment, inhumation and cremation, in this city, and against the common assumption, they were personal choices rather than religious or political mandates. Ms. Birgit A. Schmidt has been working on the restoration and display of the frescos cut from Buddhist caves in Xinjiang in the early twentieth century, of which a major part was devastated during World War II and the remaining part is now in the Museum for Asian Arts (Berlin). She reported the virtual reconstruction of the caves and the frescoes.

In the international conferences under the umbrella of the “Silk Road”, archaeology and conservation of Iran have been under-represented. The purpose of holding the conference at Tabriz, an ancient city on the Silk Road, is partly to change the status quo. And the presentations served that purpose well, providing much fresh knowledge to the international audience. Prof. Zhang and his Iranian partner Ali Vahdati, who have been excavating Tepe Naderi in Northern Khorasan Province, reported their discovery of Bronze Age painted pottery of the Central Asian style and blue-white porcelain of the Chinese style, which speak eloquently out the cultural outreach of Northern Khorasan Province. Prof. Haede Laleh from University of Tehran described a Nishapur-centered craft production and trade network, which extended to as far as Herat in Afghanistan, Kopet Dag Mountains, and the salt desert in the Central Plateau. Grains and crafts turned out to be circulated within and without the region. Behruz Omrani from the Research Institute for Cultural Heritage and Tourism (RICHT) spoke about the Royal Road, which was built by Darius I to connect Susa and Sardis 300 years before the opening of the Silk Road. The road was later extended to link up Mesopotamia, Indus River, and North Africa, and Alexander the Great trekked it to conquer the Achaemenid Empire.

Other Iranian scholars brought Silk Road architectures to the conference. Mr. Amin Moradi from the RICHT examined tall buildings (Tower-shaped mosques and tombs) of the Seljuk period (1037–1194), which he thought to be inherited by Ilkhanid-period structures with some adjustments. Ms. Mahnaz Ashrafi from the same institute studied the Anbooh and Manjil bridges of the Safavid and Ghajar periods on the Qazvin-Gilan Freeway, a section of the Silk Road. The topography along the way is so rugged that bridges are indispensable. What is interesting here is that some bridges assumed the function of caravanserai over time: storage facilities and horse stables were affixed to them so that merchants could stay overnight. Meysam Labbaf-Khaniki presented the archaeological discoveries of the castle of the Sarakhs Plain, which is located along the Silk Road between Iran and Turkmenistan. In history it was the entry into Khorasan not only for merchants and monks, but also for nomadic invaders. For security’s sake, wall and castle were built upon the ridge in the 9th–10th centuries. In the Sasanian period (224–651), chahartaq was a type of architecture typical for fire temples, but it sometimes concurred with castles at mountain passes along the Silk Road. Alireza Shahmohammadpour offered an example of Baze Hur, where a castle and a chahartaq were built on the two ridges of a pass.

At the conference, the collection of Chinese blue-white porcelains in Iran was a prominent topic. In the Yuan and Ming Dynasties, Chinese porcelain was hot merchandise in the Islamic world. This is what we have known; what we do not know is that rulers of several states built Chini-khana (house of China) to display their collections of Chinese porcelains. According to Yushen Yu, a PhD candidate from Heidelberg University, chini-khana was built in the cities of Samarkand, Herat, and Isfahan, but the one in Ardebil turns out to be the ear-

liest extant one. In the account of Fakhri Daneshpour Parvar, the collection of the Ardebil Shrine was built up in the Ilkhanid, Timurid (1370–1507), and Safavid (1501–1736) periods; altogether 1162 pieces of green celadon, five-color, and blue-white porcelains were stored here. A part of them was damaged in wars and invasions; the remaining ones were displayed in the niches in the walls of the shrine. In an earthquake many of them were crashed. Of the remaining ones, most were moved to the National Museum; only 71 pieces were left behind, and some of them bear the reign marks of the Ming and Qing Dynasties, such as Wanli, Hongzhi, Zhengde, and Kangxi.

On 16 November, the conference was invited to visit Tabriz Islamic Arts University (fig. 5). Rather modest in size, it has only six departments, but it has department of archaeology and conservation and six conservation labs, which deal with frescoes and oil painting. Iran is home to innumerable tepes and cultural objects, which are overwhelming for the limited conservation facilities. After the tour, the department delivered five lectures. Christian H. Fuchs from German Archaeology Institute had been working with the department in excavating and conserving the Ilkhanid city of Rashidiyya. Located to the northeast of the modern city of Tabriz, it was built in 1340 as an academic center. The German-Iranian joint expedition employed multiple techniques to investigate the Tower in the south of the site. At Ojan, the summer capital of the Ilkhanate, Rahim Velayati from the university carried out a systematic survey, discovering a caravanserai, and a section of the Silk Road. During this period, the technique of making glazed bricks was developed, and the new techniques of inlaying and underglaze brick were employed. As artisans traveled, these techniques were disseminated to various corners; and their names were marked on the buildings in Khorasan, Minor Asia, and Central Asia.

Fig. 5. Conference participants on an excursion at the university's art gallery (Tabriz)
Рис. 5. Участники конференции на экскурсии в художественной галерее университета (г. Тебриз)

Conclusion

As the first two events, the third conference was again a great success, with the scholars in the fields of archaeology, conservation, and art history from multiple countries, who shared a lot of new knowledge among the participants of the ancient Silk Road. It is important to continue the traditions already established by previous conferences and to expand the circle of participants from different countries. The next conference is planned to be held in 2020 in Russia.

Л. Чжан¹, А.А. Тишкин²

¹Нанкинский университет, Нанкин, Китай;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И КОНСЕРВАЦИЯ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ»

В ноябре 2018 г. уже в третий раз состоялась Международная конференция «Археология и консервация на Шелковом пути». Она проходила в городе Тебризе (Восточный Азербайджан, Иран) и собрала более 80 ученых из Ирана, Китая, Австрии, Германии и России. Программа конференции включала темы 52 запланированных докладов. Одним из обозначенных направлений являлось представление древних и средневековых импортных изделий, попавших в разные регионы Евразии. Особенно это касалось коллекций китайского сине-белого фарфора в Иране. Тезисы сообщений были изданы и распространялись в печатном и электронном виде вместе с другими материалами, подготовленными организаторами форума. В данной статье отмечено содержание некоторых презентаций, а также кратко представлены результаты аналогичных конференций, состоявшихся в 2014 и 2016 гг. в Китае. Основная цель проведения указанных мероприятий заключается в объединении усилий археологов и реставраторов по сохранению и популяризации культурного наследия, которое выявлено, изучается и восстанавливается на территории Великого Шелкового пути в разных странах Евразии. Стоит надеяться, что сформировавшиеся традиции будут реализовываться и в дальнейшем.

Ключевые слова: Международная конференция, Великий Шелковый путь, археология, консервация, культурное наследие.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АО – Археологические открытия.
БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт (университет).
БНЦ – Бурятский научный центр.
БЮИ – Барнаульский юридический институт.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ДГУ – Днепропетровский государственный университет.
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет.
ЗИРАО – Записки Императорского Русского археологического общества.
ИА АН РУз – Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
Изв. КОРГО – Известия Красноярского отдела Русского географического общества.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИРАО – Императорской российское археологическое общество.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КарГУ – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова.
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
КОРГО – Красноярское отделение Русского Географического общества.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого.
МВД – Министерство внутренних дел.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
НАЭ – Новосибирская археологическая экспедиция.
НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт.
НПЦ – Научно-производственный центр.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РАН – Российская академия наук.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СО – Сибирское отделение.
ТГУ – Томский государственный университет.
Тип. ИАН – Типография Императорской Академии наук.
ТНЦ – Томский научный центр.
ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет.
УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт.
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Михаил Тимофеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Алтайского государственного университета (до 2009 г.) и НПЦ «Наследие» (до 2009 г.).

Abdulganeev Mikhail Timofeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Altai State University (until 2009) and Scientific and Production Center "Heritage" (until 2009).

Автушкова Александра Леонидовна, старший научный сотрудник службы Главного хранителя фондов Новосибирского государственного краеведческого музея; 630088, Новосибирск, ул. Виктора Уса, 11, кв. 446; alinanet@ngs.ru

Avtushkova Alexandra Leonidovna, Senior Researcher, Chief Guardian of the Novosibirsk State Local History Museum; 630088, Novosibirsk, ul. Victor Usa, 11, apt. 446; alinanet@ngs.ru

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель научной группы по этноархеологическим исследованиям Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук; 626152, Тюменская область, Тобольск, ул. академика Юрия Осипова, д. 15; profi1204@yandex.ru

Adamov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Scientific Group on Ethnoarchaeological Studies of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 626152, Tyumen region, Tobolsk, ul. Academician Yury Osipov, 15; profi1204@yandex.ru

Анойкин Антон Александрович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; anui1@yandex.ru

Anoykin Anton Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; anui1@yandex.ru

Виноградов Дмитрий Александрович, младший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета; 660041, Красноярский край, Красноярск, пр. Свободный, 82а; vindim0408@mail.ru

Vinogradov Dmitry Aleksandrovich, Junior Researcher, Laboratory of Archaeology, Ethnography and History of Siberia, Siberian Federal University; 660041, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 82a; vindim0408@mail.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Gorbunov Vadim Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of the Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, room. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Дмитриев Евгений Анатольевич, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; yevgenii1992@mail.ru

Dmitriev Evgeny Anatol'evich, Master of Arts, Junior Researcher, Saryarka Archaeological Institute at the Academician E.A. Buketov KarSU; 100028, Kazakhstan, Karaganda, University, 28; yevgenii1992@mail.ru

Зоткина Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; lidiazotkina@gmail.com

Zotkina Lidia Victorovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; lidiazotkina@gmail.com

Ковалевский Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; 650065, Кемерово, ул. Весенняя, 28; koval71@mail.ru

Kovalevsky Sergey Alekseevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Social Sciences of Kuzbass State Technical University Gorbachev; 650065, Kemerovo, ul. Spring, 28; koval71@mail.ru

Когай Сергей Александрович, кандидат исторических наук, инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета; 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; kogai@irkutsk.ru

Kogai Sergey Aleksandrovich, Ph.D. (Hist.), Research Engineer, Baikal Region Research and Development Center, Irkutsk State University; 664003, Irkutsk, ul. K. Marx, 1; kogai@irkutsk.ru

Кот Маргоржата, PhD, старший исследователь Института археологии Варшавского университета; Nowy Swiat 69, 00-046 Warszawa, Poland; m.kot@uw.edu.pl

Kot Margorojata, PhD, Senior Researcher at the Institute of Archaeology, University of Warsaw; Nowy Swiat 69, 00-046 Warszawa, Poland; m.kot@uw.edu.pl

Кукушкин Алексей Игоревич, докторант кафедры археологии, этнологии и отечественной истории КарГУ им. академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; tatarlandia@mail.ru

Alexey Igorevich Kukushkin, doctoral student, Department of Archaeology, Ethnology and National History of the Academician E.A. Buketov KarSU; 100028, Kazakhstan, Karaganda, University, 28; tatarlandia@mail.ru

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; sai@ksu.kz

Kukushkin Igor Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Saryarka Archaeological Institute at the Academician E.A. Buketova KarSU; 100028, Kazakhstan, Karaganda, University, 28; sai@ksu.kz

Кулик Наталья Артемовна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; kulik@archaeology.nsc.ru

Kulik Natalya Artemovna, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; kulik@archaeology.nsc.ru

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова; 100028, Республика Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; lvg7@yandex.ru

Loman Valery Grigor'evich, Candidate of Historical Sciences, Director of the Saryarka Archaeological Institute of E.A. Buketov Karaganda State University; 100028, Republic of Kazakhstan, Karaganda, st. University, 28; lvg7@yandex.ru

Мерц Илья Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана Павлодарского государственного

ного университета им. С. Торайгырова; 140008, Казахстан, Павлодар, ул. Ломова, 64, каб. 102; barnaulkz@mail.ru

Merts Ilya Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of O.H. Margulan Center for Archaeological Research., S. Toraigrov Pavlodar State University; 140008, Pavlodar, Lomov str., 64, room. 102; barnaulkz@mail.ru

Павленок Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; lukianovagalina@yandex.ru

Pavlenok Galina Dmitrievna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Stone Age Archaeology Department of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; lukianovagalina@yandex.ru

Павленок Константин Константинович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; pavlenok-k@yandex.ru

Pavlenok Konstantin Konstantinovich, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; pavlenok-k@yandex.ru

Поляков Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18a; poliakov@yandex.ru

Polyakov Andrey Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); 191186, St. Petersburg, Palace Embankment, 18a; poliakov@yandex.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nikolay-seregin@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61; nikolay-seregin@mail.ru

Серовец Галина Витальевна, студент Гуманитарного института Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1; galyaserovets@gmail.com

Serovets Galina Vital'evna, Student of the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University; 630090, Novosibirsk, ul. Pirogov, 1; galyaserovets@gmail.com

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; nstepanova10@mail.ru

Stepanova Nadezhda Fedorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Interdisciplinary Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University; Senior Researcher at the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61; nstepanova10@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Tabarev Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; olmec@yandex.ru

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; tv1960@mail.ru

Tashak Vasily Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS; 670047, Ulan-Ude, ul. Sakhyanova, 6; tv1960@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Tishkin Alexey Alexsevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Chief Researcher of the Laboratory of Interdisciplinary Archaeology of Western Siberia and Altai Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, room. 211; tishkin210@mail.ru

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, инженер Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61; olunka.p@mail.ru

Fedoruk Olga Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Engineer at Altai State University; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61; olunka.p@mail.ru

Хужиназаров Мухиддин, кандидат исторических наук, Институт археологических исследований Академии наук Республики Узбекистан; Узбекистан, 703051, Самарканд, ул. Абдуллаева, 3; sarmish@mail.ru

Khuzhinazarov Muhiddin, Ph.D. (Hist.), Institute of Archaeological Research, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Uzbekistan, 703051, Samarkand, st. Abdulloyev, 3; sarmish@mail.ru

Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор Нанкинского университета Китая; Китайская Народная Республика, г. Нанкин, 22 Ханкоу улица, район Гулуа; zhlr@nju.edu.cn

Zhang Liangren, Ph.D., professor at Nanjing University of China; People's Republic of China, Nanjing, 22 Hankou Street, Gulua district; zhlr@nju.edu.cn

Шалагина Алена Владимировна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; aliona.shalagina@yandex.ru

Shalagina Alena Vladimirovna, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 630090, Novosibirsk, pr. Academician Lavrentiev, 17; aliona.shalagina@yandex.ru

Шимчак Карол, профессор Института археологии Варшавского университета; Nowy Swiat 69, 00-046 Warszawa, Poland; karolszymczak@op.pl

Shimczak Karol, Professor of the Institute of Archaeology of the University of Warsaw; Nowy Swiat 69, 00-046 Warszawa, Poland; karolszymczak@op.pl

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (26) • 2019

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Россинская

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 07.06.2019. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ 316.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 13.06.2019.